

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА В БАРНАУЛЕ

ФГБОУ ВО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ АЛТАЯ

Сборник научных статей

Барнаул
Издательство «Пять Плюс»
2017

**УДК 94(571.1)(08)
ББК 63.3(253.37)я43
А 437**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук **В.А. Скубневский** – ответственный редактор;
доктор исторических наук **Е.В. Демчик** – ответственный редактор;
кандидат исторических наук **К.А. Пожарская;**
Д.С. Бобров

А 437 Актуальные вопросы истории Алтая: сборник научных статей / под ред. В.А. Скубневского, Е.В. Демчик. – Барнаул: Изд-во «Пять Плюс», 2017. – 278 с.

ISBN 978-5-6040289-2-6

* Издание подготовлено при совместной финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации гранта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (проект № 17-11-22006).

Сборник включает статьи участников Всероссийской научной конференции «Актуальные вопросы истории Алтая», посвященной 80-летию образования Алтайского края. Рассматриваются актуальные вопросы истории Алтая и сопредельных территорий в период XVIII – начала XXI в.: построение и эволюция административной вертикали, взаимоотношения власти и общества, экономическое развитие и демографическая ситуация в регионе, сохранность и проблемы использования культурного наследия. Издание адресовано историкам, специалистам-гуманитариев широкого профиля, преподавателям и студентам вузов, а также всем, интересующимся историей Алтая и Сибири.

**УДК 94(571.1)(08)
ББК 63.3(253.37)я43
А 437**

ISBN 978-5-6040289-2-6

9 785604 028926

© Авторы статей, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АЛТАЙ В СИСТЕМЕ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Бобров Д.С., Жаманбаева Л.К. Нижние уровни системы управления Верхним Обь-Иртышем (Алтаем) в первой половине XVIII в.	7
Румянцев П.П. Губернатор под следствием: дело томского гражданского губернатора Н.А. Шленева	12
Храмков А.А. Быть приверженцем модернизационной теории: крест современных историков	17
Кухаренко А.Е. К вопросу о феодальных «пережитках»	21
Васильев А.А. Становление и развитие нотариата в Алтайском крае	27

АЛТАЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.: ОТ РЕВОЛЮЦИЙ К РЕФОРМАМ

Разгон В.Н. Российская революция 1917 г.: современные подходы к изучению	32
Афанасьев П.А. Революционные события на Алтае: общественные настроения и гражданское противостояние	40
Афанасьев П.А., Калашников А.А. «Алтайские инквизиторы»: самосуд в среде алтайского крестьянства в 1917 г.	49
Гордеев А.Г. Организация местной власти в Алтайской губернии после Февральской революции	54
Казьмина М.В. Изменения в составе сельских советов Кузнецкого округа по итогам выборов второй половины 1920-х гг.	59
Литвинова О.А. Педагогическое новаторство на Алтае в 1920-е гг.	64
Разгон В.Н. Приписка кулацкого происхождения в следственных делах репрессивной операции на основе приказа НКВД № 00447: микроисторическое исследование (на материалах Солтонского района Алтайского края)	70
Ростов Н.Д. Алтай в Великой Отечественной войне: цена Победы	75
Бойко В.С. Социально-профессиональная мобильность и политическая ориентация корейцев Западной Сибири в первой половине XX в.	82
Генина Е.С. Идеологические кампании в Алтайском крае 1946–1953 гг. (современная отечественная историография проблемы)	89

Коробкова Н.П. Особенности общественно-политической жизни на Алтае в 1953–1964 гг.	93
Гостюшева Е.М. Государственная власть и судьба протестантских конфессий на территории Алтайского края (на примере последователей Менно Симонс (меннониты))	99
Дворянчикова Н.С. Функции и задачи уполномоченных совета по делам религий в 1964–1982 гг. (на примере Алтайского края)	104
Шашкова Я.Ю. Партийная система Алтайского края в 1990–2010-е гг.: генезис, основные характеристики, тенденции развития	109

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АЛТАЯ

Бочарова Т.А. Оценка деятельности Томского отделения Государственного банка в 1860–1890-х гг.	114
Андреева Т.И. Частные железные дороги Алтая – связующее звено в концепции железнодорожного сообщения Сибири и Туркестана в начале XX в.	118
Тяпкин М.О. Проект Лесного устава 1913 г: вопросы совершенствования лесного законодательства Российской империи	122
Еремин И.А. Состояние промышленности Алтайского округа в годы Первой мировой войны	126
Скубневский В.А. Бюджет Барнаула в годы Великой Отечественной войны	131
Прибылкова К.П. Принудительные способы воздействия на трудовое поведение рабочих кадров в промышленности Алтайского края в 1940-х – первой половине 1950-х гг.	136
Демчик Е.В., Граникова Г.А. Структура потребительских расходов населения Алтайского края в 1960-е – начале 1980-х гг.	141
Курсакова Е.Н. Экономика Алтайского края в 1990–2010-е гг.	146

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ АЛТАЯ

Щетинина А.С. Новая историческая демография и историческая демография Алтая	152
Чекрыжова О.И. Реконструкция инфраструктуры городов Сибири по визуальным источникам	156
Владимиров В.Н., Неженцева Н.В. Архивные источники по изучению инфраструктуры городов Алтая (XIX – начала XX в.)	159
Сарафанов Д.Е., Кольдаков Д.В. Вопросы смертности населения Барнаула во второй половине XIX – начале XX в.	163

Неженцева Н.В. Социально-демографические особенности провинциальных сибирских городов в конце XIX в. (на примере г. Ялуторовска)	168
Гончаров Ю.М. Немецкая семья в городах Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.	171
Брюханова Е.А., Иванова Н.П. Разработка информационной системы по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: к постановке проблемы	173

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ АЛТАЯ

Бытко С.С. Особенности устройства рукописных урало-сибирских кириллических сборников (на примере экземпляра второй половины XIX в.)	178
Колокольцева Н.Ю., Аубакирова Ж.С. Советская историография источников личного происхождения по истории сибирского купечества второй половины XIX – начала XX в.	183
Пожарская К.А., Ражепаева Ф.З. Труды ученых рубежа XIX–XX в. как основа для историко-экологических исследований (на примере изучения Куулундинской степи Алтайского округа)	189
Карпенко Е.А. Переписка лесовода К.П. Перетолчина с ботаником И.П. Бородиным (начало XX в.)	194
Климова О.Г. Вклад сибирского историка и краеведа А.А. Жирова в изучение истории предпринимательства в дореволюционной Сибири	198
Никулина И.Н. Польская политическая ссылка XIX в. на Алтае в трудах исследователей второй половины XX в.	204

СОХРАННОСТЬ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЯ

Валькова К.В. Народническая серия картин В.Е. Маковского	207
Дегтярев Д.С. Выявление и изучение памятников промышленной истории Барнаула конца XIX – начала XX в.	212
Почеревин Е.В. Строительство и содержание помещений сельских лечебниц Алтайского округа в начале XX в.	217
Тишкina К.А. Оказание помощи пострадавшим от пожара 1917 г. барнаульцам	221
Супонина Л.С. Музейные коллекции как источник по истории Алтайского округа в годы Первой мировой войны	226

Юсупова Е.Р. Фотоколлекция Алтайского государственного краеведческого музея как источник по истории Великой русской революции и Гражданской войны на Алтае 1917–1922 гг.	230
Гребенникова Т.Г. Новогодние и рождественские открытки в собрании Алтайского государственного краеведческого музея	235
Меньков С.В. Становление советской праздничной системы на Алтае в 1920–1930-е гг.	237
Беневаленская Е.Н. Библиотечное краеведение в социокультурном ландшафте Алтая второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг.	242
Петренко М.С. Образ алтайской деревни начала 1970-х гг. в фильме В.М. Шукшина «Печки-лавочки» и в сознании местных жителей	246
Степанова О.В. Становление системы санитарного надзора в сфере промышленности, благоустройства и водоснабжения в Алтайском крае в советский период (к 95-летию Санитарной службы в России)	251
Тишкина Т.В., Какоткина О.В. Музей истории развития образования города Барнаула	256
Рыгалова М.В. Информационные ресурсы сети Интернет в изучении музеев региона	260

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Sibirjakowa S., Chorobrowa W. Die Deutschen in der Bevölkerungsgeschichte der Altairegion (XIX–XX jh.)	266
Kazakova O., Ermizina A. Prospects of Developing International Tourism in the Altai Region	268
Vorontsova E., Argunova V. Transborder Tourist Route “Altai – the Golden Mountains” in the Context of Region Cultural and Social Development	272

АЛТАЙ В СИСТЕМЕ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

УДК 94(571.1).05/.06

Д.С. Бобров¹, Л.К. Жаманбаева²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Восточно-Казахстанский государственный университет

им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

НИЖНИЕ УРОВНИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

ВЕРХНИМ ОБЬ-ИРТЫШЕМ (АЛТАЕМ)

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.*

В статье кратко освещается функциональный статус разноуровневых административных структур управленческой вертикали Верхним Обь-Иртышем (Алтаем) в первой половине XVIII в. Автор приходит к выводу о существенной роли в административном процессе на ранней стадии освоения именно низовых структур: приказчиков острогов и слобод Верхнего Приобья, а также штаб-офицеров (командиров) Верх-Иртышских крепостей.

Ключевые слова: система управления, воеводы, приказчики, Верх-Иртышские крепости, Верхнее Обь-Иртышье (Алтай).

Крайняя удаленность от политического центра, а также окраинное положение Верхнего Обь-Иртышья в пространственно-территориальной системе Российской империи обусловили острую необходимость организации эффективной системы управления регионом, которая превращалась в один из ведущих факторов интенсификации освоенческого процесса. Управленческие подходы образца первой четверти XVIII в., выработанные имперской элитой и транслировавшиеся ею сибирским окраинам, ставили во главу угла задачу построения четкой иерархии власти.

Администрирование Верхним Обь-Иртышем выстраивалось на центральном, региональном, местном и низовом (локальном) уровнях. Управленческие институты каждого звена подчинялись и были полностью подотчетны вышестоящим. Д.А. Ананьев называет эту модель бюрократическим централизмом и рассматривает ее в качестве одного из следствий эндогенных процессов внутри административной среды первой половины XVIII в. [1, с. 104]. В советской историографии Н.П. Ерошкин в бюрократическом централизме видел осуществление чиновниками центральных

* Статья подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации гранта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (проект № 17-11-22006).

органов и учреждений распорядительных, а также частично исполнительных функций [2, с. 103].

На центральном уровне имперской вертикали управленические прерогативы в отношении освоения Алтая дисперсно распределялись между двумя ключевыми политическими институтами. Указы императора создавали законодательную основу деятельности регионального и местного уровней власти [3, № 3294, 3295], содержали в себе знаковые решения о начале продвижения в тот или иной участок Обь-Иртышского междуречья [3, № 2811, 3284]. В свою очередь, Сенат в контексте освоения южных районов Западной Сибири в большей степени осуществлял контрольные функции в отношении реализации императорских указов или выполнял роль «старшего администратора» в случаях, когда структуры нижестоящего уровня (губернатор или губернская канцелярия) оказывались неспособными, либо вовсе отказывались принимать важное решение [4, л. 608–615; 5, л. 680–736].

Региональный уровень системы управления Верхним Обь-Иртышем выстраивался вокруг института губернатора. В контексте освоения Верхнего Обь-Иртыша функциональный статус сибирского губернатора выстраивался вокруг планирования, нормативно-правового обеспечения и контроля за экспедициями в приграничных зонах, фортификационным строительством, комплектованием и обеспечением воинских частей, охраной границ. Губернаторы выступали одновременно и как инициаторы обследований порубежных локальных районов [6, л. 43–44], и как инстанция арбитража в случае возникновения споров между воеводскими канцеляриями [7, л. 8–9 об.], и как строгие надзиратели при необдуманных и авантюрных действиях низовых управленических структур в приграничных зонах [7, л. 28–28 об.]. Кроме того, сибирским губернаторам приходилось вести дипломатическую переписку с джунгарскими дипломатическими агентами и самим контайшем по вопросам территориальной принадлежности Верхнего Обь-Иртыша и легальности его освоения Россией [8, л. 46–49], формировать программы генерализации государственной границы государства в регионе [8, л. 46–49].

На местном уровне управление Верхним Приобьем концентрировалось вокруг фигуры воеводы Кузнецкого уезда. М.О. Акишин указывает, что воеводы считали себя хозяевами и в городе, и в уезде [9, с. 94]. Д.А. Ананьев подчеркивает универсальный, всеобъемлющий характер власти уездных администраторов как одну из фундаментальных черт нижнего яруса системы управления, унаследованную еще со Средневековья и сохранившуюся в раннее Новое время [1, с. 56].

Как командир военного гарнизона кузнецкий воевода руководил обороной города и уезда, распределял служилых людей на защиту Кузнец-

ка, а также мобилизовывал их на посылки в формате «обереговой службы» [10, с. 34]. К административно-политической компетенции глав уездов относились назначения приказчиков острогов и слобод, организация служилых людей не только на экспедиции экстраординарного (следственно-розыскного) характера, но и на военно-стратегические обследования местности.

Одним из субнаправлений деятельности кузнецкого воеводы становился периодический обмен письмами с джунгарскими зайсанами и дипломатическими агентами контайши, а также кумуляция разведывательной информации о ситуации в Верхнем Приобье.

В целом, центральные и региональные органы государственной власти концентрировали в своих руках полномочия относительно установления направлений движения управляемого процесса, а также функции контроля над реализацией местными и локальными структурами избранного курса. Указы, спускавшиеся на уездный уровень, в большинстве случаев представляли собой предписание достижения конкретной задачи, но не содержали способов ее решения. В свою очередь, воеводы в условиях дистанционного контроля колонизационных реалий Верхнего Приобья, увязания в серии преступлений и, как следствие, определенного падения авторитета своей власти не предлагали внятных способов повышения эффективности освоенческого процесса. В этой ситуации разработка конкретных путей реализации вышестоящих решений в значительной степени ложилась на низовые структуры управления Верхним Обь-Иртышем.

Для Верхнего Приобья соответствующим институтом становились приказчики острогов и слобод. Они представляли собой ординарный институт локального звена общегражданской системы управления регионом и относились к категории «годовальщиков» – дворян, детей боярских или служилых людей, привлекавшихся аппаратом управления для решения строго определенных задач на ограниченное время, как правило, на один год [11, с. 132]. В непростых внешнеполитических условиях и по мере усложнения самого характера освоения четко установленный срок в 12 месяцев становился не более, чем условностью.

Средством нормативно-правового обеспечения деятельности приказчиков выступали наказные (воеводские) памятки. Функциональный статус «начальных людей», реализовавшийся ими в управляемом процессе, с одной стороны, логично вытекал из воеводской памяти как главного правоустанавливающего документа, а с другой, обуславливается спецификой протекания администрирования в конкретном локальном районе (остроге или слободе). Ключевыми функциями приказчиков являлись оборонно-снабженческая, административно-хозяйственная, полицейская и промыльгационная.

Оборонно-снабженческое направление предполагало решение центральной для приказчиков задачи – «сбережения острогов». Несмотря на дефицит гарнизонных команд воеводы требовали в случае агрессии со стороны кочевников полного уничтожения нападавших [12, л. 162–163 об.]. Такие предписания носили ярко выраженный декларативный характер, в реальности же после первой крупной стычки с группой вооруженных калмыков в районе Белоярской крепости приказчикам строго было запрещено посыпать отряды за пределы острога, и управленцы сосредоточились на пассивной разведке [7, л. 28–28 об.].

В периоды стабилизации военно-политической обстановки на южных рубежах Кузнецкого уезда в управлеченческой деятельности приказчиков на первый план выходила административно-хозяйственная функция. Управленцам предписывалось вести учет поднадзорного населения, контролировать перемещения на длительный срок и препятствовать самовольному переселению в другие районы. Надзор за местным населением со стороны приказчиков не носил тотального, всеобъемлющего характера. На ранних этапах заселения окраин Верхнего Приобья, особенно Бийской крепости «начальные люди» были напрямую заинтересованы в увеличении количества населения вверенной им округи, поскольку это выступало залогом повышения эффективности управлеченческого процесса и увеличивало число потенциальных защитников острога в случае набегов ойротов.

Центральным субнаправлением в рамках полицейской функции приказчиков становилась высылка беглых и служилых людей (подозревавшихся в совершении преступления) в Кузнецк. Особое место в практике дознания занимали случаи «государева слова», при этом большинство расследовавшихся инцидентов было связано с употреблением алкоголя [13, л. 6]. В некоторых случаях приказчикам приходилось приводить в исполнение наказание, вынесенное воеводой.

Четвертой функцией приказчиков являлась промульгационная. В условиях отсутствия широких каналов распространения информации в XVIII в. фактически единственным вариантом оглашения закона становилось его озвучивание жителям локального района. В своих доношениях приказчики указывали, что «во всенородное известие побликованы, а в пристойные места указы Ея Императорского Величества выставлены» [14, л. 5].

Иная ситуация складывалась вокруг низовых звеньев в Верх-Иртышских крепостях. Здесь вертикаль управления в значительной степени являлась синкетичной с явными признаками одновременно и централизации и децентрализации. Номинально ключевая роль в формировании законодательного поля принадлежала именным императорским указам, однако их немногочисленность и заостренность на не связанных с по-

строением иерархии власти вопросах способствовали лишь размыванию транслировавшейся доктрины. Системообразующими звеньями вертикали управления Верх-Иртышскими крепостями выступали Военная коллегия и Сибирская губернская канцелярия. Указы коллегии и губернатора направлялись «командиру Верх-Иртышских (Верхнеиртышских) крепостей» – старшему по званию штаб-офицеру, контролировавшему гарнизонные канцелярии каждого оборонительного сооружения. Командир располагался в Ямышевской крепости и совмещал свою должность с обязанностями начальника этого гарнизона. Наиболее известными руководителями Ямышевской гарнизонной канцелярии являлись И. Вельяминов-Зернов, А. Зыбин, Т. Зорин.

Администрирование в Верх-Иртышских крепостях осуществляли командиры – штаб-офицеры, управлявшие местным гарнизоном. Они получали прямые указы Военной коллегии и сибирского губернатора, однако подотчетны были только региональной гражданской власти: командир Верх-Иртышских крепостей отправлял в губернский центр доношения, составленные, в свою очередь, на основе доношений нижестоящих штаб-офицеров. Институционализация командиров Верх-Иртышских укреплений как административных структур проходила в ситуации возникновения системных противоречий между гражданскими и ведомственными институтами управления. На это накладывалась немногочисленность и рассредоточенность гарнизонов крепостей. К середине 20-х гг. XVIII в. во всех Верх-Иртышских крепостях насчитывалось 750 солдат, спустя два десятилетия эта цифра возросла до 850, однако более половины из этого числа было командировано в только что построенные форпосты и защиты. В результате в условиях ресурсно-кадрового дефицита и отсутствия законодательной регламентации компетенций штаб-офицеров направления их деятельности (оборонительная, дипломатическая и таможенно-полицейская функции) были существенно ограничены, что, однако, не означало снижения эффективности управления.

Таким образом, система управления Верхним Обь-Иртышем образца первой половины XVIII в. была выстроена в духе принципа бюрократического централизма при формально строгой соподчиненности разноуровневых структур, однако наибольший удельный вес в административном процессе получали низовые звенья управленческой иерархии, имевшие в Верхнем Приобье и Прииртышье ряд специфических особенностей.

Библиографический список

1. Ананьев Д.А. Воеводское управление в Сибири. Новосибирск, 2005.
2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. СПб., 1830. Т. V.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 13. Кн. 725. Д. 131.
5. РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 800. Д. 39.
6. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46.
7. РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8.
8. РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1595-1736. Д. 1.
9. Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: Автор, 1996. 223 с.
10. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата: дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2003. 391 с.
11. Пузанов В.Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132–142.
12. РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13.
13. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 43.
14. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 49.

УДК 94 (47).083

П.П. Румянцев

Томский государственный университет (Томск, Россия)

ГУБЕРНАТОР ПОД СЛЕДСТВИЕМ: ДЕЛО ТОМСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА Н.А. ШЛЕНЕВА*

Дело томского гражданского губернатора, а также Главного начальника Алтайских горных заводов Н.А. Шленева вызвало широкий резонанс. В статье предпринята попытка рассмотреть обстоятельства этого громкого дела. Исследование основывается на привлечении архивных материалов. На основе анализа выявленных документов делается вывод об истинной подоплеке судебного разбирательства по этому делу, также выделяются последствия дела для всей золотопромышленности на сибирских землях.

Ключевые слова: золотопромышленность, Алтайские горные заводы, Сибирь, Н.А. Шленев, губернатор, жандармерия, надзор, волнения.

Николай Алексеевич Шленев пробыл на посту руководителя Томской губернии и Главного начальника Алтайских горных заводов из числа всех томских губернаторов первой половины XIX в. практически меньше всех – почти два года. Этому были объективные обстоятельства, которые заключались в возбуждении следственного дела, в котором он участвовал в качестве одного из главных фигурантов, что не позволило ему более исполнять обязанности губернатора. В представленной статье предпринимается попытка рассмотреть обстоятельства «дела Шленева» и выявить его последствия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-01018.

Из формулярного списка следует, что Николай Алексеевич Шленев (1777 г.р.) в 1796 г. окончил Горный кадетский корпус и произведен в шихмейстеры 13-го класса. В этом же году началась его трудовая деятельность – он был определен сначала в Колывановоскресенские заводы, затем смотрителем верховых надворных работ в Салаирский рудник. За свою продолжительную карьеру он занимал самые разные должности и выполнял разнообразные поручения, имея за свои заслуги ряд государственных наград и денежных вознаграждений. Вершиной его карьеры стало определение от главноуправляющего корпуса горных инженеров от 29 ноября 1835 г. об определении Шленева Главным начальником Алтайских горных заводов и Томским гражданским губернатором с получением чина генерал-майора и с перечислением в корпус горных инженеров. 15 марта 1836 г. Шленев прибыл в Барнаул и приступил к исполнению обязанностей [1, л. 84, 88, 95 об.–96].

В первый год губернаторства Шленева не произошло каких-либо серьезных происшествий по горной и других подведомственных ему частей. Однако в следующем (1837) году произошла целая серия выступлений приисковых рабочих, которая вызвала большой резонанс и имела далеко идущие последствия как для самого Шленева, так и для всей золотопромышленной отрасли в Сибири. Те выступления рабочих достаточно хорошо освещены в отечественной историографии [2, с. 187–189], отметим только основные места, где произошли выступления рабочих: Вознесенский и Митрофановский прииски купца Мясникова, Воскресенский прииск компании Рязановых, Баландина и Казанцева (крупнейший прииск на тот момент в Сибири), Бурлеевский прииск Поповых и ряд других. Также необходимо отметить, что сам Шленев лично выезжал на все названные прииски и принимал участие в расследовании выступлений рабочих «по горячим следам», о чем он доносил центральной власти [3, л. 58–69]. Причины выступлений рабочих Шленев видел не в плохих условиях жизни на приисках, небольшой платы за их труды, а в «уверенности, что всякий их поступок и даже всякая дерзость останутся без наказания, когда они будут стоять все за одно. Вот мысль, которую необходимо должно истребить, иначе никогда нельзя ожидать надлежащего порядка» [3, л. 68]. Далее губернатор предлагал предать военному суду рабочих, задержанных по обвинению в организации и участии в беспорядках и так поступать впредь при подобных происшествиях. Этую же меру он предлагал генерал-губернатору Западной Сибири князю П.Д. Горчакову в своем отношении к последнему от 1 июля 1837 г. за № 2464 [3, л. 69].

Жандармское ведомство внимательно следило за выступлениями рабочих на золотопромышленных предприятиях в Томской губернии. Томский губернский штаб-офицер Я.Д. Казимирский в своем отношении

на имя Шленева (№ 40 от 11 июня 1837 г.) сообщал, что он по поручению губернатора прибыл на прииски 11 июня, но «все уже приняло вид спокойствия; работы повсеместно продолжаемы обыкновенным порядком». Далее Казимирский перечислял, по его мнению, главные обстоятельства, приведшие к волнениям среди рабочей команды промыслов, которые сводятся к следующему: нерешительность местной горно-полицейской власти в наведении порядка среди рабочих, злоупотребления со стороны некоторых представителей приисковой администрации, отсутствие у рабочих боязни к следствию и возможному суду. Из всего этого жандармский штаб-офицер делал вывод, что «Прибытие Вашего Превосходительства на промысла произведет благо. Рабочие есть ничто иное, как бесмысленная, трусливая, буйная толпа; 10 казаков, хорошо распоряженных, приведут их в самую строгую дисциплину. Я не смел ни во что вмешиваться, потому что порядок был восстановлен и, следственно, разбор всего проишествия судебным порядком должен последовать» [4, л. 14].

Н.Я. Фалькенберг, начальник VII жандармского округа доносил шефу жандармов А.Х. Бенкendorфу о волнениях рабочих, основываясь поначалу на донесениях самого Шленева. В дальнейшем Фалькенберг в подробном отчете Бенкendorфу уже опирался на материалы специальной следственной комиссии, инструктированной им самим и обнаружившей факты злоупотреблений и произвола со стороны местной исполнительной и полицейской властей, а также самих золотопромышленников [5].

По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова было назначено расследование всех указанных приисковых проишествий. Вопреки возражениям Шленева, который настаивал, чтобы этим делом занимались лица так или иначе причастные к этому делу (горный ревизор, отдельный заседатель земского суда, казачий офицер местной приисковой команды и др.) по инициативе Горчакова дело рассматривал суд при 11-м Сибирском линейном батальоне, дополнительную проверку проводили доверенные от Горчакова чиновники. На основании произведенного расследования Горчаков писал о фактах злоупотреблений со стороны самих владельцев золотых промыслов, горно-полицейской власти в лице отдельного заседателя Безрядова, а также самого Шленева. В вину последнему генерал-губернатор ставил следующие обстоятельства: «Если бы генерал-майор Шленев искал одной истины и порядка, то вместо того, чтобы уверять начальство в благосклонности и даже слабости обхождения золотопромышленников с рабочими, не скрыл бы он всех обстоятельств дела, и вместе с описанием буйства рабочих не умолчал бы, что с ними заключен был самый бессовестный и противозаконный контракт с фальшивыми подписями и в коем нарочито были оставлены пробелы для вписания впоследствии того, что захочет управляющий, что в течение целого лета, по-

стоянно обвешивали этих несчастных наглейшим образом, при приеме старательского золота, что один из рабочих, нашедший самородок и совершенно невинный вместо платы наказан розгами. Наконец, г. Шленев не упустил бы открыть, что там, где он немалое время жил будто бы для водворения порядка, в глазах его находилось многосотенное число беспаспортных людей, между коими легко могли скрываться злонамеренные с единой целью возродить опасный беспорядок» [6, л. 30–30 об.].

Сам Шленев, пытаясь ответить на все эти обвинения в свой адрес, обращался к своему покровителю – министру финансов графу Е.Ф. Канкрину (к нему Шленев обращался напрямую, как своему непосредственному начальнику по горной части, донося обо всех указанных происшествиях на приисках и своих действиях). Так, он писал последнему: «На частных золотых промыслах приписано мне в вину, что я недовольно входил в рассмотрение жалоб от посельщиков (ссыльнопоселенцев – *П.Р.*), но когда они все единогласно мне сказали, что довольны и не имеют ни каких жалоб, то после сего ответа выпытывать их еще новыми расспросами значило бы, по-моему мнению, возбуждать их к всегдашнему ропоту» [7, л. 8 об.].

Несмотря на все свои попытки оправдаться, Шленев все-таки оказался под следствием. Высочайшим указом от 4 ноября 1837 г. он был уволен с поста томского губернатора. Однако его покровитель, Е.Ф. Канкрин, способствовал облегчению участия бывшего томского гражданского губернатора. Так из материалов следствия следует, что по распоряжению Канкрина, «не находя уважительных причин к особому с него Шленева взысканию, полагал: вменить ему в наказание отрешение от должности и бытность под судом, оставить на службе по горной части для употребления собственно по делам горным» [7, л. 98].

В качестве далеко идущих последствий этого судебного разбирательства можно назвать следующие. Во-первых, 30 апреля 1838 г. вышло «Положение о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири», регламентирующее многие стороны золотого промысла, в том числе и отношения между промышленниками и рабочими. Можно согласиться с В.П. Зиновьевым, который писал, что «дело Шленева» является первым случаем в нашей истории, когда протест рабочих в качестве прямого следствия имел реакцию центральных законодательных учреждений [2, с. 189]. Во-вторых, по решению Государственного совета от 16 мая 1838 г. в Томске следовало сформировать «из чиновников благонадежных: военного, горного и гражданского ведомств, постоянную комиссию для немедленного суда рабочих частных золотых приисков в случае сопротивления их военной силе» [3, л. 139 об.]. А, в-третьих, как прямой ответ на выступления рабочих, в 1841 и 1842 гг. был учрежден жандармский надзор за частной золотопромышленностью в западной и восточных частях Сибири

в качестве дополнительного правительственного надзора за этой отраслью [8].

Дальнейшая судьба Шленева сложилась следующим образом. В 1848 г. Правительствующий Сенат определил Шленева за обнаруженные упущения признать подлежащему строгому замечанию, но от оного освободить за силою Всемилостивейшего Манифеста от 16 апреля 1841 г. (по случаю бракосочетания цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II – П.Р.). В 1850 г. при вторичном рассмотрении этого дела Сенат постановил Шленева за обнаруженные упущения признать подлежащим отрешению от должности, но от этого освободить опять же за силою того же манифеста. В конце концов, в 1851 г. Государственный Совет постановил следующее: снять с Шленева взыскание; подсудность его внести в формуляр и не выдавать ему другой половины удержанного в казне жалованья; дозволить, если он сам захочет, продолжать службу по горной части и не лишать его права на заслуженную пенсию. В 1855 г. он был уволен на пенсию после 59 лет службы с пенсионным окладом в 1 258 руб. в год. При этом император пожаловал ему еще 2 000 руб. из прибылей Алтайских заводов, при которых он состоял более 19 лет [9, л. 56–57]. В 1863 г. Н.А. Шленев скончался в Петербурге, где и был похоронен [10, с. 55].

Помимо указанных последствий в законодательной сфере, а также довольно громким судебным разбирательством, «дело Шленева» демонстрирует еще ситуацию конфликта во властной структуре, как на местном, так и на высшем уровнях. При этом, как нам представляется, конфликт нельзя сводить к одному противостоянию Шленева и Горчакова – губернатора и генерал-губернатора, это был конфликт интересов различных ведомств. Так, Шленеву оказывал покровительство министр финансов Канкрин, а Горчакова поддерживало жандармское ведомство, в том числе и шеф жандармов – А.Х. Бенкendorf. Тем самым можно предположить, что такое противостояние являлось истинной подоплекой «дела Шленева». Такая ситуация не была уникальной для николаевского времени и свидетельствует о стремлении жандармерии наряду с высшей исполнительной властью в регионе искоренить разного рода злоупотребления среди местного управления.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3451.
2. Зиновьев В.П. Индустральные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. 258 с.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 5. Д. 255.
4. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2267.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 12. Д. 158.

6. РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1309.
7. РГИА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 1308.
8. Бибиков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24.
9. РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 38.
10. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск: Ветер, 2012. 224 с.

УДК 93/94

А.А. Храмков

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
БЫТЬ ПРИВЕРЖЕНЦЕМ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ:
КРЕСТ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Теория модернизации является одной из наиболее используемых в исследованиях, в том числе и в сибиреведении. При ее противопоставлении с формационной теории часто игнорируется социальная сущность явлений и процессов. Это характерно и для работ по истории управления Кабинетом Алтайского округа начала XX в. Необходимо отказываться от универсальности ее и придерживаться междисциплинарного подхода с привлечением и формационной теории.

Ключевые слова: модернизационная теория, социальная сущность явлений, Алтайский округ, начало XX в.

В настоящее время, в том числе и в сибиреведении, широко используется теория модернизации, приобретшая манифестальный мейнстрим. Она позиционируется как противостоящая формационной и пришедшая ей на смену, но столь же универсальная, главная или, во всяком случае, как «топовая», хотя недавний советский опыт с универсализацией методологии, казалось бы, должен быть предостережением против этого. Она ориентирует на создание широкой панорамной, «калейдоскопической» картины изменений в обществе в новое время в их взаимосвязи и динамическом равновесии, но при отказе от марксистского системного подхода, «регуляторов» в виде экономической детерминации и классовости.

Сегодня, на стадии «расцвета» этой теории не принято и предосудительно рассуждать о ее недостатках, не получив порицания в ретроградстве. Но в каждой историографической эпохе историки открывали философский камень, спасительное учение, казалось позволявшее, наконец, дать возможность для полного и адекватного объяснения и понимания прошлого. А затем приходили другие теории, и все время встает вопрос – камо грядеши? Самое постоянное в мире – это изменения.

Сомнение вызывает уже то, что эта теория не едина, а существует несколько ее моделей, из которых надо выбирать подходящую, идя при этом на риск субъективности и произвольности. Нет единой точки зрения на понятие модернизации, его смысл и диапазон применения.

Радикальная позиция, заявление этой теории в качестве противостоящей формационной теории ослабляет познавательные возможности и самой модернизационной модели, отстраняя исследователя от задачи уяснения социального смысла явлений. Именно это характерно для работ данного направления: в них либо полностью игнорируется, либо не уделяется достаточно внимания социальной сущности общественных процессов.

Примеров этого много. Это и десакрализация российской революции, объявление Октября 1917 г. в качестве простого переворота без на-звевших для него глубоких общественных предпосылок. Свою лепту в этот вопрос внесли и историки направления модерна. Распространяются взгляды, что темпы модернизации в предреволюционный период были столь высокие, что страна в ближайшем будущем смогла бы достичь значительно большего в своем возвышении, чем это произошло, причем, без революции, Гражданской войны и имевших место насилий над классами. Именно с такими суждениями несколько лет назад здесь, в нашем университете, выступал профессор М.В. Давыдов. Затем последовала об этом его монументальная монография [1].

На крупной конференции в 2008 г. в Томском госуниверситете о русских революциях высказывалась идея, что Октябрь 1917 г. и события начала 1990-х гг. являлись этапами единой и непрерывной российской модернизации, дело не в формациях, а в модернизации, в переходе страны из аграрной в индустриальную. Утверждалось, что «природа экономических и социальных явлений осталась и после революции той же, что и до нее»; «индустриализация капиталистическая и социалистическая – процессы принципиально одинаковые». Ставились в один последовательный и органический ряд Октябрьская революция и «революция 1991–1993 гг.»: «Революция 1991–1993 гг. не антитеза, а продолжение русской революции 1917 г. в едином контексте модернизации общества» [2]. Чтобы не создавать ложного впечатления, отметим, что докладчик, возражая другим, подробно охарактеризовал достижения советской эпохи и ее модернизации. Возможно сейчас, по прошествии времени он был бы уже другого мнения о сопоставлении Октября 1917 г. начала 1990-х гг. и этих двух типах модернизации.

Наконец, в работах группы алтайских историков последнего времени, подробно изучающих управленческую эволюцию Кабинета императора в Алтайском округе начала XX в. [3; 4, с. 53–60; 5, с. 78–84; 6, с. 147–153], усиленный и односторонний акцент на модернизационные «прогрес-

сы» приводит к деформации социальной сущности политики Кабинета, отрицанию феодальных пережитков в ней. И даже выдвигается императив, что «необходимо отказаться от употребления такого понятия, как «пережитки феодализма» [7, с. 22], так как это не согласуется с модернизационной концепцией процесса перехода от феодализма к капитализму. Нельзя удержаться: это очень похоже на мильтоновское – «взять и отменить понедельники».

Позитивный актив взаимоотношений Кабинета и крестьянства в округе имел место и выражался, в частности, в том, что крестьяне получили здесь сравнительно неплохие земельные наделы (поземельно-строительная реформа 1899–1914 гг.) и некоторые другие «бонусы». Но со временем этот актив не увеличивался, а катастрофически сокращался.

О действительном значении «прогрессов» в управлении Кабинета начала ХХ в. необходимо бы знать мнение крестьян, населения Округа того времени. А оно было совершенно определенным: Алтайский округ в течение всех двух десятилетий начала ХХ в. был районом наиболее массового крестьянского движения в Сибири, принимавшего часто исключительно масштабные и решительные формы. В Барнаул в июле 1914 г. во время волнений съехавшихся сюда запасных и крестьян из губернского Томска присыпались даже пушки и жертвы исчислялись около 100 человек. Описывая «прогрессы» управления, следовало бы дать объяснение всем этим давно известным фактам, явно противоречащим концепциям историков теоретического характера.

Вообще-то авторами пережитки по существу признаются, но для смягчения проблемы они именуются эвфемизмами: компоненты, традиции, концепты, институты, векторы. А.Е. Кухаренко пишет, что модернизация состояла в «вымывании» традиций. Он также соглашается с мнением, что «традицию и современность надо рассматривать не как взаимоисключающие концепты, а как сосуществующие, проникающие друг в друга и смешивающиеся» [7, с. 22]. Но в жизни пережитки, которые здесь имеются «традиционами», являлись основой острейшего социального конфликта. В течение многих лет наблюдался мощнейший общественный протест, включая рабоче-крестьянское движение. Куда можно отбросить гигантские российские революции? Помилуйте, они действовали методами «вымывания»? Эта идеалистическая картина «сосуществующих, проникающих друг в друга и смешивающихся» компонентов не согласуются с проклятой действительностью, с резкой конфликтностью в ней. И раньше никогда не отрицали разновекторность в пореформенной эволюции России. Спорное в другом, в сглаживании, или даже отрицании, остройшей конфликтности, борьбы нового и пережитков прежнего социального строя.

И уже совершенно поразительны суждения о выкупных платежах, введенных Кабинетом за крестьянские наделы, о пресловутых 22 коп. за каждую десятину [6, с. 147–153]. Нет ни слова о выкупе как о пережиточном явлении. Говорится, что «с коммерческой точки выкуп был невыгоден для Кабинета, но он требовался для решения проблем страны...» [6, с. 150]. Для страны, ни более, ни менее. Объяснили бы, однако, почему эту повинность во имя интересов страны несли только крестьяне Алтайского округа, а не все.

Также утверждается, что разработанный «механизм выкупа» был нацелен на несколько задач: учесть интересы Кабинета, министерства финансов, государства, но в том числе и населения. Да уж, интересы населения Кабинет, как и всегда, не обходил: это неблагодарное население часто не понимало своих благ. И, наконец, делается общий вывод, что финансовые реформы (выкупные платежи) «обладали сбалансированным потенциалом, отвечали интересам разных сторон, соответствовали текущему состоянию среды и носили положительный характер» [6, с. 153]. Как тут не сказать, великая трагедия науки – уничтожение прекрасной гипотезы безобразным фактом.

Выкупная операция была введена, когда в 1907 г. в стране законодательно уже были отменены все выкупные платежи, в том числе и самые одиозные и ненавистные – для помещичьих крестьян. А императорский двор выкуп ввел на 49 лет, практически где-то до 1964 г., до хрущевских времен.

А что о размерах выкупа? А.Е. Кухаренко соглашается с мнением чиновников того времени, что это были «необременительные» выплаты населения» [6, с. 150]. В свою очередь, он приводит свои расчеты, подтверждающие это. Эти выкладки просто удивляют неосведомленностью автора о масштабах цен того времени, когда пуд хлеба (16 кг) стоил не сотни рублей, как сейчас, а всего 40–50 коп. Обычно в подобном случае говорят, надо же учесть матчасть. И даже эти копейки складывались в огромные суммы. А крестьяне платили и другие подати. К смущению современных историков начальник округа еще в 1908 г. назвал выкупные платежи «сделкой», которая принесет Кабинету «многомиллионные выгоды» [8, л. 40].

В чем может и должен состоять выход? Он широко известен – это междисциплинарный подход. Ни одна из известных систем не может служить универсальным ключом к раскрытию причинно-следственных связей современной российской истории, но каждая из них обладает определенными познавательными возможностями изучения темы. Наряду с модернизационной теорией необходимо привлечение и других методологических систем. И обязательно также и формационной методологии, при ее

широко признанных и масштабных достижениях, методологии, которая вдруг стала «нерукопожатной» для части историков, в том числе и тех, кто ей одной долго поклонялся и фетишизовал. Как ни странно, но тех, кто стал недооценивать или даже опровергать формационную теорию мог бы устыдить человек, казалось бы, меньше других заинтересованный в распространении марксизма. Это капиталист Ф. Рузвельт, который не только внимательно читал «Капитал» Маркса, но еще и заметил по прочтении: «Мы эту умную книгу одним коммунистам не отдадим!» Он, как видно, высоко оценил исключительную глубину анализа Маркса.

Библиографический список

1. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2016. 1080 с.
2. Зиновьев В.П. Русская революция в контексте модернизации: социально-экономический аспект // Русская революция в контексте истории: материалы региональной научной конференции. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. С. 67–75.
3. Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е., Бобров Д.С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2012. 260 с.
4. Кухаренко А.Е. История Кабинета Его Императорского Величества в дореволюционной, советской и современной литературе // Пятьте научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул: Азбука, 2009. С. 53–60.
5. Соболева Т.Н. Отношение Кабинета Его Императорского Величества и алтайской администрации к бедственному экономическому положению местного населения в условиях военного времени (по материалам официальной переписки 1915–1916 гг.) // Пятьте научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. Барнаул: Азбука, 2009. С. 78–84.
6. Кухаренко А.Е., Соболева Т.Н., Куденко Н.В. Финансовый механизм построения и расчета выкупной операции в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2014. № 4. Т. 2. С. 147–153.
7. Кухаренко А.Е. Теоретико-методологические подходы и результаты исследования административно-хозяйственной политики Кабинета в земельно-арендной отрасли // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XIX – начале XX в.: сборник научных статей. Барнаул: Азбука, 2011. С. 18–43.
8. РГИА. Ф. 168. Оп. 27.

УДК 930.2

А.Е. Кухаренко
Бизнес-агентство kuko (Барнаул, Россия)
К ВОПРОСУ О ФЕОДАЛЬНЫХ «ПЕРЕЖИТКАХ»

В статье рассматриваются базовые причины для отказа от использования в научных исторических исследованиях термина феодальный «пережиток» при характеристике явлений, которые существуют, появляются и эволюционируют в обществе в процессе перехода от феодализма к капитализму. Делается вывод, что в современной историографии термин

«пережиток» носит оценочный, а не содержательный характер, не имеет четких терминологических и методологических параметров, плохо согласуется с принципом историзма и историко-генетическим подходом, а также не является подходящим инструментом для исследования исторического прошлого. Автор указывает на противоречия и дискуссии в советской исторической науке по аспектам переходности от одной формации к другой и кратко описывает методологические концепции, базирующиеся на системном подходе, которые позволяют совместить достижения советской и современной науки в изучении отношений на стыке между феодализмом и капитализмом без использования характеристик и понимания некоторых явлений как «пережиток».

Ключевые слова: феодализм, капитализм, феодальный пережиток, марксизм, функционализм, структурализм, институционализм, советская историческая наука, история Алтая.

В сборнике конференции «Актуальные вопросы истории Сибири» за 2015 г. вышла критическая статья Александра Андреевича Храмкова по поводу сформулированных мной и моими коллегами выводов сразу по нескольким вопросам [1, с. 53–57]. Претензии касаются тех суждений и умозаключений, которые стали результатом научных исследований, нашедших отражение в диссертации по земельно-арендному хозяйству Кабинета на Алтае в 2011 г., затем в статье о теоретических подходах к изучению земельно-арендной отрасли, а также в коллективной монографии, посвященной алтайскому комплексу и Кабинету в 2012 г. [2; 3, с. 18–43; 4]. Критика – неотъемлемый и важный элемент научного поиска, однако она является таковой только в том случае, если автор, как это принято в исследовательской среде, не претендует «на истину в последней инстанции», признает за другими право иметь иную научно-обоснованную позицию и обладает убедительной системой аргументации. К сожалению, такие качества не присущи статье А.А. Храмкова. Тем не менее, содержащиеся в ней обвинения требуют ответа, так как под сомнение поставлена научная ценность проведенных изысканий коллективом авторов.

Одна из основных претензий А.А. Храмкова касается термина «феодальный пережиток», вынесенного автором даже в заглавие публикации. Поэтому считаем целесообразным свой краткий ответ представить в рамках той же конференции за 2017 г. и разместить более расширенную версию на нашем сайте [5]. Мнение о необходимости отказаться от употребления этого понятия при изучении земельно-арендной отрасли Кабинета на Алтае, эволюции алтайского производственно-территориального комплекса (далее АПТК) и собственно самого Кабинета высказывалось нами неоднократно [2, с. 35–37; 3, с. 22–24; 4, с. 32–34], поскольку переход от феодализма к капитализму следует рассматривать как качественно единый и цельный процесс, который порождал самостоятельные формы отношений, системы связей, модели решения тех или иных вопросов. Создаваемые трансформационные общественные отношения и процессы являлись переходом от одной системы к другой, поэтому содержали в себе как

феодальный компонент, так и капиталистический или потенциально капиталистический. Однако, все вызванные переходным состоянием формы были самостоятельными явлениями, для которых характерны создание, эволюция, трансформация в новое качество или ликвидация, поэтому и анализировать их надо как качественно цельные отношения. Под таким углом зрения, по нашему убеждению, исторический процесс предстает в единой динамике эволюционного и революционного развития, где появление и изменение того или иного института обусловлено эволюцией человеческого общества, а поэтому существование явления связано с его востребованностью определенной частью общества и его внутренними потребностями. Переходность выступает необходимым и самостоятельным этапом в процессе трансформации феодальных отношений в капиталистические в политической и социально-экономической сферах жизни. К такому выводу мы пришли в процессе изучения земельно-арендного хозяйства Кабинета и эволюции АПТК на основе накопленного обширного фактического материала, извлеченного из архивных источников, его анализа и стремления рассматривать явления не в статике, а в их развитии, что неизбежно привело нас к отказу не просто от термина «феодальный пережиток», а содержательного понимания явлений в качестве «пережитков».

Заметим, что данный взгляд хорошо согласуется с положениями функциональной теории Б. Малиновского [6], который указывал, что существование того или иного института в его широком толковании связывается с выполнением определенной функции, поэтому считаться пережитком он не может. Как только функция исчезала, сразу ликвидировался и сам институт. Б. Малиновский в свою очередь опирался на работы Дж. Фрэзера и А. Редклифф-Брауна. Идеи функционализма нашли свое воплощение в структурном функционализме, в основном сформулированным американским социологом Толкотт Парсонсом, но также базировавшимся еще на идеях О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма. В дальнейшем данный подход получал свое развитие в рамках более широких трактовок структурализма, а сами идеи функционализма развивались рядом с формулировками положений эволюционизма, этнологии, марксизма и институционализма, взаимно влияя друг на друга. Стоит вспомнить, что именно этнология дала формулировку и понимание института, которое стало практически общеупотребительным и универсальным, а классики марксизма знакомились с работами этнографов того времени и творчески их перерабатывали. В совокупности функционализм, структурализм, структурный функционализм, институционализм, марксизм, их производные и ряд других концепций можно отнести к системным парадигмам, часто соприкасающихся до уровня полного слияния, а в целом структурный

подход к исследованиям – это характерная черта западной философии и научной методологии, имеющая глубокие корни еще в греческой философии.

На сегодняшний день эти подходы вместе или по отдельности – основа для таких наук и дисциплин как лингвистика, социология, антропология, этнология, политология, культурология и экономика, не говоря о влиянии на другие гуманитарные науки, в том числе на археологию, историю, семиотику и символику, а также на такие общенаучные дисциплины как кибернетика и синергетика. В экономической науке марксизм и институционализм иногда рассматривают по совокупности общих признаков как направление, противостоящее кейнсианству и неоклассическому направлению, что характеризуется не только их взаимной критикой, но и взаимодействием идей, заимствованиями в явных и скрытых формах. Наконец, при всех различиях исследователи отмечают методологическую и теоретическую общность классического институционализма и марксизма, но кроме того следует вспомнить, что благодаря как внутреннему развитию, так и влиянию со стороны других подходов появились ревизионизм, неомарксизм, критическая социология, структуралистский марксизм, постмарксизм. В западных странах классический институционализм занимал определенную нишу между марксизмом и неоклассическими подходами, а после формирования направления «новой институциональной экономики» – оно вошло составной частью в современную неоклассическую экономическую теорию. В СССР, в свою очередь, в ответ на экономические реалии шел процесс постепенного расширения тех базовых основ, которые были заложены в политэкономии, проходили методологические дискуссии, где часть исследователей использовала факты и материалы западных экономических концепций, прежде всего институционализма. Учитывая указанные обстоятельства, странно смотрится логика А.А. Храмкова, которая по сути отрицает возможность применения положений институционализма и функционализма, сформировавшихся раньше советской методологической школы, взаимовлиявших на марксизм и доказавших свою жизнеспособность.

В целом гибкий подход к проблеме эволюции феодализма и трансформации от феодализма к капитализму согласуется не только с институциональными и функциональными подходами, но и с достижениями советской науки, разработками «Школы Анналов» (особенно Ф. Броделя), которую на данный момент можно считать классической несоветской школой по изучению феодализма, различными экономическими теориями, а также с цивилизационными и модернизационными концепциями, где перед последней, в отличие от представлений А.А. Храмкова, у нас нет какого-то особенного питета, так как мы настроены к ней более чем кри-

тично и используем отдельные авторские концепции. Таким образом, в силу обозначенных теоретических оснований в критикуемой А.А. Храмковым монографии исследуются не «пережитки» предшествующей эпохи, такая задача перед нами даже не ставилась, а трансформационные элементы АПТК и Кабинета в их целевом состоянии [4, с. 33].

В текущей историографической ситуации само слово «пережиток» в большей степени носит оценочный, а не содержательный характер. В рамках советской методологии, которая базировалась на марксизме-ленинизме, что бы сейчас в это понятие не вкладывали, смысловое наполнение термина было логичным, последовательным и непротиворечивым, внеся свой вклад в изучение исторического прошлого. Кроме того, отнесение/неотнесение любого явления к пережитку легко меняется в случае того или иного ракурса рассмотрения. На наш взгляд, использование термина «пережиток», как минимум, – вопрос теоретико-методологических подходов, которые применяют ученые к своим исследованиям, а как максимум, – оценочное суждение, которое определяется недоказуемыми конструкциями. А.А. Храмков упрекает нас в теоретизировании, не замечая, что его доводы по поводу «пережитков» и других не менее важных позиций, представленных в монографии, без доказательств и содержательных определений, исходя из аморфных умозаключений автора, как раз больше подходят под это определение и придают его критическим рассуждениям характер публицистического заявления, далекого от научной позиции.

Наконец, к термину «пережиток» возникают претензии с точки зрения историзма и историко-генетического метода. Почему называются пережитком явления или отношения, которые только что появились, стали естественным результатом развития, выполняя определенные задачи и функции, справляясь с насущными проблемами. Как может только что возникнувшее в недрах общества или в рамках изучаемой системы, уже стать пережитком. В таком случае, где его генетический путь и что заставило его одномоментно превратиться в старца, требующего обязательной ликвидации? Почему смешанные явления и промежуточные формы относятся к пережитку? Можно ли называть пережитком подушно-оброчную подать, возникшую в Алтайском горном округе в 60-е гг. XIX в. и ликвидированную только в начале XX в., то есть просуществовавшую около полувека? Пережиток – это наличие жесткой границы между феодализмом и капитализмом, которой в принципе не существовало. Можно рассматривать указанный оброк как состоящий из разных явлений, проанализировать его сильные и слабые стороны, негативные и позитивные моменты, эволюцию и влияние в рамках исторического процесса, постараться реконструировать историю этого явления, а не выносить ему вердикт уже в момент его зачатия. На наш взгляд, это гораздо в большей степени научно

и не нарушает принципа историзма. Как только вы даете явлению определение «пережиток» – то сразу перестаете учитывать конкретно-исторические условия его существования.

Даже советская наука пыталась как-то решить проблему промежуточных явлений, которые логичным образом возникали в процессе рассмотрения пограничных между феодализмом и капитализмом обстоятельств. Многие ученые сталкивались с тем, что в процессе перехода от феодализма к капитализму существовал целый комплекс явлений, которые можно отнести к некому промежуточному варианту отношений и свойств от одной социально-экономической и политической системы к другой, а некоторые явления невозможно назвать устаревшими, феодальными пережитками, так как они возникали, развивались, сливались с капиталистическими, порождая новые явления. Все это не укладывалось в стройную методологическую концепцию, порождая дискуссии всероссийского и регионального масштабов.

В процессе подготовки диссертации мы специально изучали проблему феодализма в советской историографии, чтобы лучше разобраться в характере такого явления как владельческая принадлежность Алтайского округа. Многие исследователи писали о переходности, невозможности четко определить принадлежность явления к определенной формации и наличии смешанных форм. По всей видимости, концепция многоукладности стала ответом на слишком жесткое следование схеме и инструментом более гибкого анализа переходности. Для нас определенными ориентирами стали результаты различных дискуссий и рассуждения А.Я. Гуревича, А.Я. Авреха, Л.Б. Алаева и ряда других ученых. Среди исследователей истории Алтая самого пристального внимания заслуживает монография Г.П. Жидкова «Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.)», где базой для рассмотрения кабинетского землевладения стали результаты дискуссий и тезисы о переходности между феодализмом и капитализмом, о переходном характере землевладения в этот период [7, с. 10–14].

В заключение хотелось бы задать А.А. Храмкову два вопроса, как он оценивает собственные взгляды – как пережиток советской методологии или как логичный и естественный этап в историографии на стыке разных методологических периодов в конкретно-исторических условиях существования нашего государства? Это пережиток или консерватизм исследователя по отношению даже не к новым, а к другим методологическим подходам?

Библиографический список

1. Храмков А.А. Итак, решили: понятие «феодальные пережитки» отменить // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. С. 53–57.

2. Кухаренко А.Е. Административно-хозяйственная политика Кабинета Его Императорского Величества в земельно-арендной отрасли Алтайского горного округа (1855–1896 гг.): дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 348 с.
3. Кухаренко А.Е. Теоретико-методологические подходы и результаты исследования административно-хозяйственной политики Кабинета в земельно-арендной отрасли // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в.: сборник научных статей. Барнаул: Азбука, 2011. С. 18–43.
4. Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е., Бобров Д.С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.): монография. Барнаул: Азбука, 2012. 260 с.
5. Феодальные пережитки и 22 копейки [Электронный ресурс]. URL: <http://alekskukharenko.ru/research/feodalnye-perezhitki-i-22-kopejki> (дата обращения: 14.10.2017).
6. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.
7. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1973. 264 с.

УДК 34

А.А. Васильев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НОТАРИАТА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Настоящая работа посвящена истории нотариальной функции на Алтае. На основании исторических фактов, документов и архивных материалов прослеживается возникновение и эволюция нотариальной функции у первых обитателей Алтая – тюрок, местного этноса – алтайцев (телеутов). Автором показывается эволюция нотариальной функции в условиях русской колонизации Алтая, развития горнорудной промышленности и купеческого дела. Особое внимание уделяется введению нотариата на Алтае на рубеже XIX–XX вв., становлению советского нотариата и постсоветской эволюции нотариального института на Алтае.

Ключевые слова: нотариат, зайсан, мировой суд, окружной суд.

Возникновение и развитие нотариата на Алтае в работе подчинено следующей хронологической логике:

1. нотариальная функция проявлялась на Алтае до русской колонизации в XVII–XVIII вв., которая растворялась в функции удостоверения различных сделок и актов гражданского состояния органами родового управления у жителей Алтая;
2. история нотариальная учреждений с XVIII в. по 1866 г. в период господства горнозаводского управления на Алтае и активной колонизации Алтая русским крестьянством и правительством;
3. история нотариата в период действия Положения о нотариальной части в 1866–1917 г., когда на Алтае устанавливается институт нотариата и когда в активную фазу вступает развитие купеческого дела и торговли и постепенно приходит в упадок горнозаводское дело;

4. история нотариата в советский период в 1917–1993 гг., когда выстраивается система государственного нотариата;

5. история постсоветского нотариата с 1993 г. по наши дни, формируется небюджетный нотариат одним из первых на территории Российской Федерации.

По существу история правовых институтов и учреждений Алтая до сих пор не написана. Среди немногих работ можно назвать труды Т.Н. Соболевой, В.Н. Разгона об управлении на Алтае в XVIII–XIX вв. [1, с. 258], Д.А. Глазунова о деятельности судебных учреждений на Алтае в конце XIX – начале XX вв. [2, с. 152], А.А. Пережогина о военно-горном строевом, военно-судных комиссиях и полиции на Алтае в XVIII–XIX вв. [3, с. 264]. Ряд интересных статей по истории суда и нотариата был подготовлен Ю. Егоровым, который впервые нашел среди архивных документов нотариальные акты дореволюционной России.

Сложность и трудоемкость исследования истории нотариата на Алтае определялась двумя причинами. Во-первых, нотариальный архив дореволюционного периода в Алтайском крае был практически утрачен вместе с архивом Барнаульского окружного суда вследствие пожара в начале XX в. В связи с чем нотариальные акты за этот период приходилось собирать по крупицам. Во-вторых, значительная часть документов по истории правовых учреждений была утрачена после революции 1917 г., когда советская власть посчитала первоначально обойтись без нотариата и нотариальные документы потеряли свою ценность и нередко уничтожались.

Прообразом нотариата на Алтае, подтверждающим универсальность данного института, был зайсан – глава алтайского рода. Зайсаны на Алтае в определенной степени выполняли нотариальную функцию, обеспечивая разрешение внутриэтнических конфликтов по хозяйственным и семейным вопросам и удостоверяя публично сделки (в том числе с землей) и акты гражданского состояния. К сожалению, такие функции зайсанов были утрачены еще в XIX в. В этом смысле зайсаны для алтайцев были первыми нотариусами, функции которых по оформлению сделок и разрешению споров сформировались естественно-исторически на основе единой для теленгетов правовой традиции и местных обычаяев. Причем, первоначально русская администрация сохранила такую традицию как наиболее пригодную для управления алтайцами. В 1990-е годы началось возрождение зайсаната на Алтае, были попытки принятия особого республиканского закона. На сегодняшний день зайсаны объединяются в общественную организацию, которая имеет большой авторитет среди жителей Республики Алтай. Однако, публичных функций, в том числе нотариального характера на них не возложено.

На протяжении XVII–XIX вв. на Алтае господство военно-горного строя привело к использованию административных начал в регулировании гражданского оборота, широкому использованию бюрократических форм оформления сделок с недвижимостью. Первоначально, функции по выделению земель находились в руках горной канцелярии, а потом стали передаваться судебным учреждениям. Монополия царской прерогативы на землю, природные ресурсы на Алтае тормозили развитие свободного рыночного гражданского оборота и не давали почвы для развития нотариальных учреждений. Ситуация стала меняться после падения роли горно-рудной промышленности на Алтае и развития купеческого дела, включения земли в гражданский оборот. Существующие бюрократические процедуры были обременительны для судов, органов горного управления и заинтересованных лиц. Развитие гражданского оборота с необходимостью рождало потребность в появлении самостоятельного учреждения по оформлению сделок.

Положение о нотариальной части в 1866 г. разрешило проблему обеспечения публичности сделок с недвижимостью на территории европейской части России. Но Великие реформы Александра II не коснулись Сибири и Дальнего Востока. Только в 1896 г. с подачи царя Николая II и министра юстиции М.Н. Муравьева действие Положения о нотариальной части было распространено на Сибирь и Дальний Восток. Должность нотариуса и нотариальный архив были учреждены при Томском окружном суде в 1899 г., в сферу ведения которого была включена территория Алтайского горного округа. Кроме того, функции нотариата были возложены на мировых судей в тех местностях, где отсутствовал нотариат.

Несмотря на то, что судебные уставы были распространены на Сибирь и Дальний Восток в 1897 г., формирование самостоятельного суда и соответственно нотариата на Алтае произошло только через 13 лет. До создания окружного суда в г. Барнауле функции нотариата были возложены на мировых судей.

В 1897 г. территория Сибири была поделена на 157 участков для мировых судей. На Томскую губернию приходилось 34 мировых участка. В Алтайском горном округе действовало 15 участков и соответственно 15 судей. Основной функцией мировых судей было рассмотрение гражданских дел суммой не более 2000 руб. и уголовных дел, по которым не предполагалось лишение или ограничение прав состояния. Наряду с собственно функцией отправления правосудия мировые судьи должны были исполнять обязанности следователя, надзирать за опекунским производством и выполнять функции нотариуса. Кроме того, они занимались продажей гербовых марок, читали лекции, привлекались для составления списков присяжных заседателей. Очевидно, что нотариальная функция

была побочной для мировых судей, что естественно влияло на профессионализм и качество совершаемых актов.

До наших дней сохранились сведения о личном составе участков мировых судей Алтайского горного округа за 1897 г. Так, на 2 Кузнецких участках службу несли – Ф.Б. Штильмарк, С.Г. Иппа, на 6 Барнаульских участках – А.Э. Брюло, В.В. Сенцов, Э.О. Кениг, Ф.И. Милошевский, С.О. Борковский, Н.Г. Калегеорги, на 4 Бийских участках – Ф.А. Коротков, А.П. Калинин, М.Ф. Морозов, П.И. Хрущевский, на 3 Змеиногорских участках – Н.А. Сенюткин, П.Е. Цвилинский, Г.Р. Рэдер [4, с. 40].

Переселение крестьян на Алтай, рост населения до 2,6 млн. человек помимо позитивных изменений влек за собой значительный рост преступности, рост числа споров в отношении сделок и имущества. В новых экономических и социально-правовых реалиях стало настоятельной потребность в появлении собственного окружного суда на Алтае.

В 1910 г. был создан окружной суд в г. Барнауле. При Барнаульском окружном суде появилась должность нотариуса и нотариальный архив. Таким образом, становление нотариата на Алтае согласно принятому Положению о нотариальной части 1866 г. затянулось на 40 лет. Фактически собственный нотариат на Алтае появился только через 44 года в связи с созданием Барнаульского окружного суда.

К сожалению, история дореволюционного нотариата на Алтае была недолговечной и продлилась лишь до 1917 г. и периода окончания Гражданской войны. Иными словами, нотариат просуществовал на Алтае всего 12 лет и был уничтожен в ходе революции и принятого советской властью решения о ликвидации всех судебных учреждений царского периода.

Развитие капиталистических отношений, появление частного предпринимательства, появление крупных торговых домов, интенсификация торговли с Монгoliей, вовлечение земельного фонда в гражданский оборот во второй половине XIX в. и удаленность нотариальной функции Томского окружного суда неизбежно требовали введения самостоятельного нотариата на Алтае. Стремительное развитие торговли и промышленности на Алтае, рост численности населения, включение земли в гражданский оборот привели к тому, что первоначально нотариальная служба при Томском окружном суде с 1899 г. и мировые судьи, а позднее нотариат при Барнаульском окружном суде с 1910 г. стали связующим звеном в обеспечении стабильности и публичности гражданского оборота. Благодаря появлению самостоятельного института нотариата гражданский оборот приобрел необходимые правовые формы и устойчивость, обеспечил бесконфликтность отношений участников гражданских правоотношений. К сожалению, нотариат на Алтае был недолговечен и был поставлен под угрозу существования после революционных событий 1917 г.

В соответствии с принятым идеологическим курсом и экономическими реалиями в Советской России, включая Алтай, нотариат стал придатком государственного аппарата. Судьба нотариата во многом зависела от позиции верховной власти. Однако запрос общества и экономики неизбежно требовали существование института, который бы обеспечивал прозрачность и юридическую чистоту различного рода актов и сделок. Нотариат постепенно эволюционировал от нотариальных столов при соведах к государственным нотариальным конторам. Главное, что нотариат устоял в советских условиях и показал свою социальную ценность как средство стабилизации гражданского оборота. Развитие производства, торговый оборот в необходимых случаях требовали сопровождения сделок и иных юридических актов со стороны нотариусов.

Таким образом, развитие производства, торговый оборот в необходимых случаях требовали сопровождения сделок и иных юридических актов со стороны нотариусов. Модель государственного нотариата в советских хозяйственных условиях доказала свою эффективность. Тем не менее, нотариат был организационно и финансово зависим от государства. Причем, финансирование нотариата по остаточному принципу приводило к низкой материально-технической оснащенности нотариата, низкому денежному содержанию нотариата. При этом на нотариусов возлагались функции по оказанию правовой помощи органам советской власти и правовому просвещению населения.

После распада СССР и принятия Основ законодательства о нотариате для нотариусов открылась возможность стать частными нотариусами. На Алтае не преминули воспользоваться предоставленной возможностью – образование частного нотариата, который сулил решение проблемы материально-технического обеспечения нотариально процесса и должной самостоятельности нотариата от государственного влияния и опеки. В Алтайском крае, в одно из первых и немногих регионах России в 1993 г. был создан частный небюджетный нотариат. В немалой степени на создание частного нотариата оказал влияние личный фактор – решимость и убежденность нотариусов и поддержка руководителя органов юстиции региона.

Библиографический список

1. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Управление и обслуживание. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. 258 с.
2. Глазунов Д.А. Деятельность судебных учреждений Томской Губернии (конец XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во ААЭП, 2006. 152 с.
3. Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. 264 с.
4. Под властью закона: очерк истории Алтайского краевого суда: люди, события, документы / под ред. В.И. Пашкова. Барнаул: Азбука, 2007. 367 с.

АЛТАЙ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.: ОТ РЕВОЛЮЦИЙ К РЕФОРМАМ

УДК 94(470).084.2

В.Н. Разгон

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ*

На основе анализа современной историографии российской революции 1917 г. показывается, что изучение революции характеризуется использованием междисциплинарных подходов к исследованию ее происхождения, характера и сущности, беспрецедентной острой дискуссий по проблеме происхождения революции, ее предпосылок и причин, обусловленных различием в теоретических и методологических подходах к исследованию этой проблемы.

Ключевые слова: российская революция, 1917 год, историография, междисциплинарный подход.

100-летний юбилей российской революции, оказавшей огромное влияние на развитие нашей страны и мира в XX в., вызывает рост интереса к ее истории.

Одним из важных вопросов изучения революции, разрешение которого способствует систематизации представлений о ее сущности, является вопрос о периодизации революционных событий. В советской историографии утвердилась концепция двух революций, в рамках которой Октябрьская революция всегда противопоставлялась Февральской, что было обусловлено идеологическими и политическими причинами: стремлением возвысить Октябрьскую революцию и ее творцов – большевиков, подчеркнуть уникальность и всемирно-историческое значение этого события. Поэтому события октября 1917 г. именовались не иначе как Великая Октябрьская социалистическая революция, а Февраль оставался в тени Октября.

При сохраняющейся дискуссионности вопроса о периодизации статус консенсусного среди современных историков все более приобретает представление о российской революции 1917 г. как о едином революционном процессе, включающем Февраль и Октябрь как взаимосвязанные фазы

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

его развития [1]. Логическим развитием такого подхода к периодизации является объединение в единый революционный процесс Февраля, Октября и событий Гражданской войны, рассматриваемых в качестве его взаимосвязанных периодов [2; 3]. А в рамках подхода к периодизации революции, трактующего ее преимущественно как социальный переворот, в периодизацию российской революции в качестве ее завершающей стадии некоторыми авторами включается и сталинская «революция сверху» рубежа 1920-х – 1930-х гг. [4].

Ключевой и, одновременно, самой дискуссионной проблемой в изучении истории российской революции является вопрос о том, почему она произошла, в чем заключаются ее предпосылки и причины. От ответа на этот вопрос во многом зависят и оценки, которые дают историки ее социально-политической сущности, социокультурному содержанию, определение соотношения факторов стихийности и организованности и решение ряда других вопросов, составляющих проблематику истории российской революции 1917 г.

В оценках происхождения революции 1917 г. всех исследователей, занимающихся этой проблемой, условно можно разделить на «оптимистов» и «пессимистов». Историки-«оптимисты» в своих исследованиях делают акцент на достижениях и успехах российской модернизации, считают, что в начале XX в. Россия вышла на уверенную траекторию экономического роста в рамках рыночной модели хозяйствования, с учреждением *Государственной думы* в стране были заложены основы конституционно-парламентского строя. Все это свидетельствовало о том, что Россия эволюционировала, и довольно успешно, в сторону общемировых моделей развития. У нее был бы реальный шанс выйти из всех конфликтов и кризисов своего времени эволюционным путем, если бы не Первая мировая война, которая вызвала глубокий экономической и политический кризис, до крайности обострила все противоречия российского общества, что и привело к революционному взрыву в 1917 г.

Оптимистического подхода в интерпретации революции придерживаются, в частности, известные российские историки Б.Н. Миронов, М.А. Давыдов, Л.И. Бородкин, Ю.А. Петров, американский экономист П. Грегори и другие авторы [5; 6; 7]. В качестве аргументации приводятся данные об успехах российской дореволюционной экономики и повышении благосостояния населения: о росте национального дохода с 1861 по 1913 г. в 3,8 раза, а в расчете на душу населения – в 1,6 раза, высоких темпах ежегодного прироста промышленного производства, в 1,5 раза превышавших соответствующий среднемировой показатель; о росте оборотов внутренней торговли (с 1885 по 1913 г. в 1,7 раза) и акцизных сборов. В начале XX в. на долю России приходилось 50% мирового производства ржи, бо-

лее 30% – ячменя, 25% – пшеницы, при этом производство зерновых росло более быстрыми темпами, чем численность населения, страна превратилась в крупнейшего мирового экспортёра зерна. В связи с этим «оптимистами» подвергаются критике имевшие статус аксиом в советской историографии теории «аграрного кризиса» и «голодного хлебного экспорта» [6, с. 48–422; 8, с. 37–52, 120–145, 274–289].

Для оценки модернизационных достижений дореволюционной России современные исследователи используют также расчеты показателей, которые обычно применяются для определения уровня развития современных стран: таких, в частности, как индекс развития человеческого потенциала, учитывающий продолжительность жизни, уровень образования и ВВП на душу населения: с 1885–1889 по 1900–1904 гг. он увеличился с 0,199 до 0,449 [8, с. 47]. В качестве доказательства роста жизненного уровня населения, в том числе и крестьянства, используются и результаты исследований, основанных на учете изменения антропометрических показателей населения. Масштабное исследование такого рода было проведено Б.Н. Мироновым в монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России». Он исследовал большой массив антропометрических данных за XVIII – начало XX в. и пришел к выводу, что в отличие от XVIII столетия, когда антропометрические показатели роста и веса снижались, в XIX – начале XX в. они увеличивались (рост – со 161 до 169 см, а вес – с 59 до 66,5 кг), что также может служить доказательством постепенного роста благосостояния, уровня жизни населения [5].

Исследователи, пессимистически оценивающие возможности мирного эволюционного развития дореволюционной России, полагают, что революция имела закономерный характер, была порождена социально-экономическими и политическими противоречиями в российском обществе, которые начали складываться задолго до начала Первой мировой войны, причем многие из них не сглаживались в результате развития модернизационных процессов, а, наоборот, углублялись. Все исследовательские подходы и трактовки, основанные на скептической оценке возможностей эволюционного развития и представлении об исторически обусловленном происхождении российской революции, можно, в свою очередь, разделить на несколько направлений:

В рамках первого из рассматриваемых направлений, которое можно определить как модернизационное, революция объясняется противоречиями, порожденными форсированной, «догоняющей» индустриализацией – моделью развития, которую из-за geopolитических причин (с целью сохранения имперского статуса России как великой державы) вынуждено было реализовать царское правительство. Издержки и противоречия, рожденные форсированной модернизацией, имевшей высокую социаль-

ную цену в виде маргинализации значительной части населения, неразвитости среднего класса, несбалансированности экономических укладов и отраслей и др., и вызвали социальное напряжение в российском обществе, приведшее к революции.

Еще одной трактовкой происхождения российской революции является подход, основанный на мальтизианской теории, согласно которому главной причиной революции стало снижение жизненного уровня российского крестьянства из-за прогрессирующего малоземелья, уменьшения крестьянских наделов, вызванного быстрым демографическим ростом населения, связанным со снижением смертности, ставшим результатом своеобразной «гигиенической революции мыла и карболки» в крестьянском социуме. Наиболее активным сторонником этого подхода в отечественной историографии является С.А. Нефедов, выход работ которого спровоцировал острую дискуссию со сторонниками «оптимистического» подхода – уже названными мной выше Б.Н. Мироновым и М.А. Давыдовым [6; 8; 10].

В рамках пессимистического подхода к оценке перспектив реформистского развития России можно отдельно выделить и структурную теорию происхождения революции 1917 г., усматривающую ее истоки в социальной поляризации российского общества. Примером может служить концепция американского историка Леопольда Хеймсона, согласно которой революцию следует понимать как порождение двойной «поляризации», углубления противоречий русской жизни, во-первых, между государством и обществом и, во-вторых, между рабочими и буржуазией. Он также утверждал, что к лету 1914 г. этот процесс поляризации уже достиг решающей стадии. Следовательно, подразумевалось, что Октябрь не был «несчастным случаем», вызванным войной, а являлся закономерным, логическим следствием социальных процессов, протекавших в стране [11]. Последователи Л. Хеймсона в интерпретации происхождения революции во главу угла ставят усилившийся раскол, в том числе и имущественный, между верхами и низами российского общества, способствовавший радикализации общественных настроений и препятствовавший достижению социального и политического консенсуса.

Для верификации этой теории некоторые современные исследователи используют сравнительные расчеты такого показателя, как децильный коэффициент, показывающий соотношение доходами между 10% самого богатого и 10% самого бедного населения страны. В России верхнее значение децильного коэффициента достигало 11, и это был отнюдь не самый высокий показатель в начале XX в.: в США разрыв в доходах был еще более высоким – в 16–18 раз, во Франции – в 12, в Великобритании –

в 74 раза, т.е. большинство западноевропейских стран по имущественному неравенству в этот период существенно превосходили Россию [12].

Но, конечно, раскол и поляризация в российском обществе имели не только материальное измерение. Некоторые исследователи, как, например, известный философ А. Ахиезер [13], а также приверженцы такого современного исследовательского направления как историческое крестьянское новедение [14], придерживающиеся социокультурного подхода в интерпретации революции, связывают происхождение революции с усилившимся по мере развития модернизационных процессов социокультурным, ценностным расколом в российском обществе, основанном на углублении противоречий между носителями модернистского мировоззрения и ценностью и защитниками традиционалистских общественных институтов и патриархальных укладов.

В современной историографии продолжают использоваться и сформировавшиеся в предшествующий период политические теории, объясняющие генезис и непосредственные причины революции конфликтами между властью и элитами, между элитами и внутри элит. К числу политических теорий относится версия об Октябрьской революции как результате заговора революционеров-большевиков, которые, воспользовавшись трудностями военного времени, захватили власть, остановив продвижение страны по пути модернизации западного образца, на рельсы которого Россия все более уверенно переходила накануне Первой мировой войны. Эта объяснительная модель является базовой для интерпретации русской революции приверженцами теории тоталитаризма, используемой в качестве теоретического конструкта для изучения революции и в целом советской эпохи в значительной части зарубежной историографии [15; 16].

В отечественной историографии рост внимания к интерпретациям, объясняющим происхождение и причины российской революции конфликтом политических элит, связан с отмеченным выше распространением «оптимистических» взглядов на возможности эволюционного развития России, базирующихся на критике неомальтизанских теорий и концепции «аграрного кризиса». Так, в частности, Б.Н. Мироновым в объяснении причин Февральской революции основной акцент делается на «пиар-кампании», которую развернула либеральная общественность по дискредитации Николая II и его семьи, подрыву легитимности и престижа царской власти в глазах населения, что и обусловило ее быстрое падение и разрушение монархии в результате Февральских событий [5, с. 654–659].

Другие авторы (П. Хольквист, П. Гатрелл, Ю.А. Петров и др.) основную причину втягивания страны в революционный кризис усматривают в действиях царского правительства, не сумевшего справиться с продовольственным кризисом, причины которого заключались не в трудно уст-

ранимых производственных факторах, а в организации мобилизации и распределения хлеба [17, р. 26–36, 45; 18, р. 157–164; 19, с. 14].

К маргинальным версиям «верхушечного» происхождения революционных событий 1917 г. можно отнести зародившуюся еще в эмигрантской историографии теорию о Февральской революции как результате масонского заговора, версии о поддержке английской дипломатией заговора российских либералов против царизма, о «немецком следе» и «немецких деньгах» в финансировании большевистского переворота и т.п. Эти версии, получившие распространение в основном в публикациях, рассчитанных на массового читателя, хотя и имеют значение с точки зрения постановки и решения вопроса о влиянии внешнеполитического фактора на революционные события в России, оцениваются большинством исследователей как малопродуктивные с точки зрения уяснения основных причин и сущности революции.

В целом можно отметить, что интерпретации, авторы которых усматривают причины революции в верхушечном конфликте элит, недооценивают роль народных масс, стихийный характер многих революционных событий, особенно в февральский период.

Важным направлением исследований революционного кризиса, сложившегося в России в 1917–1921 гг., является изучение такой его составляющей как кризис имперской государственности, имперской системы управления в России. Эта проблема получила отражение в трудах В.П. Булдакова, В.П. Марченя, С.Ю. Разина, Р. Суни и других авторов [20; 21; 22].

Оценивая значение национальных движений в качестве составной части общедемократического потока и кризиса империи как причины и составляющей революционной «смуты», историки приходят к выводу, что вплоть до Октября 1917 г. градус национальных движений в России не поднимался выше требования национальной автономии, и распад империи начался только после Октябрьской революции, приняв характер «бегства» национальных элит от большевистской власти, установившейся в столице империи. В ситуации «смуты» и распада прежней государственности дальнейшее развитие событий определялось уже не столько борьбой политических партий, сколько борьбой низов за выживание. И большевики получили поддержку масс не только потому, что удовлетворили их чаяния о мире и разрешили земельный вопрос, но и по той причине, что выступили (на этапе гражданской войны) в роли собирателей земель империи, возрождали и перестраивали ее на новых основаниях с использованием псевдособорных форм организации снизу в виде советов различных уровней.

Интерес современных исследователей вызывают эвристические возможности, которые открывают психосоциальные теории происхождения и сущности революции. Большой популярностью среди историков, социологов и политологов, занимающихся изучением революций в целом и российской в том числе, пользуется теория относительной депривации, разработанная американским социологом Дж. Дэвисом, согласно которой важнейшим источником революции является психологическая неудовлетворенность, порождаемая расхождением между уровнем жизни и возрастающими потребностями населения, представлениями важнейших социальных групп и индивидуумов о том, каким этот уровень должен быть [23]. Относительная депривация наблюдалась и в дореволюционной России, где рост потребностей обгонял уровень жизни по той причине, что проект форсированной экономической модернизации, реализуемый царским правительством мог осуществляться только при условии направления части значительной части вновь создаваемого национального богатства не на потребление (хотя его рост и имел место), а на финансирование масштабной индустриализации. А в годы Первой мировой войны в стране сложилась ситуация уже не относительной, а прогрессирующей депривации, когда растущие ожидания населения столкнулись с реальным снижением жизненного уровня. Именно прогрессирующую депривацию Дэвис и его последователи считают причиной всех известных революций нового и новейшего времени, в том числе и российской революции 1917 г.

Важнейшей чертой современных исследований по истории революции является их антропологизация, проявляющаяся в использовании исследовательских подходов и теорий социальной и культурной антропологии и отражающая общий антропологический поворот, обозначившийся в мировой исторической науке с 1980-х гг. В связи с этим акцент исследовательского интереса и усилий многих специалистов по истории революции перемещается с изучения истории политических партий и их роли в революции к исследованию природы революционного насилия [24], политико-культурных смыслов русской революции [25], революционной символики и образов революционной власти [26], роли эмоций и слухов в революционных событиях, повседневной жизни населения в эпоху революции и Гражданской войны [27].

Таким образом, изучение российской революции 1917 г. на современном этапе характеризуется распространением междисциплинарного подхода к исследованию ее происхождения, характера и сущности, беспрецедентной остротой дискуссий по проблеме происхождения революции, ее предпосылок и причин, обусловленных различием в теоретических и методологических подходах к исследованию этой проблемы.

Библиографический список

1. Российская революция 1917 года. Власть, общество, культура. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 743 с.
2. Петров Ю.А. «Великая российская революция 1917 г: уроки истории» [Электронный ресурс]. URL: <http://leo-mosk.livejournal.com/3790384.html> (дата обращения: 14.10.2017).
3. Крайнов Г.Н. Новые педагогические подходы в изучении Великой российской революции 1917–1921 гг. // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2. С. 199–200.
4. Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. 1917–1932. Oxford: Oxford university press, 1994. 199 р.
5. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX вв. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
6. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2016. 1080 с.
7. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН 2003. 256 с.
8. Миронов Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 335 с.
9. Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России: конец XV – начало XX в. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. 539 с.
10. О причинах русской революции. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 432 с.
11. Хеймсон Л. Проблема политической и социальной стабильности в городской России накануне войны и революции: современный взгляд [Электронный ресурс]. URL: <https://secrethistory.su/701-problema-politicheskoy-i-socialnoy-stabilnosti-v-gorodskoy-rossii-nakanune-voyny-i-revoljucii-sovremennyuy-vzglyad.html> (дата обращения: 14.10.2017).
12. Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции. Статья 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/05/1251193797/72-84-Mironov.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).
13. Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с.
14. Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: АПР, 2012. 388 с.
15. Зарубежное россиведение / под ред. А.П. Безбородова. М.: Проспект, 2013. 880 с.
16. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М.: Изд. дом «Захаров», 1994. 584 с.
17. Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum Crisis, 1914–1921. Cambridge (Mass.); London: Harvard university press, 2002. IX, 359 р.
18. Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005. 318 р.
19. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.
20. Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45.
21. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 395–435.
22. Булдаков В.П., Марченя В.П., Разин С.Ю. Народ и власть в российской смуте: прошлое и настоящее системных кризисов в России: международный круглый стол в Институте социологии РАН // Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 288–302.
23. Штомпка П. Социология социальных изменений. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/mono/Штомпка%20П.%20Социология%20социальных%20изменений.htm> (дата обращения: 14.10.2017).

24. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 969 с.
25. Филиппова Т.А. Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции // Отечественная история. 2017. № 2. С. 78–92.
26. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб: Лики России, 2012. 336 с.
27. Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 231 с.
28. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочки. СПб.: Наука, 2002. 344 с.
29. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 633 с.

УДК 94(571.15)

П.А. Афанасьев

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)*

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ НА АЛТАЕ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ*

Статья характеризует особенности и динамику гражданского противостояния в Алтайской губернии в 1917–1919 гг. Автор анализирует расстановку общественно-политических сил в регионе, ожидания и настроения населения от революции, а также основные векторы развития общественного противостояния. Широкая демократизация в 1917 г. завершилась большевистским установлением советской власти в губернии. Последующее ее свержение, вернув демократические ожидания общества, в итоге лишь обострило отношения населения и власти, что привело к открытому гражданскому противостоянию в губернии. Вначале оно выразилось в протестных действиях населения, а с серединой 1919 г. оформилось в партизанское движение с присущими ему чертами крестьянского анархизма. В результате советская власть оказалась восстановлена крестьянско-партизанским движением. Автор приходит к выводу, что особенности настроений и противостояния в Алтайской губернии последовательно воплотили два пути прихода к советской власти: партийной борьбы и большевистской узурпации в конце 1917 г. и движения «снизу» в 1919 г.

Ключевые слова: Алтайская губерния, крестьяне, советская власть, партизанское движение, Гражданская война.

Революционные события 1917 г. и последующая Гражданская война для Алтая, как и для всей страны, стали переломной эпохой. Свержение монархии завершило кабинетский период в истории Алтая, положив начало созданию его как самостоятельной административно-территориальной единицы. Уже летом 1917 г. была выделена Алтайская губерния. Форми-

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

рование органов ее власти совпало с политической борьбой революционных сил и установлением советской власти. В годы Гражданской войны территория губернии стала одним из мощных центров партизанского движения в Сибири против Колчака. Все эти особенности регионального контекста революционных событий были связаны со спецификой исторического развития Алтая, определяя накал общественного противостояния. Историки уже давно и неоднократно обращались к изучению событий революции и Гражданской войны на Алтае. Еще в советские годы был описан в основных чертах ход политических и военных действий в регионе. Тогда же была заложена историографическая традиция рассмотрения этих событий как поступательного движения к советской власти и единоличному влиянию большевиков [1; 2]. Такой подход, упрощая историческую действительность, значительно обеднял многообразие социальных и политических отношений, определявших региональную специфику революционного процесса. Лишь с 1990-х гг. историки, по мере изучения ранее закрытых сюжетов, все более стали сосредотачиваться на сложном и неоднозначном характере событий, происходивших в регионе [3; 4; 5]. В настоящей публикации предпринимается попытка представить основные настроения общества и векторы гражданского противостояния в Алтайской губернии, определившие ее развитие в 1917–1919 гг.

События Февральской революции сразу же активизировали большинство населения Алтайского округа. Этому способствовало создание весной и летом 1917 г. новых органов власти на выборной основе. По инициативе населения и томских губернских органов в марте–апреле возникли низовые комитеты общественного порядка и народные собрания. Затем летом 1917 г. их сменили структуры самоуправления, установленные правительством, в лице земств и городских дум. Все эти органы позиционировались как олицетворение революционной демократии, поэтому в дальнейшем посягательства на их деятельность и существование рассматривалось населением как покушение на революцию.

В марте–апреле на Алтае началось создание советов, которые в отличие от органов самоуправления рассматривались как демократические структуры по защите классовых интересов отдельных групп населения. Как и по всей стране, на Алтае советы рабочих и солдат существовали обособленно от советов крестьянских депутатов. После создания в июле 1917 г. каждым из них своих губернских структур, губернский Совет крестьянских депутатов и его исполком сохранял самостоятельность, лишь по общим вопросам контактируя с Советом рабочих и солдатских депутатов [1, с. 57].

В итоге, уже к концу лета 1917 г. в губернии на всех уровнях сосуществовали различные правительственные органы, самоуправление, сове-

ты, а также прежние учреждения кабинетского хозяйства. Каждая из структур претендовала на часть властных и управлеченческих полномочий. Такая ситуация не только усложняла и запутывала распределение власти, но и ослабляла доверие и подчинение любым властям со стороны населения. Крестьяне в таком варианте демократизации склонялись к тем органам, которые выражали и отстаивали их интересы. К тому же, такое мно-говластие уже к осени 1917 г. создало определенную усталость от политики, чем отчасти можно объяснить низкую избирательную активность и даже игнорирование в некоторых местах губернии выборов в земства [6, с. 53].

В новых органах власти активное участие принимали представители политических партий демократического и социалистического направлений. Поэтому новым явлением жизни региона стала политическая борьба, которая в условиях 1917 г. определялась способностью партий привлечь население к своим программам. Первой проверкой партийного влияния на жителей региона стали выборы в народные собрания, состоявшиеся в апреле 1917 г. Победу, как правило, одерживали представители партии социалистов-революционеров (эсеров), в городах – в блоке с социал-демократами [1, с. 55]. Именно эсеры пользовались наибольшей популярностью в алтайской деревне. Они преобладали в земельных комитетах, земствах и советах крестьянских депутатов, их список победил в губернии на выборах в Учредительное собрание. Созданный в июле 1917 г. губернский Исполком совета крестьянских депутатов также возглавили эсеры. В своей деятельности эсеры опирались на разветвленную сеть потребительской и кредитной кооперации. Социал-демократы Алтая только в июне 1917 г. разделились на большевиков и меньшевиков. Их влияние преимущественно охватывало города губернии. Рост влияния большевиков в Барнауле начался только в сентябре 1917 г. [7, с. 62–64, 73–75].

Спектр политических настроений населения Алтая весной и летом 1917 г. отличался широтой. Они характеризовались поддержкой Временного правительства, требованиями широкой демократизации. Лектор-инструктор В.И. Устинович после одной из поездок отмечал: «Старый и новый строй, Учредительное собрание и способы выборов в него, демократическая республика, Советы рабочих и солдатских депутатов, война, политические партии и земельный вопрос – вот темы, которые интересуют и волнуют народные умы» [7, с. 61]. Постоянным пожеланием был созыв Учредительного собрания, но понятия крестьян о нем как о высшем органе власти были смутны. С ним связывалось установление нового строя, справедливых законов, решение земельного вопроса [6, с. 46; 8, с. 24; 9, л. 766–766 об.]. Популярность Учредительному собранию создавали политические партии, в своих газетах постоянно напоминавшие, что только оно

может рассматриваться как законная власть.

Многообразие властных структур на местах и соперничество партий к осени 1917 г. стали ареной в борьбе за демократические ожидания населения. Опасение диктатуры после корниловского мятежа вело по всей стране к усилению большевиков, проводивших мысль о передаче власти советам. В Алтайской губернии усиление большевиков произошло в Барнаульском совете рабочих и солдатских депутатов. Этот орган с сентября 1917 г. выступал за передачу власти советам. Крестьянские советы губернии продолжали отстаивать Учредительное собрание и земства как органы, отличные от советов большим демократизмом избрания и более широким представительством населения. Поэтому идея передачи власти советам не находила широкой поддержки у крестьян Алтая [8, с. 73–75, 76–77; 9, 28 января]. Неудивительно, что после захвата власти Барнаульским советом в декабре 1917 г. губернское совещание советов крестьянских депутатов осудило это действие как «посягательство на власть земли», противоречащее созыву Учредительного собрания [10, 9 января]. В течение полутора месяцев шли сложные переговоры об объединении советов рабочих и крестьянских депутатов. В итоге, только в начале февраля 1918 г. на II губернском съезде советов сторонам удалось договориться о создании объединенного Губисполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [8, с. 86; 10, 30 января]. Но за этим стояла и борьба партий. Эсеры, получившие в губернии большинство на выборах в Учредительное собрание и контролировавшие крестьянские советы, не желали уступать власть, обвиняя барнаульских большевиков в ее узурпации даже без согласования с другими городскими советами. Поэтому решение о представительстве в Губисполкоме от двух советов должно было хотя бы частично отразить реальный расклад политических сил в условиях большевистского захвата власти Барнаульским советом, не представлявшим ни большинства населения губернии, ни расклада ее политических сил.

Переход власти к советам в губернии означал разрыв с демократическими ожиданиями населения и политических партий. Началось упразднение земств, городских дум. Тем не менее, до лета 1918 г. советы были созданы только в трети волостей Алтайской губернии [6, с. 101]. Несмотря на закрытие оппозиционной большевикам прессы, к лету 1918 г. большинство из 19 выходивших газет губернии были эсера-меньшевистскими [11, с. 37]. Поэтому можно полагать, что демократические ожидания, воплотившиеся благодаря партийной пропаганде среди населения, помешали большевикам быстро и прочно установить советскую власть в губернии.

Политическая борьба развивалась на фоне сложной повседневной жизни крестьянского населения Алтая и его ожиданий от революции. Передача земель и лесов Алтайского округа из Кабинета в собственность го-

сударства не решали вопросов пользования ими. Поначалу крестьяне отстраняли лесничих, заменяли лесную стражу выборными из своей среды. К апрелю 1917 г. 16 из 59 лесничеств Алтайского округа фактически прекратили свою деятельность [6, с. 62]. Практическая нерешенность земельного вопроса в условиях весеннего сева резко увеличила число земельных захватов весной 1917 г. Крестьяне многих волостей принимали решения о захвате земель Кабинета, ими наделялись малоземельные жители и переселенцы. Арендная плата за землю перестала вноситься совсем или определялась самими крестьянами. Губернский земельный комитет своими решениями запрещал «всякие самовольные захваты», призывая ждать решений Учредительного собрания. К октябрю–ноябрю 1917 г. захваты земель сократились, поскольку крестьяне «явочным» порядком фактически решили свои земельные нужды [6, с. 50]. Начавшаяся в губернии в марте 1918 г. земельная реформа сохранила за крестьянами их наделы и санкционировала произведенные захваты, а также осуществила прирезки нуждающимся из бывших кабинетских земель. Характер наделения землей зависел также от социального состава селений. Попытки уравнительного распределения в селах с преобладанием в руководстве бедняков оказались безуспешными из-за отсутствия у части населения инвентаря и семян [6, с. 113–121, 141]. В целом, радикального перераспределения в землепользовании к лету 1918 г. на Алтае не произошло.

Наиболее острым вопросом для крестьян Алтая было платное пользование лесом. Сразу после Февральской революции в лесах Алтая повсеместными стали массовые самовольные порубки леса, крестьяне отказывались тушить лесные пожары, а пользование лесом (охота, сбор побочных лесных продуктов) стало фактически бесплатным. Низовые власти были бессильны повлиять на население, отвечавшее, по словам лесничих, «угрозами и грубой бранью». Вновь избранные органы самоуправления также вставали на сторону населения, поощряя их действия. К началу 1918 г. масштабы массовых самовольных порубок только увеличились. Население действовало все более вызывающее, а советы не могли прекратить лесные беспорядки. Они нередко вставали на защиту порубщиков, руководствуясь классовыми и нравственными понятиями, поощряя порубки вернувшихся с фронта солдат, бедных крестьян и солдаток [6, с. 122; 12, с. 44–49]. Но, несмотря на массовый характер, лесные порубки не удовлетворяли интересов самых нуждающихся крестьян, не имевших возможности вывезти срубленный лес. В некоторых селениях бедняки и солдатки запрещали порубки именно в силу этого обстоятельства. Но такая ситуация лишь усилила конфликтность в среде самих крестьян.

К лету 1917 г. в алтайской деревне усилились различные проявления анархизма. Газеты все чаще сообщали о жестоких самосудах. Крестья-

не были убеждены, что теперь «народ вправе распоряжаться судом скорым и жестоким с нарушителями его спокойствия и похитителями его имущества» [13, 5 декабря]. В отдельных случаях самосуды производились при попустительстве местных властей, но зачастую они были бессильны что-либо предпринять [14, л. 25]. Массовый характер принял самогоноварение, в котором участвовали даже люди, ранее им не занимавшиеся. В селах, по словам корреспондента газеты «Алтайский луч», «до самого великого поста все самогонные аппараты были в полном ходу, работая день и ночь». Несмотря на предпринимавшуюся борьбу с пьянством со стороны губернских органов, выборные сельские власти под угрозами населения оказывались бессильны или же не запрещали производство «самосидки» [1, с. 182; 15, 9 марта, 25 апреля]. Подобные беспорядки, являясь негативным проявлением «разгула демократии», отражали еще одну сторону жизни алтайской деревни, вызванную отсутствием единой реальной власти на местах, уничтожением судов и наказаний. Смены власти в начале, а затем и в середине 1918 г. никак не изменили ситуацию, и эти формы анархического поведения были характерны для крестьян на протяжении всего периода революции и Гражданской войны.

Провозглашение советской власти в масштабе всей Алтайской губернии, произошедшее в начале февраля 1918 г. на II губернском съезде советов, не привело к общественному успокоению. Комплекс политических и социальных ожиданий населения не получил разрешения, а методы большевистской диктатуры заставили перейти несогласную часть политически активного населения в оппозицию новой власти. Крестьянское большинство губернии заняло по отношению к новой власти пассивно-выжидающую позицию. В силу этих обстоятельств после начала восстания Чехословацкого корпуса, несмотря на сопротивление красногвардейских отрядов, к середине июня 1918 г. советская власть в Алтайской губернии была свергнута.

Пришедшее к власти Временное сибирское правительство возобновило работу местных выборных органов, возродило многопартийную систему. Часть сел Алтайской губернии сразу же восстановили деятельность земских управ, но некоторые села отказались принимать земства, сформировав временные комитеты. Социально-экономические мероприятия новых властей также отражали неприятие советской власти. Сразу же были аннулированы все осуществленные ею мероприятия. Свержение советской власти на Алтае вызвало поддержку у части населения (казачество, торго-во-промышленные слои), крестьянство Алтая отнеслось равнодушно, не приняв участие в вооруженной защите советской власти, а в ряде населенных пунктов содействуя ее ликвидации пассивным или активным сопротивлением [16, с. 135–136]. Наибольшими дивидендами воспользова-

лись эсеры и меньшевики, вернувшиеся к власти и оценившие переворот как восстановление революционной демократии. Позже, в ноябре 1918 г., осудив установление диктатуры Колчака, они продолжили защищать демократию в земствах и городских думах. Там они по-прежнему сохраняли свои позиции, фактически встав в пику правительенным органам губернии [16, с. 164, 169], чем способствовали формированию негативного восприятия населением колчаковского режима.

Крестьянство после свержения советской власти было склонно к упорядочению отношений с новой властью, поначалу заняв выжидательную позицию по отношению к ней. Но повсеместной поддержки Временного сибирского правительства в алтайской деревне не было. Свободное поведение крестьян в течение полутора лет привело деревню, по словам земских инструкторов, к ситуации «полной дезорганизации и полнейшего нежелания считаться с законами» [16, с. 131]. Местные земства не имели средств для ведения хозяйства. Продолжались массовые самовольные поборки леса, противостоять которым лесная стража не могла из-за лучшей вооруженности населения. Не справились новые власти с самосудами и самогоноварением. В такой обстановке любые меры подчинения крестьян законным требованиям властей вызывали недовольство. Уже осенью 1918 г. мобилизация и методы ее проведения вызвали восстания крестьян. Позже крестьяне ответили недовольством на податно-реквизиционную политику правительства [2, с. 94–100].

Враждебное отношение к правительству подогревали репрессии и карательные действия против населения в ответ на его неповинование. Массовые расстрелы, порки населения, аресты, усилившиеся в 1919 г. и проводившиеся нередко без всяких оснований за неисполнение любых требований начальства, нервировали и запугивали население. В начале 1919 г. губернские и уездные власти отмечали, что настроение населения к существующим порядкам и властям «крайне напряженное и враждебно-выжидательное», не исключалась возможность открытых выступлений [1, с. 239; 16, с. 179–180].

На этом фоне с начала 1919 г. во многих местах губернии стали появляться группы лиц, которых власти называли «разбойничьи шайки» и «банды», а советская историография назвала первыми партизанскими отрядами. Эти группы по оценкам властей занимались «исключительно грабежами, насилиями и убийствами», «грабя имущих, убивая все, что может оказать моральное сопротивление бандитизму» [17, л. 22]. Они также дестабилизовали местную власть, громя лесничества, земства и иные учреждения [2, с. 110–113; 3, с. 35–37, 45, 48, 53]. Действия этих групп в некоторых случаях были вызваны личной местью представителям местной власти или личными счетами между крестьянами [18, л. 8, 83]. Появ-

ление таких групп можно считать своеобразной реакцией на жесткие действия властей, а также свидетельством глубокого социального кризиса в алтайской деревне к 1919 г. Вооруженная борьба против «банд» лишь усилила отрицательное отношение населения к властям, поскольку отряды, по признанию последних, «обращают главное внимание на карательные действия против населения, а не на ликвидацию банд» [18, л. 163]. Можно говорить, что властям не удалось наладить отношения с населением губернии. В лучшем случае, оно было безучастным, выражаясь фразой: «Кто хочешь, владей, лишь бы нас не трогали» [17, л. 15].

Губернские власти также отмечали неоднородность самого крестьянства, влиявшую на их приверженность антиправительственным настроениям. Так, в Славгородском уезде переселенцы, не успевшие еще окрепнуть экономически, оказались приверженцами большевистской пропаганды «с обещаниями быстрого обогащения бедных за счет богатых». Это в свою очередь вело к политизации конфликтов между старожилами и переселенцами [18, л. 13; 19, л. 1–1 об.].

К августу 1919 г. деятельность «банд» все более принимала борьбу против властей, толчком к которой послужило Зиминское восстание. Готовившееся заранее подпольной группой, оно отличалось от действий небольших стихийных вооруженных отрядов высоким уровнем организации и политическими целями [1, с. 262–263, 269]. Именно отступавшие руководители восстания проявили инициативу по объединению разрозненных партизанских групп в армию. Однако объединение зиминцев с отрядом Е. Мамонтова выявило ряд трудностей. Поскольку партизанское движение формировалось «снизу», самими крестьянами, то оно вобрало в себя все типичные проявления возросшего с 1917 г. крестьянского анархизма с присущими ему хулиганским поведением, пьянством и грабежами. Это вызвало неизбежные конфликты с руководством более организованных зиминцев, категорически не принимавших таких проявлений «партизанщины» [3, с. 61–63, 76–79, 90–97]. Объединение партизанских отрядов в армию растянулось до начала октября 1919 г. К тому же, партизанские группы стремились защищать только свои территории. Во всем этом четко прослеживается одна из главных причин партизанской борьбы против властей, которую исследователи называют «здравым pragmatismом сибирских крестьян». Влияние большевиков в армии партизан практически отсутствовало. Поэтому, хотя большинство партизан боролось за восстановление советской власти, но понимание ее было различным. Многие партизаны, будучи по оценке одного из участников, людьми «с крестьянской психологией, ничем не выделяющиеся из окружающей среды» [3, с. 79], не хотели никакой власти, являясь носителями стихийного анархизма. Неслучайно, после изгнания колчаковских войск в декабре 1919 г. партизаны

не были включены во вновь созданные органы восстановленной советской власти.

Уже в сентябре 1919 г. на контролируемых территориях партизаны «начинают создавать подобие гражданской власти, учреждая местные «советы», созывая собрания и съезды... анархически-разбойничьи выступления начинают принимать характер политического движения» [17, л. 22]. Губернские власти, с опозданием вынужденные констатировать это, упустили инициативу по привлечению населения на свою сторону планомерным формированием гражданской власти, оказавшись вынужденными продолжить только военную борьбу против партизан [17, л. 22 об.–23 об.]. Это окончательно свело на нет и без того слабую поддержку властей населением, которое, тем не менее, поддерживало партизан по разным мотивам, «отчасти из сочувствия лозунгам... отчасти из страха за жизнь и имущество» [17, л. 22 об.]. К тому же, крестьянскому большинству Алтайской губернии оказались ближе лозунги и действия партизанского движения, вышедшего из этой же крестьянской среды. К декабрю 1919 г. в ходе боевых действий советская власть в Алтайской губернии была восстановлена.

В целом, общественно-политическое противостояние на Алтае после Февральской революции определялось несколькими тенденциями. Одной стала широкая демократизация, воплотившаяся в борьбе политических партий за власть и влияние на население. Другой можно считать ожидания крестьянского большинства губернии, связанные с ликвидацией кабинетского землевладения. Не менее важным явлением стало укоренение в крестьянской среде самосудов, самочинных действий и неподчинения многочисленным местным властям. Действие этих тенденций, меняя общественные настроения и степень противостояния в Алтайской губернии, в конечном счете привело к двум разным путям прихода к советской власти. Развитие революционного процесса сделало установление «первой» советской власти на рубеже 1917–1918 гг. результатом политической борьбы партий без учета политических настроений общества. Но свержение советской власти демократическими силами привело к усилению гражданского противостояния как внутри общества, так и между населением и властью. В итоге, «вторая» советская власть оказалась восстановлена партизанским движением, вобравшим в себя многие черты крестьянских ожиданий и образа их действий, выработанных за время революции. Это придало специфику последующему восстановлению советской системы вернувшимся к власти большевиками, предопределив уже новые конфликты власти с крестьянами и бывшими участниками партизанского движения.

Библиографический список

1. Борьба за власть Советов на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1957. 462 с.
2. Шелестов Д.К. Борьба за власть Советов на Алтае. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. 135 с.
3. Гришаев В.Ф. Сыны Алтая и Отечества. III: Ефим Мамонтов. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 200 с.
4. Краснощеков А.А. Восстание в Барнауле 11 июня 1918 г. // Алтай. 2003. № 5. С. 163–169.
5. Шишкин В.И. Западно-Сибирская крестьянская красная армия // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1. С. 578–580.
6. Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М.: Прометей, 1990. 167 с.
7. Очерки истории Алтайской организации КПСС. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1985. 553 с.
8. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций Алтайской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 130 с.
9. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 475.
10. Дело Алтая. Орган Алтайского губернского совета крестьянских депутатов. Барнаул, 1918.
11. Кидяева Г.В. Цензурные условия развития книгоиздания и периодической печати на Алтае в 20-х гг. XIX в. – 1919 г. // Алтайский сборник. Вып. 21. Барнаул, 2004. С. 30–40.
12. Поляков С.Е. Влияние настроений крестьянства на ситуацию в Алтайском округе (весна 1917 г. – весна 1918 г.) // Алтайский сборник. Вып. 21. Барнаул, 2004. С. 41–51.
13. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1917.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1791. Оп. 6. Д. 377.
15. Алтайский луч. Общественно-литературная социал-демократическая газета. Барнаул, 1918.
16. Кокоуллин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 456 с.
17. ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 8.
18. ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 16.
19. ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 10. Д. 51.

УДК 94(571.15)

П.А. Афанасьев, А.А. Калашников

Алтайский государственный педагогический университет

(Барнаул, Россия)

**«АЛТАЙСКИЕ ИНКВИЗИТОРЫ»: САМОСУД В СРЕДЕ
АЛТАЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1917 г.**

На основе материалов периодической печати и документов Государственного архива Алтайского края авторы предпринимают попытку определить основные формы и причины самосудов алтайского крестьянства в 1917 г. В качестве основных причин авторы выделяют влияние революционного времени, смягчение действующего законодательства и продолжение традиций крестьянского самоуправления. Авторы приходят к выводу, что в большинстве случаев мера наказания зависела от настроений толпы, а не от тяжести преступления. По мнению авторов, алтайское крестьянство путем самосудов предпринимало попытки самостоятельного поддержания порядка в деревне, где в революционных условиях действующее законодательство фактически игнорировалось.

Ключевые слова: Алтайский округ, Алтайская губерния, крестьянский самосуд, 1917 г.

Самосуд – явление, проходящее сквозь время. После Февральской революции отсутствие твердой власти в центре и на местах побуждало население решать свои проблемы самостоятельно. Алтайские газеты уже к осени 1917 г. констатировали «эпидемию самосудов» [1, 25 октября]. На страницах алтайской прессы можно встретить многочисленные упоминания о зверствах, творимых в деревнях и селах Алтайской губернии. Тем не менее, самосуды как характерное явление революционного времени не рассматривались в историографии. Внимание советских историков к крестьянскому движению в 1917 г. не распространялось на самосуды [2, с. 60–69; 3, с. 83; 4, с. 245–247]. Их обходили стороной ввиду сложности интерпретации в русле классового подхода: политическая зрелость крестьянства не соответствовала его поступкам. Историки затрагивали лишь отдельные сюжеты, свидетельствующие, по их мнению, либо об общем разложении нравов и дезорганизации власти на местах [5, с. 29–30, 37–38, 47–49, 53], либо об усилении классового антагонизма в период революции [6, с. 32]. Между тем, имеющаяся источниковая база вполне позволяет определить основные формы и причины самосудов в среде алтайского крестьянства после событий Февральской революции. Освещение данного вопроса поможет лучше понять настроения крестьянства, царившие в революционное время, их отношение к действующей на тот момент власти и ее представителям.

После событий Февраля количество самовольных расправ крестьян как друг над другом, так и над служащими Алтайского округа резко возросло. Служащие лесничеств, постоянно находившиеся «под страхом насилий и самосудов» [7, л. 208] покидали службу, отмечая невозможность ее несения. «Ни один кровожадный не терзает свою жертву, как терзают, мучают, издеваются участники самосуда» – отмечал некий Г.С. [8, с. 15]. Об остроте проблемы свидетельствует издание в сентябре 1917 г. воззвания губернского комиссара А.М. Окорокова к гражданам Алтайской губернии о недопустимости самосудов [1, 29 сентября]. Однако на местах на него не обратили внимания, и осенью количество самовольных расправ со стороны населения только выросло. Заместитель губернского комиссара Я.В. Плотников на заседании губернского совещания представителей общественных и политических организаций Алтайской губернии по вопросу о борьбе с анархией заявил, что все экстренные дела, такие как самосуды, должны разбираться в судах вне очереди [9, 29 октября].

В анонимном письме, опубликованном в газете «Жизнь Алтая», дезертиры просили прекращения сельского самосуда, «следствием которого совершены десятки убийств» [1, 6 сентября]. Огромное количество дезер-

тиров и отпускных солдат порой занималось грабежами, разбоем, погромной агитацией, что, конечно же, порождало злобу и ненависть к ним местного населения. Доходило до того, что преступники, опасаясь «народного суда», сами сдавались милиционерам [1, 19 ноября].

Самосуд в крестьянской среде воспринимался в качестве вынужденной меры, так как на тот момент иных способов вершить правосудие население не видело. По мнению автора одной из статей в газете «Жизнь Алтая», из-за недостатка судебного персонала «оставленное на произвол хулиганов население или терпит анархию или борется с нею своими средствами» [1, 12 октября]. «Если бы народ был уверен в твердости судебной власти, разве он стал бы творить самосуд?» – спрашивал автор одной из газетных статей, подчеркивая вынужденный характер незаконных действий [1, 25 октября].

Осенью по приговору сельского народного собрания с. Чашпи в Бийский уездный исполнком были доставлены трое крестьян для предания их смертной казни. В приговоре народного собрания говорилось, что в случае его игнорирования арестованные будут убиты «народным судом» [10, 24 ноября]. Мы видим, что иногда крестьяне, вынося подобные приговоры, все же рассчитывали на санкцию вышестоящих органов. Но в случае конфликта власти и общественного мнения население было готово вершить суд самостоятельно. Крестьяне, неуверенные в том, что преступники будут наказаны по всей строгости закона, занимались самосудом [1, 11 октября]. Жертвами самосуда на Алтае, как правило, становились односельчане, жители соседних деревень или просто приезжие лица.

Решение о виновности подозреваемых и приговор выносились на общем сельском собрании, на котором могло присутствовать до нескользких сотен человек. Его принятие осуществлялось наиболее демократичным способом – поднятием рук. Так же определяли и меру наказания [9, 19 ноября]. Иногда подозреваемого отдавали «бушующей толпе» сразу же для расправы [10, 17 августа]. Вариативность смертных приговоров зависела лишь от фантазии «палачей»: избиение, проламывание черепов, закапывание живых людей в землю [11, 24 ноября].

Наиболее тяжкими преступлениями среди крестьян считались убийство и воровство имущества и скота. В революционные годы массовый характер приобрело конокрадство. Типичным наказанием конокрадов было проведение их через улицы за поводья с надетыми на них уздами [1, 18 ноября], иногда же их могли избить до смерти [1, 10 декабря, 24 ноября]. В целях повышения эффективности следствия крестьяне во время допросов использовали пытки [12, 6 июня, 5 июля]. В с. Ново-Обинском Бийского уезда заподозренных в краже лошадей жителей соседней деревни вначале избили, потом «драли плетьми», после чего начали поднимать

их над землей и с размаху бросать об нее, пока подозреваемые не потеряли сознание. В результате такого досудебного разбирательства один из подозреваемых был убит, а двое других посажены в местную тюрьму [12, 23 июня].

Шествие воров, связанных и запряженных в телеги, либо просто с привязанными к ним вожжами, могло сопровождаться ударами по ним плетью или кнутом [12, 25 июня]. «Люди, запряженные в телегу, везут ее с поля в деревню; они так истерзаны, что кровавые куски тела отвисли и болтаются» [1, 18 ноября]. Так воры под руководством односельчан доставляли украденную телегу хозяину. В поселке Барынча двух братьев, обвиненных в краже, «били, привязывали за одну ногу и подвешивали к пекладине над воротами и здесь снова били» [12, 6 июня]. В селе Клочковском Барнаульского уезда в августе было объявлено о введении телесных наказаний [1, 12 октября]. Пойманных затем на краже воров наказали розгами, а воровку заставили идти через село в вывороченной шубе, обвшанную ворованным, и при этом бьющей в ведро и кричащей уничижительные в свой адрес выражения. По завершению шествия, она была сфотографирована, а фото затем было отправлено ее мужу на фронт [1, 12 октября]. В Малых Бутырках по улицам села водили парня с надетым на шею точилом, в краже которого он был обвинен [10, 17 августа].

В с. Фоминском Бийского уезда местными жителями были пойманы три подозрительные лица. У них не оказалось документов, зато имелось оружие, которое они попытались применить. После неудачной попытки побега толпа устроила над ними самосуд, несколько раз избила, а утром повела их на местное кладбище, где была подготовлена яма, и неизвестные были закопаны заживо. Самосуд был произведен и над односельчанином, к которому приезжали «гости». Но ему повезло больше, и он был представлен арестованым в распоряжение начальника Бийской уездной милиции [1, 10 ноября; 9, 12 ноября]. В с. Новенском Локтевской волости в течение почти целого дня толпа народа избивала своих односельчан, заподозренных в воровстве [9, 30 ноября]. Только после совершившегося самосуда началось дознание, и к делу подключились правоохранительные органы, но подозреваемые к тому времени уже были при смерти.

Из подобных сообщений с мест становится ясно, что порой страдали невиновные. В с. Каменке был произведен самосуд над мальчиком, невиновность которого была позже доказана [12, 5 июля]. В с. Усть-Алеусском осенью 1917 г. якобы участвовавшему в похищении девушки ямщику, не разобравшаяся в случившемся уличная толпа, лишь услышав крик «вор», разбила дубиной голову [1, 2 ноября]. В с. Тальменском вместе с конокрадами пострадал невиновный инвалид. «Крикнули толпе, что он «большевик», и этого было достаточно, чтобы над ним была произведе-

на дикая расправа» [1, 28 ноября]. В Коробейниковском лесничестве объездчики постоянно находились под угрозой самосуда за свои поездки в бор, который они, по мнению местных жителей, поджигали [13, л. 38 об.]. Застав однажды служащих лесничества за тушением пожара, крестьяне, не долго думая, избили одного объездчика лопатой, а второго сбирались «растянуть по рукам и ногам» [13, л. 16 об.]. Несмотря на частые угрозы в адрес представителей власти, крестьяне не спешили вершить над ними расправы, если дело не касалось каких-то личных счетов. Большинство конфликтов с представителями местной администрации решались заменой служащих, изъятием у них оружия, жалобами на них. Будет ошибочно искать политический подтекст «народного правосудия», подчеркивая революционность алтайской деревни. Своими действиями крестьянство выступало не против власти, оно пыталось компенсировать ее реальное отсутствие на местах.

«Таким образом, жизнь, практика и факт могут сделать закон не действующим, хотя бы он и не был отменен. Так может влиять на закон и революция – известные законы практически перестают действовать» [14, л. 26 об.], – данные слова, произнесенные К.М. Рычковым на заседании 2-й сессии Алтайского губземкома, хотя и были посвящены земельному законодательству, как нельзя лучше подходят для объяснения крестьянских самосудов. После отмены телесных наказаний в 1904 г., а затем и отмены смертной казни Временным правительством, крестьян Алтая перестал удовлетворять официальный суд, который не мог наказать виновных «по справедливости». Поэтому крестьяне предпочитали прибегать к самосуду, в их глазах надежному и действенному способу, не осознавая пагубности этого явления. При этом местные власти были не в силах прекратить зверства, творимые в алтайской деревне, что отмечал в одной из своих телеграмм томский губернский комиссар [15, л. 25]. Автор одной из газетных статей за жестокость крестьян, участвующих в самосудах, назвал их «алтайскими инквизиторами», отмечая всю опасность сложившейся практики [12, 5 июля].

Итак, после событий Февраля использование самосудов в алтайской деревне достигла громадных размеров. Часто жертвами становились случайные лица, а иной раз крестьяне под знаменем справедливого суда сводили личные счеты, тем более, что устоявшейся практикой было выбивание показаний пытками. Наказание, которому подвергался обвиняемый, зависело не от тяжести преступления, а от настроения толпы, выносившей приговор. В связи с этим, одних воров могли просто унизить, других же могли всячески истязать или даже убить.

По нашему мнению, рост числа самосудов на Алтае был обусловлен изменившимся законодательством – были смягчены наказания, которым

могли быть подвергнуты преступники. Важную роль сыграло влияние революционного времени, когда при отсутствии твердой власти, как в центре, так и на местах, люди не надеялись на законные решения и предпочитали брать все местные дела в свои руки. Также следует отметить, что самосуд – это своеобразное продолжение традиций мирского самоуправления. По устоявшемуся тезису, в России издавна деревня жила отдельной от государства жизнью. Поэтому когда в революционных условиях законодательство фактически перестало действовать, алтайское крестьянство путем самосудов предпринимало попытки самостоятельного поддержания порядка в деревне.

Библиографический список

1. Жизнь Алтая. Барнаул, 1917.
2. Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М.: Прометей, 1990. 167 с.
3. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск: Наука, 1987. 241 с.
4. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск: Наука, 1973. 264 с.
5. Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 456 с.
6. Борьба за власть Советов на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1957. 463 с.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 229. Оп. 1. Д. 5.
8. Алтайский крестьянин. Барнаул, 1917. 12 августа.
9. Известия Алтайской губернии. Барнаул, 1917.
10. Известия Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Пг., 1917.
11. Известия Алтайского губернского комитета спасения революции. Барнаул, 1917.
12. Алтай. Бийск, 1917.
13. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4686.
14. ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 20.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1791. Оп. 6. Д. 377.

УДК 94(470)

А.Г. Гордеев

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия)*

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье автор анализирует процесс формирования местной власти на территории Алтайской губернии после Февральской революции 1917 г. В основе исследования лежит анализ архивных документов указанного периода. Описывается деятельность земских деятелей по созданию работоспособного органа земского управления. Рассматривается процесс фактического перехода власти от новообразованных земств к советам рабочих сол-

датских и крестьянских депутатов. Автором дается оценка результату деятельности алтайского земства в этот период. Алтайский исполнительный комитет, несмотря на свой временный характер, наметил пути решения проблем региона, которого потом придерживалась и Алтайская губернская управа.

Ключевые слова: Февральская революция, земства, Алтайская губерния, внутренняя политика.

С введением Временным правительством земских органов в Сибири земство как способ организации местной власти наконец-то охватил территорию всей России. К логике эволюционного развития российского общества начала XX в. присоединились огромные территории от Уральских гор и до Тихого океана. Суть проводимой земской реформы раскрывалась в нескольких законодательных актах: 21 мая опубликован закон «О производстве выборов уездных и губернских земских гласных», 9 июня – «Об изменении действующего положения о губернских и уездных земских учреждениях», 17 июня – «О введении земских учреждений в Архангельской губернии, Сибири и Степном крае». Поскольку введение земств в Сибири было совершенно новым делом, правительство сопровождало эти указы специальными инструкциями – наказами, разъясняющими порядок осуществления их на местах. Так, существовали «Наказ о производстве выборов волостных земских гласных», «Наказ по выборам в уездные и губернские земства», «Наказ по выборам земств в Сибири и Степном крае» [1, с. 435]. Сибирское земство, не имея такой обширной истории как земство Европейской России, смогло предложить альтернативную модель большевистским советам местного самоуправления.

И без того сложный процесс введения земского самоуправления в Сибири на территории Алтайской губернии был осложнён фактором выделения этой губернии из Томской. Начало процесса отделения южных уездов Томской губернии было положено 20 мая 1917 г. Мотивом к выделению в отдельную губернию служили экономические причины [2, л. 4 об.]. Уже 17 июня 1917 г. Временное правительство утвердило закон о разделе Томской губернии. К этому моменту во всех уездах образовавших впоследствии Алтайскую губернию существовали избранные на основе всеобщего прямого равного и тайного избирательного права уездные народные собрания и их исполнительные органы – уездные исполнительные комитеты. Стоит отметить, что данные органы были созданы на основании распоряжения переданного 17 марта 1917 г. в Барнаул Томским Комитетом общественного порядка [3, с. 41]. В городах по тому же принципу были сконструированы городские собрания и их комитеты. Выборы в эти органы проходили по принятому Временным правительством 21 мая 1917 г. закону [4, с. 329]. Созыв Алтайского губернского земского собрания было невозможно провести из-за страдной поры. Однако стремитель-

ные изменения, протекавшие в стране, требовали принятия быстрых решений. Единственным путем оставалось собрать представителей от уездных и городских комитетов и от инородческого населения Алтая, объединившегося в Горную думу. Съезд был назначен на 22 июля 1917 г.

Губернский земский орган был образован на основаниях представительства по одному делегату от каждого уезда, от Барнаула и от Алтайской горной думы. Здесь же был избран губернский комиссар [2, л. 5]. Губернским комиссаром был избран кадет А.М. Окороков, его заместителем – народный социалист Я.В. Плотников, в члены губисполкома 7 человек, в том числе делегаты от Барнаульского уезда А.Н. Новиков, Алтайской Горной думы С.С. Борисов, Бийского уезда Н.М. Любимов, Каменского уезда Е.В. Барабанщиков, Змеиногорского уезда Г.П. Бычков [3, с. 42]. Как указывает Н.П. Ерошкин «Циркулярным распоряжением правительства от 5 марта 1917 г. временно обязанности этих комиссаров возлагались на председателей губернских и уездных земских управ, и городских голов» [4, с. 328]. Характерной особенностью земского самоуправления явилось расширение объема полномочий и компетенции земств и городских самоуправлений [5, с. 98].

Временным правительством согласно разделу XII постановления 17 июня 1917 г. «О введении земства в Архангельской губернии и в Сибири» предусматривалось ассигнование на введение земского учреждения в каждом уезде. По решению министра внутренних дел и министра финансов предусматривалось не свыше 250 тыс. руб. на уезд. Стоит отметить, что из-за произошедшего большевистского переворота в Петрограде ассигнования по этой статье не были получены. По отчетам уездных исполнительных комитетов видно, что в среднем на введение земств было потрачено 30 тыс. руб. Причем финансы добывались разным путем, вплоть до заимствования у частных лиц [6, л. 37].

Произошедший Октябрьский переворот в Петрограде не встретил одобрения алтайских общественных организаций. Так на собрании членов Барнаульского уездного и Алтайского губернского исполнительного комитетов Советов крестьянских депутатов, с участием крестьян, работающих в местных общественных учреждениях, а также представителей гарнизонного Совета крестьян-солдат, после обсуждения событий в Петрограде была принята резолюция: «Захват большевиками власти осуждаем как предательство революции, как срыв Учредительного собрания, а, следовательно, и тормоз для осуществления наших заветных чаяний о земле и воле. Категорически заявляем, что мы будем действовать в согласии с Все-российским Советом крестьянских депутатов, а посему не исполним ни одного предписания большевистского правительства». В поддержку Временного правительства выступили змеиногорская организация ПСР, Бий-

ская городская дума [3, с. 61]. Неоднозначно к произошедшим событиям отнеслось и население губернии. Среди крестьян была распространена идея о том, что вопрос о власти в стране должно решать Учредительное собрание, а на местах следует образовать коалиционные органы. Например, на прошедшем 9 декабря 1917 г. в Барнауле съезде уездного Совета крестьянских депутатов большинством голосов было поддержано Учредительное собрание. Как пишет В.Г. Кокоуллин «На местах предлагалось создать власть в составе представителей от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и земских самоуправлений для проведения революционных законов, и закрепления воли народа. При этом, однако, земские самоуправления должны были отстаивать свою полную независимость в деле земского самоуправления, будучи ответственными только перед избравшим их населением» [3, с. 67].

После произошедшего захвата власти большевиками, роль земских учреждений и их поддержка стала стремительно падать. Из-за разрухи в стране временные земские органы – исполкомы начали терять опору во всех отраслях хозяйственной деятельности. Председатель Комитета П.М. Юхнев 31 января 1918 г. сложил с себя полномочия председателя и члена Комитета. На этой должности его заменил товарищ председателя А.Н. Новиков [7, л. 110]. К 18 февраля 1918 г. работа отделов комитета начала рассыпаться, увольнялись или, ссылаясь на болезнь, отказывались работать делопроизводители и другие категории служащих [7, л. 117]. Для созыва губернского земского собрания по закону необходимо было, чтобы были проведены уездные земские собрания. Однако по объективным причинам созыв данных собраний затянулся. В Славгородском уезде исполнительный уездный комитет датой созыва уездного земского собрания обозначил 12 января 1918 г., в Змеиногорском уезде собрание постановили проводить 15 января [7, л. 6]. На конец января 1918 г. еще не было созвано Барнаульское уездное земское собрание, упразднен Каменский комитет и заменен не земским органом – Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Поэтому Комитет вынужден был Первое Чрезвычайное губернское земское собрание созвать при неполном представительстве всех уездов. Дата начала съезда была установлена на 15 февраля 1918 г. [8, л. 1]. Причина, по которой губернский исполком земства оттягивал созыв чрезвычайного собрания, виден по количеству гласных от уездов. По Барнаульскому уезду гласных – 23 [8, л. 15], по Бийскому – 19 [8, л. 39], по Змеиногорскому – 4 [8, л. 46], от Каменского уезда два представителя Совета [8, л. 50, 51], по Славгородскому уезду 9 гласных [8, л. 52].

После организационного момента собрание сразу же перешло к избранию Алтайской губернской земской управы, как постоянно действую-

щему исполнительному органу земства [5, с. 99]. Собрание постановило определить состав управы из председателя и шести членов. Согласившийся баллотироваться в председатели Иван Иванович Дятлов закрытой баллотировкой избирается на эту должность [9, л. 1]. Закрытой баллотировкой членами управы собранием избраны: Гуляев Василий Павлович, Патенко Тихон Прокопьевич, Кленце Павел Бернардович, Чечуга Григорий Матвеевич, Титаренко Петр Павлович и Дурнев Илья Иванович [9, л. 2].

Свою деятельность Алтайская губернская земская управа начала с 5 марта 1918 г., приняв от исполкома все земские дела [7, л. 137]. В своём обращении к населению управа высказалась о том, что в сложившихся тяжелых условиях как финансовых, так и политических для земства, не представлялось возможным развернуть земскую работу в полном объеме. Деятельность управы была прервана 23 марта 1918 г., когда она обратилась с возвзванием к населению губернии по поводу прекращения деятельности земских органов.

Февральская революция ознаменовала собой период глубоких перемен и потрясений в обществе. Прежние властные структуры были быстро разрушены, произошла стихийная децентрализация власти на всех уровнях. На местах были быстро образованы новые управленческие структуры в лице временных комитетов, которые взяли на себя функции государственных органов. Такая ситуация вскоре привела к потере контакта центральной власти с региональными элитами и населением и, как следствие, потере поддержки правительства в народе. Представители общественности, получившие возможность заняться решением проблем родного края приступили к работе практически сразу. Алтайский исполнительный комитет, несмотря на свой временный характер, наметил пути решения проблем региона, которого потом придерживалась и Алтайская губернская управа. Логичное и последовательное развитие земского законодательства Российской империи Временным правительством давало возможность проявить себя лучшим представителям народа.

Библиографический список

1. Яковлева Н.А. Деятельность Алтайского земского самоуправления в 1917–1919 гг. // Местное самоуправление на Алтае, 1747–1919: сборник документов. Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2003. С. 434–444.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 233. Оп. 1. Д. 1.
3. Кокоуллин В.Г. Алтай в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 456 с.
4. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
5. Кривоносов Я.Е. Земство Алтая в системе «белых» властей (1917–1919 гг.) // История «белой» Сибири: тезисы научной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 97–101.

6. ГААК. Ф. 233. Оп. 1-в. Д. 3.
7. ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 28.
8. ГААК. Ф. 233. Оп. 1-в. Д. 5.
9. ГААК. Ф. 233. Оп. 2. Д. 29.

УДК 94(571.17)"1925/1930":324

М.В. Казьмина

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ КУЗНЕЦКОГО ОКРУГА ПО ИТОГАМ ВЫБОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.

В статье дана характеристика активности избирателей в период перевыборных кампаний в сельские советы Кузнецкого округа, проходивших в 1926/1927 и 1928/1929 гг. Проанализированы изменения в составе сельсоветов. В указанный период в них возросла партийно-комсомольская прослойка, степень представительства беднейшего крестьянства и батрачества. Во второй половине 1920-х гг. увеличилась доля лиц, лишенных избирательных прав по причине использования наемного труда. Данное обстоятельство ослабило позиции зажиточных слоев деревни. Таким образом, изменения в составе сельских советов являлись составной частью многограновой подготовительной работы для проведения в последующем коллективизации в деревне.

Ключевые слова: Кузнецкий округ, сельские советы, выборы, избирательные права.

Базовые положения, регулирующие деятельность сельских советов, были закреплены в ст. 25 Конституции РСФСР 1925 г. и конкретизированы целым рядом постановлений ВЦИК. В частности, в постановлении ВЦИК от 24 октября 1924 г. на сельские советы возлагалось наблюдение за выполнением всех распоряжений центральных и местных органов власти и сообщение волостному исполнительному комитету о случаях противодействия этим распоряжениям. Сельсоветы должны были содействовать организации и развитию коллективных хозяйств, а также оказывать помощь и поддержку органам, ведущим эту работу [1].

Накануне коллективизации ВКП(б) проводила большую работу по усилению роли сельских советов. Если выборная кампания в советы 1926 г. проходила под лозунгом изоляции кулачества, то 1927 г. уже имела антикулацкую направленность. Перевыборные кампании 1926/1927 и 1928/1929 гг. дают представление о том, как шел процесс изменения состава сельских советов, что было связано, с одной стороны, с новыми требованиями центральной власти, с другой, зависело от деятельности низовых властных структур и позиции избирателей. Об изменениях в активности электората в период выборов говорят данные таблицы № 1.

Таблица 1. Участие населения в перевыборных кампаниях (%)

	1926/1927 г.			1928/1929 г.		
	Общая активность	Активность мужчин	Активность женщин	Общая активность	Активность мужчин	Активность женщин
По городам	65,49	71,75	54,63	84,56	87,95	81,14
По поселкам	44,0	50,22	34,55	91,76	92,23	91,16
По сельской местности	54,8	71,8	38,0	82,14	88,48	75,79

Источник: Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Р-22. Оп. 1. Д. 325. Л. 60. [2, л. 60].

Как видно из таблицы общая активность населения, имевшего право голоса, выросла как по городам, поселкам, так и в сельской местности. По городам рост составил 19,07%, по поселкам – 47,76%, по сельской местности – 27,34%. По общей активности население сельской местности в обеих кампания занимало третье место. Логично подчеркнуть, что активность мужчин повсеместно была выше, чем женщин. Однако стоит отметить, что рост внимания к выборам у женщин был существенным [3, с. 145]. За период 1926/1927–1928–1929 гг. их участие в перевыборах в городах выросло на 26,51%, в поселках – на 56,61%, в сельской местности – на 37,79%. Таким образом, женщины сельской местности, по этому показателю, занимали третье место и уступали горожанкам и тем, кто жил в поселках, но по темпам прироста активности вышли на второе место среди указанных категорий. Схожие тенденции наблюдались и в РСФСР [1, с. 17–18].

Архивные материалы позволяют выявить степень участия различных категорий населения в перевыборных кампаниях 1926/1927 и 1928/1929 гг.

Таблица 2. Показатели активности различных категорий населения в перевыборных кампаниях в местные советы в 1926/1927 и 1928/1929 гг.

Периоды	Показатели активности (%)					
	Крестьяне-земледельцы	Сельхоз. рабочие и батраки	Прочие рабочие	Кустари и ремесленники	Учителя, врачи, агрономы	Прочие служащие
1926/1927	52,23	57,76	58,51	58,73	92,0	67,61
1928/1929	82,48	78,68	83,04	78,04	94,3	88,6

Источник: ГАКО. Р-22. Оп. 1. Д. 325. Л. 61 [2, л. 61].

Как следует из материалов таблицы, самый высокий процент участия в выборах был у врачей, учителей и агрономов (92,0 и 94,3%), а также

служащих (67,61 и 88,6%). Данная тенденция была типична для РСФСР в целом. [1, с. 19]. Что касается крестьян земледельцев, то по этому показателю они находились на последнем (шестом) месте в кампании 1926/1927 г. и вышли на четвертое место в выборной кампании 1928/1929 г., опередив сельскохозяйственных рабочих и батраков, а также кустарей и ремесленников. Логично подчеркнуть, что в целом за столь короткий срок активность крестьян земледельцев выросла почти на треть (на 30,25%), что свидетельствует о росте их заинтересованности в работе местных органов власти. Активность сельскохозяйственных рабочих и батраков также выросла за указанный период с 57,76% до 78,68%. Последний показатель совпадает с данными по Сибирскому краю и считается высоким по РСФСР [1, с. 19].

Перевыборные кампании привели к изменениям классового состава сельских органов власти.

Таблица 3. Классовый состав сельских органов власти

Органы власти	Годы	Социальные группы (%)						
		Крест. зем- лед.	С.х. раб. и бат- раки	Проч. рабо- чие	Кустари и ремесл.	Учителя, врачи, гигиенисты	Проч. слу- жащ.	Красно-Армей- цы
Сельские советы	1927	89,1	2,62	3,14	0,68	1,11	3,05	0,30
	1929	86,39	7,02	3,29	0,57	0,49	2,15	0,09
Председатели сельских советов	1927	95,47	2,47	0,41	-	0,41	1,27	-
	1929	77,73	15,79	2,83	0,42	-	3,23	-
Члены ревизионных комиссий	1927	80,3	1,5	2,60	0,96	7,25	7,12	0,27
	1929	73,69	5,37	2,70	0,25	10,47	7,25	0,25

Источник: ГАКО. Р-22. Оп. 1. Д. 325. Л. 62 [2, л. 62].

Обращаясь к данным таблицы № 3, можно сделать вывод о доминирующем представительстве во всех органах сельской советской власти крестьян земледельцев. В сельских советах их доля составляла в 1927 г. 89,1%, а в 1929 г. 86,39%. Уменьшение составило 2,71%, при этом выросла доля сельскохозяйственных рабочих и батраков соответственно с 2,62% до 7,02%, то есть в 2,7 раза, что объясняется политикой ВКП(б), направленной на поддержку этих слоев населения. Данная тенденция еще более ярко была выражена применительно к составу председателей сельских советов. В 1927 г. доля крестьян земледельцев среди них равнялась 95,47%, а в 1929 г. – 77,73%. Уменьшение составило 17,74%. При этом

представительство сельскохозяйственных рабочих в этой должности выросло с 2,47% до 15,79 % (в 6,4 раза). Среди членов ревизионных комиссий также сохранялось доминирование крестьян земледельцев, но их представительство сократилось с 80,3% в 1927 г. до 73,69% в 1929 г. (сокращение на 6,61%), при одновременном увеличении сельскохозяйственных рабочих и батраков с 1,5% до 5,37% (рост в 3,6 раза). Остальные категории населения не имели существенного представительства в Советах. Исключение составляют такие категории как учителя, врачи, агрономы и прочие служащие. Их доля суммарно заметно выросла в составе ревизионных комиссий с 14,37% в 1927 г. до 17,72% в 1929 г., что, скорее всего, объяснялось наиболее высоким уровнем образования, отличавшим данную часть населения.

О партийно-комсомольской прослойке в сельсоветах говорят данные таблицы № 4.

Таблица 4. Динамика партийного состава сельских органов власти Кузнецкого округа

Органы власти	Годы	Партийность (%)		
		ВКП(б)	ВЛКСМ	Беспартийные
Сельские советы	1927	9,47	4,99	85,54
	1929	12,0	7,21	80,79
Председатели сель-советов	1927	32,1	5,75	62,14
	1929	44,94	9,31	45,75
Члены ревизионных комиссий	1927	7,11	5,2	87,69
	1929	13,15	6,95	80,0

Источник: ГАКО. Р-22. On. 1. Д. 325. Л. 65 [2, л. 65].

Характеризуя партийно-комсомольскую прослойку в сельских советах, следует подчеркнуть, что накануне коллективизации она была низкой, хотя и увеличилась с 14,46% в 1927 г. до 19,21% в 1929 г. (рост 4,75%). Более 80% состава сельских органов власти были представлены беспартийными людьми. Однако среди председателей сельских советов доля членов партии и комсомольцев была весомой. За 1927–1929 гг. удельный вес коммунистов вырос с 32,1% до 44,94% (рост на 12,84%), комсомольцев с 5,75% до 9,31% (рост на 3,56%). В 1929 г. партийно-комсомольская прослойка среди председателей достигла 54,25 % и превысила долю беспартийных на этом посту. Среди членов ревизионных комиссий доминировали беспартийные, хотя их удельный вес за указанный период снизился с 87,69% до 80,0%. Таким образом, партийно-комсомольская прослойка в сельских советах усилилась за указанный период. Наиболее весомой она была среди председателей сельсоветов. Практически каждый второй из

них состоял либо в ВКП(б), либо в ВЛКСМ. Что касается представительства их в составе сельских советов и ревизионных комиссий, то оно было существенно ниже. Только каждый пятый был коммунистом или комсомольцем. Аналогичные тенденции были характерны как для Сибирского края, так и для РСФСР. Однако в Кузнецком округе, по сравнению с выше обозначенными регионами, партийно-комсомольская прослойка среди председателей сельских советов была заметно выше, а доля беспартийных на этой должности ниже [1, с. 27].

Существенное влияние на состав сельских советов Кузнецкого округа оказала политика лишения избирательных прав.

Таблица 5. Лишение избирательных прав в Кузнецком округе

	Период	Всего лишенных избирательных прав / в т.ч. членов семей (чел.)	Лица, лишенные избирательных прав по причине использования наемного труда (чел.)
По городам и рабочим поселкам	1926/7	1382/249	41
	1928/9	1526/413	63
По сельской местности	1926/7	3972/1311	484
	1928/9	6696/3886	988
По всему округу	1926/7	5354/1560	525
	1928/9	8222/3799	1051

Источник: ГАКО. Р-22. Оп. 1. Д. 325. Л. 70 [2, л. 70].

Как следует из данных таблицы, наиболее массово лишали избирательных прав селян. В 1926 г. таких было 3972 человека, в том числе 1311 членов семей, а в 1928 г. 6696 человек (рост в 1,7 раза) и в том числе 3886 членов семей (рост в 3 раза). Даже суммарно по городам и рабочим поселкам «лишенцев» было значительно меньше. Удельный вес лишенных избирательных прав в сельской местности от всех «лишенцев» по Кузнецкому округу составлял в 1926 г. 74,2%, в 1928 г. и 81,4% (подсчеты автора статьи). Лишались избирательного права служители религиозных культов, бывшие агенты царской охранки и осужденные судом, живущие на нетрудовые доходы, занятые частной торговлей и посреднической деятельностью. Применение наемного труда было одной из основных причин для лишения избирательных прав. В 1926 г. этот аргумент прозвучал в 12,2%, а в 1928 г. в 14,8% случаев от всех лишенных избирательных прав. Но среди всех лишенных избирательных прав по причине использования наемного труда сельские жители составляли подавляющее большинство. В 1926 г.

– 92,2%, в 1928 г. – 94,0% (подсчеты автора статьи). Логично подчеркнуть, что доля лишенных избирательных прав в сельской местности Сибирского края по данной причине составляла в 1927 г. 14,5%, в 1929 г. – 16,3% от всех лишенцев, что было выше показателей по Кузнецкому округу и по РСФСР в целом (в РСФСР соответственно: 12,0% и 10,5%). Для Сибирского края и Кузнецкого округа характерна положительная динамика по данному показателю, в РСФСР – отрицательная [1, с. 13].

При проведении перевыборных кампаний 1926/1927–1928/1929 гг. прослеживается ярко выраженный классовый подход, который привел к усилению партийно-комсомольской прослойки, как в сельских советах, так и среди их председателей. Возросла степень представительства беднейшего крестьянства и батрачества, тех, кто был освобожден от уплаты ЕСХН или платил минимальную ставку. Увеличилась доля лиц, лишенных избирательных прав. Данное обстоятельство ослабило позиции зажиточных слоев деревни. Таким образом, изменения в составе сельских советов являлись составной частью многоплановой подготовительной работы для проведения в последующем колLECTивизации в деревне.

Библиографический список

1. РСФСР. Центральная избирательная комиссия. Итоги выборов в советы РСФСР в 1929 г.: статистический сборник. Вып. 1: Выборы в сельские, волостные и районные органы власти. М.: Мосполиграф, 1930. 402 с.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 325.
3. Казьмина М.В. Роль делегатских собраний женщин сельских районов Кузнецкого округа в подготовке коллективизации в регионе // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. С. 144–145.

УДК 94(57).371.3

О.А. Литвинова

*Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия)*

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НОВАТОРСТВО НА АЛТАЕ В 1920-е гг.

В статье представлен исторический анализ педагогического новаторства как общественного явления. Автор, обращаясь главным образом к источникам личного происхождения, определил объективные и субъективные условия возникновения новаторских тенденций в отечественном образовании 1920-х гг., в том числе и на территории Алтая. На конкретных исторических примерах в статье раскрыта движущая роль педагогов-новаторов в процессе реализации институциональных изменений, происходивших в системе обучения в первое советское десятилетие, а также определены направления инновационной деятельности учителей Алтая.

Ключевые слова: школа, Единая трудовая школа, образование, педагогическое новаторство.

Одной из характерных черт школьного образования в 1920-е гг. стало педагогическое новаторство. Необходимость реализации коренных изменений в системе обучения была отмечена большевиками вскоре после их прихода к власти – в 1917–1918 гг. На практике начавшиеся в сфере просвещения перемены были следствием не только институциональных изменений, но и проявлением инициативы отдельных личностей.

Затрагивая проблему институциональных изменений, следует в первую очередь указать на реализовавшуюся в стране с осени 1918 г. концепцию Единой трудовой школы. Согласно этой концепции, процесс обучения и воспитания в школе планировался как круглогодичный. Зимой дети должны были учиться, а летом участвовать в производительном труде, применяя на практике полученные знания, умения и навыки. В литературе отмечается, что в «Основных принципах единой трудовой школы» (1918) и «Положении о Единой трудовой школе РСФСР» (1918) некоторые зарубежные педагоги видели прогрессивные педагогические идеи. Например, видный американский педагог и автор идеи «инструментальной» педагогики Д. Дьюи отмечал, что ни одно правительство мира не выдвигало столь новаторской по своей сути программы в области народного образования. В связи с этим документы о Единой трудовой школе были оценены им как первая в истории последовательная программа создания подлинно народной школы [1, с. 453].

Продекларированная в концепции Единой трудовой школы идея тесной связи процесса обучения с жизнью воплощалась в 1920-е гг. на практике через синтетический метод (он же – метод комплексного образования). Основу названного метода составляла триада «природа – труд – общество». Это означало, что в ходе комплексного изучения действительности детям следовало получать сведения о природных свойствах объектов, характеристиках социальных институтов и сформировать представление о производственных процессах. При подобном построении учебных программ практически ликвидировалась предметная система обучения. Традиционные учебные дисциплины объединялись на основе разработанных научно-педагогической секцией Государственного ученого совета Наркомпроса тем. Некоторые из такого рода тем: «Наш город», «Наша деревня», «Праздник 1 мая».

В отдаленных от столицы регионах, каким был Алтай, далеко не сразу начали вводиться новые принципы обучения. Это было связано, во-первых, с материальными трудностями – с отсутствием в школах новых программ и учебников, что заставляло учителей организовывать учебный

процесс по дореволюционным программам. Во-вторых, с социально-психологическими установками, поскольку спускаемые «сверху» программа и методики обучения неоднозначно воспринималась учителями. Кто-то из преподавателей в принципе не признавал новой системы преподавания, видя в ней явное смещение в сторону практической трудовой деятельности. В то же самое время некоторые из учителей приветствовали новый метод, считая, что он дает возможность активно применять творческий подход.

Несомненно, что в условиях объективных материальных трудностей 1920-х гг. и слабой методической базы работа учителей по новому синтетическому (комплексному) методу могла выстраиваться лишь на энтузиазме учителей. При этом зачастую пытавшиеся экспериментировать учителя-новаторы подвергались жесткой критике со стороны своих коллег на учительских конференциях. В качестве главного обвинения им предъявлялось то, что при воплощении образовательной концепции «природа – труд – общество» школьники не могут прочно усвоить базовые знания по отдельно взятым дисциплинам. Однако современный исторический анализ показывает очевидность того, что учителя-экспериментаторы как могли «спасали» образовательный процесс в условиях «спускаемого сверху» нового метода обучения. В этом контексте нам представились интересными воспоминания учителя В.Д. Чистозвоновой, преподававшей на Алтае в 1920–1930-е гг. Одно из ее воспоминаний повествует об учительской конференции в г. Камне в 1924 г. [2, с. 31]. Автор передала впечатления от услышанного на конференции выступления деревенского учителя начальной школы. Некто И.Д. Смирнов из Волчно-Бурлинской школы представил информацию об уроке по теме «Печь». Ход урока выглядел следующим образом: сначала учитель, беседуя с учениками, выяснял, что знают дети о печи, затем предложил посмотреть печь-голландку, сделанную из кирпичей и находившуюся в помещении школы. Учитель предлагал ученикам сосчитать кирпичи по вертикали и горизонтали. Затем школьники провели действия сложения и умножения, записали результаты счёта в тетради. При этом педагог подчеркнул, что он комплексно представил тему «Печь»: ученики узнали, что кирпичи делаются из глины и песка (природа), что из кирпичей выкладывают печи и дома (общество и труд), наконец, ребята сосчитали кирпичи (арифметика). Далее, автор воспоминаний отмечала, что рассказ учителя вызвал смех у участников конференции, а также ряд вопросов в отношении применяемых им наглядных пособий, успеваемости учеников, степени закрепления изученного материала. Резюмируя, автор воспоминания отметила: «Понятно, что такие учебные занятия не способствовали получению прочных знаний».

Между тем, в настоящее время обрисованная в мемуарной литературе ситуация видится в ином ракурсе: навязанная властью новая и весьма противоречивая образовательная концепция в обстоятельствах нехватки методических рекомендаций, при массовом психологическом сопротивлении учителей ее осуществлению, в условиях слабой материальной базы школ могла быть воплощена в действительность исключительно через энтузиазм отдельных учителей. Таким образом, можно говорить, что успешность институциональных преобразований 1920-х гг. напрямую зависела от новаторской деятельности отдельных учителей, творчески подошедших к процессу обучения.

Иновационные изменения в отечественном образовании 1920-х гг. были связаны не только с функционированием Единой трудовой школы. Еще одним проявлением институционального новаторства стали опытно-показательные школы. Такого рода школы создавались по всей стране в 1920/21 уч. году, носили они имя III Интернационала или Коминтерна. На Алтае подобные учебные заведения были открыты не только в губернском центре – Барнауле, но и в Бийске, селах Курья и Павловск. В такого рода школах преподавали и опытные учителя, начавшие свою педагогическую деятельность в дореволюционную пору, и молодые учителя-новаторы. Так, в Бийской школе им. Коминтерна преподавал проживавший на Алтае в 1919–1922 гг. В.В. Бианки. Наибольшую известность из всех губернских опытно-показательных школ получила барнаульская школа им. Коминтерна, разместившаяся в Нагорной части города в здании бывшего городского училища. Это учебное заведение появилось летом 1920 г. Его первым директором стал выпускник Омского учительского института А.М. Красноусов. До конца 1920-х гг. школа играла роль культурно-просветительского центра Барнаула. Это происходило благодаря ее преподавателям. В качестве наиболее ярких учителей школы следует назвать филолога П.Г. Егорова, этнографа и композитора А.В. Анохина, художника А.Н. Борисова. Несомненно, новаторским направлением работы барнаульской школы им. Коминтерна было развитие навыков исследовательской деятельности у ее учащихся. Так, на дисциплине «алтаеведение», школьники изучали природу и этнографию Алтая, а с 1922 г. учебным заведением организовывались ежегодные летние экспедиции в Ойротию (Горный Алтай) с целью изучения быта и культуры местных жителей. Руководил этой работой композитор-этнограф А.В. Анохин. К сожалению, к концу 1920-х гг. Барнаульская школа им. Коминтерна прекратила свое существование, претерпев реорганизацию в общеобразовательную школу [3].

Характеризуя педагогическое новаторство 1920-х гг., следует раскрыть еще одну его сторону, не связанную с институциональными изменени-

ниями. Речь идет о самостоятельном применении педагогами новых методов обучения без какого-либо инициирования «сверху». Не всем из этих методов можно дать положительную оценку с точки зрения результативности обучения. Да и не все эти методы получали положительную оценку со стороны педагогов-современников тех лет. Тем не менее отдельные педагоги-энтузиасты пытались сломить существовавшие в образовании стереотипы и внедрить, как им казалось, более успешную методику обучения. Интересно, что некоторые из такого рода методик получили свою вторую жизнь уже в настоящее время в рамках методик раннего, то есть дошкольного, обучения детей. Примером тому может служить неподходящий для русского языка, но при этом опробованный еще вначале 1920-х гг. американский метод обучения чтению «целыми словами» (в настоящее время данная методика называется методикой Глена Домана). О проблемах применения метода обучения чтению целыми словами вместо традиционно применяемого в дореволюционных школах чтения по складам писал в своих воспоминаниях известный педагог-новатор, писатель и создатель коммуны «Майское утро» А.М. Топоров. Имевший огромный опыт работы с неграмотными крестьянами, как с детьми, так и с взрослыми, Топоров обратил внимание, что «поветрие» в виде «пресловутого американского метода обучения чтению» охватило почти всех учителей начальных школ. Открытые уроки обучения чтению по новому методу проходили в Барнаульской школе им. Коминтерна. Их давала «американистка» Левандовская, приехавшая на Алтай из Москвы. Сам Топоров писал об этих событиях следующим образом: «Попросив разрешения присутствовать на уроке, я сел в гуще малышей. Наблюдал. Учительница (выставив на доске слово “rama”) сказала: “Читайте, дети, это слово сразу, не по буквам”. И по всему классу пробежал шепоток: “РЫ-А-МЫ-А, РАМА…”. Учительница попросила: “Ну, прочти ты, Лида”. Лида прочла “РАМА” <...> Так читали дети и другие слова в течение всего урока. Что же получалось? Ясно: сначала я слышал “тихозвуковое” чтение, а потом “громкоамериканское”!» [4, с. 71]. Данный пример свидетельствует о том, что среди педагогов-новаторов могли быть серьезные концептуальные разногласия. Также следует указать, что не всякое педагогическое новаторство может быть расценено как результативное и эффективное.

В связи со сказанным имеет смысл отметить, что именно А.М. Топоров, столь жестко раскритиковавший «американский метод чтения», совершил в своей педагогической деятельности новаторский прорыв, при том, что по форме его педагогическая деятельность выстраивалась в рамках традиционных образовательных методик. Новаторство Топорова заключалось в его умении вывести содержательную сторону обучения на принципиально новый уровень через умение создать у своих подопечным

высокую степень осознанности учебного материала. В данном случае педагогическое новаторство было следствием активной жизненной позиции педагога-просветителя, его умения противостоять как властным установкам, так и популярным массовым тенденциям в образовательном процессе. А.М. Топоров приехал на Алтай в 1912 г. в возрасте 21 года. Поселился он сначала в Барнауле, а затем – в 1920 г. – в с. Верх-Жилино, где и создал сельскохозяйственную коммуну «Майское утро». Будучи образованным и высококультурным человеком, Топоров сумел создать при коммуне школу, библиотеку, народный театр, хор, оркестр, исполнявший сложные произведения. Топоров учил грамоте не только детей, но и их родителей. Среди учеников Топорова были родители космонавта Г.С. Титова. Одним из новаторских достижений Топорова стала успешная организация общественных читок художественной литературы. В процессе этих мероприятий коммунарам прочитывалась произведения русской классической литературы и современных им писателей. После чего слушатели высказывали о каждой книге свои соображения. Итогом такой просветительской деятельности Топорова стала его книга «Крестьяне о писателях», вышедшая в 1930 г. в Москве и высоко оцененная А.М. Горьким, К.Г. Паустовским, К.И. Чуковским, А.В. Луначарским.

Подводя итоги по теме, еще раз укажем на разные типы педагогического новаторства. Институциональные инновации подкреплялись такими новаторскими действиями педагогов, как творческая попытка реализовать предложенную новой властью концепцию комплексного образования и активное вовлечение учащихся в исследовательскую работу в рамках школьной программы. В рамках так называемого субъективного новаторства можно назвать попытку применения педагогами новых методов обучения (чтение целыми словами), а также использование традиционных методов обучения с принципиально новым содержательным наполнением (преподавание искусства крестьянским детям, общественные читки литературных произведений). Несомненно, что новаторская деятельность педагогов 1920-х гг. создала потенциал для дальнейшего развития отечественного образования как в масштабах всей страны, так и на локальном уровне, в частности – на Алтае. Вместе с тем само педагогическое новаторство, в том виде, как оно выглядело в 1920-е гг., не получило должного развития в следующем десятилетии. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 г. «О начальной и средней школе», «коренным недостатком» трудового обучения признавался недостаточный объем общеобразовательных занятий [5]. Это дало повод властным структурам заговорить о возврате к дореволюционной школе. Помимо этого, на протяжении 1920-х гг. показательные школы им. Коминтерна постепенно были реорганизованы, новые методики обучения подверглись резкой критике и были запрещены.

Что касается ярких личностей из среды педагогов-энтузиастов, то многие из них в 1930-е гг. были обвинены «в сочувствии» к контрреволюционным элементам. Пример тому – А.М. Топоров, обвиненный в распространении среди народа «классово чуждой» литературы, что и заставило его покинуть в 1932 г. Алтай.

Библиографический список

1. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: учебное пособие для педагогических учебных заведений / под. ред. А.И. Пискунова. 2-е изд. М.: ТЦ Сфера, 2001. 512 с.
2. Чистозонова В.Д. Дела хозяйственные и методические // Школа и учительство Сибири 20-е – начало 30-х г. Материалы по истории культуры и интеллигенции советской Сибири. Новосибирск: Изд-во «Наука» Сиб. отделение, 1978. С. 28–35.
3. Ермакова Л.И. 90 лет со времени открытия в Барнауле губернской опытно-показательной школы им. Коминтерна // Барнаульский хронограф, 2010 г.: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул: Алт. кр. унив. науч. библ. им. В.Я. Шишкова, 2009. С. 38–41.
4. Топоров А.М. Школа коммуны «Майское утро» // Школа и учительство Сибири. Школа и учительство Сибири 20-е – начало 30-х годов. Материалы по истории культуры и интеллигенции советской Сибири. Новосибирск: Изд-во «Наука» Сиб. отделение, 1978. С. 69–81.
5. Педология. 1931. № 4 (16). С. 3–8.

УДК 94(571.150).084.6

В.Н. Разгон

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ПРИПИСКА КУЛАЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛАХ РЕПРЕССИВНОЙ ОПЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ ПРИКАЗА НКВД № 00447: МИКРОИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЛТОНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ)*

Изучение практики приписки кулацкого происхождения, получившей распространение в ходе реализации приказа № 00447 на примере локальной репрессивной операции, проведенной в ноябре 1937 г. в Солтонском районе Алтайского края, показало, что в ходе локализованных во времени и пространстве репрессивных акций эта приписка приобретала практически неконтролируемый характер и по «целевой группе» приказа «бывшие кулаки» в массовом порядке репрессировались ранее судимые, имевшие родственные связи с кулаками, единоличники, проявлявшие нелояльность к колхозной системе и другие социальные элементы, рассматриваемые организаторами и идеологами террора как группы сельского населения, «социально близкие» кулакам.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937–1938 гг.», № 16-01-50116а(ф).

Ключевые слова: репрессии, Большой террор, кулаки, социальная чистка, микроистория, Алтайский край.

В одной из опубликованных ранее работ по истории Большого террора мною уже рассматривалась репрессивная политика в отношении «бывших кулаков», являвшихся главным целевым «контингентом» социальной чистки, проводившейся в рамках реализации основного директивного акта периода Большого террора – приказа НКВД № 00447. При этом обращалось внимание на получившую распространение в 1937–1938 гг. фальсификацию следствием данных о социальном происхождении обвиняемых, выразившуюся в приписке кулацкого происхождения выходцам из середняцко-бедняцких слоев сельского населения, обусловленной стремлением использовать проводившуюся репрессивную операцию для осуждения лиц, проявлявших в той или иной форме нелояльность к колхозному строю [1].

В данной статье исследуется механизм приписки кулацкого происхождения, использовавшийся в ходе локальной репрессивной акции, проведенной в ноябре 1937 г. в Солтонском районе Алтайского края. В рамках этой акции, инициированной краевым руководством НКВД и крайкомом ВКП(б) с целью «почистить» район, сорвавший выполнение плана государственных хлебозаготовок, от «вредителей» и «саботажников», было репрессировано около 200 чел. Репрессивная операция, проводившаяся по инициативе прибывшего в Солтонский район для встречи с избирателями начальника краевого управления НКВД С.П. Попова, была нацелена на укрепление колхозной системы, повышение эффективности действия механизма по выкачиванию хлеба из деревни по заниженным ценам.

Как показывает изучение материалов следственных дел, в ходе этой проводившейся в сжатые сроки репрессивной акции (аресты и следствие должны были быть завершены в течение 10 дней), данные о социальном происхождении репрессированных подвергались следствием практически тотальному искажению. Так, если в среднем в рамках проведения «кулацкой операции» в Алтайском крае приписка кулацкого происхождения имела место в отношении не более 40–50% осужденных [2, с. 106–107], то в ходе Солтонской репрессивной акции она превысила 80%. Лишь у 25 из 149 чел. (16,8%), включенных в сформированную мной на основе материалов следственных дел базу данных репрессированных во время этой краткосрочной операции, проверки сведений о социальном происхождении, проводившиеся в период «берииевской» и «хрущевской» реабилитаций, подтвердили факт раскулачивания и лишения избирательных прав [3].

В реабилитационных материалах отложились свидетельства бывших председателей и секретарей сельсоветов о том, что справки об иму-

щественном положении и социальном происхождении арестованных писались ими под диктовку сотрудников НКВД. Так, секретарь Ненинского сельсовета Солтонского района М.А. Ратник показывал на допросе, проводившемся в 1940 г. в рамках пересмотра одного из следственных дел, по которому в 1937 г. были осуждены «контрреволюционная кулацко-диверсионная группа» из 32 чел., что «справки и характеристики писались мною по указанию председателя сельсовета Леонтьева и сотрудников милиции..., по их указанию нужно было писать в справках и характеристиках, что все эти люди кулаки, занимались вредительством и антисоветской агитацией, саботировали в выполнении плана хлебозаготовок...» [4, л. 9]. В результате в справках, выданных сельсоветом в 1937 г., 30 из 32 арестованных по делу значились как «кулаки». Между тем в ходе проверки, проведенной в 1940 г. в рамках следственных мероприятий по пересмотру этого дела, было установлено, что из 32 арестованных «кулацкое происхождение» имели лишь 8 человек (5 «кулаков» и 3 «сыновей кулаков»), а остальные происходили из середняков и бедняков (соответственно 21 и 3 чел.) [4, л. 151]. В результате проверки, проведенной в рамках реабилитационных мероприятий в 1954 г. в отношении группы из 15 осужденных (членов сельхозартелей «Путь новой жизни» и «Колхозник» с. Карабинка), было установлено, что «все осужденные были не кулаками, а середняками и избирательных прав не лишались, до ареста работали в колхозах и из колхоза не исключались» [5, л. 339].

В процессе предыдущих массовых арестов, проводившихся в Солтонском районе (с момента начала реализации «кровосовской операции в июне 1937 г.», к началу ноябрьской акции уже были во многом исчерпаны списки лиц, стоявших на спецучете в местном отделении НКВД (бывшие должностные лица царской администрации, кулаки-лишенцы, участники крестьянских восстаний, военнопленные Первой мировой войны, белогвардейцы и так далее). По показаниям одного из участников репрессивной акции бывшего и.о. начальника РОМ НКВД Солтонского района Б., организовывавшего проведение арестов в с. Карабинка, данным им в рамках реабилитационных мероприятий 28 апреля 1954 г., изначально «никаких компрометирующих материалов на арестованных не было. <...> Когда я приехал в Карабинский сельсовет, вызвал председателя Дубинина и сказал ему, что мне поручено арестовать по сельсовету 50 чел. ... Мы собрали актив сельсовета, человек 7 и стали обсуждать, кого можно арестовать. В результате набрали 35 человек... Все намеченные нами лица работали в колхозах Карабинского сельсовета. Кандидатур на арест подбирали по признакам связи с кулаками, в прошлом судимых за какие-либо преступления, плохо работающих в колхозе» [6, л. 440–441].

Следовательно, в ходе таких локальных спецопераций, как Солтонская, проводившихся в сельских районах в рамках реализации приказа № 00447, жертвы репрессий рекрутировались преимущественно не из числа «бывших кулаков», а из групп населения, в делопроизводстве спецслужб обозначавшихся как представители «социально близкой прослойки»: лиц, имевших родственные связи с раскулаченными, ранее судимых, проявлявших нелояльность к колхозной системе. Так, у 14 из 149 чел. (9,4%), учтенных в базе данных как арестованные в рамках этой репрессивной акции, в следственных материалах отражены сведения о раскулачивании и лишении избирательных прав их родственников (дядя, брат, тестя, зять и пр.); 3 чел. (2%) сами лишились избирательных прав в период коллективизации, но затем были восстановлены в правах. 62 из 149 (41,6%) репрессированных в рамках ноябрьской акции имели в прошлом судимость (в основном за неуплату сельхозналога в период единоличного хозяйствования (по ст. 61 УК), кражу или порчу колхозного имущества, хулиганство, а 5 чел. – по ст. 58 УК (3,4%); 9 чел. (6,0%) имели родственников с судимостью [3].

Выбор жертв определялся и стремлением властей разного уровня использовать масштабные репрессии для укрепления колхозной системы посредством ее избавления от неэффективных руководителей и рядовых колхозников, «злостно» нарушавших трудовой распорядок. В числе репрессированных в рамках рассматриваемой акции были председатели колхозов (или их заместители) (7 чел., или 4,7% от общего числа репрессированных), бригадиры (11,4%), заведующие фермами (4,0%), на которых возлагалась ответственность за несвоевременное проведение сельскохозяйственных кампаний, невыполнение плана хлебозаготовок, падеж скота из-за нехватки кормов и эпизоотий и т.п. 7 чел. (4,7%) ранее исключались из колхозов за систематические нарушения трудовой дисциплины или связь с «кулацкими элементами», а 35 репрессированных (23,5%) являлись единоличниками, не интегрированными в колхозную систему [3].

В ходе проведения такого рода локальных в территориальном отношении и ограниченных во времени репрессивных акций значительно расширялось действие фактора случайности в отборе жертв, имел место выход за рамки «социальной чистки» на основе изъятия «контингентов», определявшихся приказом № 00447 [7, с. 101–105] и целевых установок организаторов и исполнителей Большого террора. Согласно уже упомянутым выше показаниям Б., организатора арестов в с. Карабинка, в процессе обсуждения кандидатур для ареста с местным сельским активом «отдельные активисты села для ареста называли лиц, с которыми они находились в неприязненных отношениях и сообщаемые ими сведения для ареста носили склонный характер» [6, л. 441].

В результате такого «отбора» среди репрессированных оказались не только лица, каким-либо образом дискредитирующие систему колхозного производства, но и добросовестные работники и даже передовики производства. В ходе реабилитационных проверок собиралась информация, характеризующая не только социальное происхождение, но, в ряде случаев (ввиду распространенности в обвинительных заключениях обвинений в «диверсиях», «вредительстве» и «саботаже»), и производственно-трудовую активность осужденных. Согласно справкам, поступившим из колхозов и сельсоветов в ходе проверки упомянутого выше дела «контрреволюционной кулацко-диверсионной группы» из 32 чел., состоявших из жителей с. Ненинка, среди осужденных по этому делу преобладали лица, вполне адаптировавшиеся к колхозным производственным отношениям: «недобросовестно» относились к работе 11 чел., «удовлетворительно» – 2, а «добросовестно» – 13 чел., в том числе 6 чел. (19% от числа осужденных) премировались колхозным руководством за производственные достижения [8, л. 181–185].

О росте значения факторов произвола и случайности в выборе жертв в ходе локализованных во времени и пространстве репрессивных акций свидетельствуют и материалы проводившихся в рамках пересмотра ряда дел в период «бериевской» реабилитации 1939–1941 гг. проверок, показывающих фальсификацию данных о прежней судимости репрессируемых. Так, в следственных материалах, оформленных работниками Солтонского районного отделения НКВД в ноябре 1937 г. на участников «контрреволюционной кулацко-повстанческой группы», действовавшей в селах Пуштулимского, Николаевского и Кубинского сельсоветов, указывалось, что 9 из 17 подследственных имели в прошлом судимость. Однако на запрос о подтверждении сведений о судимости, направленный следственным работником, проводившим проверку материалов в ходе пересмотра дела в 1941 г., из районного нарсуда поступил ответ, что «при проверке судимостей не значится» [9, л. 71]. Не подтвердились факты наличия судимости и у 2 из 4 жителей с. Павловка Усть-Талинского сельсовета, в отношении которых проводилась аналогичная проверка при пересмотре дела в 1941 г. [10, л. 3–47].

Изучение практики приписки кулацкого происхождения, получившей распространение в ходе реализации приказа № 00447, на примере репрессивной операции, проведенной в ноябре 1937 г. в Солтонском районе Алтайского края, показало, что в ходе локальных в территориальном отношении и сжатых во времени репрессивных акций фальсификация социального происхождения следствием приобретала практически тотальный характер и в число репрессируемых по целевой группе приказа «бывшие кулаки» в массовом порядке включались лица, не раскулачивавшиеся и не

лишавшиеся избирательных прав в период коллективизации, но имевшие родственные связи с кулаками, ранее судимые, проявлявшие нелояльность к колхозной системе, квалифицировавшиеся идеологами и организаторами террора в качестве групп сельского населения, «социально близких» к кулакам. Это соответствовало расширительному толкованию понятия «кулак», характерному для общественно-политической практики 1930-х гг., но вместе с тем расширяло действие фактора произвола и случайности в осуществлении репрессивных мер, когда жертвами террора становились лица, уже вполне интегрированные в советскую экономическую и политическую систему.

Библиографический список

1. Разгон В.Н. Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН, 2010. С. 82–103.
2. Большой террор в Алтайском крае 1937–1938 гг. / под ред. В.Н. Разгона. Барнаул: Азбука, 2014. С. 102–126.
3. Солтонский район, 1937–1938: база данных / сост. В.Н. Разгон [Электронный ресурс].
4. Информационный центр ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 9. Оп. 29. л/с. Д. 576.
5. Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК). Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 6578.
6. ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5381.
7. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД. № 00447. М.: Новый хронограф, 2008. 778 с.
8. ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5507.
9. ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 5809. Т. 2.
10. ОСД ГААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 4288. Т. 2.

УДК 94(571.15)"1941/1945"

Н.Д. Ростов

*Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия)*

АЛТАЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ЦЕНА ПОБЕДЫ*

На широком круге источников в статье рассматриваются вопросы мобилизации людских и транспортных ресурсов Алтайского края в годы Великой Отечественной войны. Показывается влияние войны на экономику, социальную сферу и демографическую ситуацию в регионе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Алтайский край, людские и транспортные ресурсы, население.

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI вв.» (грант № 17-11-22006).

Величайшей и не преходящей ценностью для каждого российского региона, в том числе и Алтайского края, является население и социально-экономический потенциал, способствующий росту его благосостояния. Накануне Великой Отечественной войны Алтай являлся одним из динамично развивающихся аграрных регионов. В государственных планах развития народного хозяйства на Алтае предусматривалось расширение посевных площадей, освоение новых культур и принятие мер по увеличению численности его населения. С началом 1930-х гг. в регионе неуклонно возрастала урожайность основных зерновых культур. Если в 1932 г. в алтайских колхозах урожайность зерновых составила 6,5 ц с гектара, то в 1937 г. она достигла 10,2 ц. В отдельных передовых колхозах в 1938 г. урожай зерновых достиг 17,5 ц [1, л. 23, 63]. В 1940 г. посевная площадь в Алтайском крае возросла до 200 тыс. га, по сравнению с 135 тыс. га в 1939 г. [2, с. 87]. В предвоенный период в регионе интенсивно развивалось и животноводство. На 1 января 1934 г. в алтайских хозяйствах имелось 953,4 тыс. голов крупного рогатого скота. На 1 января 1938 г. по данным краевого статистического управления количество крупного рогатого скота составило 1463,2 тыс. [3, л. 216].

Выполнение намеченных планов во многом способствовала высокая техническая оснащённость машино-тракторных станций (МТС), колхозов и совхозов. Если в 1933 г. на колхозных полях Алтая работало 4366 тракторов, 9431 комбайн, то в 1937 г. в 159 МТС, обслуживающих 91,7% посевных площадей, уже имелось 11053 трактора и 5236 комбайнов. С учётом хозяйств совхозов и колхозов общее число тракторов и комбайнов составило 13393 и 7712 соответственно [1, л. 23, 65, 188]. Успешное решение задач социально-экономического развития способствовало увеличению численности населения. В 1938 г. численность населения Алтайского края составила 2430,3 тыс. чел., в том числе городского – 418,0 (17,2%), сельского 2012,3 (82,8%) [4, с. 152]. На 1 января 1940 г. в Алтайском крае проживало 2 540,6 тыс. чел., из них 2 093 тыс. чел. – сельское население [5, с. 24].

Реализация государственных планов развития народного хозяйства Алтайского края требовала все большего числа трудоспособного населения. Архивные документы свидетельствуют, что экономика Алтайского края испытывала все возрастающий дефицит рабочих рук. К началу 1939 г. только по 23 районам края без учёта отходников (17 тыс. чел.) дефицит рабочей силы превысил 80 000 чел. В соответствии с решением СНК СССР в течение 1939–1940 гг. на Алтай предполагалось организованно переселить 3750 хозяйств, в том числе в 1940 г. – 3000. Для реализации этой долгосрочной государственной программы в первом квартале 1939 г. алтайским колхозам был открыт банковский кредит на 10 000 000 руб. [6, л. 22,

45, 47]. Известный российский учёный М.Л. Титаренко, вспоминал, что накануне войны его родители побывали в Алтайском крае, где им очень понравилось. Вернувшись на Брянщину, они рассказали односельчанам о своей поездке. На общем собрании колхозников было принято решение ехать на Алтай всем колхозом. При этом, что представляется особенно важным «Оплачивалось всё. Можно было дом разобрать по брёвнам, погрузить на поезд, и всё это бесплатно доставлялось за государственный счёт». Все переселенцы освобождались от налогов на 5 лет и им предоставлялись жильё, земля, выдавались коровы, свиньи и пособие на обустройство [7].

Вместе с тем следует отметить, что наибольшее число сельскохозяйственной техники в алтайские хозяйства поступило в период с 1936 по 1937 г. С одной стороны, это явилось благом и хорошим подспорьем для сельхозпроизводителей, с другой – хозяйства оказались не готовы к массовой поставке техники. Во многих из них отсутствовали тёплые гаражи для хранения и ремонта техники. Не была налажена эффективная система технического контроля за её грамотной эксплуатацией. Квалификация водителей и механизаторских кадров в целом была низкой. С началом Великой Отечественной войны это поставило под угрозу выполнение государственных планов мобилизации транспортных ресурсов и поставок продовольствия в государственные фонды.

Уже первые дни мобилизации в июне – июле 1941 г. показали, что состояние тракторного парка и автомашин в Алтайском крае находится в неудовлетворительном состоянии и требует в большинстве капитального ремонта [6, л. 63]. Люди, поставленные к тракторам, не чувствовали ответственности за свою машину, текущих мелких ремонтов не проводили. В представленных тракторах, отдельные детали были связаны проволокой, веревками, обмотаны тряпками и с деревянными пробками. Это явилось следствием низкой квалификации трактористов и безответственного отношения механиков к техническому состоянию машин. В каждом тракторе обнаруживались десятки незавинченных болтов [8, с. 71]. В период проверки Гилевской МТС Завьяловского района с 4 по 16 июля 1941 г. из 84 списочных машин, работали только 35. Комиссией была отмечена низкая квалификация трактористов. Все трактора разбирались не менее чем 2 раза, а некоторые совершенно не работали [9, л. 22–23]. Из 1118 автомашин, поступивших из районов края с 24 июня по 1 июля 1941 г. на сборно-сдаточный пункт г. Барнаула, было принято только 400 [10, л. 12, 14]. Мобилизационный план на поставку 2787 автомашин Алтайским краем был выполнен, однако около 5000 автомашин были приведены в совершенно негодное состояние [11, л. 156, 157]. Темпы и объёмы мобилизумой из народного хозяйства Алтая техники возрастили с каждым ме-

сяцем войны. К началу 1942 г. из народного хозяйства Алтайского края было мобилизовано 7536 (63%) автомашин и 1858 (34%) тракторов [12, л. 51]. На 12 октября 1942 г. в Алтайском крае было мобилизовано 8968 автомашин, в том числе 8505 грузовых, 132 специальных, 331 легковых, 2017 тракторов, 122 мотоцикла и 121 тракторный прицеп [12, л. 76 об, 110 об.]. Всего за 1941–1943 гг. для нужд фронта и освобождённым от фашистов районам страны из народного хозяйства Алтайского края было изъято 10155 (75%) автомашин, 48268 лошадей [13, л. 56].

Война требовала всё большего количества людских ресурсов. В ходе мобилизации в июне – начале августа 1941 г. в соответствии с мобилизационным планом в Алтайском крае было мобилизовано и направлено на укомплектование Красной армии около 35 тыс. чел. [12, л. 37]. К началу 1942 г. на укомплектование новых воинских формирований военными комиссариатами Алтайского края было призвано 197 841 солдат и сержантов запаса [14, с. 10]. Были призваны и направлены на фронт десятки тысяч водителей, трактористов и других механизаторских кадров. Если в 1940 г. в МТС Алтайского края насчитывалось 32,5 тыс. трактористов и 8257 комбайнеров, то к 1942 г. их осталось соответственно 10,7 тыс. и 3,3 тыс. За первый год войны по краю было призвано в армию и промышленность 90% механизаторов [15]. На 20 сентября 1942 г. в Алтайском крае в Красную армию было призвано 345 561 чел., в том числе 279 580 военнообязанных запаса, 66 053 призывников (1922 г.р. – 19 265, 1923 г.р. – 24 300, 1924 г.р. – 22 488 чел.) [12, л. 55–56].

В 1943 г. военные комиссариаты Алтайского края столкнулись с серьёзными трудностями при выполнении мобилизационных нарядов. Запас военнообязанных, годных к строевой службе, был практически исчерпан. Основными источниками выполнения нарядов явились призывная молодёжь и переосвидетельствование военнообязанных, имеющих отсрочки от призыва и мобилизации. При этом также следует отметить, что допризывники 1923 г.р. в декабре 1941 г. – начале 1942 г. вместе с постановкой на воинский учёт, были призваны на военную службу восемнадцатилетними. В 1943 г. призывной возраст был снижен до 17 лет. В январе и октябре были призваны в Красную армию допризывники 1925 и 1926 г.р. Всего за годы Великой Отечественной войны в Алтайском крае было призвано 575 871 чел., в том числе 12 756 – офицеров запаса, 415 803 солдат и сержантов запаса, 137 686 призывников 1922–1927 г.р., 9 626 женщин и почти 117 000 чел. были мобилизованы в оборонную промышленность [16, с. 264].

Следствием мобилизации из народного хозяйства Алтая большого числа автотракторной техники, механизаторских кадров и специалистов явились резкое уменьшение числа трудоспособного населения, занятого

на сельскохозяйственных работах, сокращение посевных площадей и поголовья скота, снижение урожайности основных сельскохозяйственных культур. Если в 1941 г. трудоспособное население в колхозах составило 402 022 чел., в том числе мужчин – 131 606, женщин – 270 416, то в 1945 г. эти показатели составили 204 878 чел., мужчин – 58 193, женщин – 146 775 соответственно. Вместо сынов и дочерей, мобилизованных в Красную армию и оборонную промышленность, на колхозные поля вышли люди старших возрастов. Не все из них смогли выдержать тяготы и лишения военного времени. В 1941 г. в колхозах работало 170 574 чел. этой возрастной категории, то в 1945 г. этот показатель составил 43 336 чел. [13, л. 73]. В годы войны значительно сократились и посевные площади. В 1941 г. общая посевная площадь Алтая составила 3336,2 тыс. га, 1944 г. – 2402,2 тыс. га, 1945 г. – 2309,7 тыс. га, в том числе яровой пшеницы она уменьшилась с 1738,2 в 1941 г., до 813,8 тыс. га в 1944 г. [13, л. 71]. Негативная тенденция сокращения посевных площадей сохранилась и в 1946 г., когда было засеяно 2300,2 тыс. га. С каждым годом войны в колхозах Алтайского края снижалась и урожайность всех видов сельскохозяйственных культур. По зерновым и бобовым она составила соответственно: в 1941 г. – 9,2, 1942 г. – 7,8, 1943 г. – 6,3, 1945 г. – 4,4 ц с га, в том числе в 1941 г. по ржи озимой – 12,1, пшенице яровой – 8,3, пшенице озимой – 8,7 ц с га, а в 1945 г.: 4,5, 4,5 и 4,2 ц с га соответственно [13, л. 71].

В годы Великой Отечественной войны в хозяйствах Алтая имел место высокий падёж скота. В 1941 г. в Алтайском крае было поставлено для фронта – 41718 лошадей (по другим данным – 42183), а от бескормицы и плохого ухода пало 69145 лошадей [12, л. 77; 13, л. 55]. В Оиротской автономной области в 1941–1943 гг. падёж всех видов скота составил 275 тыс., в том числе 117 тыс. молодняка. Наибольшая убыль крупного рогатого скота пришлась на 1943 г. – 124 тыс. [17, л. 3, 6]. Несмотря на героизм и самоотверженный труд колхозников и рабочих совхозов, поставки обязательной сельскохозяйственной продукции в государственные фонды колхозами и совхозами в Алтайском крае имели устойчивую тенденцию к уменьшению. В 1941 г. государству было поставлено 430 831 ц мяса, в последующие годы войны этот показатель составил: 1942 г. – 549 209, 1943 г. – 347 822, 1945 г. – 366 995. Следует также иметь в виду, что в 1942 г. в обязательную мясосдачу государству вошло 99 481 центнеров зерна, сданных государству в счёт мяса [13, л. 74].

На выполнение планов производства сельскохозяйственной продукции и продовольственном обеспечении населения сибирских регионов в годы войны негативное влияние оказали и неблагоприятные климатические условия. Сильнейшая засуха 1943 г. поразила 17 районов Алтайского края, преимущественно рубцовской группы: Поспелихинский, Егорьев-

ский, Новицкихинский и др. [18, л. 3 об.]. Посевы сельскохозяйственных культур погибли на больших площадях. В хозяйствах возникли серьёзные трудности с выполнением государственных планов и продовольственным обеспечением населения. В регионах Западной Сибири, в том числе Алтайском крае, в связи с засухой и низким урожаем зерновых и картофеля сложилось тяжёлое положение с продовольственным обеспечением населения, в том числе эвакуированного. Колхозники получали в среднем по 230 граммов хлеба на трудодень. Большая часть семей, особенно дети, имели безбелковые отёки на почве недоедания. Имелись отдельные случаи смертности. Некоторые семьи военнослужащих, чтобы как-то выжить употребляли в пищу мякину, картофельную ботву, древесные опилки и мясо павших животных [19, л. 44]. Зимой и весной 1944 г. в Алтайском крае отмечалась большая смертность от истощения в эвакуированных семьях военнослужащих [13, л. 74]. В Шипуновском районе жена младшего лейтенанта Милованова, воевавшего на фронте, получала на себя и четырёх малолетних детей 600 гр. хлеба в день [12, л. 226]. В сентябре 1944 г. в Марушкинском районе после сильного истощения от голода умерла семья военнослужащего Дементьева. Умерла от голода, оставив двух малолетних детей, жена парторгра партизанского отряда майора Боданова [20, 199 об.].

Тяжёлые условия войны негативно сказались и на здоровье населения, в первую очередь детей и призывной молодёжи. Итоги медицинского осмотра призывников 1926 г.р., прибывших на укомплектование учебных и запасных воинских частей и учреждений Сибири, проведённого в январе 1944 г., показали, что питание и физическое развитие призывной молодёжи военного времени за годы войны резко ухудшилось. Большое число обследованных имели хронические заболевания желудочно-кишечного тракта, часть из них прибыла с алиментарной дистрофией 1 степени [21, л. 14]. Приказами командующих Сибирским военным округом и Забайкальским фронтом учебная нагрузка для призывников 1926 г.р. была уменьшена и составила 8 часов для красноармейцев с нормальным физическим здоровьем и развитием. Красноармейцы, имеющие отклонения в росте и физическом развитии, выделялись в отдельные роты и батальоны с учебной нагрузкой 6 часов в день [22, л. 3 об.].

Спустя 72 года после Великой Победы, вопрос определения численности жителей региона, принявших участие в боевых действиях на фронтах и в тылу противника, до сих пор является открытым. Этому во многом способствовали отсутствие формализованных сводных документов учёта призванных и мобилизованных, а также нежелание государства в первые послевоенные годы, особенно, знать истинную цену победы. С 23 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. в Алтайском крае, как уже отмечалось, было при-

звано 572 574 чел. военнообязанных, призывников и женщин. При этом следует учитывать, что мобилизация людских ресурсов региона в годы войны проходило неравномерно. Свыше 70,5% алтайцев-сибиряков были призваны и направлены на фронт в 1941–1942 гг., когда Красная армия вела оборонительные бои и несла тяжёлые потери. Это во многом объясняет число (около 260 000 чел.) не вернувшихся с полей сражений. Если в среднем по России процент призванных составил 19,8% всего населения регионов, то в Алтайском крае он превысил 23%. Определяя численность уроженцев Алтая, принявших участие в боевых действиях, мы обязаны учитывать в общей сложности около 100 000 призывников и военнообязанных старших возрастов, призванных в период с 1939 г. по 21 июня 1941 г. и уже находящихся в войсках к началу войны. Таким образом, общее число алтайцев-сибиряков, сражавшихся с ненавистным врагом на полях сражений, оценивается в 700 000 чел.

Таким образом, Великая Отечественная война оказала негативное влияние на социально-экономическое развитие Алтайского края. Неравномерное и высокое изъятие людских и транспортных ресурсов из народного хозяйства региона в 1941–1942 гг. привело к значительному сокращению посевных площадей, уменьшению урожайности основных зерновых культур и увеличению естественной убыли численности населения.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 217.
2. Ростов Н.Д. Если завтра война... Подготовка молодёжи Западной Сибири к защите Родины (1937 – июнь 1941 гг.). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2004. 221 с.
3. ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 216.
4. 50 лет Алтайскому краю: Статистический сборник / под ред. В.И. Псарева, Э.Ф. Аунапу, В.И. Шмаковой. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. 152 с.
5. Кужурин В.С. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 24–28.
6. ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 109.
7. Интервью с академиком РАН, профессором М.Л. Титаренко [Электронный ресурс]. URL: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/comm2/InterviewR%20Mikhail%20L.%20Titarenko%20140427.pdf> (дата обращения: 14.10.2017).
8. Ростов Н.Д. Мобилизация транспортных ресурсов в Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. 191 с.
9. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 106.
10. ГААК. Ф. П-10. Оп. 25. Д. 11.
11. ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 116.
12. ГААК. Ф. П-5155. Оп. 2. Д. 4.
13. ГААК. Ф. П-5155. Оп. 2. Д. 21.
14. Военный комиссариат Алтайского края / под ред. В.П. Розовенко. Барнаул: Изд-во Графикс, 2004. 42 с.
15. Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. 578 с.

16. Ростов Н.Д. Идём мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. 516 с.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 123. Д. 289.
18. ГААК. Ф. П-5155. Оп. 2. Д. 10.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 292.
20. ГААК. Ф. П-5155. Оп. 2. Д. 13.
21. Центральный архив Министерства образования РФ (ЦАМО РФ). Ф. 8245. Оп. 114993. Д. 4.
22. ЦАМО РФ. Ф. 8224. Оп. 88834. Д. 2.

УДК 94(571.1):39

В.С. Бойко

Алтайский государственный университет/

Алтайский государственный педагогический университет

(Барнаул, Россия)

**СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КОРЕЙЦЕВ ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.**

В данной статье на материалах сибирских государственных архивов (в основном отделов специальной документации) и личных документальных коллекций, а также устных исторических данных реконструируются основные черты социально-политического облика корейской общины Западной Сибири в первой половине XX в. Несмотря на свою политическую лояльность и трудовой энтузиазм, корейцы в угоду геополитическим интригам Японии стали одной из основных мишней сталинистского режима.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Алтай, корейцы, социально-профессиональная мобильность, политические взгляды, репрессии, geopolitika.

Известно, что первые корейские переселенцы в Россию занимались почти исключительно физическим трудом – фактически, такая их социально-профессиональная структура сохранялась десятилетиями, хотя среди мигрантов встречались высокообразованные люди и те, кто, даже не имея формального образования, проявляли тягу к знаниям и умственным занятиям. Но в целом в этой массе сохранялись возможности только для горизонтальной мобильности в пределах позднеимперской, а потом раннесоветской России и СССР, хотя на этапе формирования авторитарного режима в 1930-е гг. корейцы, независимо от их формально-юридического статуса, материального положения и других черт, подверглись беспрецедентным и совершенно неоправданным репрессиям, поставившим под угрозу само существование данного этноса. В статье ставится задача охарактеризовать особенности социально-профессиональной мобильности и политических позиций корейского населения Западной Сибири в хронологическом охвате 1910–1940-х гг. и формате кратких жизнен-

ных историй конкретных персонажей, их семей. Исследование основывается на архивных данных из рассекреченных коллекций советских спецслужб, а также фондов других архивохранилищ) и полевых материалах автора.

Общая численность корейцев на территории Сибири в начале XX в. не превышала 5 тыс. чел., из них меньше половины проживало в западной части Сибирского края, а корейская миграция распространялась преимущественно на Дальний Восток России, где к концу имперского периода находилось около 100 тыс. представителей этой национальности. Малая миграционная привлекательность Западно-Сибирской равнины и территории азиатского приграничья России объяснялась вялостью экономического развития этого пространства, порождаемой, помимо всего прочего, его периферийностью, слабым развитием инфраструктуры, малонаселенностью, не исчезнувшей даже после начала Столыпинской реформы – коммерциализации земельного фонда и переселенческих программ с запада на восток империи.

Корейцы же потянулись в обратном – западном – направлении, осваивая новые маршруты и регионы, расширяя свое диаспоральное пространство благодаря новым экономическим инициативам российских властей и предпринимательского сообщества (строительство Чуйского тракта, железных дорог, угледобычи и пр.). Революция и Гражданская война 1917–1920-х гг. активизировали миграции, но придали им хаотический характер, ориентируя на предельный прагматизм, политический оппортунизм и внесли в сознание мигрантов элементы глобализации как позитивного, так и негативного свойства. Возникшая ситуация и фактическая длительная международно-политическая изоляция России/СССР сформировали особый тип внешних (в Россию/СССР) миграций и мигранта – политически ангажированный, с завышенными социально-культурными ожиданиями, мало подкрепленный в гуманитарно-правовом отношении. Идеалом внешнего мигранта долгое время считался азиат без особых социально-правовых претензий, готовый к быстрой ассимиляции и идеологической индоктринации, и способный к распространению социалистических идеалов в стране происхождения и мире в целом. Такой абстрагированный тип мало или вообще не соответствовал международно-политическим реальностям и административно-правовому режиму в самой России и СССР. Западная Сибирь, включая ее приграничные зоны-ворота в зарубежную Азию, была и во многом остается транзитной территорией как для внешних, так и внутренних миграций, включая их инонациональные (диаспоральные) сегменты. Как же при таком фокусе выглядит корейское измерение азиатской диаспоры России?

Первые маршруты корейской миграции на запад Сибири были проложены в течение двух первых десятилетий XX в. и имели преимущественно пролетарское наполнение и социально-экономическую мотивацию, хотя на исходе второй декады века возникают такие явления, как политическая эмиграция, повстанческое антияпонское движение и пр. После аннексии Кореи Японией в 1910 г. в России возникают контуры националистических организаций, формируется политическая бюрократия [квази-] социалистического, а с 1917 г. – и большевистского толка. Однако большая часть корейских мигрантов сохраняет в эти годы политическую индифферентность либо оппортунизм, хотя формально участвует в политико-пропагандистских кампаниях и акциях (выборах депутатов в местные советы, собраниях комячеек и пр.).

В период становления и укрепления большевистского режима в России власти целенаправленно формировали активистскую прослойку в инонациональной среде, но лишь в начальный период (примерно до середины 1920-х гг.) допускали элементы ее автономии (национальные советы и рабочие союзы), проводя в дальнейшем линию на интеграцию всех этносов и их культурно-политических объединений в новую историческую общность – советский народ. Однако их репрессивная, этнически окрашенная политика по отношению к некоренным национальностям, с признаками геноцида корейцев, стала серьезным провалом кремлевских идеологов, поскольку она основывалась лишь на домыслах и отдельных примерах коллаборационизма в пользу Японии, гоминьдановского Китая, лишь с 1937 г. развернувшего активное сопротивление японским милитаристам. Но надо признать, что на протяжении двух межвоенных десятилетий советская партийно-государственная бюрократия достигла немалых результатов в формировании новых социально-профессиональных групп и политических активистов советского типа из числа корейцев и представителей других нетитульных национальностей.

Поскольку после прихода к власти в России большевиков административно-политической столицей Сибири становится Омск, именно здесь, наряду с Москвой, началась работа по строительству новой управляемческой системы, тем более что здесь до начала 1920-х г. находились и высшие органы власти региона (Сиббюро ЦК ВКПб и др.). В арсенале их средств была концентрация и перераспределение наличных кадров и средств, хотя такая работа проводилась с участием и поддержкой центра в лице высших органов большевистской партии и советского государства. С осени 1919 г., то есть разгрома колчаковских сил, представлявших либерально-националистическую альтернативу для постимперской России, их усилия были направлены на создание коммунистического ядра в корейской среде Сибири. В ноябре 1919 г. московским эмиссаром большевиков

Ли-Пи-Ти в Омске была создана корейская коммунистическая ячейка. Из Тобольска прибыл редактор планируемой к изданию партийной газеты Ли Сенг, Александр Федорович Цай и др.[1, л. 4], но только в марте–апреле 1920 г. из группы сочувствующих большевикам сформировалась корейская секция подотдела национальных меньшинств Омского губернского бюро большевистской партии. По состоянию на апрель 1920 г. в ней насчитывалось 6 штатных сотрудников, обслуживавших интересы 82 членов и сочувствующих РКП(б). Руководители секции имели определенную общеобразовательную и политическую подготовку – например, ее секретарь Александр Цай учился с 1907 по 1911 г. в частном училище Фидлера в Москве, в 1912 г. в Приморской области организовал кружок самовоспитания молодежи, в годы Первой мировой войны служил в российской армии младшим офицером, а после ее окончания работал секретарем корейского национального общества в Тюмени [2, л. 12–12 об., 17].

В течение лета 1920 г. пробольшевистски настроенные корейцы Омска установили связи с родственными организациями Кургана, Верхнеудинска, Иркутска, они были настроены вести работу «в более обширном размере, подготавливая трудящихся корейцев, находящихся в Сибири к активной партийной работе, чтобы по возвращении на родину они могли рассказывать и распространять коммунизм среди корейцев» [3, л. 1]. Тогда же началось издание литографическим способом газеты «Утренний звон» на корейском языке тиражом в 700 экземпляров. Редактор газеты Ли Сенг, учитель по профессии, до переезда в Омск жил в Тобольске, где зарабатывал на жизнь в папироносной мастерской. Ли Сенг рано приобщился к политике – еще в 1913 г. в г. Ендиfu на территории Китая он организовал союз корейской молодежи. Омск стал для Ли Сенга своеобразным политическим трамплином – вскоре на съезде корейцев в Омске (июнь 1920 г.) он был избран генеральным секретарем корейской компартии в эмиграции. Сотрудником газеты «Утренний звон» был и Хан-Гю-Сен, по профессии врач. В Омск он перебрался из Екатеринбурга, где работал врачом корейской лечебницы, а по совместительству руководил местным корейским советом. Получившие в Омске непродолжительную, но основательную политическую закалку, новообращенные в коммунизм большевистского толка корейские активисты были и в дальнейшем востребованы на идеологическом фронте – Ли Сенг и несколько других омичей были переизбраны на следующем съезде корейских коммунистических организаций, состоявшемся в июле 1920 г. в Иркутске, в ее руководство [4, л. 49], но довольно скоро этот проект партизации корейской общины России, как и другие попытки такого рода, потерпел неудачу из-за фракционной борьбы в эмигрантской среде.

С окончанием Гражданской войны и стабилизацией ситуации в России в начале 1920-х гг. значительная часть корейцев покинула Западную Сибирь – многие из них двигались в восточном направлении – на родину или хотя бы поближе к ней. Численность корейцев в Омске и прилегающей области также сократилась: если по переписи 1920 г. их насчитывалось около 300 (из них только 5 женщин), то к середине 1920-х гг. – не более 200 чел., а их партийная прослойка сократилась до нескольких человек. Уже в 1921 г. была ликвидирована корейская секция Омского губкома РКП(б), некоторое время еще функционировала коммунистическая ячейка при Корейском рабочем союзе. Что касается корейских переселенцев, оставшихся на жительство в Омске и Омской губернии, то многие из них, не имея определенного статуса, еще длительное время испытывали юридические и социальные неудобства. Дело заключалось в том, что они не признавали японского подданства и не имели национальных паспортов – их легализация происходила через посредство корейских коммунистических ячеек и рабочих союзов путем выдачи временных удостоверений личности. Соответственно, эта категория лиц не пользовалась правами и преимуществами иностранцев. Так, в апреле–июне 1925 г. подавляющее большинство почти полутора тысячного корейского населения Омской губернии не имело официально оформленного иностранного или советского подданства и подлежало периодическому переучету. По переписи 1926 г. в Сибирском крае проживало около 900 официально зарегистрированных корейцев, хотя на самом деле их было гораздо больше. В последующие годы многие корейцы обрели советское гражданство (часть предпочитала оставаться лицами без гражданства), что, впрочем, не помогло им избежать жесточайших репрессий в 1937–1938 гг. – корейские мужчины почти поголовно были обвинены в шпионаже в пользу Японии, расстреляны или на долгие годы брошены в тюрьмы и трудовые лагеря. Не легче пришлось и женщинам – многие из них, особенно представительницы активных профессий и получившие образование, тоже оказались в заключении или взяли на себя тяжелый труд спасения осиротевших семейств.

Наибольшее подозрение у советских спецслужб вызывали, как это ни парадоксально, социально благополучные и профессионально успешные корейцы, а еще больше – корейские семьи-«кланы». Предположительно ОГПУ и смежные профильные учреждения имели в репрессиях против условного и только нарождающегося «среднего класса» и корпоративный интерес, претендую на долю конфискованного имущества репрессированных, их позиции в социально-профессиональной и политической системе «мобилизационного» социализма сталинского толка. К одной из таких «поднимающихся» семей принадлежал и Михаил Тимофеевич

Ким. Несмотря на тяготы жизни в приграничье, все дети Кимов получили хорошее образование. Старший брат Михаила Матвей в 1919 г. был направлен в Москву для учебы в знаменитом Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), после окончания которого получил назначение во Владивосток, где преподавал в совпартшколе и заведовал ее корейским отделением, потом работал в обкоме партии, руководил комвузом в Улан-Удэ. Другой брат, Константин, учился на рабфаках в Свердловске и Ростове-на-Дону, затем в Горной академии в Москве. Третий брат, Григорий, окончил в Улан-Удэ школу повышенного типа, был направлен в Москву на рабфак им. Бухарина.

Михаил оказался на рабфаке педагогического института им. Герцена в Ленинграде, но обстоятельства так сложились, что он получил не педагогическое, а техническое образование – окончил Ленинградский автомобильно-дорожный институт и был направлен на Алтай, в Бийск. Летом 1934 г. молодой специалист Михаил Ким устроился техником на Чуйский тракт, затем работал инженером, начальником дорожно-эксплуатационного участка дороги Бийск-Кош-Агач. Проживал в с. Шебалино Ойротской области. Михаила Кима арестовали одним из первых в январе 1937 г. – ему бездоказательно вменялось в вину «объединение на Алтае корейцев для шпионажа и диверсий» и даже «создание контрреволюционной повстанческой организации из числа коренных жителей» [5, л. 28].

Казалось, что сталинская машина репрессий, набравшая к концу 1930-х гг. гигантские обороты, минут или просто не заметит отдельных корейцев – хотя бы тех, кто был полезен советскому строю или оказался в глубинке. В августе 1940 г. жизненные перипетии привели в Западную Сибирь Алексея Кима. По окончании Саратовских курсов иностранных языков он по разверстке отдела школ Народного комиссариата путей сообщения был направлен в распоряжение администрации Омской железной дороги, где получил назначение на должность учителя английского языка в неполной средней школе № 105 станции Купино, где и был арестован органами НКВД 22 июля 1941 г., а потом расстрелян. Его биография даже на фоне непростых судеб других корейских мигрантов выглядела необычной. Алексей Ким родился в 1915 г. в с. Тизин-хэ Приморского края. В годы Первой мировой войны его отец Иван Ким был призван в армию, в Иркутске окончил школу прапорщиков, потом служил в корейском батальоне по охране Китайско-Восточной железной дороги на станции Буледу, туда же перебиралась и его семья. В Китае Алексей поступил в корейскую начальную школу, потом продолжил учебу в русской школе станции Джалаантунь.

После конфликта на КВЖД семья Кимов была эвакуирована в Харбин, получила там советское гражданство, и в этом качестве Алексей поступил в местный индустриальный техникум. Вскоре Ким-младший оказался в СССР и жизнь стала налаживаться – в Уфе он поступил сразу на четвертый курс рабфака при объединении «Востоксталь». Осенью 1936 г. Ким становится студентом Уфимского педагогического института, но проучившись полгода, устраивается на работу учителем, затем продолжает образование на десятимесячных курсах иностранных языков в г. Саратове. По окончании курсов в июле 1940 г. Алексей Ким выехал по направлению образовательных инстанций в распоряжение Омского отдела школ, где и трудился до момента ареста летом 1941 г. Его жизненные маршруты, вводящие в ярость сотрудников силовых структур сталинского призыва, оказались достаточными для расправы над ним – смертного приговора и расстрела за несовершенные преступления в 1942 г. Жизненный путь Алексея Кима – путь больших возможностей, но еще больших лишений, вынужденных компромиссов с законами стран и местностей, в которых оказывался упорный молодой кореец, ставший профессионалом широкого профиля и кругозора, но так и не нашедший своего места ни на исторической родине, ни в приютившем многих, однако неблагополучном и неспокойном Китае, ни в претендующем на роль защитника всех угнетенных предвоенном и военном СССР. История Алексея Кима – это история исторической и geopolитической ловушки, в которой оказались корейское государство и корейский народ в первой половине XX в., и из которой до сих пор не найдено достойного выхода.

По существу же основных обвинений, послуживших причиной массовой расправы сталинистов над западносибирскими и другими корейцами, можно сказать, что большинство их в политико-пропагандистском отношении не выходили за пределы нормативной лояльности к существующей власти, хотя их кругозор и способность взглянуть со стороны на советские реалии, обусловленная неполной социально-культурной и политической интегрированностью в принимающее общество и его государственную систему, и даже отторжением в условиях международно-политического кризиса и мировой войны 1930–1940-х гг. Корейцы избегали политического авангарда, ориентируясь на базовые человеческие ценности, они не сформировали свое лобби в верхних эшелонах государственно-политической власти в СССР, и в условиях неблагоприятной международной и внутренней обстановки заплатили за это чрезвычайно высокую цену, оказавшись одной из главных мишней сталинизма. Но, сам по себе, и рассматриваемый в широком сравнительном и региональном (западносибирском) контексте, корейский опыт выживания, социально-профессиональной мобильности и политического активизма на критиче-

ском отрезке первой половины XX в. уникален по глубине маргинальности корейских общин в Евразии, сумевших пройти путь, сходный с испытаниями других классических диаспор (еврейской и др.), но сумевших при этом избежать крайностей исторической мести и культурно-политического фундаментализма.

Библиографический список

1. Центр документов новейшей истории Омской области (ЦДНИ ОО). Ф. 58. Оп. 1. Д. 226.
2. ЦДНИ ОО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 214.
3. ЦДНИ ОО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 213.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 34.
5. Отдел хранения спецдокументов Республиканской архивной службы Республики Алтай (ОХСРПА). Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 1271.

УДК 930.1(571.15)"1946/1953":323.21

Е.С. Генина

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)
**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ
1946–1953 гг. (СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)**

В статье представлены результаты изучения темы идеологических кампаний в Алтайском крае 1946–1953 гг. современными отечественными исследователями. На сегодняшний день отсутствует работа обобщающего характера, посвященная идеологическим кампаниям в Алтайском крае периода «позднего сталинизма». Не осмыслен весь спектр идеологических кампаний. В первую очередь авторы обращались к содержанию кампаний по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и кампании по борьбе с космополитизмом, что составило основной проблемно-тематический блок исследований. Перспективной представляется проблематика полной реконструкции событий отдельных идеологических кампаний, их репрессивной составляющей, биографического плана.

Ключевые слова: современная отечественная историография, исследователи, идеологические кампании, «поздний сталинизм», Алтайский край.

В период «позднего сталинизма» в СССР развернулись идеологические кампании, проходившие в обстановке «холодной войны» под лозунгом советского патриотизма. Они были связаны, прежде всего, с воздействием на советскую интеллигенцию. В Западной Сибири в первую очередь заявили о себе реализация постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946, 1948 гг., кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» (1947–1948 гг.), кампания по борьбе с космополитизмом (1949–1953 гг.). Данное идеологическое воздействие на массовое сознание, как и повсеместно, зафиксировано в Алтайском

крае. Развитие событий в регионе получило отражение в ряде научных трудов.

Взаимоотношения власти и интеллигенции в советском обществе в 1946 – марте 1953 гг. на основе материалов Западной Сибири изучил С.Г. Сизов. Первостепенное внимание исследователь уделил идеологическим кампаниям «позднего сталинизма», внедрению их установок в массы. Автор отметил воздействие реализации постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946, 1948 гг. на художественную интеллигенцию Алтайского края. Это постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (от 14 августа 1946 г.), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (от 26 августа 1946 г.), «О фильме “Большая жизнь”» (от 4 сентября 1946 г.), «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» (от 10 февраля 1948 г.). Алтайский крайком партии контролировал деятельность краевого драматического театра с точки зрения «повышения идеиного уровня спектаклей и улучшения идеиново-воспитательной работы в театре в свете идеологических постановлений ЦК ВКП(б)». Одним из результатов контроля явилось доминирование в репертуаре театра советских пьес. Происходившие изменения затронули Алтайское отделение Союза советских художников. Была проведена учеба, нацеленная на совершенствование идеинно-политического и профессионального уровня живописцев. Решающей задачей для художников региона стало создание произведений о свершениях эпохи социализма [1, с. 82–84, 92].

С.Г. Сизов проанализировал события кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом». В высших учебных заведениях региона в сентябре 1947 г. прошли закрытые партийные собрания по обсуждению «Закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина» (от 16 июля 1947 г.). [1, с. 175–178; 2, с. 96–97]. Автор воссоздал одно из проявлений кампании по борьбе с космополитизмом, направленной в первую очередь против еврейской интеллигенции. В 1949 г. преследованию подверглись работники газеты «Алтайская правда» (Барнаул). Исследователь привел факт увольнения в 1949 г. художественного руководителя Алтайского краевого драматического театра [1, с. 71–72, 90, 109].

В итоге С.Г. Сизов пришел к выводу о руководящей и координирующей роли в деле проведения идеологических кампаний партийных структур и руководителей Западной Сибири, ориентировавшихся на указания «сверху». При этом применялись «жесткое идеологическое давление» и непосредственные репрессии [1, с. 197].

С.В. Зяблицева подняла проблему становления, развития и функционирования основных отраслей культуры и искусства Западной

Сибири в 1920-е – середине 1950-х гг. Собственную нишу в исследовании заняла тема воздействия идеологических кампаний 1946–1953 гг. на сферу культуры и искусства Западной Сибири. Автор констатировал «чистку» фондов библиотек Алтая в 1950 г. согласно установкам идеологических кампаний первых послевоенных лет. Она зафиксировала публикацию газетой «Алтайская правда» материалов, отражающих борьбу с космополитизмом, преследование журналистов-«космополитов» в Барнауле в 1949 г. С.В. Зяблицева выявила тенденцию изменения деятельности театров, «заданную» Алтайским крайкомом ВКП(б) в январе 1947 г., что обусловлено принятым ЦК ВКП(б) постановлением «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (от 26 августа 1946 г.) [3, с. 87, 237, 360–361].

Изучением кампаний по борьбе с космополитизмом в Сибири занималась Е.С. Генина. Исследователь выявил содержание регионального компонента в контексте осмысления кампаний. Е.С. Генина реконструировала процесс наступления на творческую интеллигенцию, научно-педагогических и инженерно-технических работников, врачей в 1949–1953 гг. Она обратилась к событиям, происходившим в 1949 г. в Алтайском краевом драматическом театре, в редакции газеты «Алтайская правда» («чистка» кадров). Е.С. Генина зафиксировала факты строгого контроля за составом научно-педагогических и инженерно-технических работников, врачей во время кампаний. В регионе заявили о себе отголоски «дела врачей» (1953 г.), принявшие форму «борьбы за бдительность». Объединяющим фактором наступления на интеллигенцию выступала национальная принадлежность того или иного «неблагонадежного» специалиста. На Алтае проводились непосредственные репрессии, связанные с кампанией.

Как было установлено автором, определяющей для кампании в регионе стала позиция Алтайского крайкома партии. Один из задействованных в рамках проводимой кампании «механизмов» – периодическая печать. Публикации газет «Алтайская правда» (Барнаул) и «Большевистский призыв» («Коммунистический призыв») (Рубцовск) отразили содержание кампании в регионе. Е.С. Генина констатировала, что наиболее интенсивно кампания проявила себя в краевом центре – Барнауле. Отдельные составляющие кампании зафиксированы в Рубцовске, где присутствовали явные «антисемитские» настроения [4, с. 49, 53–55, 91–93, 114–115, 117, 118–119, 168, 176, 177–178, 179, 225–226; 5].

И.С. Кузнецов и С.Н. Ушакова обозначили характерные черты культурно-идеологических кампаний в Сибири конца 1920-х – середины 1930-х гг., середины 1940-х – начала 1950-х гг. По мнению исследователей, подобные кампании 1946–1953 гг., направленные на творческую и научно-педагогическую интеллигенцию, «имели откровенно организованный ха-

рактер» по сравнению с кампаниями довоенных лет. Авторы обратились к отдельным моментам кампаний по борьбе с космополитизмом в Алтайском крае (увольнения представителей творческой интеллигенции Барнаула в 1949 г.) [6, с. 229–230]. Г.Н. Безруков подготовил публикацию по истории политических репрессий в Алтайском крае в 1919–1965 гг. С идеологическими кампаниями первых послевоенных лет автор связал «масштабную кампанию по усилению бдительности». Одним из ее свидетельств явилась политика по отношению к научно-педагогическим и инженерно-техническим работникам, обусловленная кадровым контролем и выявлением «неблагонадежных» специалистов [7, с. 219–220].

С.М. Демина изложила события кампаний по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и космополитизмом с привлечением регионального материала, обозначила доминировавшие идеологические установки. Она выявила специфику «дела врачей» в регионе, выделив две категории населения Алтайского края, оказавшиеся на заметке органов власти в связи с усилением «политической бдительности». Это лица, обладавшие «сомнительной политической репутацией», и спецпереселенцы, прежде всего, немцы, депортированные в 1941 г. С.М. Демина отметила «антисемитский оттенок “дела врачей”» [8; 9; 10].

Один из важных вопросов темы – роль местных органов власти в процессе проведения идеологических кампаний. А.Б. Коновалов, исследователь партийной номенклатуры Сибири 1945–1991 гг., подчеркнул контролирующую роль краевой и областной партноменклатуры в сфере общественно-политических процессов. По мнению автора, партийное руководство Алтайского края выражало противоречивые позиции в сфере контроля за интеллигенцией в период «позднего сталинизма»: с одной стороны, проявлялась забота о всемерном развитии культурной инфраструктуры, с другой стороны, осуществлялось вмешательство в репертуарную и редакционную политику учреждений культуры [11, с. 424; 12]. Е.М. Гостюшева и С.Г. Щеглов определили место «властного компонента» во время проводившихся «пропагандистско-репрессивных акций в Алтайском крае» [13, с. 82–83].

Таким образом, в настоящее время отсутствует исследование обобщающего характера, посвященное идеологическим кампаниям в Алтайском крае 1946–1953 гг. Сложившейся ситуацией обусловлена задача изучения всего спектра идеологических кампаний первых послевоенных лет в регионе. В первую очередь авторы обращались к содержанию кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и кампании по борьбе с космополитизмом, что составило основной проблемно-тематический блок исследований. Перспективной представляется и про-

блематика полной реконструкции событий отдельных идеологических кампаний, их репрессивной составляющей, биографического плана.

Библиографический список

1. Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (на материалах Западной Сибири): в 2 ч. Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. 224 с.
2. Сизов С.Г. Идеологические кампании 1947–1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 95–103.
3. Зяблицева С.В. Социокультурный потенциал Западной Сибири и практика его реализации (1920 – середина 1950-х гг.). Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2011. 472 с.
4. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово: Изд-во КемГУ, 2009. 255 с.
5. Генина Е.С. Борьба с космополитизмом в 1949–1953 гг. (по материалам Алтайского края) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С. 79–84.
6. Кузнецов И.С., Ушакова С.Н. Культурно-идеологические кампании // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 2. С. 228–230.
7. Безруков Г.Н. История политических репрессий в Алтайском крае (1919–1965 гг.) // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965 / отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2005. С. 53–232.
8. Демина С.М. Кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и «космополитизмом» // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 6. Томск: ТРОУ «Комиссия по правам человека в Томской области», 2005. С. 75–82.
9. Демина С.М. Кампания по усилению политической бдительности как региональный вариант «дела врачей» // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 6. Томск: ТРОУ «Комиссия по правам человека в Томской области», 2005. С. 82–90.
10. Демина С.М. «Дело врачей»: региональный уровень // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 352–358.
11. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово: Кузбассвязиздат, 2006. 636 с.
12. Коновалов А.Б. Культурные потребности регионов Западной Сибири в представлениях партийного руководства эпохи «позднего сталинизма» (1945–1953) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 40. С. 87–96.
13. Гостюшева Е.М., Щеглов С.Г. Региональная власть и общество в послевоенные десятилетия СССР (на примере Алтайского края 1945–1985 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 81–87.

УДК 94(571.150).084

Н.П. Коробкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НА АЛТАЕ В 1953–1964 гг.

Работа посвящена исследованию тех изменений, которые происходили в общественно-политической жизни Алтайского края под воздействием таких факторов как смерть Сталина, инициативы нового политического лидера, XX съезд КПСС. Запущенный с 1953 г. процесс либерализации политического режима, демократизации общественно-политической

сферы и проведение важных для населения социально-экономических реформ вызвали общественный подъем. В росте общественной активности, особенно молодежи, проявилась готовность части граждан к диалогу с властью. Постепенному раскрепощению общественного сознания местного населения, формированию нового образа жизни и более активной гражданской позиции способствовал приток в край инициативной и образованной молодежи из европейской части страны. Автор подчеркивает, что не столь однозначной была реакция на политические новации Центра местных партийных руководителей. Еще более сложной стала реакция, в том числе и со стороны населения, на решения XX съезда партии. Наибольшее опасение у местного партийного руководства вызывали не единичные протесты и критика политики власти со стороны отдельных граждан, а организованные массовые протестные выступления групп верующих (особенно баптистов) и национальных групп. В целом партийным организациям удалось сохранить в тот период свой контроль над общественным сознанием и общественными настроениями.

Ключевые слова: общественно-политическая жизнь, либерализация политического режима, демократизация общественных организаций, политическая оттепель.

Указанный период давно привлекает внимание исследователей. Однако работы советских историков, в том числе краеведов, были посвящены поступательному движению вперед советского общества и его новым достижениям под руководством КПСС [1; 2]. И только в последние два с лишним десятилетия эта односторонность была преодолена благодаря появлению целого ряда серьезных исследований, раскрывающих противоречивый и сложный процесс высвобождения общества из-под тоталитаризма [3; 4].

Какие изменения происходили в общественно-политической жизни края в этот переходный период и под влиянием каких обстоятельств и факторов? Какова была палитра политических настроений в региональном сообществе в тот период? Этим вопросам посвящена данная статья.

Смерть Сталина вызвала настоящее психологическое потрясение в обществе. Но если большинство советских людей переживало искреннюю скорбь, растерянность и опасения «как бы не было хуже», то были и другие люди, у которых это событие породило надежды на свое скорое освобождение и вообще перемены к лучшему. Смеем предположить, что на Алтае таких людей, невинно пострадавших от репрессий, было немало, поскольку здесь еще с довоенных лет располагались многочисленные спецпоселения.

Начало либерализации политического режима после смерти Сталина, постепенной демократизации общественно-политической сферы и запуск важных для населения социально-экономических реформ вызвали небывалый общественный подъем. Люди воспряли духом. Их общение становится более открытым и непринужденным. Это нашло яркое отражение в литературе и искусстве того времени. Все это породило серьезные изменения в системе отношений между властью, которая сразу утратила свою сакральность, и народом. С привлечением через общественные

и партийные организации широкого круга людей к обсуждению актуальных вопросов жизни выявила готовность их к диалогу с властью, желание активно участвовать в общественной и политической жизни страны. Начавшееся раскрепощение общественного сознания породило и первые гражданские инициативы.

Как были восприняты первые реформаторские шаги центральной власти местной властью? С осторожностью, поскольку провинциальная власть отличалась еще большим консерватизмом. Что касается населения Алтайского края, то для него была характерна невысокая степень гражданской активности. Это было обусловлено повышенным политическим и идеологическим контролем соответствующих органов, бдительно следивших за умонастроениями местных жителей, преимущественно аграрным населением региона (более инертным, чем городское население) и географической удаленностью края от центральных районов страны, где с началом «оттепели» общественная и культурная жизнь забурлила.

Однако и здесь, в глубокой провинции, пусть медленней, чем в центре, наметились важные изменения в те годы.

Прежде всего, это было обусловлено новыми инициативами Н.С. Хрущева в сфере управления. В связи с передачей части полномочий Центра региональным органам власти, они превратились во влиятельные инстанции, к мнению которых Центр должен был теперь прислушиваться. Кроме того, состав аппарата, и в первую очередь партийного, был существенно обновлен за счет притока молодых, образованных кадров.

В тот период Алтайским краем продолжал руководить Н.И. Беляев (первый секретарь краевой партийной организации). Фигура первого руководителя в регионе, масштаб его личности, особенности характера, стиля руководства оказывали очень большое влияние на развитие самого региона. Именно Беляев был инициатором начала целинной эпопеи, ставшей новой вехой в истории Алтая [5, с. 26]. С того момента, как ЦК КПСС поддержал эту инициативу, Алтайский край оказался в центре внимания не только политического руководства, но и всей страны. Тогда огромные ресурсы были направлены на воплощение этого грандиозного проекта. По призыву партии и комсомола сотни тысяч людей добровольно становились участниками эпохального процесса преобразования. На Алтай приехали 48 тыс. молодых механизаторов из разных регионов страны. Понимая всю меру своей ответственности, партийное руководство требовало от местных руководителей выполнения поставленных задач любой ценой.

Титаническая работа сотен тысяч людей по освоению целины завершилась победой. В первый целинный год (1954) в крае был собран рекордный урожай. С этого времени Алтайский край заявил о себе как о крупнейшей житнице страны, первый секретарь крайкома Беляев был

избран секретарем ЦК и переведен в Москву. А сама целинная эпопея стала последним всплеском общественного энтузиазма такого масштаба, какой наблюдался в стране в 20–40-е гг.

Однако у этого, действительно масштабного мероприятия была и своя оборотная сторона. Негативный резонанс вызвал начавшийся отток прибывших в регион первоцелинников. Авральный характер всей кампании выявил довольно скоро неподготовленность местного руководства к приему большого количества вновь прибывших людей. Но не только материальные проблемы волновали их. Штурмовщина целинной кампании сопровождалась нередко общей неразберихой, пустой тратой сил и средств. И это тоже не прибавляло энтузиазма молодым целинникам. Некоторые из них обращались за помощью в краевые исполнительные и партийные органы власти и ставили принципиальные вопросы, но, так и не получив должного содействия, глубоко разочарованные, начали выезжать из региона.

Приток в Алтайский край образованной и инициативной молодежи из крупных городов европейской части страны по распределению после окончания вузов или по зову сердца, как это ярко проявилось в ходе целинной кампании, на фоне запущенных в стране демократических процессов также способствовал постепенному раскрепощению общественного сознания местного населения, формированию нового образа жизни и более активной гражданской позиции.

Прошедший в феврале–марте 1956 г. XX съезд КПСС спровоцировал серьезный идеиний и психологический кризис в массовом сознании советского общества, что наблюдалось и в крае. Критика культа личности Сталина, разоблачение многочисленных преступлений режима, которые приписывались только Сталину, вызвали крушение веры у многих людей в партию, в справедливость существующего строя, в идеалы социализма. Нравственный излом целого поколения обернулся расколом общества: бывшие репрессированные дождались часа справедливого возмездия за долгие годы беззакония и террора, другие не могли прийти в себя от психологического шока. Многие отказывались верить в обвинения против Сталина и негативно были настроены к новому политическому руководству. Но если «догматики» отказывались принимать критику вождя, то искренне поверившие в новый курс партии на демократизацию общества (таких было тоже немало, особенно среди молодежи) довольно скоро были разочарованы весьма поверхностным характером проводимых реформ [6, с. 14].

Идеологический переворот коснулся, прежде всего, самих коммунистов, которые в большей мере информировались о «разоблачениях» сталинского режима. Первыми на очищение партии и общества от последст-

вий культа ринулись молодые члены партии, не знавшие страха перед партийными чистками и считавшие их уделом прошлого. Полные энтузиазма и романтических надежд, они верили в необходимость и возможность построения «истинного социализма». На состоявшихся в 1956 г. собраниях и конференциях местных парторганизаций выступавшие нередко критически высказывались в адрес местного и центрального партийного руководства, требуя разобраться в истоках сталинизма.

Наибольшее количество выступлений в регионе в период после XX съезда было связано с критикой антидемократических тенденций, сохранившихся в жизни советского общества. Заметной в регионе становится критика определенных аспектов внутрипартийной жизни. Довольно скоро стали звучать обвинения Хрущева в возведении собственного культа [6, с. 14].

Одним из главных объектов критики снизу становится политическая система. Разбуженное оттепелью гражданское сознание заставляло отдельных граждан выступить с протестами по поводу безальтернативных выборов в Советы народных депутатов и их фактически безвластного марионеточного положения. Требование предоставления более полной и объективной информации гражданам выражалось практически каждым инакомыслящим, проходившим через следственные органы КГБ по обвинению в «антисоветской» деятельности.

Очень популярным среди читающей молодежи в те годы становится журнал «Новый мир», печатавший произведения, вызывавшие большой общественный резонанс. Сохранившаяся на рубеже 1950–1960-х гг. несвобода печатного слова дала импульс распространению недозволенных идей путем самиздата.

Нарастающая критика в обществе настораживала и пугала местных партийных руководителей. Особые опасения вызывали у партактива настроения среди части молодежи. Она была уже другой. В среде молодых образованных людей отчетливо проявлялось желание быть свободными и независимыми, иметь собственное мнение о том, что происходит в стране и в мире. Так, на заводе механических прессов (Барнаул) группа молодых инженеров проводила работу по созданию молодежного клуба, независимого от партии и комсомола. Все организаторы впоследствии были арестованы [4, с. 227].

Политическое руководство СССР, спровоцировав своими действиями нарастающую со стороны граждан критику властей, вскоре всерьез стало опасаться, что на волне демократизации может утратить контроль над обществом. Поэтому «оттепель», едва начавшись, почти сразу стала ощущать политические «заморозки».

После политических событий в Венгрии осенью 1956 г. борьба с отклонившимися от «линии партии» и «пресечение вылазок антисоветских, враждебных элементов» приобретает более жесткий идеологический и политический характер. Фактически высшее руководство страны санкционировало проведение новой репрессивной кампании. Теперь, когда инструкция сверху была получена, руководители местных партийных организаций поняли, как надо действовать в этих непростых условиях. Наглядный пример показывал сам партийный лидер. На встрече с творческой интеллигенцией 13 и 19 мая 1957 г. Н.С. Хрущев с жесткой критикой обрушился на ряд писателей и поэтов, публикавших свои произведения в 1956 г. в журнале «Новый мир», обвинив их в очернительстве советской власти и «безыдейщине». Новая волна гонений была направлена в первую очередь против тех, кто занял независимую гражданскую позицию. В основном это были представители интеллигенции.

Разумеется, отважившихся открыто критиковать политический режим и его лидеров было совсем немного. Но само по себе это было симптоматично: люди постепенно освобождались от страха перед репрессиями со стороны властей.

Гораздо большую обеспокоенность у местных властей вызывала открытая протестная активность верующего населения, спровоцированная нетерпимой политикой государства к религии, и протесты национальных групп, (особенно депортированных и депатриированных немцев). Это были выступления не одиночные, а организованные и достаточно массовые.

Итак, начавшиеся в стране в 1953–1957 гг. позитивные политические изменения носили повсеместный характер. В Алтайском крае в условиях политической «оттепели» происходил подъем общественной активности, особенно среди молодежи, появились первые гражданские инициативы. И хотя последовавшие затем новые идеологические «чистки» привели к заметному спаду неформальной гражданской активности в обществе, все же целиком подавить «брожение умов» так и не удалось власти. Но удельный вес в местном обществе принципиальных критиков советского режима был невелик. Попытки несогласных с политикой партии распространять свои идеи в обществе, выражать гражданские требования, как правило, натыкались на стену непонимания, страха и откровенного неприятия со стороны обывателей. По-прежнему достаточно высокой оставалась приверженность массового сознания государственной идеологии. Для многих «изобличение антисоветчиков» отвечало представлениям о своем гражданском долге.

Библиографический список

1. Преображеный Алтай. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1971. 288 с.
2. Очерки истории Алтайской организации КПСС. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1985. 553 с.

3. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. М.: Весть, 1992. 352 с.
4. Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул: Упр. арх. дела администрации Алтайского края, 2005. 432 с.
5. Сорокин В.В. Последний в когорте железных вождей. Барнаул: Упр. арх. дела администрации Алтайского края, 1998. 360 с.
6. Волохов С.П. Социально-политические протесты середины 1950 – середины 1980-х гг. (на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.

УДК 94(47.084)

Е.М. Гостюшева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И СУДЬБА ПРОТЕСТАНТСКИХ
КОНФЕССИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ МЕННО СИМОНС
(МЕННОНИТЫ))**

Первые протестантские общины появляются на Руси уже в XVI в. В конце XIX в. география их расселения расширяется. На территории Алтайского горного округа появились меннониты. Они образовали поселения в районах Кулундинской степи. Судьба последователей Менно Сименса в Алтайском крае схожа с их религиозными братьями по всему СССР: коллективизация, репрессии, запрет отправления культа. С распадом Советского союза этно-конфессиональная ситуация в стране кардинально изменяется. Но экономический кризис конца 1980-х гг. и атеистическая государственная политика предыдущего периода привела к массовой эмиграции из края.

Ключевые слова: меннониты, протестантские общины на Алтае.

Меннонитство – одно из распространенных направлений протестантизма. Характерным принципом меннонитов является религиозный пацифизм, выразившийся в отказе от исполнения воинской повинности и несения государственной службы. На всем протяжении своего существования, вне зависимости от страны проживания, меннониты стремились придерживаться своего традиционного уклада жизни. Они представляли собой сложившуюся этноконфессиональную общность с четко выраженной самоидентификацией по отношению к окружающему миру.

Первое переселение меннонитов в Россию из Пруссии состоялось в 1789 г., по приглашению правительства Екатерины II [1, с. 7]. Последняя партия прибыла в 1874 г. В конце XIX в. расширяется география их расселения по территории России.

На рубеже XIX–XX вв., особенно в период Столыпинской аграрной реформы 1906–1911 гг., немецкие колонии Юга России и Поволжья переселяются на территорию Алтайского округа, образовывая огромнейшее число «дочерних колоний».

Колонисты заселяли обширные пространства в Славгородском уезде. Абсолютное большинство немцев расселилось в степной местности Западной Сибири – Кулундинской степи, которая по рельефу и климату очень сильно схожа с местами прежнего проживания. В Славгородском уезде в канун 1914 г. насчитывалось немцев примерно 17,5 тыс. человек, из них 45 % составляли меннониты [2, с. 41].

Крестьяне-колонисты расселялись строго обособленными группами. Сельские общины переселенцев представляли собой социальную организацию с территориально-компактным, этническим и лингвистическим единством. Меннониты основали села Глядень, Николаевку, Орлово, Хортица, Гришковка, Сереброполь, Шумановка и многие другие [2, с. 41]. 1910–1914 гг. – время активного оформления меннонитских общин на Алтае.

Во время Первой мировой войны российские немцы, среди них и меннониты, оказались вовлечеными между двумя враждующими державами в качестве внутреннего противника. Началась широкомасштабная антинемецкая кампания. В меннонитских церквях и школах запрещено было использование немецкого языка, перестала выходить периодика и, наконец, их землевладения и прочая крупная собственность подпадали под действие так называемых ликвидационных законов. Все это было предпринято властями, несмотря на то, что в этот период 13 тыс. меннонитов Российской империи самоотверженно выполняли свой посильный гражданский долг. Стремясь выйти из-под действия ликвидационных законов, меннониты неоднократно обращались в высшие инстанции Российской империи, где обосновывали свое голландское происхождение. Однако эти попытки успеха не имели.

Февральская революция 1917 г. с удовлетворением была встречена большинством меннонитов. Провозглашенные Временным правительством демократические свободы: равноправие всех граждан России, свобода слова, совести печати, союзов и т.п. – соответствовали их политическим идеалам.

С началом октябрьской революции 1917 г. политическая ситуация в стране резко обострилась и вскоре переросла, в гражданскую войну, которая втянула в свой водоворот все слои населения, в т.ч. меннонитов. Основная часть меннонитского населения Сибири старалась в годы войны придерживаться политического нейтралитета. К тому же, в период преследования Красной Армией отступающей армии Колчака, меннонитские поселения, расположенные воль Транссибирской магистрали пострадали от обеих армий.

Главные коллизии взаимоотношений меннонитских общин и советской власти в 1920-е гг. развернулись вокруг борьбы меннонитов за сохранение религиозных свобод и самобытной системы школьного образования.

Меннониты проявляли большую активность и целеустремленность в борьбе за признание своих религиозных прав. 24 мая 1924 г. Комиссия по религиозным делам меннонитов СССР обратилась со специальным меморандумом в ЦИК СССР, в котором настаивали на предоставлении им права на свободное проведение религиозных собраний в молитвенных и частных домах, различного рода мероприятий религиозного характера среди молодежи, выдачи разрешения на преподавание Закона Божия и основ вероучения в школе. Кроме того, они просили разрешить издание религиозной литературы и периодики, освободить меннонитов, как от воинской повинности, так и от всеобщего военного обучения. Все эти требования были изложены, принятом на проходившем в январе 1925 г. в Москве Всесоюзном съезде меннонитских общин. В конечном итоге власти были вынуждены по ряду пунктов пойти на уступки. Во второй половине 1925 г. было дано разрешение на издание меннонитской периодики. Служба в строевых частях для молодых меннонитов была заменена нахождением в строительных подразделениях.

Однако эта ситуация просуществовала не долго. После опубликования в апреле 1929 г. закона о религиозных культурах, а затем и последовавшая за ним инструкция по его применению сделали почти невозможной открытую деятельность меннонитской церкви. В 1930-е гг. были закрыты все молитвенные дома, запрещено проведение богослужебных собраний, работа всех религиозных обществ и пр. Давление со стороны властей главным образом было направлено на претворение в жизнь декрета об отделении церкви от государства. В меннонитских поселениях стали проводиться принудительные выселения церковных организаций из общих со школами помещений, верующие ходили в соседние деревни для отправления культа, где жили баптисты. В школах осуществлялась активная атеистическая пропаганда среди молодежи.

Кроме того с осени 1929 г. в меннонитских поселениях началась массовая коллективизация. Параллельно с коллективизацией проходило раскулачивание. Раскулаченные семьи принудительно переселялись на так называемые кулацкие выселки, а впоследствии в большинстве своем высыпались в северные районы. Крестьяне порой выступали с протестами. В Гальбштадте после ареста «кулака» Винтера около 500 человек из нескольких деревень поехали в районный центр, чтобы выразить свой протест и там разоружили отряд местной милиции. После этого начались масовые аресты. В Орлове в 1936–1938 гг. были арестованы и погибли 22 человека [2, с. 34].

Крупномасштабная антирелигиозная компания и начавшаяся принудительная коллективизация вызвали широкую эмиграционную волну среди меннонитов. В надежде получить разрешение на выезд за границу в Москву устремились, продав за бесценок, а частью просто бросив свои дома и имущество, десятки меннонитских семей Алтая. Однако выехать смогли лишь немногие. Оставшиеся же в принудительном порядке были возвращены на прежние места проживания. На Алтае протесты меннонитов по поводу религиозных притеснений, насильственной коллективизации и запрету эмиграции вылились в июле 1930 г. в восстание, вскоре подавленное специальным отрядом НКВД. Тогда часть местных жителей переехала на Дальний Восток, а там, целыми деревнями зимой по замершему Амуру уходили в Китай, а оттуда в Америку. Но в 1941 г. всех немцев с Дальнего Востока выслали обратно в Сибирь.

Великая Отечественная война вызвала новый всплеск негатива между властью и общинниками. С началом военных действий из сел стали забирать мужчин и женщин, у которых дети были старше 3-х лет. Мужчин направили в Кузбасс, на Тульские угольные шахты, женщин – на Михайловский содокомбинат и лесоповал. Из-за тяжелых условий работы, многие погибли. Кроме того мужчины-меннониты, несмотря на установленный своей религией пацифизм воевали в рядах советской армии. Во время Великой отечественной войны 14 человек из Протасово воевали на фронте, хотя большинство было все-таки в трудармии – около 40 человек [2, с. 87].

Окончание и победа в Великой Отечественной войне вселила в население страны надежды на лучшую жизнь. Однако уже в первые послевоенные десятилетия продолжаются репрессии. Служители культа и так называемые сектанты особенно преследовались органами КГБ. В октябре 1952 г. было заведено дело первым следственным комитетом УМГБ по Алтайскому краю об антисоветской деятельности меннонитов Славгородского, Михайловского и Знаменского районов. В ноябре 1952 г. Д.М. Щепик, Е.Я. Дик, Е.П. Гармс, Н.Д. Эпп, И.И. Гармс, Э.А. Клейн, К.И. Функ и П.П. Фот были приговорены Алтайским крайсудом к «заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет с конфискацией всего имущества». В 1952 г. Алтайский крайсуд приговорил 16 сектантов по ст. 58-10 ч. 2 и ст. 58-11 УК к 25 годам лишения свободы. Это были рабочие и колхозники из Рубцовска, Барнаула и Рубцовского района. В мае 1953 г. по такому же обвинению осудили еще 14 сектантов из Рубцовская и Рубцовского района с лишением свободы на 25 лет [3, с. 8].

13 декабря 1955 г. Указом Президиума верховного совета СССР с меннонитов, как и со всех советских немцев, был снят режим спецпоселения. Но антирелигиозная кампания не прекратилась. В результате почти половина существующих церквей была вновь закрыта, а их духовные на-

ставники – высланы. В этой обстановке в 1963 г. братские меннониты вынуждены были присоединиться к Всесоюзному Совету Евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ).

Важнейшее значение в жизни меннонитов в послевоенные годы имела публикация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г., в котором с советских немцев официально снималось обвинение в измене родине. Указ 1975 г. Президиума Верховного Совета РСФСР «О религиозных объединениях» расширил возможности религиозных организаций в удовлетворении своих религиозных потребностей, верующие освобождались от мелочной опеки государства. Кроме того подписанные Советской стороной Хельсинские соглашение в 1975 г., обязывали Советское руководство уважать право граждан на свободу вероисповедания.

Но даже законодательное закрепление в Конституции 1977 г. свободы совести на территории СССР не отменяло контроль за всеми религиозными организациями. Контроль проводился в более цивилизованной форме без массовых репрессий против верующих, без массового закрытия церквей и снятия с регистрации религиозных объединений. Статистические данные количества меннонитских организаций на территории края четко отражали изменения государственной политики в решении конфессионального вопроса. Численный состав действующих религиозных объединений меннонитов в Алтайском крае за 1962–1982 гг. был следующий: 1962 – 12, 1965 – 8, 1965 – 3, 1978 – 18, 1979 – 17, 1982 – 5 [4, с. 20]. Основная масса меннонитов были компактно расселены в трех районах Алтайского края: в Табунском районе проживало 100 человек, Хабарском – 147 и Славгородском – 38 [4, с. 21].

Принятый в РСФСР в 1990 г. либеральный Закон «О свободе вероисповеданий» предоставил весьма широкие возможности для деятельности религиозных организаций. Церковно-государственные отношения были приведены в соответствие с основными принципами светской концепции прав и свобод человека. Изданный Указ от 1 июля 1991 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР восстанавливал Немецкий национальный район. Конституция 1993 г. гарантировала верующим свободу в исправлении религиозных культов. Но все эти правовые акты не остановили, вызванный глубоким экономическим кризисом, миграционные процессы на территории края.

В целом на всем протяжении СССР нерешенный национальный вопрос, борьба с религией, как чуждой социализму идеологией были главной линией партийных органов. В результате чего в ФРГ за 1951–1996 гг. переселилось 1549490 немцев и членов их семей, а с 1973 по 1986 г. СССР покинуло около 13 тыс. лиц меннонитского вероисповедания [5, с. 517].

В Алтайском крае до 1991 г. эмиграционные процессы не носили массового характера. И только лишь после 1991 г. массовая эмиграция накрыла немецкое население. На сегодняшний день в Немецком национально районе проживает более 50 % русских, до 40 % обруseвших немцев и 10 % – другие национальности. Отражением государственной политики советской власти стали материалы Всероссийской переписи населения 2010 г., согласно которой в Российской Федерации зафиксировано только четыре немца-меннонита.

Библиографический список

1. Смирнов М.Ю. Непротестантский взгляд на протестантизм в России // Протестантизм как фактор формирования российской государственности и культуры. Антология. СПб.: РХГА, 2012 С. 7–14.
2. Бруль В.И. Немцы Западной Сибири. Топчиха: Топчихинская типография, 1995. Ч. 1. 191 с.
3. Безруков Г.Н. Предисловие // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Барнаул: Упр. арх. дела администрации Алтайского края, 2004. 324 с.
4. Жеребятева Е.Е. Государственно-конфессиональные отношения в Алтайском крае в 1945–1990 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012. 24 с.
5. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX в. покидал Россию // Россия и ее регионы в XX в.: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глазер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493–519.

УДК 322

Н.С. Дворянчикова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**ФУНКЦИИ И ЗАДАЧИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ
СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ В 1964–1982 ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)***

На основе архивных материалов фонда Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Алтайскому краю, а также фонда регионального общества «Знание», анализируется деятельность Совета по делам религий, который сыграл существенную роль в реализации государственно-конфессиональной политики. В статье отдельное внимание уделено деятельности и функциям уполномоченных Алтайского края по делам религий.

Ключевые слова: Совет по делам религий, уполномоченные, религиозные организации, Алтайский край.

* Работа подготовлена в рамках выполнения проекта Минобрнауки РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

Великая Отечественная война стала в определенном смысле переломным этапом в развитии отношений Советского государства с религиозными объединениями, в первую очередь с Русской православной церковью [1, с. 242]. Новая религиозная политика потребовала создания специального органа, который бы занимался ее осуществлением. Таким органом стал Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. 7 октября 1943 г. было утверждено «Положение о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР». Совет, созданный изначально как организация, осуществляющая взаимодействие органов советской власти и церкви, со временем все более стал превращаться в регистрирующий и контролирующий орган, полностью зависимый от партийного руководства [2, с. 2].

В 1965 г. был создан новый орган осуществления вероисповедной политики государства – Совет по делам религий при Совете министров СССР. Он объединил функции упраздненных Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов, который занимался другими конфессиями [3, с. 49]. Данный орган просуществовал в СССР до 1991 г. Главной целью нового учреждения стало реализация государственно-конфессиональной политики и контроль за соблюдением законодательства о религиозных культурах.

Главными задачами Совета по делам религий провозглашались контроль за соблюдением Конституции СССР и Декрета СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изучение и обобщение практики применения законодательства о культурах. В указанном постановлении также отмечено, что Совета по делам религий имеет право принимать решения о регистрации и снятии с регистрации религиозных объединений, об открытии и закрытии молитвенных зданий и домов; проверять деятельность религиозных организаций в части соблюдения ими законодательства о культурах и давать обязательные предписания об устранении его нарушений; ставить вопрос о привлечении лиц, виновных в нарушении законодательства о культурах, к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности [1, с. 242]. В регионах главным действующим лицом в Совете по делам религий выступал уполномоченный. Назначение и освобождение с данной должности происходило по представлению краевых или областных исполкомов Советов депутатов трудящихся. В функции уполномоченных по делам религий входили следующие обязанности: контроль и учет религиозных организаций, общин; разъяснение законодательства о религиозных культурах; информирование Совета по делам религий о ежегодной религиозной ситуации в регионе; оказание помощи комиссиям содействия по соблюдению законодательства о культурах. Помимо вышеперечисленных функций, не-

отъемлемой частью работы уполномоченного по делам религий, являлось рассмотрение ходатайств верующих о регистрации объединения и открытии храма, лишение регистраций религиозных организаций, а также легализация деятельности служителей культа.

В Алтайском крае в рассматриваемый период занимали должность уполномоченного по делам религий Л. Иванов, И.Я. Коробейщиков, А.П. Седешов. В 1964 г. пост уполномоченного занял Л. Иванов. В данное время прослеживаются притеснения верующих, о которых не раз писались жалобы в Совет по делам религиозных культов. Так в 1965 г., в Президиум Верховного Совета СССР поступила телеграмма от жителя п. Кулунда гражданина Хмара, в которой он сообщает о притеснениях и издевательствах в школах над детьми верующих. Уполномоченный побуждал райисполком проверить все факты неправильного отношения в школах к детям верующих, вмешаться в это дело и предотвратить подобные факты [4, л. 9]. Директора школ были предупреждены о том, чтобы антирелигиозная работа проводилась без грубостей и оскорблений. Наряду с этим, им было предложено усилить атеистическую работу среди молодежи и детей [4, л. 14–15]. Важно отметить, что подобные случаи в Алтайском крае были не единичны. Так, в 1967 г. Л. Иванову прислала жалобу ученица Л.В. Карпенко, которая сообщила о своих опасениях, что из-за принадлежности к баптистам она не сможет поступить ни в какой вуз, так как после окончания учебы ей напишут ее вероисповедание в характеристике. Кроме того, за религиозное мировоззрение ей снизили оценку по поведению [5, л. 42]. Тем самым уполномоченному самому пришлось провести беседу с директором школы и ученицей, чтобы развеять ее страхи. Таким образом, следует отметить, что государственно-конфессиональная политика, проводимая в регионе, зависела не только от уполномоченного по делам религий, но и от местных органов власти.

В 1966 г. должность уполномоченного по делам религий в Алтайском крае вместо Л. Иванова занял И.Я. Коробейщиков. Новый уполномоченный по делам религий сразу включился в работу и после назначения посетил 8 районов Алтайского края. На месте им была изучена деятельность религиозных организаций, проведены беседы и семинары о порядке исполнения законов. Наиболее крупные нарушения он выявил в отколовшихся баптистских группах. Так, несмотря на неоднократные предупреждения в Хабарском районе П.Я. Берг, И.М. Энс, М.П. Ниссен обучали детей в религиозных школах в селах Орлово и Александровке. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г. против виновных органами прокуратуры были возбуждены уголовные дела. 21 мая 1966 г. Народный суд Хабарского района приговорил обвиняемых к одному году исправительных трудовых работ. Аналогичная ситуа-

ция произошла в Благовещенском районе, в котором 24 мая 1966 г. судом приговорен к 1 году исправительных работ И.И. Нейфельд [6, л. 8].

Пользуясь правом толкования законодательства о культурах, уполномоченный по делам религий разъяснял чиновникам райисполкомов сущность его отдельных норм, а также принимал участие в работе различного рода мероприятий. Так, в марте 1966 г. уполномоченный И.Я. Коробейщикова принимал участие в работе пленума Октябрьского РК КПСС г. Барнаула, на котором обсуждали вопрос «Об усилении атеистической работы среди населения», а в июле 1966 г. – в работе Онгудайского районного актива Горно-Алтайской автономной области [6, л. 11]. В марте 1971 г. был проведен двухдневный семинар атеистов по идеологии христианской церкви в г. Бийске, на котором присутствовало 150 слушателей. В семинаре принимал участие уполномоченный Алтайского края [6, л. 40].

С приходом на должность нового уполномоченного по делам религий в Алтайском крае А.П. Седешова в мае 1976 г. основным направлением деятельности в его работе стало личное знакомство с религиозной обстановкой в регионе, стремление понять основные тенденции в деятельности религиозных обществ. За несколько месяцев работы он посетил 12 городов и районов края, ознакомился с религиозной обстановкой, проинформировал местные партийные и советские органы о полученных результатах, высказал предложения и рекомендации по усилению контроля за соблюдением законодательства о культурах. Уполномоченный по делам религий активно выступал с лекциями и докладами о религиозной обстановке на семинарах, курсах партийных и советских работников, по законодательству по культурам, с беседами для верующих, участвовал в работе краевой организации общества «Знание», в котором являлся членом совета по атеизму [7, л. 25–26].

К середине 1970-х гг. ситуация в стране и в Алтайском крае в том числе в сфере государственно-конфессиональных отношений стала меняться. Особенно это стало проявляться в тенденции роста числа регистрируемых религиозных общин. Наметившийся процесс был связан с усилением интереса государства к религиозной жизни общества, особенно после принятия в 1977 г. новой Конституции СССР. В статье о свободе совести (ст. 52) признавалась значимость принципа свободы совести для социалистического общества. Существование и деятельность религиозных объединений начинают рассматриваться как необходимое условие обеспечения свободы вероисповедания, а оно в свою очередь как одна из составляющих комплекса «прав человека» [8, с. 66–67].

Так, в Алтайском крае, в 1977 г. было дано согласие на регистрацию религиозного общества православных верующих Славгородского района [9, л. 4]. Кроме того, были взяты на учет 2 общины старообрядцев числен-

ностью 400 человек. Однако уполномоченный по делам религий отмечает, что склонять к регистрации не следует, так как это может привести к оживлению религиозной деятельности не только этих обществ, но и вообще старообрядческой церкви в других местах [9, л. 5].

В 1978 г. уполномоченный отмечал, что верующих старообрядцев убедили отказаться от намерений зарегистрироваться, а взамен им было разрешено периодически проводить молитвенные собрания без официальной регистрации. За это время общества оборудовали необходимыми предметами культа 2 частных дома, которые были превращены в постоянно действующие молитвенные дома [10, л. 7].

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассматриваемый период государственный аппарат пытался существенно ограничить влияние церкви, снизить религиозность населения, а также прекратить деятельность ряда религиозных организаций. Функция по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культурах на местах находилась в сфере деятельности уполномоченных по делам религий, которые являлись проводниками государственно-конфессиональной политики в регионах. Необходимо отметить, что политика уполномоченных на местах была связана с общим курсом государства в вопросах государственно-конфессиональной политики.

Библиографический список

1. Молодов О.Б. Роль Уполномоченных Совета по делам религий в реализации государственной вероисповедной политика на русском Севере (1960–1980-е гг.) // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 1 (28). С. 242–247.
2. Цыремпилова И.С., Злыгостева Ю.Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви (Совета по делам религий) в 1940-х–1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. № 10. С.47–50.
3. Гераскин Ю.В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4. Т. 4. С. 45–51.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 71.
5. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 73.
6. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 74.
7. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 136.
8. Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 66–67.
9. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 139.
10. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 140.

Я.Ю. Шашкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1990–2010- е гг.:
ГЕНЕЗИС, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ,
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ***

Одним из важных направлений формирования новой политической системы в постсоветский период стало складывание многопартийности, в том числе на региональном уровне. В результате анализа функционирования партийной системы Алтайского края в 1990–2010-е гг. было установлено, что она развивалась в соответствии с общими трендами российского партогенеза, пройдя три этапа эволюции. Отличительной чертой края выступает изначальное деление партийной системы на ограниченное число основных, стабильных партий, ведущих конкурентную борьбу на выборах, и прочие организации, периодически формально присутствовавшие на региональном партийном поле. При этом расстановка сил ведущих партий демонстрирует переход доминирования от «левых» организаций к «Единой России», который обуславливается не только российской политической историей, но и особенностями массового сознания жителей региона.

Ключевые слова: политические партии, партийная система, избирательные процессы, Алтайский край.

Несмотря на то, что с 2001 г. в РФ функционирует единое партийно-избирательное пространство, запрещено создание региональных партий, а затем и блоков, в каждом регионе, в том числе в Алтайском крае, существуют особенности формирования и развития партийных организаций, их деятельности и влияния на политический процесс, изучение которых представляет не только научный интерес, но и позволяет глубже понять содержание и тенденции современной алтайской политики.

Становление партийной системы Алтайского края началось чуть позднее, чем на федеральном уровне – с начала 1990-х гг. В 1991 г. в крае было зарегистрировано три отделения политических партий и общественно-политических организаций, которые по существовавшему на тот момент российскому законодательству не различались, – Демократической партии России, Российских солидаристов и Народной партии России. Организационные структуры современных «старых» партий (КПРФ, АПР, ЛДПР) оформились в крае в 1993–1994 гг. в ходе подготовки и проведения федеральных и региональных выборов и активно проявили себя на выборах 1995 г.

Следует отметить, что большинство партийных организаций в этот период формировались как избирательные штабы, деятельность которых после избирательной кампании замирала. Это объясняется тем, что партии

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ / РФФИ научного проекта № 16-03-50136.

не располагали значительными политическими ресурсами, а также не имели стимулов к регулярному и масштабному партийному строительству.

В целом, процесс формирования и динамики партийной системы Алтайского края можно разделить на три этапа, связанных с эволюцией российской партийной системы.

Первый этап охватывает 1990-е гг., когда в крае, как и в каждом регионе, складывалась своя конфигурация политических сил, определяемая его социально-экономическими и социокультурными особенностями. Основную роль в политическом процессе играли региональные общественно-политические организации, создававшиеся на базе федеральных партий и/или по инициативе и при поддержке губернаторов.

К особенностям региональной партийной системы данного периода можно отнести, во-первых, высокую концентрацию и стабильность партийного поля. В отличие от федерального уровня, где правами партий в середине 1990-х гг. обладало около 500 общественных объединений, в политическом пространстве Алтайского края были заметны 6 партийных организаций – краевые отделения КПРФ, Аграрной партии России, ЛДПР, «Яблока» (зарегистрировано в 1995 г.), Демократического выбора России (позднее «Правое Дело»), «Наш дом – Россия» (1995 г.). Остальные же, а в 1996 г. в крае было зарегистрировано 31 общественно-политическое объединение, в 1999 г. – 62, либо вообще не проявляли себя, либо были представлены руководителями и 1–2 активистами. Релевантным показателем их активности в данный период можно считать результаты федеральных и региональных выборов. Так, в 1995 г. заградительный барьер в Алтайском крае преодолели только три избирательных объединения, в сумме набравшие 54% голосов избирателей (КПРФ, ЛДПР, Аграрная партия России) [1], в 1999 г. – 5 избирательных объединений, набравших в сумме 79,72% (КПРФ, «Медведь», «Блок Жириновского», СПС и «Яблоко») [2, с. 143].

Во-вторых, основные краевые партийные организации имели четкую идеологическую поляризацию – основное содержание партийно-политического процесса в крае составляло противостояние «народно-патриотического движения» и «демократических» партий, представленных двумя блоками – «Согласие» (образовано в 1995 г. при участии тогдашнего главы администрации края Л.А. Коршунова как потенциальный организационно-партийный ресурс на федеральных и региональных, а главное, губернаторских выборах) и «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда» (1993 г.) с доминированием последнего.

Данный факт был связан с третьей особенностью партийно-политической истории края – преобладанием в нем прокоммунистических настроений и «левых» партийных организаций. Это объяснялось как спе-

цификой социально-экономической ситуации в крае и политической культуры его населения, так и тем, что движение «За подлинное народовладение» использовало опыт и кадры бывшей КПСС, постоянно осуществляло активную пропагандистскую и организационную работу среди членов партии и своей социальной базы, имело четкую разветвленную структуру, печатный орган – газету «Голос труда», крупную и влиятельную фракцию в Законодательном собрании Алтайского края, руководило и контролировало деятельность Краевого совета ветеранов, краевой организации РКСМ. В то же время, среди факторов прокоммунистичности Алтайского края 1990-х гг. следует назвать и элитный – глава администрации А.А. Суриков активно использовал поддерживавшее его региональное отделение Народно-патриотического союза России, объединявшего организации КПРФ и АПР, как «партийный ресурс» для мобилизации избирателей и легитимации своего режима. Настроенные противостоять к федеральному центру, определяемому в массовом сознании как демократический, эта категория избирателей эмоционально голосовала за возврат к прошлому, олицетворяющему КПРФ и ее выдвиженцами.

Второй этап охватывает первую половину 2000-х гг. – переходный период, когда в партийных системах регионов усиливается представительство федеральных партий при сохранении региональной специфики. Главной особенностью этого периода стала активизация участия партий в выборах и их работы с населением в связи с принятием законов «О партиях» и о переходе на смешанный принцип формирования региональных органов законодательной власти. Положив конец латентному участию политических партий в региональном избирательном процессе, эти законы заставили парторганизации всерьез заняться работой с населением, открывать общественные приемные, укреплять своих местные организации. Больше внимания стало уделяться профессионализму партийной работы, особенно в области взаимодействия со СМИ, повышению квалификации партийных кадров.

Вместе с тем, высокий уровень структурированности партийного пространства Алтайского края к концу 1990-х гг. обеспечил устойчивость основных игроков даже после принятия закона «О партиях». Незначительные изменения в их диспозицию внесло структурирование либерального движения, объединившегося летом 1999 г. на базе партии «Демократический выбор России» в предвыборный блок «Союз правых сил». Его образовали краевые организации «Демократический выбор России» во главе с К.Н. Емешиным, «Россия молодая», возглавляемая Ю.Н. Еремеевым, «Новая сила» и др. Логичным его завершением, как и на федеральном уровне, стало преобразование регионального отделения блока в партийную организацию в ноябре 2001 г. [3, с. 167]. Укрепила свои позиции

в 1999–2003 гг. и краевая организация «Яблоко». При подготовке к выборам ею была создана сеть местных организаций, но самыми крупными оставались организации городов Барнаула и Бийска. В основном их усилиями «Яблоко» набрало в крае на парламентских выборах 1999 г. 6% голосов избирателей.

В целом же, к числу наиболее крупных и информационно заметных партийных организаций края на этом этапе относились КПРФ, Аграрная партия России, «Яблоко», СПС, «Единая Россия» и ЛДПР.

Еще одна значимая особенность динамики партийной системы Алтайского края, определившая ее дальнейшее развитие, – начавшаяся переориентация краевой политической элиты на поддержку «Единой России». Показателями данного процесса стало формирование в краевом Совете народных депутатов партийной фракции «Союз промышленников – Единая Россия», дистанцирование А.А. Сурикова от коммунистов и, наконец, открытый призыв к поддержке «Единой России» на выборах в Государственную думу зимой 2003 г. Все это привело к тому, что на тех выборах КПРФ впервые набрала в крае меньше голосов, чем «партия власти».

С середины 2000-х гг. начинается современный этап российского партогенеза. Партийные системы регионов сжимаются, унифицируются (к концу 2000-х гг. партийная система Алтайского края была представлена, как и на федеральном уровне, отделениями 7 партий), ключевую роль в них играют только парламентские партии, а сами партийные организации переходят под больший или меньший контроль губернаторов. В информационном пространстве региона и региональном Законодательном собрании преобладает «Единая Россия» на фоне сокращения представительства других партий, в первую очередь КПРФ, что было обусловлено как общими трендами российской политики, так и сменой избирательных предпочтений жителей Алтайского края, увидевших в «Единой России» залог стабильности власти и улучшения социально-экономической ситуации в стране.

Не повлияла на состояние краевой партийной системы и либерализация партийного законодательства 2012 г. Увеличение числа зарегистрированных региональных отделений политических партий (к концу 2013 г. их начитывалось 56) носило формальный характер и не меняло сложившейся расстановки сил. Подавляющее большинство новых парторганизаций никак себя не проявляли, что закономерно приводило к их ликвидации. Так, в 2014 г. в Алтайском крае из реестра были исключены 11 региональных отделений партий. В их число вошли отделения партий «Колокол» (зарегистрировано в крае в ноябре 2013 г.), «Возрождение аграрной России», «Партии Социальных Реформ», «Всероссийской социалистической народной партии «Отчизна», «Демократическая партия России»,

«Родная страна», «Социал-демократическая партия России», «Союз Горожан», «Гражданская Сила», «Гражданская Позиция», «Народная партия России». На 1 октября 2017 г. в Алтайском крае зарегистрировано 45 региональных отделений политических партий.

В целом можно констатировать, что партийное пространство Алтайского края на протяжении почти всего постсоветского периода отличалось концентрацией и устойчивостью состава основных игроков, оставляя открытым лишь вопрос об исходах конкуренции парламентских партий как отражении современной политической истории региона.

Библиографический список

1. Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва [Электронный ресурс]. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1995/index.html (дата обращения: 10.10.2017).
2. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 1999. Электоральная статистика. М.: Весь мир, 2000. 296 с.
3. Асеев С.Ю., Пritchина Е.В., Шашкова Я.Ю. Формирование и функционирование партийной системы в Алтайском крае (1993–2006 гг.). Барнаул: Азбука, 2006. 199 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АЛТАЯ

УДК 94(19)(571.16)

Т.А. Бочарова

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)*

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В 1860–1890-х гг.

С 1860 г. начинается формирование банковской системы Российской империи пореформенного периода. Центром новой банковской системы становится Государственный банк, отделение которого открывается в 1865 г. в Томске. Анализ операций Томского отделения государственного банка с 1865 по 1890-е гг. позволяет выявить основные направления активных и пассивных операций и дать оценку эффективности отделения, что важно с точки зрения оценки государственной финансовой политики в регионе.

Ключевые слова: Томская губерния, Государственный банк, учёт векселей.

Сложная ситуация на современном финансовом рынке заставляет всё более внимательно относиться к историческому опыту модернизации банковской системы пореформенного периода. Особый интерес с этой точки зрения представляет анализ деятельности государственных финансовых институтов царской России. Несмотря на то, что по данной теме имеются многочисленная исторические исследования [1; 2; 3; 4; 5], многие региональные аспекты остаются малоизученными, что приводит к появлению и распространению не совсем корректных выводов и оценок, возникающих в результате экстраполирования выводов и оценок по Европейской России на Сибирь или же повторения идеологизированных выводов советских историков.

Государственный банк Российской империи был учрежден в 1860 г. и в соответствии с Уставом являлся не только контролирующим органом, но и получил право непосредственного осуществления кредитно-сберегательных операций с физическими и юридическими лицами, а с 1897 г. – исключительное право денежной эмиссии [6, с. 2].

На основании указа императора Александра II о постепенном открытии отделений Государственного банка в 1865 г. были открыты отделения в сибирских городах Иркутске и Томске [7, л. 16–18 об.].

Основной задачей Томского отделения в первое пятилетие работы стала деятельность по ликвидации, принятию дел и счетов Томского приказа общественного призрения. В силу этого активные операции отделения, в частности учёт векселей в этот период носили незначительный, мизерный характер. Так, за первое пятилетие деятельности отделением было

учтено векселей всего на сумму 45 тыс. руб., при этом в 1869 и 1870 гг. учётная операция составила всего 1 тыс. руб. в год, а в 1871 г. – 227 руб. за год [8, с. 28].

В последующие годы наблюдалось значительное увеличение активных операций по отделению, этому способствовало полученное в 1875 г. разрешение Правления Государственного банка приступить к учёту векселей частных лиц с тем, чтобы общий размер всех открытых по этой операции кредитов не превышал 300 тыс. руб. [9, с. 23]. Помимо учёта векселей и срочных процентных бумаг, Томское отделение выдавало кредиты под залог процентных бумаг и товаров, а так же, по текущему счетам, обеспеченным векселями или процентными бумагами. На 1891 г. в структуре активных операций учёт векселей составлял 60%, кредиты под залог – 27% и ссуды по текущим счетам – 13% от общей величины учётно-ссудных операций [10, с. 28–29]. Таким образом, именно учёт векселей являлся основной активной операцией Томского отделения в рассматриваемый нами период.

Распределение учётной операции по направлениям операций в Томском отделении на 01.01.1892 г. представлено в таблице 1 [10, с. 28–29].

Таблица 1. Распределение вексельного кредита

Направление кредитования	Сумма (тыс. руб.)
Хлебная	42
Рыбная и звериная промышленность, нефтью, солью, каменным углём, гончарными и химическими изделиями	93
Мануфактурная	19
Питейная	55
Металлическая	135
Свекло-сахарная и табачная	245
Колониальная и бакалейная	280
Частные кредитные учреждения	325

Таким образом, данные таблицы 1 показывают, что одним из основных объектов кредитования к 1890-м гг. в Томском отделении являлись действующие в регионе «Общественный Сибирский банк в г. Томске им. А. Попова», созданный 1843 г., и Томское отделение Сибирского торгово-го банка, открытое в городе в 1873 г. Такая структура вексельного кредита делала Томское отделение Государственного банка очень уязвимым, поскольку позаимствования со стороны частных кредитных учреждений были не регулярными, только в период нехватки собственных пассивов у этих банков. Необходимость расширения вексельного кредитования купечества признавали и управляющие отделением, так в отчёте за 1898 г. управляющий Е.В. Пудовкин отмечал: «нужно развивать мелкий торговый

кредит, но развивать постепенно по мере знакомства с делами мелких торговцев. Этот кредит поддержит нашу вексельную операцию и вместе с тем несомненно принесёт пользу торговле, избавив мелкоту торговую от кабалы крупных фирм» [11, л. 36.].

Что касается второй по значимости операции – ссуд под залог товаров, то она осуществлялась отделением только под залог шлихтованного золота.

Несмотря на указанное нами с 1870-х гг. увеличение учётно-ссудной операции по отделению, вплоть до 1900-х гг. размещение средств на счетах отделения в качестве вкладов существенно превосходило кредитование (см. таблицу 2) [10, с. 44–46].

Таблица 2. Операции Томского отделения Государственного банка

Годы	Учёт векселей (тыс. руб.)	Вклады (тыс. руб.)
1870–1874	1179	19553
1875–1879	5864	25198
1880–1884	4469	37243
1885–1889	3486	38326

Столь существенный разрыв между пассивными и активными операциями позволил И.Ф. Гиндину сделать вывод «о колониальной политике центрального правительства и Государственного банка в Сибири, которая тормозила развитие местного предпринимательства», аккумулируя значительные капиталы сибирской буржуазии, хранившиеся на текущих счетах и вкладах, и направляя их в Европейскую Россию [1, с. 408]. В последующем этот вывод был закреплён в трудах не только советских, но и российских историков [12, с. 259; 13, с. 210; 14, с. 191].

На наш взгляд, данный вывод является не вполне корректным, поскольку значительное превышение пассивных операций над активными является особенностью деятельности не только сибирских отделений, а всего Государственного банка в первое сорокалетие своей работы. С 1860 по 1900 г. объём учётно-ссудных операций Государственного банка составлял 30–75% сумм по вкладам и текущим счетам [6, с. 131]. Такая ситуация порождала задолженность Государственного банка перед своими отделениями и конторами. По данным отчёта 1871 г. задолженность Государственного банка наблюдалась перед 35 из 46 действовавших на тот период отделений и контор банка, в том числе задолженность имелась не только перед всеми сибирскими отделениями, но и перед Московской и Петербургской конторами [8, с. 28].

С другой стороны, низкие объёмы кредитования при высоких объёмах вкладов и размещения средств на текущих счетах под проценты порождало убыточность региональных отделений Государственного банка. По данным Н.С. Петлина, совокупный убыток Томского отделения Государственного банка с 1880 по 1891 г. составил 673 тыс. руб. [15, б/с]. Таким образом, на протяжении первого этапа своей деятельности Томское отделение Государственного банка являлось экономически убыточным учреждением, которое находилось на финансировании Государственного банка.

Таким образом, низкий уровень кредитных операций Томского отделения Государственного банка в 1865–1890-х гг. не может быть объяснён колониальной политикой центрального правительства и требует дополнительного анализа.

Библиографический список

1. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 гг.). М.: Госфиниздат, 1960. 415 с.
2. Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России: XIX – начало XX в.: Избранные очерки истории и типологии русских банков. М.: Наука, 1997. 623 с.
3. Ананьевич Б.В., Калмыков С.В., Петров Ю.А. Главный банк России. От Государственного банка Российской империи к Центральному банку Российской Федерации. 1860–2000. М.: ЦПП ЦБ РФ, 2000. 181 с.
4. Бугров А.В. Очерки по истории Государственного банка Российской империи. М.: Банки и технологии, 2001. 346 с.
5. Бугров А.В. Государственный банк: 1860–1917 гг. М.: Интеркrim-пресс, 2012. 264 с.
6. Государственный банк: краткий очерк деятельности за 1860–1910 гг. СПб.: Т-во Р. Голике и И.А. Вильборг, 1910. 143 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 587. Оп. 30. Д. 163.
8. Отчёт Государственного банка за 1871 г. СПб., 1872. 39 с.
9. Главный банк России в Томске 1865–2010: исторические очерки / Л.А. Арых, В.Д. Баландина, Л.А. Васильева. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. 332 с.
10. Статистические данные по операциям Государственного банка и сберегательных касс за 1860–1892 гг. СПб., 1893. 100 с.
11. РГИА. Ф. 587. Оп. 47. Д. 35.
12. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 329 с.
13. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть I. Население. Экономика. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. 360 с.
14. Старцев А.В. Кредит и кредитные учреждения Алтая второй половины XIX – начала XX в. // Компьютер и экономическая история. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. С. 189–205.
15. Петлин Н.С. Опыт описания губерний и областей России в статистическом и экономическом отношении в связи с деятельностью в них Государственного банка и частных кредитных учреждений. Ч.3. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1893. б/с.

Т.И. Андреева

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)*

**ЧАСТНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ АЛТАЯ – СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО
В КОНЦЕПЦИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СООБЩЕНИЯ
СИБИРИ И ТУРКЕСТАНА В НАЧАЛЕ ХХ в.**

Строительство и начальный период эксплуатации железных дорог Азиатской России в конце XIX – начале XX в. были призваны обеспечить территориальную целостность государства и способствовать социальному и экономическому развитию Сибири, Дальнего Востока и Туркестана. Железнодорожная сеть Азиатской России формировалась, во-первых, в результате государственного магистрального строительства, а, во-вторых, за счёт частного предпринимательства при возведении линий, служивших подъездными путями к Транссибирской, Оренбург-Ташкентской и Среднеазиатской магистралям.

Ключевые слова: Транссиб, частные железные дороги Алтая, экономико-географическая структура.

История проектирования, организации финансирования, строительства и начальный период эксплуатации железных дорог Сибири и Туркестана в обширном многонациональном регионе на этапе становления индустриального общества даёт возможность изучить механизмы взаимодействия государства и частного сектора экономики. В единый хозяйствственный организм Российской империи превращалась по мере развития транспорта. Транспорт делал возможным успешное функционирование производства, разделение и специализацию труда, и, одновременно, сложнейшую кооперацию всех отраслей хозяйственного комплекса. Концепция, то есть в данном процессе конструктивный принцип формирования экономико-географической структуры становления и развития железнодорожной сети по производственно-экономическому признаку, была сформирована в 80–90-х гг. XIX в. По определению С.Ю. Витте «Самая рациональная мера для урегулирования конкуренции между железными дорогами заключается в подразделении сети на самостоятельные в экономическом отношении группы, из которых каждая эксплуатировалась бы одним хозяйством...» [1, с. 183]. Совместно с министром финансов И.А. Вышнеградским им разработан проект плана по укрупнению дорог и созданию больших железнодорожных объединений с совместным капиталом государства и частных компаний. В год начала строительства Транссиба, 1891 г., И.А. Вышнеградский, развивая план по укрупнению железных дорог Российской империи, писал министру путей сообщения А.Я. Гюбенетту «... опыт эксплуатации русской рельсовой сети доказал, что дороги могут быть эксплуатируемы с выгодою лишь по объединению их в большие, удачно выбранные группы или сеть» [2, л. 19].

На рубеже XIX–XX вв. развитие транспортных связей с относительно изолированными восточными окраинами государства имело особо важное значение. Грандиозное строительство на государственные средства Транссибирской, Среднеазиатской (Закаспийской и Самарканд-Андижанской) и Оренбург-Ташкентской магистралей, соединивших Европейскую Россию с дальневосточными и туркестанскими окраинами империи, стало одним из самых успешных проектов в российской истории. Основной причиной реализации этих проектов была военно-стратегическая необходимость, а задачи развития рыночных связей, роста товарности народного хозяйства, экономического освоения территорий в условиях переселенческой революции были второстепенными. Великая Сибирская железная дорога была отстроена на средства казны, и, в принципе, железнодорожное сообщение в Сибири появилось не раньше, чем того потребовали военно-стратегические интересы страны на Дальнем Востоке [3, с. 191]. Практика железнодорожного строительства в Азиатской России показала, что по состоянию государственных финансов и, особенно, государственного кредита, в ресурсах казны невозможно найти достаточных средств для формирования рельсовой сети.

По подсчётом, произведённым в 1908 г. инженер-генералом Н.П. Петровым, если строить дороги в одной Европейской России с такой быстротой, чтобы через 37 лет сравняться по густоте сети с Австро-Венгрией, то следует ежегодно расходовать последовательно возрастающие суммы от 160 до 310 млн. руб. Если присоединить к этому ежегодные ассигнования на сооружение дорог в Азиатской России, то эти суммы необходимо удвоить [4, л. 29]. На заседаниях Особой Высшей комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела в России постоянно высказывались мнения о необходимости принятия смешанной системы железнодорожного хозяйства с широким использованием частной предпринимательской инициативы и частных капиталов при жестком контроле со стороны правительства, так как это, в большей мере, соответствует государственно-правовому характеру железнодорожных предприятий, требующих планомерной организации и постоянного контроля из одного центра для обеспечения единства действий. Предлагаемая инновационная программа частно-государственного партнерства создавала объективные условия для формирования и совершенствования материально-организационных отношений между правительством и частными акционерными обществами.

В то же самое время в правительстве увеличивается число предложений со стороны различных предпринимателей относительно сооружения линий, связывающих Туркестан, как с Транссибом, так и с Европейской железнодорожной сетью. В государственно-деловых кругах Томска,

Барнаула, Новониколаевска, Семипалатинска, Ташкента, Верного собирались многочисленные совещания по обсуждению проектно-сметной документации. В отличие от промышленности, на транспорте складывались не отраслевые, а территориальные сферы влияния. Формировались и начинали действовать крупные железнодорожные монополии, образовавшиеся не за счёт слияния немонополизированных предприятий, как это имело место в промышленности, а при получении монопольного права на строительство и эксплуатацию железнодорожных трасс в определённом районе государства. Планирование железнодорожной сети в Сибири было постоянным объектом пристального внимания петербургских банков. Именно в строительстве железных дорог банковские монополии видели возможности всеуглубляющегося внедрения в развивающуюся сибирскую торговлю и промышленность.

Особый интерес проявили банки к проектированию железнодорожных трасс на Алтае. Алтайская железная дорога с протяжённостью 751 верста (Новониколаевск – Барнаул – Семипалатинск с веткой Алтайская – Бийск) проектировалась с наибольшей для Сибири плотностью населения. Благоприятные почвенные и климатические условия способствовали созданию здесь района товарного земледелия и животноводства. В 1912 г. общее количество товарного зерна, при среднем урожае, определялось в районе Алтайской дороги 41 млн. пудов. В результате напряжённой борьбы за право получения концессии на постройку Алтайской линии победу одержала группировка крупнейших российских коммерческих банков, в состав которой входили Учётно-ссудный, Международный коммерческий, Торгово-промышленный, Русский для внешней торговли, Русско-Азиатский, Волжско-Камский, Сибирский торговый, Азовско-Донской, Частный коммерческий, а также французский Парижско-Нидерландский банк. Работы по сооружению дороги начались 1 июня 1913 г., а 3 ноября 1915 г. в Барнауле состоялось её официальное открытие [5, с. 61].

Вывоз сибирского хлеба, занимавшего в начале XX в. первое место среди вывозимых из Сибири грузов, был также одной из основных причин проектирования Кулундинской железной дороги протяжённостью 297 вёрст (Татарская – Славгород). По изучению материалов экономических и пояснительных записок в 1912 г. объём товарного зерна в районе Кулундинской линии определялся в 28 млн. пудов. На стадии проектирования и оформления сметной документации выраженный интерес к этой дороге проявил Азовско-Донской банк, который действовал самостоятельно, не привлекая другие банки. Основными держателями акций, помимо Азовско-Донского банка, были акционерное общество «Росгорн», а также М.М. Фёдоров и С.Ф. Гофман, С.И. Рабинович, Г.Х. Майдель, В.А. Нагородский и другие видные деятели столичной буржуазии. Строительство

линии началось весной 1914 г., а 12 августа 1916 г. первый поезд пришёл из станции Татарская в переселенческий Славгород. Регулярное товарнопассажирское движение по всей линии началось с 10 января 1917 г. [6, с. 181–182]. Частные железнодорожные общества Алтая не были государством в государстве. Власти держали их под компетентным надзором Министерств путей сообщения, Военного, Финансов, Государственного контроля. Правительство назначало в состав правлений Алтайской и Кулундинской железных дорог особых директоров. Они должны были следить за тем, чтобы не было расхождений между законами государства, правилами для российских железных дорог, высочайше утверждёнными уставами акционерных обществ и решений общих собраний акционеров и решений правлений. Министерство путей сообщения требовало неукоснительного соблюдения детально разработанных правил эксплуатации железных дорог, тарифных ставок, отчётности. Государственная политика в отношении частного железнодорожного строительства на Алтае проявлялась в протекционизме на этапе становления и стремлении контроля в русле общих социально-экономических перемен начала XX в.

Алтайская и Кулундинская железные дороги обеспечивали товарнопассажирские перевозки на Транссибирскую магистраль через станции Новониколаевск и Татарская. Схема проектирования частных железнодорожных линий Азиатской России предусматривала их возведение как подъездных путей к магистральным трассам. Они являлись поперечными «ребрами», обеспечивающими выход сельскохозяйственных и промышленных товаров на « позвоночник» Транссиба [7, с. 165]. В свою очередь станции Семипалатинск и Славгород были призваны быть отправными точками в грандиозных проектах грядущего выхода на Средне-Азиатскую и Оренбург-Ташкентскую магистрали.

В большом количестве проектов железнодорожного строительства в Азиатской России доминирующее положение занимала подготовка к возведению Южно-Сибирской магистрали, маршрут пролегания которой был во многом обусловлен уже формировавшейся конфигурацией железнодорожной сети, в состав которой входили государственные магистрали, несшие основную нагрузку пионерной задачи транспортного освоения гигантских пространств, как в финансовом, так и в организационно – техническом процессе, а также частные железные дороги. После окончания изысканий трассы Южно-Сибирской магистрали, Совет министров 19 декабря 1913 г. решил проводить Южсеб от Орска через Акмолинск до Семипалатинска протяжением 1 618 верст [8]. Но 24 февраля 1917 г. в Устав Общества Южно-Сибирской магистрали была внесена поправка об изменении направления: магистраль планировалось вести от Акмолинска не на Семипалатинск, а на Павлодар – Барнаул с ответвлениями на Семипала-

тинск и к Экибастузским каменноугольным копям. Новое протяжение линии определялось в 2 325 верст [9, л. 264]. В условиях Первой мировой войны и революционного периода осуществление этого проекта было невозможно. Масштабное строительство по соединению Сибири и Туркестана магистральной линией Турксеб осуществилось по измененному проекту в 1927–1930 гг. в условиях конструктивной направленности, обусловленной индустриализацией народного хозяйства.

В формировании концепции железнодорожного сообщения Сибири и Туркестана, бесспорно, доминировало государство, которое усиливалось как собственник и дирижер. В условиях дефицита времени и ресурсов, острой международной обстановки в начале XX в. родился российский вариант индустриального общества – государственно-капиталистический, в отличие от англо-саксонского частнокапиталистического [10, с. 82]. Государство, которое инициировало, финансировало и руководило магистральным железнодорожным строительством, обусловило конфигурацию частной железнодорожной сети Азиатской России.

Библиографический список

1. Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. Киев: Тип. И.Н. Кушнарева и К°, 1883. 294 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 268. Оп. 3. Д. 300.
3. Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XIX вв.: сборник материалов конференции. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. С. 185–193.
4. РГИА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 80.
5. Андреева Т.И. Алтайская железная дорога // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 1. С. 61.
6. Андреева Т.И. Кулундинская железная дорога // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2014. Т. 2. С. 181–182.
7. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртыша в XVII - XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2009. 402 с.
8. Финансовое обозрение. 1914. 1 июля.
9. РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 2077.
10. Зиновьев В.П. Сибирь в современной России: Исторические традиции и перспективы модернизации // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 81–83.

УДК 94(47+51):630*93

М.О. Тяпкин

Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

ПРОЕКТ ЛЕСНОГО УСТАВА 1913 г.: ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Лесной устав в Российской империи являлся важнейшим правовым регулятором отношений в лесохозяйственной сфере. Модернизация общественных отношений и увеличение темпов экономического развития России во втором десятилетии XX в. способствовали акти-

визации работ по совершенствованию системы лесного законодательства. Результатом этой работы стала подготовка Главным управлением землеустройства и земледелия в 1913 г. проекта Лесного устава, который должен был заложить правовую базу для перехода отечественной лесной отрасли на новый уровень. Однако начавшаяся Первая мировая война и последовавшая за ней революция помешали принятию проекта и реализации содержащихся в нем новелл.

Ключевые слова: лесное хозяйство, Лесной устав, лесное законодательство, Российская империя.

Эффективность правоприменительной и хозяйственной деятельности в лесной сфере напрямую зависит от развитости системы правового регулирования общественных отношений в сфере использования и охраны природных ресурсов. Процессы формирования и развития лесного законодательства Российской империи становились предметом изучения в работах дореволюционных правоведов (Н.В. Шелгунов, М. Романовский, В.В. Врангель, С.В. Ведров, Н.И. Фалеев, Д.Д. Шилов), а также современных исследователей (Э.Г. Истомина, В.В. Черных, А.И. Рыбалкин). Достаточно часто этот аспект затрагивался при рассмотрении истории правовой охраны лесов в юридических исследованиях (Ж.Б. Иванова, Э.С. Навасардова, В.А. Манин). Лесной устав 1905 г. как основной источник лесного законодательства Российской империи был рассмотрен в работе А.Ю. Пурыевой [1]. Однако говорить о полной изученности данного направления исторических и историко-правовых исследований, на наш взгляд, не приходится. Одним из малоизученных аспектов является вопрос о разработанном в 1913 г. проекте нового Лесного устава, который должен был заложить правовую основу для выхода отечественной лесной отрасли на качественно новый уровень развития. В рамках данной статьи мы рассмотрим некоторые сюжеты, связанные с подготовкой данного законопроекта, а также дадим краткую характеристику тем новеллам, которые он содержал.

До начала XIX в. отечественное лесное законодательство, развиваясь достаточно активно, не было систематизировано. Правовые нормы, регламентировавшие вопросы лесопользования, лесоохраны и т.п., содержались в разнородных нормативных актах, исходивших от верховной власти. Работы по кодификации лесного законодательства были начаты еще в 80-х гг. XVIII в., но первый Лесной устав был утвержден императором в 1802 г. В Полном собрании законов Российской империи он был помещен под наименованием «проект Лесного устава», что позволяет некоторым исследователям не считать его в полном смысле этого слова уставом, а называть его «первоосновой для дальнейшей кодификации лесного законодательства» [2, с. 15].

При формировании первого издания Свода законов Российской империи Лесной устав вошел в восьмой том под названием «Свод Устава лесного». Термин «Лесной устав» появился, начиная со второго издания Свода законов Российской империи. Всего в дореволюционный период было подготовлено несколько редакций Лесного устава: 1802, 1842, 1857, 1876, 1893 и 1905 гг. Традиционная структура лесных уставов, состоявшая из книг, разделов, глав, отделений и статей, появилась с 1842 г. Тексты уставов сопровождались обширными приложениями, иногда занимавшими половину объема всего издания.

Нормы лесного законодательства, содержащиеся в Лесных уставах, трансформировались в зависимости от направления и динамики социально-экономического развития страны, но содержание уставов и круг регулируемых вопросов существенно не менялись, можно говорить лишь о постепенном упорядочении их структуры. Безусловно, это свидетельствует об устойчивости и стабильности системы правового регулирования лесных отношений, однако правовые нормы быстро устаревали и переставали соответствовать реальной действительности, затрудняя поступательное развитие лесного хозяйства.

Реализация планов государства по увеличению доходности казенного лесного хозяйства, росту объемов лесоэксплуатации, внутренней лесной торговли и экспорта лесоматериалов, расширению сети лесоперерабатывающих предприятий во втором десятилетии XX в. потребовала модернизации правовой основы функционирования отечественной лесной отрасли. В мае 1913 г. Главным управлением землеустройства и земледелия был подготовлен проект нового Лесного устава. Основной задачей, которую ставили перед собой разработчики проекта, являлось приведение лесных законов «в соответствие с обнаружившимися потребностями практики лесного дела, не создавая при этом чего-либо совершенного нового, несогласного с исторически выработанными основами лесного законодательства» [3, с. 4]. Необходимо было преодолеть накопившиеся недостатки Лесного устава: казуистичность изложения, наличие правовых пробелов, повторов, устаревших правовых норм, громоздкость самого текста, «зарегламентированность» управленческих вопросов и т.п.

При разработке законопроекта было предусмотрено изменение структуры устава и значительное сокращение количества статей: с 815 (Лесной устав 1905 г.) до 481. Предполагалось, что Устав будет по-прежнему состоять из шести книг, однако их внутреннее содержание изменилось. Первая книга была посвящена самому насущному вопросу – сбережению лесов различных видов собственности, вторая, третья, четвертая и пятая определяли правовой статус государственных, частновладель-

ческих, въезжих, спорных и общих лесов, в шестой книге содержались нормы, определявшие порядок преследования лесонарушений.

Проект содержал в себе множество правовых новелл. Предполагалась существенная модернизация системы охраны лесов. В частности, речь шла об учреждении уездных лесоохранительных комитетов, что должно было обеспечить участие населения в решении вопросов охраны и сбережения лесов. Также было предусмотрено появление должностей уездных лесничих, основной обязанностью которых должна была стать организация охраны лесов, в первую очередь частновладельческих. Законопроект не предполагал ограничение прав частных собственников леса, что активно обсуждалось в российском обществе в тот период времени, но предусматривал формирование «лесоохранной вертикали»: уездный лесоохранительный комитет – губернский лесоохранительный комитет – коллегиальный лесоохранительный орган при Главном управлении землеустройства и земледелия. Фактически речь шла о создании специализированной структуры, которая бы позволила в полной мере реализовать государственную политику в сфере охраны лесных ресурсов. Одновременно должна была производиться модернизация системы преследования лесонарушений в административном и судебном порядке. По отношению к лесовладельцам, которые занимались разведением и восстановлением лесов, проводили мелиоративные, лесоулучшительные и лесокультурные работы, предусматривалось применение целого ряда поощрительных и стимулирующих мер.

Разработчики законопроекта предложили меры по модернизации системы казенного лесного хозяйства. Речь шла о децентрализации системы казенного лесного управления, применении научно обоснованных принципов хозяйствования, проведении лесоустроительных работ на новом уровне и т.д. Особое внимание было обращено на расширение и упорядочение эксплуатации лесных массивов, прежде всего в Азиатской России. Предполагалось проведение в жизнь мер, стимулировавших частную инициативу в сфере лесоэксплуатации: увеличение сроков аренды лесных участков до 48 лет, предоставление права бесплатного пользования землей лицам, строившим на ней лесопильные и лесоперерабатывающие заводы, упрощение процедуры реализации древесины.

Была предпринята попытка исключить правовую обособленность отдельных категорий лесов, находившихся в собственности или пользовании населения, отдельных ведомств и учреждений (в том числе Кабинета Его императорского величества), а также актуализировать нормы лесного законодательства, приведя их в соответствие с положениями гражданского права. Внимание было обращено и на устранение такого правового ана-

хронизма как право населения Сибири на бесплатное пользование казенными лесами.

Новый Лесной устав должен был заложить правовую основу для превращения лесной отрасли в ведущее направление народного хозяйства России. В результате рационализации лесного хозяйства планировалось не только удовлетворить потребность населения в строительных материалах и топливе, но и значительно увеличить доходы государства [4, с. 5]. Законопроект прошел процедуру рассмотрения в Государственной думе, но не был введен в действие в силу трудностей военного времени, значительно замедливших темпы развития лесного хозяйства. В результате закрытия ряда торговых направлений объемы лесного экспорта уже к концу 1914 г. сократились в несколько раз, по сравнению с дооценным периодом. Мобилизация в действующую армию ослабила кадровый потенциал лесной отрасли и вызвала дефицит рабочих для проведения лесозаготовительных и иных лесохозяйственных операций. Для преодоления намечавшегося топливного кризиса потребовалось увеличить объем заготовок древесины в ущерб лесохозяйственным планам.

После начала революционных событий 1917 г. и постепенного нарастания социального кризиса в стране, вопрос принятия Лесного устава в предлагаемом формате потерял актуальность. Однако проект не был забыт, а многие его положения легли в основу разрабатываемых в 1918–1919 гг. правительством А.В. Колчака мер по интенсификации лесного хозяйства Сибири.

Библиографический список

1. Пуряева А.Ю. Устав о лесах 1905 года как источник лесного законодательства дореволюционной России // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 3. С. 119–124.
2. Навасардова Э.С. Кодификация лесного законодательства России в XIX в. // Общество и право. 2009. № 4(26). С. 13–17.
3. Законопроект о новом Лесном уставе // Ежегодник Лесного департамента. Пг., 1915. Т. 1. С. 3–7.
4. Результаты бывшего казенного лесного хозяйства к 1914 г. / под ред. В.В. Фааса. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2010. 182 с.

УДК 94(571.150)

И.А. Ерёмин

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)*

СОСТОЯНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы Первой мировой войны Алтайский округ являлся тыловой территорией Российской империи. Обеспечение разнообразных потребностей фронта способствовало динамичному развитию промышленности региона в этот период. Особенно заметно прибавила

в объёмах производства угледобывающей отрасль Алтая. На базе угольных шахт региона развернулось строительство заводов, продукция которых могла оказать существенную помощь для производства боеприпасов. За счет добычи и переработки руд Риддерским акционерным обществом в рамках выполнения оборонных заказов в годы войны в регионе началось быстрое развитие горнодобывающей и металлургической промышленности. На подъёме в годы войны были маслодельная и мукомольная отрасли промышленности региона, которые активно работали на оборону страны и поставляли на фронт и в крупные промышленные центры многие миллионы пудов своей продукции. Кожевенное производство в округе в этот период увеличилось более чем в два раза. В регионе в годы войны продолжалось активное железнодорожное строительство. В этот период в эксплуатацию были введены железнодорожные магистрали протяжённостью более тысячи километров. Определённую роль в развитии промышленного потенциала региона сыграли созданные в 1915 г. военно-промышленные комитеты.

Ключевые слова: Первая мировая война, промышленность Алтайского округа.

Чрезвычайные обстоятельства, вызванные Первой мировой войной, оказали противоречивое влияние на состояние промышленности Алтайского округа. В промышленном секторе экономики региона, с одной стороны, прекратили работу частные винокуренные и пивоваренные заводы в связи с запретом продажи спиртного, сократили производство деревообрабатывающие, льняные, закрылись многие мелкие кирпичные заводы. С другой стороны, отрасли производства, работавшие на оборону, получили в регионе значительное развитие.

Прежде всего, речь идёт об угледобывающей отрасли промышленности. В Кузнецком бассейне добыча топлива выросла с 47 млн. пудов в 1913 г. до 72 млн. пудов в 1916 г. [1, с. 214]. Уголь из региона в значительном количестве в период 1916–1917 гг. стал поступать для хозяйственных нужд таких крупных уральских заводов, работавших на оборону страны, как Златоустовский, Кыштымский, Белорецкий, Пермский [2, с. 25, 26]. В 1917 г. удалось добиться поставок уральским заводам по миллиону пудов кокса ежемесячно с Кольчугинских копей Кузбасса [3, с. 151].

На базе угольных копей региона развернулось строительство заводов, продукция которых могла оказать существенную помощь для производства боеприпасов. В 1915 г. Акционерному обществу Кузнецких каменноугольных копей (Копикуз) удалось получить крупный заказ от Главного артиллерийского управления (ГАУ) на производство бензола и толуола. Согласно условиям договора, заключенного между правлением общества и ГАУ, завод должен был быть построен к октябрю 1916 г. и поставлять в течение следующих трех лет 75 тыс. пудов бензола и в течение следующих семи лет – 25 тыс. пудов толуола по «твердым» ценам [4]. Первоначально руководство акционерного общества предполагало построить на Кемеровской копи 100 коксовых печей, которые должны были производить до 10 млн. пудов кокса в год [5, л. 272].

Уже в 1915 г. Копикуз получил аванс в 2 млн. руб. на постройку химического завода в Кемерово. В 1916 г. на строительство завода и коксовых батарей было затрачено уже 4,4 млн. руб. или свыше половины капитальных затрат Копикуза в том году. Строилась батарея из 50 коксовых печей, рекуперационный и бензольный цехи, электростанция, механические мастерские, котельная, подъездная железная дорога [6, с. 438–439].

Руководство Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей планировало организовать в Сибири технически совершенные производства. К проектированию предприятий привлекались известные специалисты. Так, для подготовки сооружения металлургического завода был приглашен опытный металлург М.А. Павлов. Конкретное проектирование сосредоточилось в Томске в Обществе сибирских инженеров, где профессором Н.В. Гутовским в 1916 г. был составлен проект крупного металлургического предприятия производительностью 15 млн. пудов чугуна в год в четырех домнах производительностью по 12 тыс. пудов в сутки каждой. Здесь же предполагался передел чугуна в шести мартеновских печах и прокат 10 млн. пудов рельс и балок [7, с. 65].

Риддерское горнопромышленное акционерное общество подрядилось на поставку Ижорскому заводу Морского министерства 30 тыс. пудов цинка. Согласно условиям договора от марта 1916 г., все поставки должны были завершиться в мае 1917 г. [8, л. 69]. К 1916 г. Риддерское общество достигло значительных успехов в своем развитии. Оно переоборудовало старые рудники (Риддерский, Сокольский), построило в Семипалатинской области заводы, железные дороги Риддер – Усть – Каменогорск, Иртыш – Экибастуз, имело свое пароходство на Иртыше. В 1915 г. общество начало добывать уголь и руды, а в 1916 г. – заниматься выплавкой металлов. В Риддере обогащали руду, извлекали золото и серебро, а на Экибастузском заводе выплавляли медь, свинец и цинк. Только цинка за первую половину 1916 г. на Риддерском руднике было добыто свыше 200 тыс. пудов [9].

За счет добычи и переработки руд Риддерским акционерным обществом в годы войны в регионе началось быстрое развитие горнодобывающей и металлургической промышленности.

Кожевенное производство в Алтайском округе в этот период увеличилось более чем в два раза. Кожевенные заводы региона с каждым годом наращивали производство. Впечатляющие результаты в кожевенном производстве были достигнуты и в других районах Западной Сибири. В Новониколаевском районе в 1916 г. годовая производительность кожевенных заводов составляла не менее 100 тыс. кож, а в Барнаульском – около 120 тыс. [12, л. 12 об.]. В Новониколаевске был построен крупный кожевенный завод «1915 год». Он предназначался для производства высокока-

чественных сортов кож, подобных тем, что привозились в Сибирь из Европейской России и заграницы. Его годовая производительность составляла 50–70 тыс. кож, или примерно половину всего кожевенного производства в городе [13, с. 191].

На подъёме в годы войны были маслодельная и мукомольная отрасли промышленности региона, которые активно работали на оборону страны и поставляли на фронт и в крупные промышленные центры многие миллионы пудов своей продукции. Наращивая производство, крупные предприятия этих отраслей в годы войны заметно увеличивали свои доходы. В самом деле, одна только «Алтайская фабрично–промышленная компания», выполняя военные заказы по поставке муки, сумела в 1916 г. получить за них почти вдвое больше (около двух млн. руб.), чем в предыдущем году [14, л. 14]. С самого начала войны вооружённые силы страны стали крупнейшим потребителем сливочного масла, производимого в Алтайском округе. Значительная часть из полумиллиона пудов масла, направленных в действующую армию за первые восемь месяцев войны из Западной Сибири, приходилась на маслодельные предприятия округа. Таким же высоким оставался вклад Алтая в дело продовольственного обеспечения вооружённых сил и населения крупных промышленных центров нашей страны, когда ежегодный объем поставок сливочного масла западносибирского региона превышал 5 млн. пудов [15, л. 91–93].

Определенную роль в деле более активного привлечения частной обрабатывающей промышленности региона для выполнения оборонных заказов сыграли созданные летом 1915 г. военно-промышленные комитеты (ВПК). Военные заказы, поступавшие через ВПК десяткам мелких и средних предприятий, помогли им не только экономически выжить в чрезвычайных условиях, но и зачастую, расширить масштаб производства. Они в широких масштабах начали изготавливать для нужд армии сапоги пехотного образца, полуушубки, шапки, валенки, подковы, седла, повозки, шанцевый инструмент и так далее. Так, согласно данным Барнаульского ВПК, уже к осени 1915 г. город, явившийся центром шубно-пимокатного производства в регионе, мог поставить в армию до 1,5 тыс. полуушубков в неделю и 1080 пар сапог в месяц. Количество поставляемых для военных нужд валенок определялось в 4–5 тыс. пар в неделю [10]. Это было вполне по силам для города, в котором в годы войны ежегодно вырабатывалось до 600 тыс. пар валенок [11, с. 25].

Нарастали масштабы работы ВПК региона по вовлечению в оборонное производство всё новых предприятий. Не остался вне поля их зрения и Гурьевский металлургический завод. На заводе изготовили целый ряд механизмов и конструкций для сооружающихся коксовых рекуперационных печей химического завода по производству бензола, толуола,

фенола и т.д. Осенью 1915 г. здесь приступили к изготовлению чугунных бомб и конских подков для армии по заказу Томского ВПК [16].

Следствием динамичного роста промышленности региона в годы войны являлось продолжение строительства новых железных дорог. Несмотря на трудности военного времени, в октябре 1915 г. состоялось торжественное открытие Алтайской железной дороги протяженностью в 762 версты [17]. Дорога начиналась от Новониколаевска и шла до Барнаула, а затем главная магистраль пролегала до Семипалатинска, а ветка – до Бийска. В следующем году была закончена постройка Кольчугинской железной дороги протяженностью в 187 верст. Эта дорога начиналась от станции Юрга и шла до Кольчугинских каменноугольных копей в Кузнецком уезде Томской губернии [18, с. 60]. В сентябре 1916 г. было открыто временное товарное и пассажирское движение на участке Карасук – Славгород Кулундинской железной дороги, протяженностью 88,3 версты [19]. Все эти дороги были одноколейными.

Таким образом, добывающая и обрабатывающая промышленность Алтайского округа в годы Первой мировой войны была на подъёме.

Библиографический список

1. История Кузбасса. Ч. I. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1967. 378 с.
2. Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск: Наука, 1969. 345 с.
3. Свешников Н.А. Экономика Сибири в период империализма. М.: б.и., 1975. 239 с.
4. Жизнь Алтая. 1916. 13 авг.
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1981.
6. История Сибири. С древнейших времён до наших дней. Т. 3. Л.: Наука, 1968. 530 с.
7. Аблажей Н.Н., Букин С.С., Водичев Е.Г., Ламин В.А., Тимошенко А.И. Экономические и социокультурные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2004. 228 с.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 23. Д. 249.
9. Жизнь Алтая. 1916. 24 июля.
10. Жизнь Алтая. 1915. 15 авг.
11. Черепов А.И. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1953. 79 с.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13251. Оп. 18. Д. 11.
13. Горюшкин Л.М., Бочanova Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. 393 с.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 28. Д. 39.
15. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 12.
16. Жизнь Алтая. 1915. 17 окт.
17. Жизнь Алтая. 1915. 23 окт.
18. Краев Ф.М. География Томской губернии. Томск: П.И. Макушин, 1916. 125 с.
19. Правительственный вестник. 1916. 28 сент.

В.А. Скубневский

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**БЮДЖЕТ БАРНАУЛА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

В годы Великой Отечественной войны Барнаул стал крупным центром машиностроения, предприятия которого работали на оборону. Сюда были эвакуированы многие крупные заводы из европейской части СССР, шла эвакуация госпиталей, учебных заведений, театров. Но вопрос о состоянии бюджета города практически не исследован. Автор на основе документов фонда финансового отдела горисполкома рассматривает структуру бюджета по доходам и расходам, введение новых налогов, показывает расходы на социальные нужды.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Барнаул, городской бюджет, налоги, народное образование, здравоохранение.

Периоду Великой Отечественной войны в отечественной историографии уделяется большое внимание, это относится и к истории всей страны, и к истории отдельных регионов и городов. Города Сибири, находясь в тылу, выполняли важную задачу по размещению эвакуированных заводов, населения, учреждений здравоохранения и культуры, по снабжению армии вооружением и обмунированием. Сотни тысяч сибиряков воевали на фронтах войны. Не был исключением и Барнаул.

До войны к крупным предприятиям города можно было отнести Барнаульский меланжевый комбинат (БМК) и Вагоноремонтный завод (ВРЗ). За годы войны город превратился в крупный промышленный центр. Вопросы участия барнаульцев в военных действиях, развитие промышленности города, приема эвакуированного населения и более частные сюжеты, как, например, работа эвакогоспиталей, и другие нашли отражение в исследовательской литературе, в том числе в работах Н.С. Гаврилова [1], В.Д. Гончарова [2], М.П. Аргуновой [3], Ю.А. Мелиховой [4] и др. Но слабо освещенными остаются вопросы формирования городского бюджета в годы войны, источников доходов, расходов на социальные нужды, состояния городского хозяйства. Эта сторона городской истории, несомненно, нуждается в специальном освещении, что и является задачей данной статьи. Главным источником стали документы фонда финансового отдела исполнкома Барнаульского городского совета депутатов трудящихся (фонд Р-784 Государственного архива Алтайского края).

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

Прежде всего рассмотрим показатели городского бюджета по доходам и расходам накануне и в годы войны. В 1940 г. городской бюджет по доходам составлял 29 084,9 тыс. руб. или 104,7% к плану, а расходы – 28 770,6 тыс. руб. (103,5% к плану). Источниками доходов были: отчисления от госналогов и неналоговых доходов – 10 780,9 тыс. руб., госналоги, сборы и пошлины – 6215,6 тыс. руб., местные налоги – 3087,9 тыс. руб., коммунальное хозяйство – 1194,8 тыс. руб., торговля – 925,6 тыс. руб., местная промышленность – 739,6 тыс. руб. К местной промышленности относились небольшие предприятия промышленности – мебельная, трикотажная, швейная фабрики, сапожная, пимокатная, бытовые мастерские.

Расходы в 1940 г. распределялись следующим образом: на здравоохранение – 10 867,9 тыс. руб. (37,7%), народное образование – 7 921,2 тыс. руб. (27,5%), на коммунальное хозяйство и благоустройство – 3 958,1 тыс. руб. (13,7%) [5, л. 64]. Аналогичная структура расходов в 1940 г. была и в Новосибирске, где на здравоохранение шло 46,6% городского бюджета, на народное образование – 33,5% [6, с.132].

Во всех сферах жизни Барнаула в годы войны ситуация очень существенно изменилась. Размещение в городе больших промышленных предприятий, прием эвакуированного населения резко обострили ситуацию обеспечения жильем, медицинскими и учебными заведениями. Стремительно росло население города. Если в 1940 г. оно составляло 159,9 тыс. чел., то в 1943 г. – 230 тыс. чел., в том числе рабочие составляли 65 тыс. [7, с. 246]. Все это влияло на городской бюджет и требовало его корректировки.

В годы Великой Отечественной войны для пополнения бюджета были введены новые налоги. Так, Указом Президиума Верховного совета СССР от 21 ноября 1941 г. был введен налог на бездетных. Его должны были уплачивать граждане, достигшие 20-летнего возраста не имевшие детей. Освобождались от указанного налога мужчины старше 50 лет и женщины старше 45 лет. 8 июля 1944 г. данный закон был распространен и на малосемейных граждан, имевших одного или двух детей. Налог стал называться налогом на холостяков, одиноких и малодетных граждан. Суммы налога составляли 6% от дохода при отсутствии детей, 1% при одном ребенке и 0,5% при двух детях [8, с. 68].

Другой налог – военный, был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г. В соответствии с ним, военным налогом облагались все граждане с 18-летнего возраста, за исключением военнослужащих и членов их семей, инвалидов первой и второй групп, пенсионеров, не имеющих дополнительного заработка, мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет, не имеющих самостоятельных доходов. Суммы

доходов варьировались от 120 руб. в год при общем доходе до 1800 руб. и до 2700 руб. при доходе более 24 тыс. руб. [9, л. 6].

Указ был опубликован 31 декабря 1941 г. в газете «Алтайская правда». Граждане уплачивали этот налог в отделениях банков, кроме того, налог собирали сборщики из числа сотрудников райфинотделов [10, л. 183–184]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1942 г. был установлен налог со зрелиц, который собирали с государственных, кооперативных, общественных организаций, а также отдельных лиц, организующих какие-либо зрелицные мероприятия [11, с. 476]. Так же источником получения дополнительных средств стали новые займы и денежно-вещевые лотереи. Жители Барнаула за годы войны внесли в Фонд обороны свыше 10 млн руб. в виде займов.

По данным за 1942 г., перечень налогов был следующий. Налоги общегосударственные: подоходный налог с граждан, культсбор с рабочих и служащих, прочих граждан; налог с холостяков, одиноких и бездетных; налог с наследства и дарений; военный; прочие. Местные налоги, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г., были следующие: налог со строений; земельная рента; сбор с владельцев транспортных средств; сбор с владельцев скота; разовый сбор на колхозных рынках [9, л. 85–87].

Городские власти сами устанавливали суммы многих местных налогов. Барнаульский горсовет 18 мая 1942 г. установил земельную ренту по 15 коп. с квадратного метра. Но от нее освобождались земли, находившиеся в распоряжении воинских частей, оборонных предприятий, леса, земли сельхозназначения, земли под спортивными сооружениями. Сбор с владельцев продуктивного скота составлял по 40 руб. с головы. Разовые сборы на колхозных рынках за каждый день торговли составлял: при продаже с автомашины или воза – 12 руб., с выючных животных – 6 руб., с рук, земли, лотков, столов, корзин – 3 руб., при продаже крупного рогатого скота – 12 руб., мелкого – 6 руб., за занятие ремеслом и кустарными промыслами – 3 руб. и т.д. [9, л. 85–87].

О структуре местных налогов и их доле в доходной части бюджета можно судить по отчету об исполнении местного бюджета по Барнаулу за 1943 г. [12, л. 37]. Всего доходы были назначены в сумме 33 165,8 тыс. руб., исполнено было – 40 490 тыс. руб.

Доля местных налогов в доходной части бюджета составляла 29,2% и самые значительные суммы дали сборы с киноустановок, с колхозных рынков, со строений, а сборы с транспортных средств и владельцев скота были незначительны. Кстати, вообще не собирались сборы с собак, которые, в соответствии с законодательством, были возможны.

Таблица 1. Исполнение местных сборов в бюджете г. Барнаула за 1943 г.

Сбор	Сумма (тыс. руб.)
со строений	2292,3
земельная рента	1 746,5
с владельцев транспортных средств	6,7
с владельцев скота	74,6
разовый на колхозных рынках	2 479,7
с киноустановок	4 403,4
со зрелиц	824,6
Всего	11 827,8

В военные годы бюджет города претерпел значительные изменения, особенно в распределении расходов. В 1941 г. доходы и расходы были утверждены в сумме 35 446,2 тыс. руб. Главные расходы планировалось направить на здравоохранение – 13 631,1 тыс. руб., на народное образование – 11 390,8 тыс. руб., на жилищное и коммунальное хозяйство – 5 590,3 тыс. руб. [5, л. 69]. Но решением горисполкома от 14 июля, 4 и 26 августа 1941 г., расходы были сокращены на 5 206,7 тыс. руб., в том числе на благоустройство города на 534 тыс. руб. и по предприятиям местного бюджета на 827,6 тыс. руб. В конечном итоге исполнение местного бюджета за 1941 г. было утверждено по доходам в сумме 28 434,1 тыс. руб., по расходам – 28 055,1 тыс. руб. По расходам самые значительные суммы были выделены на здравоохранение – 9 934,7 тыс. руб. (35,4%), на народное образование – 6 548,3 тыс. руб. (23,3%), коммунальное хозяйство – 3 146,7 тыс. руб. (11,2%) [13, л. 109–111].

В условиях сокращения расходов не всегда отпущенные средства реализовывались. Так, в письме об итогах выполнения бюджета за 1941 – первую половину 1942 г. заведующий горфо Т.Г. Новиков писал на имя председателя горсовета С.Г. Есина, что программа культурно-бытового строительства в городе освоена плохо, в частности, резко занижены расходы на питание в органах здравоохранения. Только за пять месяцев 1942 г. дети и больные недополучили на питание продуктов на сумму в 318,4 тыс. руб. Но происходило это не из-за недостатка средств по указанной статье, а из-за того, что руководители отделов исполнительной власти не принимали достаточных мер по освоению средств [14, л. 407].

Одновременно в бюджете города появились новые расходы: на переоборудование школ и других зданий под эвакогоспитали, в 1941 г. на эти цели было израсходовано свыше 115 тыс. руб. В 1942 г. на открытие дома малютки (на 200 детей) было ассигновано около 90 тыс. руб. В 1943 г. было выделено 197 тыс. руб. на ремонт здания драмтеатра, в котором давал

спектакли эвакуированный из Москвы знаменитый камерный театр под управлением Таирова [5, л. 12, 27; 15, л. 50].

За годы войны городской бюджет Барнаула не сократился, хотя существенно и не вырос. К примеру, бюджет Новосибирска к 1945 г. по сравнению с довоенным временем вырос в 3,5 раза [6, с. 133]. Но Новосибирск был не только более крупным городом, но и более значительным промышленным и транспортным центром.

Проект бюджета Барнаула на 1945 г. был утвержден в сумме 35 752,9 тыс. руб. по доходам и соответственно по расходам. При этом оставалось 860,2 тыс. руб. накопленных городской промышленностью и городские власти просили крайисполком направить эти средства на расширение литейного цеха металлозавода (147 тыс. руб.) и закупку оборудования на 100 тыс. руб. для швейной фабрики [16, л. 87].

Еще шла война, а Совнарком СССР принял постановление № 356 от 5 апреля 1944 г. за подписью первого заместителя председателя Совета министров СССР В.М. Молотова «О мероприятиях по улучшению жилищно-коммунального хозяйства г. Барнаула» [15, л. 450]. Предписывалось обязать Совнарком РСФСР и Алтайский крайисполком вести в 1944 г. в Барнауле следующие работы: расширить городскую водопроводную сеть на 5 км (затраты 600 тыс. руб.), провести проектно-изыскательские работы по расширению сети канализации (160 тыс. руб.), завершить строительство двух 8-квартирных домов (450 тыс. руб.), достроить и оборудовать гостиницу (200 тыс. руб.), построить баню на 100 мест и механическую прачечную (900 тыс. руб.), провести проектно-изыскательские работы по сооружению трамвая (500 тыс. руб.).

В конце войны, хотя и в небольших объемах, стали вновь выделять средства на благоустройство города. Так, дорстройтресту на второй квартал 1945 г. было выделено 211,2 тыс. руб. на благоустройство, в том числе на строительство тротуаров по Ленинскому проспекту, тогда они были в основном деревянными [16, л. 56, 58].

Следует отметить профессионализм работников горфинотдела, который в годы войны был преимущественно женским, так как большинство мужчин были призваны в армию. Это же следует сказать о руководителях горфинотдела, ими были в 1941–1942 гг. Т.Г. Новиков (летом 1942 г. он ушел на фронт, погиб 11 декабря 1942 г.), с августа 1942 г. отделом руководил Ф.В. Васильченко, он занимал этот пост 1,5 года, с 1944 г. – П.Р. Чадаев.

Таким образом, за годы Великой Отечественной войны городской бюджет Барнаула не сократился и сохранял свою социальную направленность, более половины средств шло на нужды здравоохранения и народного образования. По остаточному принципу финансировалось коммуналь-

ное хозяйство и благоустройство. За годы войны выросли поселки вокруг новых оборонных предприятий, состоящие преимущественно из бараков и землянок. Решать проблемы жилищную, коммунального хозяйства, благоустройства предстояло уже в послевоенное время.

Библиографический список

1. Гаврилов Н.С. Алтай в годы Великой Отечественной войны // Энциклопедия Алтайского края: В 2-х т. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 150–158.
2. Гончаров В.Д. Вклад Алтайского края в победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2016. 608 с.
3. Аргунова М.П. Эвакогоспитали Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 26 с.
4. Мелихова Ю.А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016.
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-784. Оп. 1. Д. 26.
6. Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. 1071 с.
7. Барнаул. Летопись города – хронология, события, факты. Барнаул: АРТ, 2007. 628 с.
8. Финансово-кредитный словарь. М.: Финансы, 1964. Т. 2. 688 с.
9. ГААК. Ф. Р-784. Оп. 1. Д. 33.
10. ГААК. Ф. Р-784. Оп. 1. Д. 6.
11. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 863 с.
12. ГААК. Ф. Р-784. Оп. 2. Д. 40.
13. ГААК. Ф. Р-784. Оп. 2. Д. 38.
14. ГААК. Ф. Р-784. Оп. 2. Д. 55.
15. ГААК. Ф. Р-784. Оп. 1. Д. 7.
16. ГААК. Ф. Р-784. Оп. 1. Д. 22.

УДК 94(571.150).08

К.П. Прибыткова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ТРУДОВОЕ
ПОВЕДЕНИЕ РАБОЧИХ КАДРОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.***

В статье на основе микроисторического подхода изучается процесс реализации способов принудительного воздействия на трудовое поведение рабочих кадров в период ужесточения в СССР наказаний за нарушения трудовой дисциплины, которое выражалось в действии уголовной ответственности за прогул (26 июня 1940 г. – 25 апреля 1956 г.). На основе анализа делопроизводственной документации предприятий выявлены практики нарушений

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Алтайского края, проект «Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940–1980-е гг.», №17-11-22001a(p), региональный конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирию и Ледовитым океаном» 2017 – Алтайский край

рабочими правил внутреннего распорядка и способы воздействия на нарушителей, которые использовались заводскими руководителями, дана оценка эффективности принудительных мер в стимулировании дисциплинированного труда.

Ключевые слова: рабочая история, мотивация труда, микроистория, Алтайский край.

Трудовое поведение рабочих кадров может как соответствовать формальным нормам, так и включать действия, их нарушающие: прогулы, опоздания, отвлечения от работы и ряд других. Высокая частота подобных поступков в рабочем коллективе предприятия свидетельствует о низком уровне трудовой дисциплины, который негативно сказывается на результатах труда. В связи с этим, задача обеспечения дисциплинированного поведения рабочих является частью процесса стимулирования труда, включающего в себя способы принуждения, материального вознаграждения и морального воспитания [1, с. 211–213].

Одновременно состояние дисциплины является индикатором уровня мотивации рабочих к труду и эффективности применяемых к ним стимулов. На протяжении советского периода проблема дисциплины на промышленных предприятиях носила острый характер. Неспособность действовавших стимулов обеспечить дисциплинированный и интенсивный труд рабочих в современной историографии рассматривается в качестве одного из факторов разрушения советской модели социализма, что определяет актуальность изучения системы мотивации труда и ее отдельных элементов в различные периоды истории СССР.

В официальном дискурсе советской власти нарушения трудовой дисциплины трактовались как «пережитки» капиталистического строя. На их искоренение были направлены механизмы морального воспитания и система принудительных мер в виде наказаний за несоблюдение установленных на предприятиях правил внутреннего распорядка.

Целью настоящего исследования является оценка эффективности принудительных способов воздействия на трудовое поведение рабочих кадров в промышленности Алтайского края в 1940-х – первой половине 1950-х гг. с помощью микроисторического анализа реализации системы наказаний и состояния дисциплины на трех предприятиях края: Барнаульском заводе «Трансмаш», Алтайском тракторном заводе (АТЗ), расположенному в г. Рубцовске, а также Барнаульском вагоноремонтном заводе (ВРЗ). Первые два предприятия были созданы в начале 1940-х гг. в результате эвакуации промышленности, история ВРЗ началась в 1917 г., и к началу рассматриваемого периода завод представлял собой стабильно функционирующее производство.

Хронологические рамки охватывают период ужесточения способов принуждения в системе стимулирования труда. В вопросе обеспечения дисциплины ужесточение выражалось в действии уголовной ответствен-

ности за прогул, которая была установлена Указом Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г., а окончательно отменена Указом Президиума ВС СССР от 25 апреля 1956 г. В обозначенном периоде выделены два этапа, отличающиеся степенью ужесточения наказаний.

I этап (26 июня 1940 г. – 14 июля 1951 г.). На этом этапе действовал упомянутый Указ от 26 июня 1940 г., согласно которому рабочий, совершивший прогул, приговаривался народным судом к исправительным работам на срок до 6 месяцев с удержанием 25% от заработной платы. Ранее, в январе 1939 г., к проголу было приравнено опоздание на работу свыше 20 минут. В соответствии с принятыми в 1941 г. Типовыми правилами внутреннего распорядка за менее серьезные нарушения дисциплины (например, опоздание или преждевременный уход на обед), рабочий подвергался дисциплинарному взысканию (замечанию, выговору, строгому выговору) или переводился на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев. При систематическом повторении проступков нарушитель мог быть уволен, согласно п. «г» ст. 47 Трудового кодекса 1922 г.

Поведение рабочих промышленных предприятий, находящихся в ведении Наркомата (Министерства) путей сообщения (к их числу относился ВРЗ) также регулировалось принятым в 1933 г. Уставом о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта, который кроме упомянутых санкций включал такой вид наказания как арест на срок до 20 суток.

Приказы директоров предприятий и объяснительные записки к годовым отчетам свидетельствуют, что в рабочей среде в 1940-е гг. были широко распространены такие нарушения как прогулы, опоздания, сон в рабочее время, преждевременные уходы со смены и появления на работе в нетрезвом виде. Заводская статистика нарушений носит фрагментарный характер. Наиболее систематически фиксируемым видом проступков были прогулы: на ВРЗ в 1940-е гг. доля прогульщиков в рабочем коллективе ежегодно составляла в среднем 9% [2], на АТЗ – около 30% [3], на заводе «Трансмаш» в первой половине десятилетия – свыше 25%, во второй половине 1940-х гг. доля прогульщиков ежегодно снижалась и в 1949 г. составила 8,6% [4]. Приведенные данные носят заниженный характер, но отражают неспособность системы наказаний решить проблему низкой трудовой дисциплины, а также демонстрируют, что санкции, установленные для предприятий системы путей сообщения, были более успешны.

Главная причина низкой эффективности наказаний заключалась в характере процесса их реализации. В делопроизводственной документации заводов отмечены практики покрывательства нарушителей со стороны табельщиков, контролировавших вход и выход рабочих из завода, и начальников цехов. Причина заключалась в вынужденном характере многих

нарушений – например, прогулы могли совершаться ввиду отсутствия одежды или обуви, что вызывало солидарность. Цеховые руководители занимались решением множества производственных проблем, поэтому халатно относились к учету нарушителей. Кроме того, они находились в условиях высокой текучести кадров и, стремясь удержать рабочих, не отмечали каждый прогул или опоздание. Перечисленные обстоятельства носили более острый характер на переживавших этап становления «Трансмаше» и АТЗ, что сказывалось на состоянии дисциплины на этих предприятиях.

Военизированная структура системы путей сообщения обусловила более жесткий характер процесса реализации наказаний. На ВРЗ практики покрывательства нарушителей также отмечались, но при этом они активно пресекались начальником завода. Большое значение оказало установление в апреле 1943 г. военного положения на железных дорогах: если в период 1940–1942 гг. такой вид наказания, как арест, на ВРЗ не использовался, то в 1944 г. ему были подвергнуты 24% нарушителей за вычетом прогульщиков [5, л. 134]. Арестовывали как правило на срок от 2 до 5 дней за опоздания, преждевременные уходы и сон в рабочее время. После окончания войны арест применялся с той же интенсивностью, но в основном как наказание за сон в рабочее время (за остальные проступки объявлялся выговор).

Эффективность наказаний также ограничивалась особенностями кадровых составов предприятий. В годы войны их формирование происходило за счет мобилизованных рабочих и выпускников системы трудовых резервов, представленных ввиду аграрного характера Алтайского края выходцами из села. Они сохранили свое значение в заводских коллективах и во второй половине 1940-х гг. В современной историографии рабочие данной категории определяются как носители норм традиционной трудовой этики, чертой которой была неготовность к систематическому напряженному труду [6, с. 69–71]. Из изучаемых предприятий меньшей долей мобилизованных рабочих обладал ВРЗ, что являлось еще одной причиной более высокого уровня дисциплины на этом заводе.

II этап (14 июля 1951 г. – 25 апреля 1956 г.). Указом от 14 июля 1951 г. судебная ответственность рабочих за прогул была отменена за исключением длительного прогула (свыше трех дней) или его неоднократного повторения (более двух раз в течение трех месяцев) – только в этих случаях директор предприятия мог (но не был обязан) передать материалы на нарушителя в народный суд. В качестве наказания следовало использовать дисциплинарные взыскания (замечание, выговор, строгий выговор) или снижать до 25% надбавку к заработной плате на три месяца.

За систематические нарушения, в том числе прогулы, рабочего можно было уволить с указанием основания в трудовой книжке.

Смягчение наказаний было поддержано заводскими руководителями – наиболее востребованными способами воздействия на нарушителей в первой половине 1950-х гг. стали дисциплинарные взыскания. На ВРЗ перестал применяться арест, несмотря на сохранение этой санкции в обновленном в 1949 г. Уставе о дисциплине. Тем не менее, из рассматриваемых заводов на ВРЗ дела на прогульщиков наиболее активно передавались в суд. Так, в 1952 г. в суд были переданы дела на 17% прогульщиков [7, л. 122], в этом же году на заводе «Трансмаш» – на 1% [8, л. 24]. На АТЗ после 1951 г. факты передачи дел в суд не были отмечены. Такой способ воздействия на нарушителей как увольнение также широко не использовался. Причина заключалась в высокой текучести кадров: в середине 1950-х гг. ежегодно по разным причинам увольнялись около 35% рабочих изучаемых заводов, по собственному желанию и самовольно – около 20% рабочих [2; 3; 4]. В первой половине 1950-х гг. на ВРЗ за нарушения дисциплины в среднем увольняли 2% рабочих [2], на заводе «Трансмаш» – 4,3% [4]. На АТЗ за нарушения увольняли наименее активно: в 1953–1955 гг. – в среднем 0,9% рабочих, до 1953 г. – на данном основании не был уволен ни один рабочий [3].

Заводская делопроизводственная документация свидетельствует о сохранении в первой половине 1950-х гг. проблемы низкой трудовой дисциплины – все отмеченные выше виды нарушений продолжали иметь место в рабочей среде. При этом произошло увеличение числа прогульщиков в трудовых коллективах предприятий: если в 1950 г. на ВРЗ их доля составляла 8%, то в 1953 г. – 18,6%, на заводе «Трансмаш» в 1950 г. – 6,4%, в 1955 г. – 16,9%, на АТЗ в 1950 г. – 31,3%, в 1955 г. – 53% [2; 3; 4].

Данное изменение объясняется ослаблением у заводских руководителей необходимости покрывать нарушителей, а также дезорганизующим воздействием смягчения наказаний. Последнее объяснение подтверждает пример АТЗ: как видно из данных, приведенных выше, наиболее лояльное отношение к нарушителям коррелирует с более высокой долей прогульщиков на этом предприятии. Еще одним фактором низкого состояния дисциплины является большее значение выходцев из села в рабочем коллективе АТЗ в силу окружения г. Рубцовска сельскими районами.

На основании изложенного можно сделать ряд выводов. Жесткая система наказаний 1940-х гг. не была способна решить проблему низкой трудовой дисциплины в сложных условиях функционирования предприятий, при которых строгие санкции не встречали поддержки у заводских руководителей и смягчались. Эффективность принуждения зависела от степени стабильности производственного процесса, ведомственной

принадлежности предприятий, определявшей характер реализации наказаний на местах, а также от доли сельских жителей в трудовых коллективах. Ослабление принуждения в 1951 г. привело к ухудшению состояния дисциплины в первой половине 1950-х гг., что в условиях сокращения в этот период обстоятельств, вынуждавших рабочих нарушать правила распорядка, является свидетельством их низкой мотивации к интенсивному труду и неэффективности действовавшей системы стимулов.

Библиографический список

1. Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: Некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2000. С. 206–216.
2. Объяснительные записки к годовым отчетам Барнаульского вагоноремонтного завода (ГААК. Ф. Р-3. Оп. 1, 2).
3. Объяснительные записки к годовым отчетам Алтайского тракторного завода (ГААК. Ф. Р-1122. Оп. 1).
4. Объяснительные записки к годовым отчетам Барнаульского завода «Трансмаш» (ГААК. Ф. Р-1038. Оп. 1, 3).
5. ГААК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 82.
6. Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Отношение к труду: факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 69–115.
7. ГААК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 90.
8. ГААК. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 269.

УДК 33: 94 (571.150)

Е.В. Демчик, Г.А. Граникова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

СТРУКТУРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1960-е – НАЧАЛЕ 1980-х гг.*

Статья посвящена анализу структуры расходов населения в одном из крупных аграрно-индустриальных регионов СССР – Алтайском крае. Проведен анализ взаимосвязи доходов и способности советских граждан. На основе архивных и статистических источников выявлены постепенно возрастающая динамика потребительских расходов населения на непродовольственные товары и удовлетворительное качество снабжения населения промышленными товарами, несмотря на особенности торговли рассматриваемого периода, дефицит и иные проблемы в сфере обеспечения населения. Сделан вывод о том, что наблюдался рост денеж-

*Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

ных доходов наряду с повышением покупательской способности при неполном удовлетворении материальных потребностей населения.

Ключевые слова: расходы и доходы, покупательная способность, Алтайский край.

В советский период Алтайский край являлся крупной развивающейся быстрыми темпами частью Западно-Сибирского экономического района с развитой инфраструктурой и занимал ведущие позиции по производству сельскохозяйственной продукции, товаров легкой и пищевой промышленности. В советской историографии период 1960 – начала 1980-х гг. традиционно выделялся как время «развитого социализма». В связи с достигнутыми впечатляющими экономическими показателями восьмой пятилетний план развития народного хозяйства (1966–1970 гг.) получил неофициальное название «Золотая пятилетка». Однако в последующие годы проявлялась неспособность командно-административной системы удовлетворить повседневные экономические нужды населения, что стало причиной тотального дефицита товаров и низкого качества производимой продукции.

Цель данного исследования – анализ изменения уровня благосостояния граждан на основе рассмотрения объема товарооборота, количества и качества приобретаемых товаров, динамики покупательной способности, а также выявления социально-экономических особенностей, влияющих на качество снабжения и доступность товаров повседневного спроса. Особое значение в рамках экономической истории региона представляют проблематика формирования структуры расходов населения и уровня потребления товаров повседневного спроса в условиях дефицита, присущего экономической системе.

По данным на 1 января 1974 г. численность населения Алтайского края составила 2640,8 тыс. чел., в т. ч. 1336,1 тыс. чел. – городского населения и 1304,7 тыс. чел. – сельского. В крае насчитывалось 10 городов, 31 поселок городского типа, 64 сельских районов, 4 городских района, 3255 населенных пунктов, 248 колхозов, 363 совхоза, 470 предприятий [1, л. 7]. Развитию торговли во многом способствовало расположение края на пересечении трансконтинентальных транзитных грузовых и пассажирских потоков, в непосредственной близости к крупным сырьевым и перерабатывающим регионам, что открыло широкие возможности для установления прочных межрегиональных и международных связей в сферах экономики и торговли. Однако розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли края на душу населения в 1973 г. составил 705,2 руб. и оказался самым низким в Западной Сибири против 739 руб. – в Новосибирской, 779 руб. – Кемеровской, 745 руб. – Омской, 832 руб. – Томской, 887 руб. – Тюменской областях. Стоит отметить, что в среднем по РСФСР розничный товарооборот достигал 794 руб. [1, л. 10].

Источником повышения народного благосостояния являлись доходы населения, рост которых позволял увеличивать объём потребления товаров. Номинальные доходы населения складывались из поступлений денег в форме оплаты труда (82,6%), государственных выплат (пенсии, стипендии, страховые возмещения – 10,2%) и от продажи производимой продукции (4,1 %). Среди обозначенных категорий основным источником роста денежных доходов трудящихся являлась заработка плата (80,2 %) [2, л. 30–33].

В 1970 г. средняя заработная плата рабочего производственного предприятия г. Барнаула составляла 76,8 руб. [3, л. 38–40]. Рост денежных доходов сопровождался снижением розничных цен на промышленные товары. В течение 1960–1975 гг. цены на непродовольственные товары народного потребления были снижены на 25%. В результате реальные доходы в расчёте на душу населения в 1975 г. выросли в 2 раза [4, с. 296–299].

С ростом доходов опережающими темпами возрастал покупательский спрос на предметы повседневного спроса, что предъявило новое требование к промышленности – увеличение производства товаров народного потребления (группа Б). На предприятиях Алтайского края было освоено около 80 новых видов товаров народного потребления, среди которых пластмассовая шахматная доска, мясорубка, накладной замок, набор кухонных ножей, резиновые лодки, изделия из керамики и камня, сувениры из дерева и рога, швейные изделия [5, л. 24–26]. В 1973 г. прирост производства товаров народного потребления ведущих предприятий г. Барнаула составил 106% по отношению к предыдущему году [5, л. 126–129]. 17 декабря 1975 г. трудящиеся Алтайского края досрочно выполнили план девятой пятилетки по реализации промышленной продукции. Объем производства увеличился на 40 %, производительность труда – на 33% [6, с. 166].

Наряду с увеличением производства происходил рост потребления товаров, что позволяет судить о значительных достижениях в обеспечении населения как товарами первой необходимости, так и товарами, повышающими культуру быта и улучшающими условия жизни. В 1974 г. по сравнению с 1963 г. потребление промышленных товаров в среднем увеличилось на 56,7% [7, с. 508; 8, с. 602]. Общий объём розничного товарооборота вырос в сопоставимых ценах в 8,6 раз. Основную массу в структуре денежных расходов населения занимала покупка промышленных и продовольственных товаров (81,3%).

Таблица 1. Структура денежных расходов населения Алтайского края за 1971 г. (в млн. руб.)

Статья расходов	Сумма	Удельный вес
Покупка товаров, в т.ч.	1547,81	81,3
в государственной кооперативной торговле	1521,15	98,3
у колхозов	13,67	0,9
у потребкооперации по ценам местных рынков	12,99	0,8
Оплата услуг и другие расходы, в т.ч.	156,03	8,2
Кварплаты и коммунальные платежи	45,36	29
Расходы на ж/д, водный и воздушный транспорт	31,75	20,3
Расходы на автомобильный и городской электротранспорт	22,82	14,6
Расходы на кино, театры и другие зрелища	18,78	12
Оплата услуг связи	12,44	8
Взносы в детские учреждения	11,61	7,5
Оплата бытовых услуг	8,07	5,2
Расходы на путевки в санатории и дома отдыха и лечение в платных поликлиниках	3,16	2,1
Прочие расходы	2,04	1,3
Обязательные платежи и добровольные взносы	200,12	10,5
Всего	1903,96	100

Источник: ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 472. Л. 30–33 [2, л. 30–33].

К 1975 г. в структуре расходов населения в связи с ростом народного благосостояния произошли определенные изменения. Согласно выборочным обследованиям бюджетов семей рабочего промышленности и колхозника, составленных Центральным статистическим управлением СССР, в период 1965–1975 гг. на покупку тканей, одежды и обуви доля расходов повысилась на 12,7%, мебели и предметов культуры и быта – на 28% [9]. Возросший уровень денежных доходов повысил покупательную способность населения и как следствие привел к улучшению благосостояния.

Торговля товарами народного потребления в сельской местности осуществлялась потребительской кооперацией. Повышение денежных доходов сельского населения вызвало увеличение продаж, что способствовало улучшению бытовых условий, облегчению домашнего труда и ведения подсобного хозяйства. В среднем продажи товаров повседневного спроса увеличились на 58,8% [10, с. 96–105]. Обеспеченность сельского населения основными изделиями длительного пользования возросла в 2–3 раза. Кроме того, уровень потребления товаров повседневного спроса в городе и на селе существенно сблизился [11].

Несмотря на обозначенные улучшения, покупательная способность населения полностью удовлетворена не была. Резерв покупательского фонда продолжал расти и составил 139,35 млн. руб., что на 27% превысило показания 1970 г. Платежный спрос населения в 1971 г. был удовлетворен на 91,7% или на 1,8% меньше, чем в 1970 г. [2, л. 43–44].

Характерными явлениями торговли продолжали оставаться очереди, отсутствие отдельных видов товаров, различные способы их добывания – блат, «черный рынок», перепродажа товаров по свободным ценам. Кроме того, отмечались скучность ассортимента и неудовлетворительное качество предоставляемых товаров, характеристики которых противопоставлялись западным образцам. Низкий уровень удовлетворенности основной массы населения также сохранялся из-за специфики распределения.

Таким образом, проведенный анализ позволил охарактеризовать структуру денежных расходов и динамику благосостояния населения Алтайского края в 1960-е – начале 1980-х гг., формирование которых зависело от объемов товарооборота и количества приобретаемых товаров повседневного спроса. В системе народного хозяйства Алтайского края постепенно происходил сдвиг в сторону увеличения выпуска товаров народного потребления (группа Б) и улучшения торгового обслуживания населения. Несмотря на неполное удовлетворение материальных потребностей в связи с недостатками производства и торговли при устоявшейся экономической системе, в целом стоит отметить повышение благосостояния граждан и сближение уровня жизни в городской и сельской местности, что выражалось в росте денежных доходов и повышении покупательной способности населения.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 463.
2. ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 472.
3. ГААК. Ф. Р-784. Оп. 4. Д. 224.
4. Социализм и народное благосостояние / под ред. К.И. Микульского. М.: Мысль, 1976. 446 с.
5. ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 464.
6. Материалы XXV съезда КПСС. 1976. 256 с.
7. Народное хозяйство СССР в 1974 г.: Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1975. 793 с.
8. Народное хозяйство СССР в 1963 г.: Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1965. 721 с.
9. Сурганов Б.С. СССР. Благосостояние народа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/996.htm>. – Загл. с экрана (дата обращения: 25.08.2016).
10. Социализм и потребительская кооперация в СССР / М.П. Трунов, Р.Г. Абдулин, Г.Н. Альтшулер, Н.Ф. Баев. М.: Экономика, 1983. 350 с.
11. Каца Л. Советское общество второй половины 1960-х – начала 1980-х гг. // История. 2001. № 35. [Электронный ресурс] URL: <https://his.1september.ru/article.php?ID=20010350> (дата обращения: 14.03.2016).

Е.Н. Курсакова

Барнаульский юридический институт МВД РФ (Барнаул, Россия)

ЭКОНОМИКА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1990–2010-е гг.

Статья посвящена изучению вопросов разгосударствления и приватизации промышленности Алтайского края в 1990-е гг., реформирования сельского хозяйства региона в этот же период, анализу ошибок и трудностей, с которыми столкнулись предприятия края на этапе реформ; уделяется внимание состоянию производственного комплекса Алтайского края в этот период; выяснению главных причин глубокого системного кризиса промышленности. Кроме того, в статье исследуется процесс формирования промышленной политики в Алтайском крае в 2000-е гг., последующее оживление производства.

Ключевые слова: экономика, Алтайский край, приватизация, промышленность, сельское хозяйство.

Экономическая специализация Алтайского края в силу сложившихся исторических реалий и природных условий ориентирована на промышленное производство и сельское хозяйство. К 1990 г. соотношение промышленности и сельского хозяйства в валовом исчислении составляло 69,1% и 30,9% [1, с. 211].

Развитие экономики Алтайского края в период рыночных преобразований условно можно разделить на два этапа: 1 этап: 1992–1998 гг. 2 этап – с 1999 по 2005 г. [2, с. 40]. Первый этап экономисты (В.А. Бородин, Н.И. Дятчин) характеризуют как длительный спад во всех отраслях экономики края, причем происходил который, гораздо более высокими темпами, чем в среднем по России. Если накануне перестройки край занимал по объему производства промышленной продукции 24 место, то после всех преобразований был отброшен в общем рейтинге регионов на 34 место [3, с. 12]. Промышленность края потеряла более половины своего потенциала [4, с. 15].

Производство валовой продукции сельского хозяйства в 1999 г. по сравнению с 1991 г. сократилось на 18,8%. Уменьшились площади зерновых культур, сахарной свеклы, произошло сокращение поголовья скота в 2 раза, овец – в 5 раз, лошадей – 1,5 раза. В начале перестройки Алтайский край производил 1/5 часть сельскохозяйственной продукции региона, давал 40% зерна и 27% животноводческой продукции, занимал среди регионов России по объему производства сельскохозяйственной продукции 4 место. Однако спустя десятилетие край опустился по этому показателю до 9 места. По итогам 2015 г. – 8 место.

Почему экономический кризис оказался столь глубоким, а падение производства столь существенным? Выделим основные причины.

1. Стагнирующее состояние основных отраслей экономики Алтайского края на старте реформ. Сложившаяся к началу реформ отрас-

левая структура промышленного производства оказалась весьма уязвима к рыночным трансформациям. Практически все ведущие отрасли промышленности края (химическая и нефтехимическая, легкая, лесная, деревообрабатывающая, целлюлозная) на старте реформ уже находились в состоянии стагнации (застоя) по отношению к уровню 1980 г., а в основополагающей ключевой отрасли – машиностроении и металлообработке наблюдалось даже падение производства. Высокая доля отраслей с глубокой переработкой материальных ресурсов (машиностроение, металлообработка, химия, нефтехимия), предприятий оборонного комплекса, наличие большого числа производств-дублеров по выпуску военно-технической продукции негативно отразилось на глубине и динамике спада промышленного производства.

Кроме того, поскольку доля аграрного сектора в структуре экономики края была вдвое выше, чем в среднем по России, то и общий спад производства, падение уровня жизни сельского населения Алтая, снижение занятости людей в результате проведенных реформ здесь отмечались намного значительнее, даже в сравнении с соседними регионами.

2. Разрыв экономических связей с зарубежьем и другими регионами, на которые в значительной мере были ориентированы предприятия Алтайского края, потеря традиционных рынков сбыта. Промышленность Алтайского края была выключена из системы естественных внутрихозяйственных связей и ориентирована на народнохозяйственные связи в масштабах страны. Исключая пищевую и отчасти легкую, промышленность края потребляла сырьевые ресурсы других регионов и вызвала готовую продукцию за его пределы. На старте реформ ввоз сырья и готовой продукции был в 2,2 раза больше вывоза.

3. Непродуманное и поспешное проведение важных институциональных изменений (разгосударствление собственности, приватизация, формирование многоукладной рыночной экономики). При проведении реформы была сделана ставка на приоритетную реализацию политического тезиса о достижении необратимости проводимых экономических и политических преобразований, поэтому процесс приватизации проходил ускоренными темпами, что неизбежно отодвинуло на второй план вопрос ее экономической эффективности. Кроме того, уровень экономического развития регионов не учитывался при составлении программы приватизации.

Большая часть (69%) предприятий промышленности края были приватизированы в период «чекового» этапа реформы (с июня 1992 г. по 1 июля 1994 г.). Масштабная приватизация, организованная как формально-юридический процесс смены собственника, фактически заверши-

лась в Алтайском крае в 1997 г. В результате к 1998 г. было приватизировано 94% предприятий промышленности.

Что касается формирования многоукладности в сельском хозяйстве, то с этой задачей удалось справиться в короткие сроки. Число совхозов и колхозов значительно сократилось (с 758 в 1990 г. до 256 в 1994 г.), одновременно увеличилось количество фермерских хозяйств, сельскохозяйственных кооперативов, ассоциаций крестьянских хозяйств (со 106 в 1990 г. до 6806 в 1994 г.).

4. Сокращение госзаказа и непродуманная конверсия ВПК.

В Алтайском крае более четверти общих объемов составляла продукция предприятий оборонного комплекса. Наиболее сильный спад произошел в машиностроении из-за резкого уменьшения госзаказов оборонного ведомства или полного отказа от госзаказа. Если в 1998 г. общий объем производства сократился по сравнению с 1991 г. в 5 раз, то производство военной продукции в 10 раз.

Алтайская оборонка (производство ракетного топлива, взрывчатых веществ, патронов, ракет и т.п.) была такова, что переориентировать ее на производство товаров народного потребления было чрезвычайно сложно. Безусловно, экономика страны была слишком милитаризованной, но непродуманная конверсия практически разрушила эту отрасль. На Бийском олеумном заводе, например, оставшись без оборонного заказа, освоили производство шампуней, лекарственного вещества нитрозепам, синтетических моющих средств, средств бытовой химии, пентафталевых эмалей, аккумуляторной кислоты. Многие предприятия перешли на выпуск непрофильной продукции, более простой и примитивной. Например, на Барнаульском аппаратурно-механическом заводе был организован участок по выпуску мягкой мебели.

5. Отсутствие должного контроля органов исполнительной власти и противоречия в правовом регулировании институциональных изменений.

Отсутствие соответствующих нормативных документов создали возможность для нецелевого использования средств. Проведёнными ревизиями и проверками представителями Аппарата главного контролёра-ревизора контрольно-ревизионного управления Министерства финансов Российской Федерации на 582 предприятиях, организациях и учреждениях края в 1993 г., было выявлено ущерба на сумму в 230,3 млн. руб. Подполковник милиции отдела по экономическим преступлениям П.Т. Панин отмечал, что к декабрю 1993 г. «сохранность материальных ценностей на промышленных предприятиях была под угрозой» [5, с. 10]. Росли хищения, совершенные путем присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением, хищения в особо крупных размерах, взятки.

6. Отказ от планирования и элементов государственного регулирования экономики.

Обвалу экономики в Алтайском крае наряду с объективными причинами способствовал отказ органов государственной власти и муниципального управления края от планирования и элементов государственного регулирования экономики. Безусловно, принимались законы и постановления, однако в крае отсутствовала целенаправленная промышленная политика и системный подход к развитию экономики края в целом.

Лишь на втором этапе (с 1999 г.) начинается длительная работа администрации края, ученых и специалистов вузов и предприятий всех форм собственности по выработке и принятию программных документов социально-экономического развития Алтайского края [3; 6; 7].

Представителями государственной власти 2006 г. уже был назван годом возрождения промышленности. Это был год реализации масштабных проектов и прихода крупных системных инвесторов (ООО «Уральская горно-металлургическая компания», ОАО «Газпром», ОАО «Российские железные дороги»). В 2006 г. была введена в строй горно-обогатительная фабрика; запущена пятая коксовая батарея на «Алтай-Кокс»; «Алтайвагон» реализовал целый ряд серьезных инвестиционных проектов на общую сумму свыше 1 млрд. рублей. Инвестиции в производство ОАО «Барнаултрансмаш» позволили провести переговоры о приобретении новых активов по производству военной, в частности легкобронированной гусеничной техники. В 2006 г. крупные инвестиционные проекты реализовывались также на ОАО «Завод резино-технических изделий», ФКП «Бийский олумный завод», ОАО «Кучуксульфат» и других.

Можно сказать, что в целом экономика Алтайского края с начала 2000-х гг. вышла на траекторию роста. Самых высоких с начала десятилетия темпов прироста ВРП регион достиг в 2006–2007 гг. – 10,2 и 9,5 % соответственно. За два года промышленное производство возросло на четверть.

Влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. нарушило тенденцию роста валового регионального продукта в крае, отразилось на объемах производства промышленной продукции. Однако производственный комплекс края оказался более устойчивым к кризису, чем в большинстве российских регионов. В 2009–2010 гг. в крае проведена масштабная работа по выравниванию экономической ситуации, в результате которой по итогам 2010 г. регион занял лидирующие позиции в Российской Федерации и Сибирском федеральном округе в сфере промышленного производства следующих видов деятельности: производстве пищевых продуктов, включая напитки, и табак; текстильном и швейном производст-

ве; производстве кокса и нефтепродуктов; химическом производстве; обработке древесины и производстве изделий из дерева.

В целом за 10 лет (2005–2015 гг.) инвестиционные вложения в промышленность Алтайского края превысили 107 млрд. руб., в то время как в 1996–2005 гг. они составляли 20,5 млрд. руб. С 2006 г. сельскохозяйственная отрасль в Алтайском крае лидирует по темпам инвестиционной активности. Сельхозорганизациями на модернизацию производства было направлено более 50 млрд. руб. Всего в 189 хозяйствах края построено, реконструировано и модернизировано 354 животноводческих объекта общей мощностью 232 тыс. постановочных мест, создано более 800 новых высокотехнологичных рабочих мест.

В 2007 г. в Алтайском крае создана ОЭЗ «Бирюзовая Катунь», что позволило администрации активно заняться развитием данной отрасли экономики. Президент РФ В.В. Путин, побывавший с визитом на Алтае в августе 2016 г., высоко оценил проделанную работу по реализации крупного инвестиционного проекта «Алтайская курортно-рекреационная местность».

В 2009 г. в регионе создано некоммерческое партнерство «Алтайский кластер аграрного машиностроения» (НП «АлтаКАМ»). В 2014 г. создан Алтайский полимерный композитный кластер «Алтайкомпозит». В 2016 г. исполнилось восемь лет первому в России кластеру в сфере биофармацевтики (ОАО «ФНПЦ «Алтай», ЗАО «Эвалар», ЗАО «Алтайвитамины»). В 2015 г. городу Бийску в третий раз был присвоен статус наукограда, а в 2017 г. данный статус продлен до 2032 г.

В настоящий момент сельскохозяйственная отрасль в крае формирует более 16% валового регионального продукта. Аграрный потенциал региона позволяет в полном объеме обеспечить внутренний спрос практически на все основные виды продовольственной продукции.

Созданная в последние годы многоуровневая система государственной поддержки предпринимательских инициатив направлена на стимулирование активности и поощрение социальной ответственности бизнеса. Именно в этом ключе власть региона планирует и дальнейшее развитие промышленности края с учетом вовлечения в реальный сектор молодых квалифицированных кадров, ориентированных на использование в производстве новых прорывных технологий, непрерывный процесс совершенствования и инновационного обновления алтайской промышленности.

Библиографический список

1. Дятчин Н.И. Промышленность Алтая: история развития, проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2008. 376 с.
2. Курсакова Е.Н. Промышленная политика в Алтайском крае в первое десятилетие XXI в. //

- Научный диалог. 2014. № 5 (29). С. 39–58.
3. Курсакова Е.Н. Государственно-экономическая политика в Алтайском крае (конец XX – начало XXI в.) // Алтайский юридический вестник. 2015. № 9. С. 12–14.
 4. Промышленность Алтайского края: анализ, оценка, основные направления реформирования / В.А.Бородин, С.П. Байкалов. Барнаул: Институт проблем промышленного развития, 1999. 217 с.
 5. Брумм К.А., Курсакова Е.Н. Правонарушения, сопровождающие процесс капитализации промышленности Алтайского края в 1990-е гг. // Алтайский юридический вестник. 2017. № 17. С. 7–11.
 6. Курсакова Е.Н. К вопросу о формировании промышленной политики в Алтайском крае в конце XX – начале XXI в.: сборник статей по материалам IV Всероссийской научной конференции / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул: МЦ ЭОР, 2015. С. 183–187.
 7. Курсакова Е.Н., Пучина К.Н. Формирование промышленной политики в Алтайском крае в начале XXI в.: опыт взаимодействия вузов и администрации региона // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 2 (31). С. 38–39.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ АЛТАЯ

УДК 930

А.С. Щетинина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ АЛТАЯ*

В работе приводится обзор основных направлений в развитии современной исторической демографии, попадающих под определение «новая историческая демография». Кратко дается характеристика содержания и происхождения данного термина в целом. С учетом выделенных направлений в зарубежной науке приводится анализ состояния историко-демографических исследований в Алтайском крае на современном этапе с точки зрения возможности отнесения их к «новой исторической демографии». Акцент сделан на исследования коллектива кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета, который изначально был нацелен на новые методы, подходы и направления, в том числе, и в сфере исторической демографии.

Ключевые слова: новая историческая демография, Алтай, массовые источники.

В некоторых российских исследованиях по исторической демографии в конце XX в. стал употребляться термин «новая историческая демография» [1; 2; 3]. Новый и поэтому пока не однозначный термин в целом характеризует изменения в направлениях развития современной исторической демографии. В основном, речь идет о новых методах и подходах в работе с первичными историческими источниками, а также о тематике исследований, которая также изменилась под влиянием изменений в работе с источниками [4].

Несмотря на российское происхождение термина, «новая историческая демография» как направление берет начало в зарубежной практике, где впервые стал применяться междисциплинарный подход в историко-демографических исследованиях. Если в России, по мнению Б.Н. Миронова, «рывок» в демографических исследованиях относится ко второй половине 1990-х гг. когда началось широкое применение метрических книг и связанных с ними материалов [5], то в Западной Европе и США этот переход начался еще со второй половины XX в.

На основе проведенного ранее историографического анализа зарубежных исследований можно выделить наиболее актуальные темы и направления, относящиеся к «новой исторической демографии»:

* Исследование поддержано Российским гуманитарным научным фондом, грант № 15-01-00207а.

- 1) эволюция исторической демографии на протяжении XX–XXI вв. и развитие данного направления в рамках национальных наук. Комплекс данных работ дает возможность проследить ход изменений в зарубежной исторической демографии и выявить факторы, определившие ее переход на новый уровень развития;
- 2) жизненный курс, семья, общество, их взаимодействие и взаимовлияние, влияние ближайшего окружения, социальной среды. Данная тематика – одна из самых популярных на сегодняшний день. Изучаются и анализируются изменения в составе семьи, в выборе брачного партнера, отношения так называемых больших и малых семей, межпоколенные связи и т.п. При изучении жизненного курса рассматриваются процессы, приведшие к трансформации детства, и то, как это повлияло на дальнейшую жизнь отдельного человека и семьи в целом;
- 3) изучение профессий населения, их изменения во времени и пространстве, профессиональная мобильность и т.п. Данная тематика может быть частью более масштабных исследовательских проектов, относящихся к упомянутым выше темам, а может быть и отдельным самостоятельным исследованием;
- 4) источниковедческие проблемы в исторической демографии. Данное направление включает как анализ источников, которые могут быть использованы в историко-демографических исследованиях, так и методику работы с ними. В качестве источников, в основном, берутся свидетельства о рождении, браке, смерти и так называемые гражданские регистры (записи о рождении, браке и смерти), традиционным источником являются переписи населения. Что касается методов и технологий, то в современной зарубежной исторической демографии при работе с источниками активно применяется использование связанных данных (записей). Применение этой технологии стало возможным после введения в широкий оборот первичных материалов переписей путем оцифровывания источников и создания на их основе больших массивов данных.

Российская историческая демография сейчас находится на стадии создания отдельных проектов и баз данных, охватывающих только определенную территорию, что было характерно для зарубежной практики в конце XX в. Практически все отечественные исследования носят региональный или (в редких случаях) межрегиональный характер. Как правило, базы данных доступны и используются ограниченным кругом исследователей, несмотря на активное сотрудничество с европейскими центрами, осуществляющими крупные международные проекты, в том числе и по исторической демографии.

Историко-демографические исследования на Алтае ведутся на уровне общероссийских тенденций развития «новой исторической демографии». Основной акцент делается на региональный уровень. Исследовательские проекты опираются на комплексное использование различного рода источников как первичных, так и вторичных. На основе материалов губернского статистического комитета, экстрактов церковных источников, данных переписей населения и др., а также метрических книг анализируется динамика численности и структуры населения, процессы воспроизведения населения и миграции [6; 7; 8; 9; 10]. Методы и подходы к работе с такими источниками, в основном, пока традиционные, это связано с тем, что применять аналогичные зарубежным исследованиям технологии затруднительно в силу того, что большинство источников не оцифрованы, более того, специфика работы архивных учреждений России не способствует ускорению этого процесса.

Тем не менее, исследования по исторической демографии с применением новых методов и подходов на Алтае все же ведутся. Например, коллектив кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета активно использует геоинформационные технологии в историко-демографических исследованиях [11; 12; 13; 14]; ведется работа по заполнению и одновременно анализ сведений по базе данных «Население Барнаула второй половины XVIII – начала XX в. по материалам метрических книг», создан тематический ресурс в сети интернет: «Социально-демографические процессы на Алтае в материалах церковного учета XVIII – начала ХХ в.» [15].

Достаточно новой для региона является тематика, получившая название «историческое профессиоведение» [16; 17]. В рамках крупных исследовательских проектов в Алтайском государственном университете ведется изучение профессионального состава населения, при этом исследования в данном направлении выходят постепенно на общероссийский уровень, охватывая различные регионы. Данное направление можно назвать одним из наиболее соответствующих термину «новая историческая демография», так как осуществляется использование массовых источников, а также создание на их основе информационной системы «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала ХХ в. Анализ данных Первой всероссийской переписи населения 1897 г.», позволяющей связывать различные показатели и данные источников.

В целом, проведя небольшой обзор, можно отметить, что рассмотренные исследования постепенно приближаются к тому, чтобы войти в область «новой исторической демографии» (насколько это возможно), при том, что по-прежнему остается большое количество исследователей,

предпочитающих работать в русле традиционной исторической демографии.

Библиографический список

1. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука. 1991. 240 с.
2. Пушкирева Н.Л. Русская семья X–XVII вв. в «новой» и «традиционной» демографической истории // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 66–79.
3. Миронов Б.Н. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2007. Вып. 1–3.
4. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С. К истокам «новой исторической демографии»: от формы к содержанию // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4 (88). С. 38–41.
5. Миронов Б.Н. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2007. Вып. 1. С. 100–126.
6. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е. Сословный «портрет» брачующихся в Покровском приходе Барнаула в последней четверти XIX в.: анализ базы данных по материалам метрических книг // Круг идей: базы данных в исторических исследованиях. Барнаул: Азбука, 2013. С. 72–91.
7. Сарафанов Д.Е. Смертность населения в Барнауле в XIX в. // Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай – Казахстан, XIX–XX вв.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 182–212.
8. Сарафанов Д.Е. Структура населения Бийска в XIX в. (по данным церковного и административного учетов населения) // Проблемы исторической демографии Сибири: сборник научных трудов. Новосибирск: Парапль, 2011. Вып. 2. С. 69–90.
9. Сарафанов Д.Е. Внебрачная рождаемость в Барнауле в XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4. Т. 1. С. 215–221.
10. Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. 24 с.
11. Владимиров В.Н., Силина И.Г. Геоинформационные технологии в изучении миграций // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 89–90.
12. Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 192 с.
13. Владимиров В.Н., Силина И.Г., Чибисов М.Е. Приходы Барнаульского Духовного Правления в 1829–1864 гг. (по материалам клировых ведомостей). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 140 с.
14. Колдаков Д.В. Геоинформационные технологии в изучении поселенческой сети Алтая в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4. С. 11–14.
15. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII – начале XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. 114 с.
16. Брюханова Е.А., Владимиров В.Н. Кодирование исторических профессий. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. 220 с.
17. Неженцева Н.В. Методика работы с агрегированными данными всеобщей переписи населения 1897 г. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2012. № 38. С. 59–60.

О.И. Чекрыжова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
**РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДОВ СИБИРИ
ПО ВИЗУАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ***

Фотографии видов сибирских городов последней трети XIX – начала XX в. представляют собой ценный визуальный источник, позволяющий выявить новую и уникальную историческую информацию, ценную для визуализации объектов инфраструктуры городов Сибири. В совокупности с картографическими источниками и данными первой всероссийской переписи населения 1897 г., они позволяют произвести достоверную реконструкцию инфраструктуры сибирских городов.

Ключевые слова: фотография как источник, городская инфраструктура, реконструкция городского пространства.

Группа визуальных источников несущих информацию о городской инфраструктуре представлена городскими и индустриальными пейзажами, выполненными в различных графических техниках и способом фотофиксации. Визуальные источники представляют интерес с точки зрения визуализации исторического городского пространства. Комплексный анализ и сопоставление данных всех видов источников позволяют составить качественную реконструкцию городской инфраструктуры. В связи с изучением исторической топографии и инфраструктуры городов с применением методов пространственного анализа визуальные источники несут довольно большой блок информации, которую невозможно получить из письменных и других групп источников. Хотя ведущую роль в обеспечении достоверных основ реконструкции городского пространства и основы для исторических ГИС играют исторические планы городов [1, с. 73]. Традиционно визуальным источникам, в том числе, фотодокументам отводится второстепенная роль в историческом исследовании, однако в последнее время все чаще исследователи обращаются к этой категории источников [2, с. 217].

Основную массу визуальных документов составляют фотографии городских пейзажей сибирских городов. Последние годы активно развивается тенденция оцифровки старых фотографий и использование их в сети Интернет. Сейчас мы можем обнаружить большое количество цифровых образов снимков XIX – начала XX в., но их атрибуция и датировка часто довольно затруднительна. Значительная часть фотографий остается без авторской принадлежности, датировки и атрибуции, все это затрудняет

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации проекта «Социальная топография городов Сибири на рубеже XIX–XX вв.: пространственный анализ занятости населения средствами ГИС» (грант № 17-06-00496).

использование в качестве источника для извлечения исторически значимой информации.

Особенности развития фототехники последней трети XIX и особенно рубежа XIX–XX вв. позволили получать не только качественные фотографии, с высокой степенью проработки деталей, но и обеспечить тиражирование городских фотопейзажей, которые пользовались большой популярностью у населения в виде открыток. Этот аспект привел к увеличению популярности этого жанра у фотографов того времени.

Пейзажная фотосъемка в последней трети XIX в. было делом нелегким. Во-первых, сам фотоаппарат был довольно внушительных размеров, во-вторых, технология фотографии того времени требовала быстрой обработки негатива химикатами, поэтому требовалось взять с собой походную лабораторию, включая затемнение для обработки негативов.

Среди фотографий сибирских городов второй половины XIX – начала XX в. большое количество видов первого сибирского города Тобольска. Тобольск был крупным городом, и большое количество его фотографий обусловлено наличием высокого спроса. Интересным фактом является то, что некоторое количество фотографий Тобольска сохранились не в качестве разрозненного материала, а в виде фотографических серий. В настоящее время старейшим сохранившимся альбомом с видами города Тобольска является альбом фотографа Павла Семеновича Паутова «Альбом тобольских видов» [3, с. 65], изданный типографией тобольского губернского правления в 1864 г. [4]. Альбом представляет собой печатное издание с вклеенными фотографиями, поскольку уровень развития типографской техники не позволял воспроизвести фотографии другим способом. Сами фотографии выполнены на длинной выдержке, поэтому в кадре нет движущихся объектов, людей, повозок, животных, так как они просто не успевали отразиться на негативе при экспонировании. Все снимки представляют безусловный научный интерес, как сами по себе, так и в сочетании с пояснениями и комментариями, для нашего исследования наибольшую ценность имеют обзорные фото, такие как: «Подгорный Тобольск, дом губернатора», «Подгорный Тобольск», «Вид на кремлевский холм», «Захарьевская и Богоявленская церкви», «Никольский взвод».

Еще один фотоальбом, представляющий интерес для нашего исследования, хранится в музее заповеднике Тобольский кремль – «Виды Тобольска и его окрестностей», составителем его является губернский фотограф В.А. Русанов, в нем так же содержатся снимки тюменского фотографа В.Ф. Соколова, производившего съемку городских видов во время посещения Тобольска наследника в 1891 г. [3, с. 52].

В начале XX в. русский фотограф-новатор Сергей Михайлович Прокудин-Горский начал широко применять метод трехцветных диапози-

тивов. Его авторству принадлежит целая серия пейзажей городов Российской империи, уникальных по своему источниковедческому потенциалу. После революции 1917 г. Прокудин-Горский эмигрировал в Европу и после его смерти все диапозитивы были выкуплены у его наследников Библиотекой Конгресса США, где в настоящее время хранятся в Отделе печати и фотографий Библиотеки Конгресса (Вашингтон). В настоящее время оцифрованные копии подлинников доступны на сайте библиотеки без ограничений для некоммерческого использования. Среди этих снимков есть серия из 17 цветных снимков города Тобольска, выполненных Прокудиным-Горским в 1912 г. Эти снимки входят в серию «Виды на Урале и Западной Сибири, обзор водных путей, Российская империя».

Серия цветных фотографий является уникальным источником для реконструкции визуального пространства города начала XX в. Среди сюжетов, попавших в объектив автора, с точки зрения реконструкции инфраструктуры, наибольший интерес представляют виды с колокольни Преображенской церкви, виды от Успенского собора, вид набережной.

Фотографии, объединенные в альбомы или серии, представляют максимально возможно полный визуальный материал для сопоставления как изображений между собой для формирования целостного представления социальной топографии городского пространства, так и хорошие возможности для сопоставления с картографическими источниками в среде ГИС. Фотодокументы, запечатлевшие исторические виды городов Сибири, изобилуют такими деталями и нюансами, которые невозможно получить из других видов источников.

Именно возможности совмещения визуальных данных с географическими данными городских планов и данными переписных листов в пределах информационной системы «Социальная топография сибирского города на рубеже XIX–XX вв.» позволяют получить максимально полную картину городского пространства. Каждый источник в отдельности не дает полной картины, поэтому совершенно необходимо применение методов комплексного анализа различных групп источников и презентации полученных данных в пространственном аспекте.

Библиографический список

1. Нейфельд Е.А., Рюмин А.И. Некоторые возможности информационного описания механизмов управления городской недвижимостью в дореволюционной России (на примере г. Томска в конце XIX в.) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2002. № 30. С. 73–74.
2. Главацкая Е.М. Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 217–225.

- Копылов В.Е. Былое светописи: у истоков фотографии в Тобольской губернии: историческая литература. Тюмень: Слово, 2004. 864 с.
- Альбом Тобольских видов. Фото Павла Паутова; текст капитана Голодникова. Тобольск: Тип. Тобол. Губерн. Правления, 1864. 23 с., 10 л. ил.

УДК 930.2

В.Н. Владимиров, Н.В. Неженцева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДОВ АЛТАЯ (XIX – НАЧАЛА XX в.)*

Исследование вопросов развития инфраструктуры городов дореволюционной России является одним из активно развивающихся направлений исторической науки. Однако зачастую изучение городской инфраструктуры сводится лишь к рассмотрению отдельных аспектов благоустройства города или его застройки. Для получения же полной картины необходимо изучить весь комплекс мероприятий по созданию и улучшению городской среды: развитие благоустройства города, создание и эволюцию санитарно-эпидемиологических и культурно-просветительских служб. Эти вопросы нашли свое отражение, большей частью, в архивных документах. В настоящей работе рассматриваются основные архивные документы, выявленные по городам Алтая.

Ключевые слова: архивные источники, инфраструктура городов Алтая.

Городская инфраструктура является важнейшим компонентом развития города, создавая условия для деятельности основных секторов экономики и выполняя функции жизнеобеспечения и воспроизводства населения. Под городской инфраструктурой мы понимаем совокупность сооружений, зданий, систем и служб, необходимых для функционирования отраслей материального производства и обеспечения условий жизнедеятельности города. Как правило, чем выше экономический потенциал города, тем более развита его инфраструктура. От развития городской инфраструктуры во многом зависит социально-демографическое и экологическое состояние поселения. Сложность ее изучения обусловлена тем, что это сложная система, активно реагирующая на внешние и внутренние вызовы и в то же время динамично развивающаяся.

Проблемы состояния окружающей среды в прошлом особенно остро проявляются в городах. Экология города отражает состояние и специфику функционирования городских подсистем, связанных с его устройством и жизнедеятельностью. В отличие от большинства природных экосистем развитие города в значительно большей степени определяется деятельностью человека (застройка города как фактор изменения природного ландшафта, санитарные проблемы, связанные с постоянным загрязнением

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-06-00498.

и пр.). В этом плане, как нам представляется, наиболее перспективным является рассмотрение города как целостного социального образования.

В качестве основного объекта нашего исследования определены два города на территории Алтайского округа – Барнаул и Бийск. В этой связи возникает проблема определения источников базы. Основными источниками по изучению инфраструктуры Барнаула и Бийска в изучаемый хронологический период являются архивные документы, представленные в фондах Государственного архива Алтайского края. Необходимо отметить, что материалы по исследуемой тематике не представляют единого комплекса документов. В архиве нет одного цельного архивного фонда по инфраструктуре или благоустройству города. Связано это с тем, что отдельные функции по благоустройству осуществляли разные ведомства и учреждения, а также с некоторыми другими историческими особенностями комплектования фондов. Эти моменты существенно затрудняют поиск необходимых документов. Тем самым одной из первостепенных задач является выявление архивных документов в фондах дореволюционных учреждений и определение их информационного потенциала

В настоящее время нами выявлено несколько фондов, в которых сохранились документы по основным направлениям развития городской инфраструктуры. Наиболее представительными являются документы по изучению инфраструктуры Барнаула. Так, интерес для дальнейшего исследования представляет фонд «Барнаульской городской управы», в котором отложились документы заседаний комиссий по вопросам благоустройства города, материалы по ремонту улиц, а также план Барнаула по набережной линии р. Оби [1; 2].

В фонде «Алтайского горного правления» выявлены такие документы, как переписка с Барнаульской городской полицией и городничим о благоустройстве и санитарном состоянии Барнаула, а также предписания городничему о наведении санитарного порядка в городе [3; 4].

Документы фонда «Строительного отделения Томского губернского управления» освещают вопросы благоустройства улиц Барнаула конца XIX в. Так, сохранились материалы о составлении рисунков на устройства фонарей со столбами в г. Барнауле, документы по устройству электрического освещения торговых площадей и типографии и проведении телефонного сообщения для общего пользования [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Что касается Бийска, то на сегодняшний день выявлена сравнительно небольшая группа документов, в той или иной мере затрагивающая особенности развития инфраструктуры города на рубеже XIX–XX вв. Так, в фонде «Бийской городской Думы» отложились документы по отдельным вопросам развития благоустройства за 1886–1898 гг. [12; 13].

В Фонде «Бийской городской управы» выявлены сметы управы на благоустройство города, а также протоколы губернской санитарно-исполнительной комиссии о санитарно-эпидемиологической ситуации в Бийске [14; 15; 16]. Особый интерес представляют план и проект положения по развитию городского благоустройства [17].

Особое место среди всей совокупности архивных документов занимает картографический материал фонда «Чертежной Алтайского губернского управления земледелия и государственных имуществ». Сохранились отдельные карты, планы и схемы Барнаула и Бийска, датируемые XIX – началом XX вв. Исторические карты Барнаула дают ценную информацию об изменении плана города на протяжении всего XIX в. и первого десятилетия XX в. Так, сохранились общие и генеральные планы Барнаула (1830, 1837, 1856, 1877, 1897, 1899, 1907, 1912 гг.), планы и схемы строительства улиц и площадей, выделения мест и дальнейшего строительства учреждений инфраструктуры (тюрем, больниц, бань, училищ и пр.), об определении кварталов, которые пострадали от пожара в 1868 г., об особенностях зон отдыха в городе [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62]. По Бийску сохранился геометрический план города с отметками о заселенных и незаселенных местах (1825 г.); общие планы и проекты планов города в целом (1830, 1834, 1868, 1899, 1905, 1914 гг.); и отдельных его частей [63; 64; 65; 66; 67; 68; 69; 70; 71; 72; 73; 74; 75; 76; 77]. Картографический материал позволяет визуализировать имеющуюся информацию о развитии отдельных направлений благоустройства города в исследуемый период. Кроме того, с помощью картографического материала можно выявить объекты инфраструктуры городов для дальнейшего изучения проблемы.

Таким образом, архивные материалы дают всевозможные сведения об уровне развития инфраструктуры Барнаула и Бийска периода XIX – начала XX в. Выявление основных объектов инфраструктуры позволит, с одной стороны, изучить общее и особенное динамики развития инфраструктуры Барнаула и Бийска, установить связь с размещением населения. С другой стороны, очень важно комплексно рассмотреть влияние городской инфраструктуры на экологическое состояние городов.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 219. Оп. 1. Д. 5
2. ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 52.
3. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 741.
4. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2406.
5. ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 36.
6. ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 158.

7. ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 190.
8. ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 192.
9. ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 200.
10. ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 203.
11. ГААК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 220.
12. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5.
13. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 15.
14. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 370.
15. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 372.
16. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 431.
17. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 37.
18. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 2.
19. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 4.
20. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 5.
21. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 6.
22. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 7.
23. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 12.
24. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 13.
25. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 17.
26. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 18.
27. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 19.
28. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 20.
29. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 25.
30. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 27.
31. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 28.
32. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 29.
33. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 30.
34. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 31.
35. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 33.
36. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 34.
37. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 35.
38. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 36.
39. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 37.
40. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 38.
41. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 39.
42. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 40.
43. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 41.
44. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 42.
45. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 43.
46. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 44.
47. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 45.
48. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 51.
49. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 55.
50. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 56.
51. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 57.
52. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 58.
53. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 59.
54. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 60.
55. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 61.
56. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 62.
57. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 63.

58. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 64.
59. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 65.
60. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 66.
61. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 67.
62. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 67-в.
63. ГААК. Ф. 50. Оп. 4. Д. 573.
64. ГААК. Ф. 50. Оп. 4. Д. 701.
65. ГААК. Оп. 13. Д. 68.
66. ГААК. Оп. 13. Д. 69.
67. ГААК. Оп. 13. Д. 70.
68. ГААК. Оп. 13. Д. 71.
69. ГААК. Оп. 13. Д. 72.
70. ГААК. Оп. 13. Д. 73.
71. ГААК. Оп. 13. Д. 74.
72. ГААК. Оп. 13. Д. 75.
73. ГААК. Оп. 13. Д. 76.
74. ГААК. Оп. 13. Д. 77.
75. ГААК. Оп. 13. Д. 78.
76. ГААК. Оп. 13. Д. 79.
77. ГААК. Оп. 13. Д. 79-б.

УДК 314:4

Д.Е. Сарафанов, Д.В. Колдаков

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**ВОПРОСЫ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.***

В статье проведен анализ распределения умерших Барнаула во второй половине XIX – начале XX в. по медицинской причине смерти. В качестве источников выступают материалы метрических книг. Сделан вывод, что наибольшее количество смертей происходило от болезней экзогенного характера, связанных с воздействием внешней среды. Выявлен удельный вес групп болезней эндогенного характера, фиксируемых в источниках.

Ключевые слова: компьютерные технологии, база данных, метрические книги, смертность, причины смерти.

На сегодняшний день научный интерес к конкретным причинам смертности связан с борьбой за увеличение продолжительности жизни, со стремлением снизить показатели смертности. В работах исследователей, занимающихся указанными проблемами, нередко обращение к обобщенным классификациям болезней и причин смерти. Использование этого инструмента (классификации) в историко-демографических исследованиях возможно по большей части в работах, охватывающих период XX – начала

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 17-06-00498 А, «Инфраструктура городов Юга Западной Сибири второй половины XVIII – начала XX в. (пространственные и экологические аспекты)».

XXI в. Источниковая база этого времени позволяет проводить полноценный демографический анализ, не обращаясь напрямую к первичным источникам. При работе с материалами досоветского периода российской истории возникает ряд сложностей, связанных с необходимостью создания баз данных на основе массовой документации.

Настоящая работа направлена на изучение распределения умерших Барнаула во второй половине XIX – начале XX в. по медицинской причине смерти, т.е. по последнему диагнозу умершего. В качестве источников выступают материалы метрических книг. Формуляры документов, установленные Указом Святейшего Синода от 20 февраля 1724 г., предполагали занесение в третью часть («О умерших») информации о причине смерти человека («какою болезнью») [1]. Как показало проведенное ранее исследование, в метрических книгах Барнаула причину смерти начинает указывать духовенство отдельных церквей, начиная со второй половины 1780-х гг. [2].

В ходе исследования мы опирались на материалы базы данных «Население Барнаула второй половины XVIII – начала XX в. по материалам метрических книг» [3]. В выборку вошла 8891 запись об умерших Покровского прихода города за 1869–1911 гг. Временной отрезок охватывает период в 43 года. При этом в базу данных внесены сведения за 30 лет. В Барнауле со второй половины XVIII в. и до 1860-х гг. существовало три приходских церкви. Четвертая церковь – Покровская – была освящена в 1863 г. Еще четыре храма были введены в действие в начале XX в. Доля прихожан, обслуживаемых Покровской церковью, на протяжении второй половины XIX – начала XX в. возрастила: 1864 г. – 28%, 1882 г. – 35%, 1902 г. – 37%, 1909 г. – 39,7%.

Из 8891 записи об умерших указание причины смерти присутствует в 8755 случаях (98%), не присутствует – в 136 (2%). В ходе работы нами был составлен список причин смерти, который насчитывает 115 наименований (без учета дубликатов). В качестве примера дублирующих записей можно указать:

- туберкулез, чахотка, золотуха, бугорчатка, от горловой чахотки, от туберкулеза легких;
- тиф, тифозная горячка, брюшной тиф, сыпной тиф;
- ра�ахит, от английской болезни;
- от разрыва мозговых сосудов, от кровоизлияния в мозг, от паралича головного мозга, от мозгового удара, апоплексический удар;
- неумеренное употребление вина, от отравления вином, от вина, от злоупотребления спиртного, от употребления спиртных напитков, упился водки, от излишнего употребления спиртных напитков, отравился спиртом, от злоупотребления спиртными напитками, от отравления ал-

коголем, от запоя, от пьянства, от опьянения (опившийся), от употребления крепких напитков.

Для корректных подсчетов при построении выборок необходима унификация написаний для тех болезней, которые можно определить в современных терминах. Материалы были систематизированы в соответствии с Международной классификацией болезней МКБ-10 [4]. Начиная со второй половины XIX в. классификация периодически пересматривается. На сегодняшний день действует Десятый пересмотр (Женева, 1989 г.), в России он был утвержден в 1999 г. Классификация разделена на 21 класс, последние подразделяются на рубрики, в которых возможно появление подрубрик или же указание непосредственно болезни.

Записи в метрических книгах по степени точности указания болезни, от которой умер человек, можно подразделить на несколько групп:

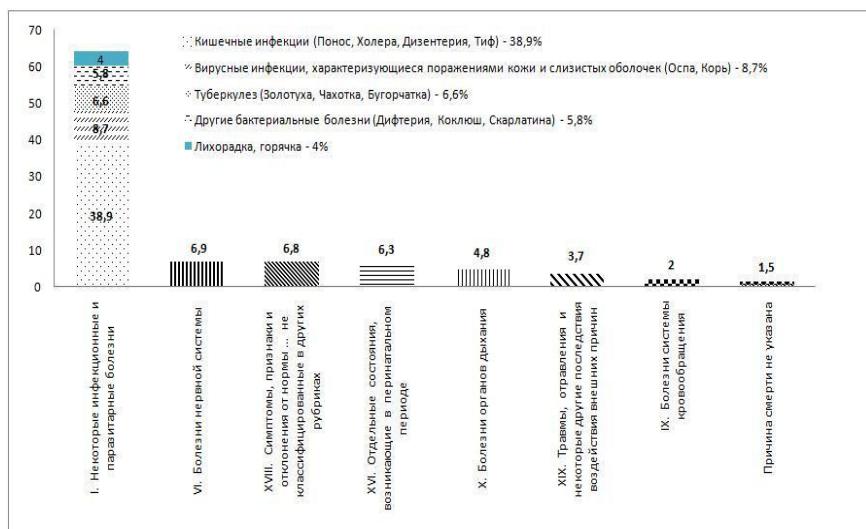
- точное указание болезни, имеется возможность присвоить код (холера, тиф, оспа, корь и др.);
- имеется возможность включить болезнь в конкретную рубрику и класс (смерть «от мозгового удара»: Рубрика. Цереброваскулярные болезни, Класс IX. Болезни системы кровообращения);
- имеется возможность включить болезнь только в какой-либо класс (смерть «от отдышики»: Класс X. Болезни органов дыхания). Во многих случаях включение условно;
- имеется возможность отнести болезнь к нескольким классам (смерть «от поноса»: Класс I. Некоторые инфекционные и паразитарные болезни, Класс XI. Болезни органов пищеварения и др.);
- болезнь невозможно классифицировать («от кровотечения», «от внутренней болезни», «от водобоязни»).

В источнике также встречаются устаревшие наименования болезней. Фиксацию причины смерти в метрических книгах можно назвать весьма условной. Точную причину мог установить только врач. В большинстве случаев от священнослужителей требовали «...при записи умерших подробно расспрашивать родственников, чем хворал покойник, какие симптомы болезни замечались у больного, а не ограничиваться голословными показаниями вроде того, например, «от старости», когда покойнику не было и 60 лет...» [5, л. 36]. Итог зависел от образованности и компетентности священника. Причина смерти могла быть зафиксирована духовенством и на основе документов полиции. Например, в заявлении полицейского надзирателя 1-го участка г. Барнаула (16 сентября 1896 г.) было указано: «Имею честь просить причт придать тело скоропостижно умершего барнаульского мещанина Федора Лазаревича Баранова, 89 лет, земле по христианскому обряду и уведомить, что смерть Баранова произошла, по заявлению родственников, от головокружения, которое с ним повторя-

лось периодически в течение нынешнего лета и от старости. Полицейский надзиратель...» [6, л. 110]. В остальных случаях форма записи выглядела так же, менялись только причина смерти и формулировка – «по заявлению родственников», либо «как выяснено дознанием» и др.

Распределение умерших (рис. 1) показало, что основная масса смертей происходила от болезней, принадлежащих к первому классу (согласно МКБ-10) – от кишечных инфекций (понос, холера, дизентерия, тиф); вирусных инфекций, характеризующиеся поражениями кожи и слизистых оболочек (оспа, корь); туберкулеза; и иных бактериальных болезней (дифтерия, коклюш, скарлатина). «Лихорадка» и «горячка» также были условно включены нами в указанный класс.

*Рис. 1. Структура причин смерти в Покровском приходе Барнаула во второй половине XIX – начале XX в.
(по материалам базы данных), (%)*

В рамках «Болезней нервной системы» (кл. VI) значительное число записей отведено дефиниции «от родимца» (6,3%). Л.Ю. Крафт отмечал: «Между детскими болезнями опаснейшими считаются для человеческого рода припадки родимца. Всяк ужаснется, когда увидит в росписях умерших, как например в Лондоне, что в каждой 1000 более 300 находится младенцев, которые померли от родимца...» [7, с. 389–390]. В справочной литературе под «родимчиком» понимается болезненный припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания [8, с. 628]. Учитывая это,

а также встречающиеся в литературе формулировки («падучая младенцев», «паралич» [9, с. 197]), то болезнь с большой долей условности можно отнести к классу «Болезней нервной системы».

Около 7% всего умершего населения Покровского прихода за исследованный период скончалось «от старости» (кл. XVIII). При этом самый ранний возраст – 46 лет – был зафиксирован только в одном случае. В основном эта формулировка начинает применяться в отношении лиц, достигших 50 лет и старше.

К «Отдельным состояниям, возникающим в перинатальном периоде» (кл. XVI) были отнесены записи с таким формулировками как «недоношен», «от младенческой слабости», «вскоре после родов» и др. На эту группу приходится 6,3% умерших.

На «Болезни органов дыхания», класс (X), включающий такие причины как «воспаление легких», «отек легких», «отышка», «бронхит» и пр. приходится 4,8% записей.

Внешние причины смерти (кл. XIX) «содержат» самый разнообразный перечень формулировок, на них приходится 3,7% записей.

Отметим, что наибольшее количество смертей происходило от болезней экзогенного характера (в первую очередь от кишечных инфекций), связанных с воздействием внешней среды. Так, врачебная управа отмечала, что «...непроходимая грязь, кучи навоза, валяющиеся местами дохлые кошки и собаки, разливающаяся по улицам вонючая жидкость, выкаченная из погребов и помойных ям, составляют непременную принадлежность городов Томской губернии» [10, с. 49].

Можно предположить, что небольшие всплески эпидемий были характерным явлением как для Барнаула, так и для всех сибирских городов изучаемого периода. Например, в 1882 г. «... в Барнауле появлялись все эпидемические болезни, сменяя одна другую» [10, с. 49].

Наиболее высокий процент среди болезней эндогенного характера составляют «Болезни системы кровообращения» – 2%, «Болезни органов пищеварения» – 1,2%, «Брожденные аномалии [пороки развития]...» – 0,7%, «Новообразования» – 0,4%. Часть данных не нашла отражение в материалах графика (рис. 1).

На изменение структуры причин смерти с течением времени влияли такие причины как изменения в системе здравоохранения (рост количества медицинского персонала, налаживание деятельности врачебной управы), улучшение санитарии города (хотя водоснабжение и удаление нечистот осуществлялось на протяжении XIX в. традиционным способом), перемены в образе жизни.

Подводя итог, отметим, компьютерные технологии позволяют сегодня работать с латентной информацией источника. Использование такого

инструмента как Международная классификация болезней дает возможность получения сопоставимой информации из источников досоветского периода. Еще предстоит работа по уточнению и пересмотру места некоторых причин смерти в классификационной схеме в силу размытости формулировок метрических книг.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание I. Т. VII. № 4480.
2. Сарафанов Д.Е. Особенности ведения метрических книг в городских приходах Сибири (на примере Барнаула второй половины XVIII – начала XX в.) // Демографическая история России и регионов: сборник научных трудов. Выпуск I: проблемы источников. Новосибирск: Апельсин, 2016. С. 21–38.
3. Авторы: Владимиров В.Н., Колдаков Д.В., Сарафанов Д.Е., свидетельство о государственной регистрации баз данных № 2013621505.
4. Международная классификация болезней десятого пересмотра МКБ-10 (принята 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения) // Информационно-правовой портал Гарант.Ру [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/4100000/#block_101 (дата обращения: 14.10.2017).
5. ГААК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 50.
6. ГААК. Ф. 144. Оп. 5. Д. 691.
7. Крафт Л.Ю. Собрание разных знаний о законах рождения и смертности в роде человеческом // Собрание сочинений, выбранных из месяцевловов на разные годы. СПБ.: Имп. Акад. наук, 1787. Ч. II. 441 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1972. 847 с.
9. Смирнова С.С. Смертность в Олонецкой губернии в XIX – начале XX в.: к вопросу о фиксации причин смерти (по материалам метрических книг) // Материалы VIII конференции ассоциации «История и компьютер». М.: Инсвязьиздат, 2002. С. 196–199.
10. Памятная книжка Томской губернии на 1884 г. Томск: Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1884. 175 с.

УДК 314.9

Н.В. Неженцева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ В КОНЦЕ XIX в.
(НА ПРИМЕРЕ г. ЯЛУТОРОВСКА)***

Использование технологии баз данных в комплексе с геоинформационными технологиями позволяет проводить исторические исследования, направленных на изучение социально-демографических особенностей развития городов. Подобная методика реализуется по первичным материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по г. Ялуторовску, позволяя выявить особенности социального и демографического состава города. Созданная база данных о населении Ялуторовска позволяет соединять необходимые

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-06-00496.

для различных исследований данные и предоставляет возможность источниковедческого анализа первичных материалов переписи 1897 г. (переписных листов). Привлечение к исследованию исторических карт дает возможность осуществить социально-топографическое зонирование Ялуторовска средствами геоинформационных технологий. Таким образом, комплексная методика анализа данных позволяет получить новые результаты исследования социально-демографического развития Ялуторовска рубежа XIX –XX в.

Ключевые слова: перепись населения 1897 г., социальная топография города.

В настоящее время в рамках реализации проекта по реконструкции социального пространства городов Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. на основе комплексной методики анализа социальной структуры и ее презентации в интерактивной геоинформационной системе, выполняется наполнение базы данных по населению городов губернии. В частности, выполняется наполнение базы данных социально-демографическими сведениями о населении Ялуторовска конца XIX в. Основными источниками для создания базы данных послужили сохранившиеся в Государственном архиве в г. Тобольске переписные листы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по г. Ялуторовск [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Переписные листы сохранились по улицам: Больничная, Еврейская, Запольная, Набережная, Вознесенская, Большая, Телеграфная и Базарной площади. Насколько репрезентативна выборка на данном этапе выполнения проекта, говорить еще рано. После внесения в базу данных всех сохранившихся первичных данных о городском населении, можно сделать вывод о соотношении общего количества населения и населения по базе данных. Кроме того возможно впоследствии провести сравнительный анализ опубликованных агрегированных и персональных данных о населении Ялуторовска.

Согласно агрегированным данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., население г. Ялуторовск составляло 3300 чел., из них занятого населения – 1731 [7]. Данные цифры являются для нас неким ориентиром при установлении общего количества жителей города, полученных в ходе учета персональных характеристик населения.

В базу данных вносятся все статистические сведения о населении, которые содержатся в переписных листах. Структура базы данных предполагает и дополнительные характеристики. Например: вносится информация о поисковых данных архивных дел и документов с привязкой к каждой записи (это специфика создания источникоориентированных баз данных); код листа, обложки и персоны (для связки данных); номер семьи (для вычленения из всего массива данных членов отдельных семей и изучении межпоколенной социальной и профессиональной мобильности).

Кроме того, база данных пополняется информацией, которая содержится на титуле и обложках переписных листов (данные о месторасполо-

жении, адресные сведения, информация о количестве и особенностях строений, их владельцах, статистика по населению описываемого объекта). Эти сведения зачастую оставались вне поля зрения исследователей. Хотя при этом являются ценнейшим источником при изучении отдельных аспектов расселения городского населения, выявлении информации о городской застройке, владельцах жилых и общественных заведений. Кроме того именно эта информация позволяет получить данные о социальной топографии города.

Особое внимание уделяется подбору картографического материала и оценке его репрезентативности. Для реконструкции социального пространства городов Тобольской губернии будут использоваться исторические карты и планы городов второй половины XIX – начала XX вв., по возможности максимально приближенных датировкой к времени проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи. Особый акцент делается на отборе планов и карт городов, на которых отмечены названия улиц и площадей, объектов инфраструктуры (больницы, гимназии, тюрьмы, торговые точки и прочее), жилых домов. В государственном архиве Тюменской области хранятся карты Ялуторовска за несколько лет. Так, в фонде «Курганско-Ялуторовская поземельно-строительная партия. г. Тюмень Тобольской губернии» выявлены планы Ялуторовска за 1837, 1845, 1858, 1860 гг. [8; 9; 10]. Для реконструкции социального пространства Ялуторовска были привлечены планы города более раннего периода, ввиду имеющейся на них информации о городской застройке, а также степени сохранности плана. Указанные карты сосредотачивают достаточно большой пласт данных об объектах инфраструктуры и их месторасположении на карте города. В пояснении к плану 1837 г. отмечены городские строения (уездное училище, приходская церковь, городская полиция, тюремный замок, гостиный двор и т.д.), номера которых указаны на плане городе. А на плане 1860 г. помимо существующих строений, которые дошли до указанного года без изменения, указаны строящиеся и предполагаемые строения.

На геометрическом плане, сделанным Ялуторовским окружным землемером Федоровым в 1837 г., отмечены реки и переправы через них, озера, дороги, участки и близлежащие деревни. Особый интерес в свете изучения социального состава города представляет информация о городских учреждениях. На карте отмечено местонахождение: приходской церкви во имя Вознесения Господня, уездного училища, окружного суда и окружного казначейства, винного подвала, соляных амбаров, городской полиции, городской больницы, тюремного замка, духовного управления, городского хозяйственного управления, почтовой конторы, земского суда, гостиного двора, провиантского магазина, цейхгауза, водочной.

План города 1860 г., сделанный окружным землемером Завьяловым, включает сведения о сохранившихся постройках и местах, выделенных под строительство или указаний на строящиеся здания. Так, из сохранившихся к указанной дате зданий отмечены: собор во имя Сретения Господня, приходская церковь во имя Воскресения Господня, духовное училище, преудачные места, духовное правление, почтовая контора, земский суд, уездное училище, водочный завод, гостиный двор, городская больница с садом, кирпичный сарай, кладбище, мыловарня, питейный дом. И отдельно выделены предполагаемые строения: городское хозяйственное управление, провиантский магазин, соляной магазин, винный подвал, места для тюремного замка, питейный дом, площадь для учения войск, торговая площадь, места для разных заводов, места для кирпичных заводов, места для скотобойного двора, мосты, городской вал, цейхгауз. Таким образом, информация двух карт с одной стороны, дополняет друг друга, с другой – выявляет несоответствия и позволяет исключить ошибки.

На данном этапе осуществляется обработка оцифрованных исторических карт с помощью инструментария классического пакета MapInfoPro.

Таким образом, созданные база данных и геоинформационная система по населению Ялуторовска на 1897 г., позволяют провести анализ пространственной структуры города и выявить особенности социального размещения населения.

Библиографический список

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И417. Оп. 2. Д. 3655.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3656.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3657.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3658.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3659.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И417. Оп. 2. Д. 3660.
7. Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX в. Анализ данных Первой всероссийской переписи населения 1897 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://hcod.asu.ru/> (дата обращения: 14.10.2017).
8. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Ф. И48. Оп. 1. Д. 1200.
9. ГБУТО ГАТО. Ф. И48. Оп. 1. Д. 1232.
10. ГБУТО ГАТО. Ф. И48. Оп. 1. Д. 1234.

УДК 314.9

Ю.М. Гончаров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**НЕМЕЦКАЯ СЕМЬЯ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.**

На основе данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. рассматриваются аспекты истории немецкой семьи в городах Западной Сибири конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: немецкая семья, Первая всеобщая перепись населения 1897 г., Западная Сибирь.

Несмотря на значительное число работ, посвященных истории немцев в Сибири, далеко не все аспекты сибирско-немецкой истории затрагивались исследователями. В частности, большой интерес вызывают проблемы истории немецкой семьи.

В литературе отмечалось, что существует значительная этнорегиональная дифференциация большинства относящихся к семье параметров: возраста вступления в брак, количества брачных и внебрачных детей, частоты разводимости, размера, структуры и поколенного состава семейных союзов.

Половой состав национальных групп, проживавших в городах Сибири в конце XIX в., значительно отличался. Наиболее гармоничное соотношение полов было у русских (980–984 женщины на 1000 мужчин) и у евреев (984–1004). Это создавало предпосылки для преобладания национально однородных браков. В то же время в других национальных группах отмечалось значительное преобладание мужчин, удельный вес которых мог доходить до 2/3. Так, например, среди украинцев на 1000 мужчин приходилось женщин: в Тобольской губернии – 505, в Томской – 513, среди поляков, соответственно: 749 и 571, среди немцев – 531 и 712, среди татар – 581 и 805. Это приводило к тому, что для многих мужчин этих национальностей создать семью со своей соплеменницей было сложно.

Важными являются национальные и конфессиональные особенности людности (количественного состава) семьи, поскольку семейно-брачные отношения у различных национальностей и религиозных групп имеют свою специфику, что обязательно отражается и на количественных характеристиках семей. При изучении национально-конфессиональных особенностей демографических характеристик семьи в прошлом возникают определенные сложности. Дело в том, что для изучения этих характеристик необходимы прежде всего первичные описания семей, которые далеко не всегда сохранились.

Национальные различия средней людности городских семей позволяют рассмотреть переписные листы переписи 1897 г. по Тобольской губернии. Проанализировав 500 переписных листов по городу Тобольску, получаем следующие данные: наибольшая средняя людность отмечена в еврейских семьях – 6,8 человек, затем следуют татары – 5,5, поляки – 4,5, русские – 3,9, немцы и эстонцы – по 3,5 человек в среднем на семью.

Поскольку семейные отношения имеют значительные вариации в зависимости от национального состава, это неминуемо должно отражаться на национально-конфессиональных особенностях внутренней

структурь семейств. Отмеченный в литературе процесс сглаживания структурно-количественных характеристик семейств различных национально-конфессиональных групп, безусловно, был связан с характерной для города стандартизацией и унификацией быта, образа жизни, отмечавшейся исследователями отечественного города.

УДК 930.2

Е.А. Брюханова, Н.П. Иванова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**РАЗРАБОТКА ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПО
МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ***

Первая всеобщая перепись 1897 г. - крупнейшее статистическое мероприятие конца XIX – начала XX вв. Благодаря масштабности, обширной программе и комплексной статистической обработке сведения переписи 1897 г. стали одним из самых востребованных исторических источников. В статье очерчен основной круг проблем, с которыми сталкиваются исследователи при работе с этим источником и намечены возможные пути их решения в рамках научного проекта по созданию комплексной информационной системы по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Ключевые слова: перепись населения 1897, информационная система, источниковедческий и историографический анализ, ГИС.

Первая всеобщая перепись 1897 г. проходила на всей территории Российской империи и представляла собой крупнейшее статистическое мероприятие конца XIX – начала XX в. Благодаря масштабности, обширной программе и комплексной статистической обработке, сведения переписи 1897 г. стали одним из самых востребованных исторических источников. Многие опубликованные результаты переписи были оцифрованы и включены в электронные фонды российских и зарубежных библиотек (ГПИБ, РНБ, РГБ, НЭБ, Библиотека Конгресса США). Переведенные в цифровой вид статистические таблицы агрегированных данных стали основой для создания некоторых интернет-ресурсов, таких как «Профессии и занятия населения Российской империи в конце XIX - начале XX в.» [1], «ДемоскопWeekly» [2] и Электронный архив Российской исторической статистики [3]. Вместе с тем, особый интерес для исследователей представляет выявление сохранившихся первичных материалов переписи, прежде всего, оригинальных переписных листов. До настоящего времени такая комплексная источниковедческая работа не проводилась. При этом следует учитывать, что Первая всеобщая перепись 1897 г. охватила 89 гу-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №17-78-10156.

берний Российской империи, а также русское население в Финляндии и Бухаре. Последующие исторические события привели к тому, что документные массивы переписи 1897 г. могли отложиться не только в фондах федеральных и региональных архивов Российской Федерации, но и в государственных архивах других стран (Казахстана, Кыргызстана, Армении, Белоруссии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и др.), что усложняет задачу выявления и оценки сохранившихся материалов. Таким образом, создание информационной системы, содержащей сведения об архивных и опубликованных материалах крупнейшего статистического обследования Российской империи конца XIX в., является актуальным и может представлять интерес для исследователей различных областей знаний.

Предварительный обзор материалов интернет-ресурсов архивов и библиотек показал, что сохранившиеся в региональных и зарубежных архивах материалы переписи 1897 г. как единый комплекс никогда не рассматривались, более того, в некоторых случаях даже сложно составить представление о том, какие документы и в каких объемах сохранились в том или ином архиве. Поэтому одной из основных задач информационной системы станет аккумулирование сведений о фондах федеральных, региональных и зарубежных архивов (библиотек), в которых отложились документы переписи 1897 г. Особое внимание будет уделяться выявлению сохранившихся переписных листов, долгое время считавшихся уничтоженными, но представляющих значительный интерес для исторических исследований.

Другим важным направлением исследования является источниково-ведческий анализ всего корпуса источников переписи 1897 г., сохранившихся в российских и зарубежных архивах/библиотеках и доступных online. Как уже было отмечено, большинство опубликованных материалов переписи оцифрованы и представлены на открытых порталах библиотек, например, в Национальной электронной библиотеке [4], и в специальных проектах, в которых материалы переписи представлены в виде статистических таблиц или интерактивных баз данных [1; 2; 3]. Но представленные ресурсы (кроме первого) не предусматривают источниковедческого анализа агрегированных данных. Тем не менее, было замечено, что опубликованные статистические данные «грешат» неточностями и ошибками, выявить которые возможно только при сопоставлении данных разных таблиц и изданий, а также сведений первичных статистических материалов. В связи с необходимостью источниковедческого анализа материалов переписи 1897 г. одной из задач данного направления исследований будет создание информационной среды для реализации возможности «перекрестной» проверки основных статистических показателей (наличное население, гендерный, сословный состав, занятость и т.п.) по населению Российской им-

перии конца XIX в., а также выявление материалов первичной статистики (подсчетные ведомости, обложки и проч.)

Наконец, еще одним направлением представляемого исследования является формирование и систематизация библиографии трудов по материалам переписи 1897 г. За более, чем 120-летнюю историю со дня подписания указа о проведении Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1895 г. было опубликовано множество работ о самой переписи и технике ее проведения, в последующем материалы переписи стали одним из самых популярных исторических источников, так что полную библиографию работ, так или иначе использующих материалы переписи, представить довольно сложно. Среди работ по данной проблематике можно встретить самые разнообразные направления исследования. Так, ряд статей посвящены формированию переписных комиссий разных губерний (Тобольской [5], Ярославской и Владимирской [6]), другие - этническим особенностям губерний и уездов [7; 8], есть несколько специальных исследований, содержащих источниковедческий анализ архивных материалов переписи по отдельным регионам (Курской губернии [9], Якутской области [10], Тобольской губернии [11; 12]). Тем не менее, при наличии значительного комплекса дореволюционных, советских и современных научных работ, основанных на материалах переписи, до сих пор не существует комплексного библиографического ресурса по опубликованным материалам и исследованиям, так же не было выявлено ни одной работы, содержащей специальный историографический анализ.

В рамках данного исследования планируется спроектировать библиографическую базу данных по переписи 1897 г., в которую будут внесены описания наиболее значимых работ дореволюционного, советского и современного периодов, с возможностью дальнейшего пополнения. Оцифрованные издания дореволюционного периода и современные работы, доступные on-line, будут сопровождены гиперссылками. Наибольшее внимание будет уделяться работам, написанным на основе архивных материалов переписи, а также зарубежной историографии, которая часто остается вне поля зрения российских исследователей. Данное направление исследований позволит, во-первых, найти сведения о сохранившихся архивных материалах, во-вторых, выявить тематические лакуны и документальные комплексы, не введенные в научный оборот. Таким образом, удастся провести полный историографический анализ коллекции научных работ отечественных и зарубежных авторов, подготовленных по материалам и о переписи 1897 г.

Отдельной задачей данного проекта является разработка геоинформационной системы (ГИС), включающей: 1) сведения об архивных учреждениях, в которых сохранились материалы переписи 1897 г. с возможно-

стью выбора отдельных категорий документов (нормативные акты, переписка, подсчетные ведомости, переписные листы и т.д.); 2) сведения о населенных пунктах, по которым сохранились архивные материалы переписи 1897 г. (подсчетные ведомости, переписные листы) с оценкой их объема и репрезентативности. Планируется, что сведения геоинформационной системы будут отражаться на интерактивной карте, отражающей как современные границы, так и административно-территориальное деление Российской империи конца XIX в.

С развитием информационного общества и цифровой инфраструктуры большая часть поисковой работы исторического исследования становится «домашней работой», исследователь стремится найти необходимую ему информацию в пространстве интернет. Создаваемая информационная система объединит источниковедческую, историческую и библиографическую базы данных, позволит в несколько «кликов» получить информацию о комплексе материалов переписи 1897, а именно, в каких архивах, какие документы и в каком объеме хранятся, по каким населенным пунктам сохранились сведения и в каких работах эти сведения упоминаются. Такой проект является уникальным для российской исторической инфраструктуры, и может представлять интерес как для историков различных направлений, так и для демографов, генеалогов, социологов и других исследователей.

Библиографический список

1. Профессии и занятия населения Российской империи в конце XIX – начале XX в.» [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://hcod.asu.ru/> (Дата обращения: 14.09.2017).
2. ДемоскопWeekly [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://demoscope.ru> (Дата обращения: 14.09.2017).
3. Электронный архив Российской исторической статистики [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <https://rhistat.org> (Дата обращения: 14.09.2017).
4. Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <https://нэб.рф> (Дата обращения: 18.10.2017).
5. Воропаева С.С. Формирование и состав переписных комиссий Тобольской губернии при подготовке Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6 (297). История. Вып. 54. С. 25–30.
6. Разживина Д.А. Заведующие переписными участками всеобщей переписи 1897 г.: обязанности, полномочия, объем работы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. № 2. Т. 4. С. 135–143.
7. Лискевич Н.А., Машарипова А.Х. Формирование и расселение групп коми на территории Ялуторовского уезда Тобольской губернии в XIX - начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 113-119.

8. Родионова О.В. Русские подданные в Финляндии по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. (население мыса катаянокка (Katajanokka) // Управленческое консультирование. 2014. № 8 (68). С. 170-176.
9. Борщик Н.Д. История Первой всеобщей переписи населения 1897 г. на примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003. 24 с.
10. Курчатова Т.Т. Материалы переписей населения в Якутской области (конец XIX – начало XX в.) как исторический источник // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 116-119.
11. Неженцева Н.В. Статистический учет занятых населения России второй половины XIX – начала XX в.: источники и методы изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 26 с.
12. Брюханова Е.А., Владимиров В.Н. Кодирование исторических профессий. Барнаул: Издво АлтГУ, 2015. 220 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ АЛТАЯ

УДК 094.2

С.С. Бытко

*Нижневартовский государственный университет
(Нижневартовск, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ УСТРОЙСТВА РУКОПИСНЫХ УРАЛО-СИБИРСКИХ КИРИЛЛИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭКЗЕМЛЯРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.)

В представленной работе автором исследуется старообрядческий рукописный сборник второй половины XIX в., обладающий весьма нестандартной структурой. В рамках работы устанавливаются принципы взаимодействия между собой отдельных содержательных «блоков» книги. Отмечаются обширные эсхатологические и полемические элементы сборника. Исследователь заключает, что мотивом помещения в компиляцию того или иного произведения служили его архаичность и авторитетность в глазах «ревнителей древлего благочестия», что привело к широкому заимствованию текстов из наиболее популярных печатных изданий рубежа XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: старообрядческие сборники, кириллические компиляции, староверие, мировоззрение, рукописи, «Златоуст».

Несмотря на почти полувековое забытьё, в последней четверти XX в. среди отечественных исследователей проявился заметный интерес к творческому наследию старообрядческих книжников. Прошедшие десятилетия не только позволили по-новому взглянуть на все предшествующие этапы изучения кириллической книжности, но и совершить немало открытий в этой области. На этом фоне особое внимание учёных привлекла история создания и бытования старообрядческих сборников, служивших основой книжной традиции староверов.

В собрании Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета хранится весьма примечательный по своему структурному «устройству» рукописный старообрядческий сборник второй половины XIX в. [1]. Книга написана в 8° и, на первый взгляд, представляет собой «годовую» разновидность «Златоуста». Надпись на заднем форзаце книги показывает, что сборник был передан сотруднику лаборатории С.А. Галишеву Поморской старообрядческой общиной г. Челябинска в 1986 г. На полях 41-го листа имеется помета «Прости меня грешного Тимофея», выполненная тем же почерком и чернилами, что и текст компиляции.

В книге утрачена часть начальных листов, однако сличение текстов показывает, что сборник открывается «Словом о лжепророках и лжеучите-

лях» [1, л. 1–15]. Решение выбрать это произведение в качестве вступительной главы следует считать весьма необычным. В частности, годовые «Златоусты» открывались в большинстве своём чтением «Притчи о мытари и фарисее», расположенной в данном сборнике лишь во второй главе. Выяснение причин отступления составителя от «канона» позволит нам яснее понять характер взаимодействия старообрядческой книжности с кириллическим наследием Древней Руси.

Первоначально обратимся к фрагментам, традиционно присущим большинству списков «Златоуста», и установим некоторые характерные особенности комплектования данного сборника. При изучении компиляции бросается в глаза крайне хаотическое расположение её глав. А.В. Вознесенский справедливо отметил, что все редакции «Златоуста» имели более или менее заметные отличия. Однако, как показывает приведенная им сравнительная таблица, все отличия носили весьма незначительный характер [2, с. 94–95]. В сборнике из ЛАИ УрФУ расположение поучений, напротив, радикально отличается от всех ранее изучавшихся памятников. Наиболее показательным представляется сравнение сборника с печатным экземпляром 1894 г. [3], изданным Единоверческой типографией в Москве и в значительной степени ориентировавшимся на состав почаевского издания первой четверти XIX в.

Сравнительная таблица № 1¹

Чтение	Москва, 1894	Рукопись ЛАИ УрФУ
Нед. о м. и ф.	1	2
Нед. о б.с.	2	3
Нед. мяс.	4	4
Нед. сыр.	8	5
Вт. 2 нед. п.	18	14
Вт. 2 нед. п.	19	16
Ср. 2 нед. п.	20	15
Чет. 3 нед. п.	29	7
Суб. 4 нед. п.	42	9
Нед. 4 п.	43	10
Вт. 6 нед. п.	53	6
Ср. 6 нед. п.	54	17
Нед. 5 по п.в.с.	83	13
Нед. 26 по п.в.с.	104	8

Как нетрудно заметить по представленной таблице, чтения располагаются в хаотическом порядке. При этом все слова в книге содержат указания на рекомендуемое время для их прочтения. Следует думать,

¹ В таблице привлечены к сравнению только чтения, содержащиеся в обоих книжных памятниках. Из традиционных для златоустовского цикла 112 чтений рукопись ЛАИ УрФУ включает лишь 14.

что данный сборник не предполагал чтение его в порядке годичного церковного круга. Выбор слов должен был наилучшим образом соответствовать общей нравственной концепции книги и с наибольшей точностью воспроизводить специфические религиозные взгляды старообрядческого согласия. Особенности их чередования в книге, как и во множестве других рукописных компиляций, предполагало последовательное и планомерное, с точки зрения составителя, «погружение» читателей в проблематику сборника. Сохранение указаний на рекомендуемое время чтения слов следует объяснять не иначе как нежеланием составителя редактировать оригинальные названия фрагментов «Златоуста».

Отметим, что «Слово о лжепророках и лжеучителях» должно было кратко резюмировать основной концепт книги. Так, в произведении содержатся мотивы, проходящие красной нитью через все части компиляции: обличение страстей, побуждение к соблюдению поста, устрашение надвигающимся апокалипсисом и др. Фрагменты «Златоуста», таким образом, оказывались в книге второстепенными и должны были лишь дополнять первую главу, обеспечивая наиболее полную аргументацию выдвигаемых в ней положений.

Кроме фрагментов «Златоуста», сборник из собрания ЛАИ УрФУ содержит также крупный блок правил, определявший порядок христианской религиозной жизни [1, л. 111 об.–130 об.]. Мы можем говорить о том, что все тексты были дословно заимствованы из «Кормчей книги» [4]. Всего сборник содержит 26 апостольских и святоотеческих правил. В целом отрывки из «Кормчей» повторяют круг тем, определенных предыдущими главами книги: отграживание от еретиков, соблюдение поста, необходимость молитвы. Но эти отрывки также затрагивают проблемы взаимоотношений внутри старообрядческих общин, особенности организации религиозно-бытовой и семейной жизни, ранее не освещавшиеся к компиляции.

Именно выборка статей, посвященных внутрисемейным и бытовым отношениям староверов, позволяет нам определить догматическую принадлежность составителя сборника. Весьма «демократический» характер сборника дает основания полагать, что книжник Тимофей принадлежал к поморскому толку, являвшемуся наиболее умеренным направлением бесповсского старообрядчества в XIX в. Так, автор оправдывает моление за царя, практиковавшееся лишь в поморской церкви [1, л. 152]. Не однажды в компиляции мы находим фрагменты, допускающие не только семейное сожительство, но и полноценное брачное венчание, нехарактерное для большинства бесповсских согласий [1, л. 119 об.]. При этом некоторые фрагменты сборника явственно обнаруживают специфические взгляды автора. В частности, он является убежденным сторонником воцарения в мире антихриста, а также резко выступает против каких-либо сношений

с официальной церковью [1, л. 127, 130 об.]. Следует указать, что признание брака «прелюбодеянием» (в случае венчания у православного священника), а также категорический отказ креститься у инославных являлись признаками наиболее радикального «крыла» поморства [5, с. 490, 491].

Следующим крупным «блоком» текстов служат четыре главы древнерусского учительного сборника «Альфа и Омега», снабженные прописанными авторскими комментариями [1, л. 131–155]. Примечательно, что в данном блоке также нарушена очередность фрагментов, что становится очевидным при сличении его с печатным изданием Супрасльской типографии 1788 г. [6]. Данный факт представляется чрезвычайно примечательным уже по той причине, что составленный в первой половине XVII в. сборник «Альфа и Омега» включал статьи, расположенные в строгом алфавитном порядке (на что указывает также само название книги). По словам А.В. Вознесенского, столь же очевидным для читателей XVII в. и позднейшего времени являлось наличие у компиляции строгой структуры, базировавшейся на перекрестных отсылках между главами [2, с. 83]. Следовательно, составитель сборника из собрания ЛАИ УрФУ не просто сделал выборку наиболее подходящих, с его точки зрения, фрагментов, но и намеренно пересмотрел сложившуюся структуру сборника, попытавшись выстроить новый порядок взаимодействия его фрагментов.

Последний крупный «блок» текстов представлен разнородной выборкой из «Голковой псалтыри», «Апокалипсиса седмитолкового», «Старчества» и др. [1, л. 155–192 об.]. Примечательно, что данные фрагменты возвращают читателей к проблематике, затронутой в начальных главах компиляции, – к обострению эсхатологических настроений в среде староверов. Следует указать, что подобное решение при составлении старообрядческих сборников не было исключительным. Зачастую староверы завершали свои компиляции сюжетами, повествующими о воцарении в мире антихриста и скромом пришествии Христа, оставляя своих читателей с чувством надвигающегося апокалипсиса [7, с. 27].

Как мы можем заметить, данный сборник почти полностью состоит из дреформенной учительной литературы и, за исключением выписки из «Апокалипсиса седмитолкового», не содержит непосредственно старообрядческой литературы. С этим обстоятельством необходимо связывать и расположение отдельных «блоков» в структуре изучаемой нами компиляции. Первые четыре «блока» текстов располагались в строгом хронологическом порядке. Однако заключительная часть компиляции нарушает эту структуру, включая как общехристианские сочинения VII в., так и старообрядческие произведения XIX столетия. Приведем сравнительную таблицу, включающую данные об источниках глав изучаемого нами сборника и времени их создания.

Сравнительная таблица № 2

Источник	Время создания	Расположение в сборнике
«Слово о лжепророках и лжеучителях»	XII в.	Л. 1–15
«Златоуст»	XVII в.	Л. 15–82, 83–111
«Кормчая книга»	XVII в.	Л. 82 об., 111 об. – 130 об.
«Альфа и Омега»	XVII в.	Л. 131–155
Разнородные источники	VII–XIX вв.	Л. 155–192 об.

Таким образом, следует полагать, что главным критерием, регулировавшим расположение «блоков» в сборнике, являлась их авторитетность для рядовых старообрядцев. Значимость текстов в огромной мере зависела от времени и места их создания. Как мы можем видеть, наиболее авторитетным составитель счел «Слово о лжепророках и лжеучителях», созданное в Византии и потому имевшее общехристианское значение. Чуть менее значимыми были признаны древнерусские сборники XV–XVII вв.

Итак, рассмотренный сборник появился в поморской среде, где бытовал до того, как оказался передан в фонд Лаборатории археографических исследований. Удалось выявить печатные компиляции, послужившие источниковой базой данного сборника, и доказать наличие у него строго определенной структуры, основанной на расположении сюжетных «блоков» в зависимости от их архаичности и авторитетности в глазах рядовых староверов, причём налицо многочисленные примеры взаимодополнения отдельных глав компиляции. Тем не менее, выполненное исследование нуждается в продолжении. Представляется необходимым провести тщательное сравнение сборника ЛАИ УрФУ с печатными «Златоустами» конца XVIII в., что позволит выявить изменения, произошедшие в системе комплектования сборников в первой половине XIX столетия. Подобное сличение необходимо произвести также в отношении сборников «Слово о лжепророках...» и «Альфа и Омега». Это, в свою очередь, позволит выявить специфические особенности составления компиляций поморской ветью старообрядчества сравнительно сборниками, не имеющими определенной конфессиональной «привязки». Данная работа, возможно, позволит выявить элементы построения сборников, восходящие к древнерусской книжности.

Библиографический список

1. Лаборатория археографических исследований Уральского федерального университета (ЛАИ УрФУ). 50р/1847.
2. Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX в.: Введение в изучение. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. 160 с.

3. Златоуст. Единоверческая типография при Свято-Троицкой Введенской церкви, 1894 // Электронное периодическое издание «Соборник» [Электронный ресурс]. URL: <http://sobornik.ru/text/zlatoust/zlatoust.htm> (дата обращения: 05.03.2017).
4. Кормчая, напечатанная с оригинала патриарха Иосифа. М.: Церковь, 1912 (1650). 1481 с.
5. Сырцов И.Я. Современное состояние раскола в Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 23–24.
6. Альфа и Омега, 1788 – Альфа и Омега. Типография Супрасльского Благовещенского монастыря, 1788 // Электронное периодическое издание «Соборник» [Электронный ресурс]. URL: <http://sobornik.ru/text/alfaiomega/alfaomega.htm> (дата обращения: 11.03.2017).
7. Бытко С.С. Томский старообрядческий сборник назидательного характера: специфика структурного оформления // Россия будет прирастать Сибирью. Сургут: Изд-во СурГУ, 2016. С. 19–28.

УДК 330.1:94(571.1/5)

Н.Ю. Колокольцева¹, Ж.С. Аубакирова²

¹*Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

²*Восточно-Казахстанский государственный университет*

им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

В статье рассматриваются вопросы советской историографии источников личного происхождения по истории сибирского купечества второй половины XIX – начала XX в. Представлен анализ двух направлений историографии: по вопросам источниковедения и истории купечества. Проанализированы работы авторов, которые заложили фундамент современных исследовательских направлений.

Ключевые слова: историография, купечество, Сибирь, источники личного происхождения.

На современном этапе развития исторической науки возрос интерес к вопросам социальной истории, что заставляет исследователей привлекать новые комплексы источников, в том числе источники личного происхождения (ИЛП). В процессе деидеологизации истории предметом исследования стали в том числе бывшие классовые враги. Так появилось значительное число работ по истории купечества. Наша задача представить историографический обзор по теме ИЛП по истории сибирского купечества второй половины XIX – начала XX вв. советского периода, для того чтобы показать формирование исследовательских основ, давших развитие современным научным направлениям.

Можно выделить два блока: историография по проблемам источниковедения и по истории сибирского купечества. Работ обединяющих эти направления нет.

В 1928 г. вышла работа Б.Б. Кафенгауза «Купеческие мемуары» [1, с. 105–128], определён новый вид мемуарного наследия, отмечался осо-

был интерес к работам провинциалов, в том числе Н.М. Чукмадина [2]. Автор характеризует купеческие мемуары как источник с «бытовым содержанием» [1, с. 106], позволяющий изучить внутренний мир сословия. Исследованию были подвергнуты в основном работы авторов центральных районов.

Своеборазным прорывом стало издание в 1940 г. учебника С.А. Никитина «Источниковедение истории СССР. XIX в. (до конца 90-х гг.)». Мемуары рассматриваются как самостоятельный вид источников, выделены характерные черты: субъективность, изложение исторических фактов с применением литературных приёмов при их описании, взаимосвязь и взаимовлияние личностных характеристик автора и манеры, стиля повествования. В качестве отдельной группы мемуаров были выделены купеческие мемуары, но автор указывал на возможность их использования только при изучении быта, взглядов буржуазии. Наблюдается совпадение понятий «купец» и «буржуа» [3].

Детально представлены периодические издания второй половины XIX в., что важно, так как именно здесь первоначально были опубликованы многие мемуары.

В 1959 г. опубликована работа М.Н. Черноморского «Мемуары как исторический источник», в которой была произведена классификация мемуарного наследия. Автор подразделяет мемуары на: 1) собственно мемуары, то есть воспоминания о жизненном пути их автора; 2) воспоминания, которые целиком посвящены описанию только тех событий, в которых автор участвовал; 3) дневники; 4) литературные записки [4, с. 8–11]. Но дневники и литературные записки не являются мемуарами ни по форме повествования, ни по содержанию.

Возникает необходимость объяснения термина «мемуары». В своей статье Л.И. Деревнина [5, с. 32–38] определяет «мемуары» как термин общий для целого ряда источников, классификация которых производилась по форме и виду.

В 70–80-х гг. исследователи анализировали источники, определяя формы работы с ними и их информационные возможности в целом. Огромное значение имеют выводы С.О. Шмидта, который определил источник как особую систему коммуникации, от того насколько точно сможет её понять и расшифровать исследователь зависит его дальнейшая работа.

На анализ содержательной части обращала внимание С.С. Минц [6; 7]. Она рассматривала проблему эволюции мемуарных источников, сочетания в них субъективности и субъективизма, документализации и художественности. Минц определяла мемуары не только как источник бытового содержания, но отражающий социальную психологию группы, к которой относился её автор и о ком он писал.

Ведущим исследователем в области русской мемуаристики является А.Г. Тартаковский [8; 9]. В сферу его исследовательских интересов входит мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв., но он работает и над выявлением общих черт. Им были определены требования к критике источников с целью максимального извлечения содержащейся в них информации. Но мемуары претерпели существенные изменения ко второй половине XIX в.

Под редакцией И.Д. Ковальченко в 1981 г. издаётся учебник «Источниковедение истории СССР», в котором произошёл отход от выводов Никитина. Воспоминания, дневники, эпистолярное наследие Ковальченко характеризовал как письменные исторические источники, близкие по содержанию, характеру и значению, но не объединял их в единую группу. В работе присутствует обобщение источниковедческих изысканий предшествующего периода, выводы сделанные в ней остаются актуальными до сих пор.

В 80-е гг. XX в. исследование мемуаристики, эпистолярного наследия становится одной из ведущих тем. Изучению подвергаются материалы купеческого, дворянского, чиновничего происхождения, что считалось ранее не актуальным. Источники были по-новому осмысленны, результатом чего стало появление новых учебных пособий, в том числе под редакцией группы авторов «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории». Впервые исследуемая группа источников была объединена единым понятием «источники личного происхождения», поднимается проблема соотношения терминов «мемуары» и «воспоминания». Авторы в соответствии с традицией зарубежной источниковедческой школы разделяют мемуары на виды, выделяя «мемуары – современные истории», фиксирующие информацию об отдельно взятом событии, и «мемуары – автобиографии» [10, с. 472, 475]. Не представляется необходимым использовать классификацию западного варианта, так как деление на мемуары – автобиографии и мемуары об отдельных событиях возможно в соответствии с изучением их содержательной части. При этом мы не отрицаем существования источников, объединяющих элементы автобиографии с описанием отдельных событий, которые могут подвергаться литературной обработке. Мемуары уже давно стали объектом научных интересов не только источниковедов, но и литературоведов.

Известные события 1917 г. привели к смене политической системы. Советская власть ставила перед собой задачу формирования нового общества, для чего необходим пересмотр предшествующей истории России. Купеческое сословие представлялось как «тёмное царство», способное только грабить, обманывать, вести разгульный образ жизни. В этой массе растворились имена ведущих меценатов, попечителей, людей, которые

делом своей жизни считали развитие и процветание Сибири. На первый план вышли только негативные суждения. В научном плане изучение истории купечества стало неблагонадёжной темой, в то же время, в распоряжении учёных находились свидетельства современников о жизни сословия.

Показателем отношения советского общества к купечеству можно считать высказывание М. Горького: «Литература наша пристально купцом не занималась. Для дворян – писателей купец – не герой, а для разночинцев – хозяин и враг. Островский, «обличая» московского купца, умилялся: свинья человек, а забавный» [11, с. 18].

В 1939 г. под редакцией Б. Жеребцова вышел сборник «Старая Сибирь в воспоминаниях современников», в котором были приведены отрывки из воспоминаний современников, в том числе и из купеческих мемуаров. Вызывает интерес подбор свидетельств. Б. Жеребцов высказывает с критикой в адрес тех авторов, которые, по его мнению, умышленно идеализировали образ буржуазии. Составитель не разделяет понятия «купец» и «буржуа». Наибольшая критика с его стороны была высказана в адрес «легенды о «романе» сибирской буржуазии с декабристами». Совершенно отсутствует анализ исторической действительности, нет даже попытки выявить причины способствующие сближению столь разных категорий людей.

Выявлением и изучением ИЛП по истории тюменского купечества длительный период времени занималась Л.Г. Беспалова [12; 13]. Заслуга исследователя состоит не только в работе над источниками с источниковедческой точки зрения, но были составлены биографические справки об авторах источников, что представляет собой сложный процесс, так как во второй половине XIX в. число мемуаров, список росло, отдельные издательства толстых журналов («Исторический вестник», «Русская старина», «Русский архив») специально заказывали подобные произведения, но при их публикации информация об авторе, его судьбе, отличительных чертах произведения не сообщалась.

В 60–70-е гг. XX в. возникает интерес к буржуазии, а соответственно и купечеству, которое было в её основе. В 1963 г. вышла статья И.Ф. Гиндина «Русская буржуазия в период капитализма, её развитие и особенности» [14], в которой были проанализированы её истоки, механизмы обогащения и причины экономического могущества, при политической пассивности до начала XX в. Следует согласиться с тем, что торговля приобретала в России, особенно в Сибири, исключительное значение, при её «низком культурном уровне». Автор отмечает, что «в качестве неотъемлемой психологической и чуть ли не национальной особенности крупной буржуазии утверждаются такие черты, как инертность, безынициатив-

ность, слабая предпримчивость» [11, с. 66]. В таком случае, неясно каким способом при данных чертах характера было возможно создание и увеличение капиталов. Гиндин видит причину этого в покровительственном отношении со стороны государства. В условиях Сибири этого было недостаточно, ИЛП демонстрируют примеры проявления предпринимательского духа среди купцов, в том числе первого поколения. Не вызывают возражения выводы о купечестве как политической силе, несмотря на то, что основной материал касается Европейской России. Оно не представляло собой единого в политическом смысле образования. На основе сопоставления с материалами ИЛП данный факт подтверждается и в отношении сибирского купечества [14, с. 79].

В.Я. Лавёрычев стремится к всестороннему анализу деятельности буржуазии, механизмов становления данного социального образования, главным остаётся её изучение как составляющей экономического развития страны. ИЛП использовались как демонстративный материал при характеристике быта, досуга, взаимоотношений внутри буржуазного общества и с обществом в целом. На основе источников формируется представление о купечестве как наиболее безнравственном, безграмотном сословии [15, с. 85–86], наличие в его составе меценатов оценивается как исключение из правил.

Первым крупным исследованием сибирской буржуазии стала работа Г.Х. Рабиновича «Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв.» (Томск, 1975). Это не только первое комплексное изучение закономерностей социально-экономического развития крупной буржуазии Сибири на основе широкого круга источников и литературы, но и выявление новых направлений в исследовательской работе. Автором были использованы материалы ИЛП. Рабинович, вслед за А.П. Бородавкиным, рассматривал в качестве источника обогащения широко распространённый в Сибири торгово-ростовщический капитал, что стало основой для создания в будущем крупных капиталов. В работе представлены также и иные механизмы обогащения. При сопоставлении выводов Рабиновича и материалов ИЛП выявляются схожие позиции по ряду вопросов.

На рубеже XIX–XX вв. шёл процесс определения политических пристрастий сибирской буржуазии. Данный вопрос стал центральным в исследованиях И.Г. Мосиной. Она выявила проблемы политического созревания буржуазии: политическое оформление и деятельность организаций, а также развитие буржуазной идеологии [16, с. 4]. Источниковую базу исследования составляли делопроизводственная документация, протоколы собраний, периодические издания. На основе ИЛП осуществляется не только определение политических пристрастий купца, но и, исходя из

его личностных характеристик, устанавливаются причины приверженности его к той или иной партии.

Идеология советского времени, положение исторической амнезии не позволяли представить купца как положительного героя, как человека, целью жизни которого были не только грабежи, на жива, разгул, но и стремление к стабильности, семейному благополучию, процветанию своего дома, города, региона. Из имеющихся источников личного происхождения и литературных произведений в отрыве от общего контекста извлекались отдельные сюжеты, на основе которых и создавался образ представителя «тёмного царства», тогда как даже А.Н. Островский отмечал, что образы его героев собираемые и вовсе не отражают всего многообразия действительного общества. Представители купеческого сословия признавали наличие изъянов, «благодаря русской правдолюбивой натуре» они приветствовали портретные зарисовки автора [17, с. 16].

Таким образом, в советский период, несмотря на идеологические рамки, был накоплен значительный материал, что стало фундаментом для формирования и развития научных направлений по изучению истории сибирского купечества в целом, по вопросам источниковедения.

Библиографический список

1. Кафенгауз Б.Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом. М.: Общество изучения Московской губернии, 1928. С. 105–128.
2. Чукмадин Н.М. Записки о моей жизни. М.: Типо-лит. А.В. Васильева и К°, 1902. 197 с.
3. Никитин С.А. Источниковедение истории СССР. В 2 т. Т. 2: XIX в. (до конца 90-х гг.). М.: ОГИЗ, 1940. 227 с.
4. Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник. М.: Изд-во Москва, 1959. 80 с.
5. Деревнина Л.И. О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (постановка темы и проблематики) // Источниковедение отечественной истории. 1975. М.: Наука, 1976. С. 32–38.
6. Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (к постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 55–70.
7. Минц С.С. Об отражении особенностей социальной психологии в мемуарных источниках последней трети XIX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М.: Наука, 1984. С. 31–40.
8. Тартаковский А.Г. 1812 г. и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.
9. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв.: от рукописи к книге М.: Наука, 1991. 288 с.
10. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, Ин-т «Открытое общество», 1998. 702 с.
11. Бараев В.В. Древо: декабристы и семейство Кандинских. М.: Политиздат, 1991. 270 с.
12. Беспалова Л.Г. Живое прошлое. Писатели XIX в. о Тюмени. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1987. 272 с.
13. Беспалова Л.Г. Западная Сибирь в дореволюционном прошлом (по произведениям дооктябрьских писателей-классиков). Тюмень: б.и., 1958. 22 с.

14. Гиндин И.Ф. Русская буржуазия, её развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2–3.
15. Лавёрычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900). М.: Мысль, 1974. 252 с.
16. Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 171 с.
17. Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. М.: Искусство, 1979. Т. 11.

УДК 574.24:94(571.150)(08)

К.А. Пожарская¹, Ф.З. Ражепаева²

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

*²Восточно-Казахстанский государственный университет
им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)*

**ТРУДЫ УЧЕНЫХ РУБЕЖА XIX–XX в. КАК ОСНОВА
ДЛЯ ИСТОРИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ КЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ
АЛТАЙСКОГО ОКРУГА)***

Активно осваиваемая земледельцами на рубеже XIX–XX в. Кулундинская степь Алтайского округа явилась объектом пристального внимания ученых-естественников различной специализации, попытавшимся ответить на вопрос о перспективах развития зернового производства в регионе, а также вероятных последствиях усиленной эксплуатации ее ресурсов с точки зрения экологичности хозяйствования. Большинство экспертов оценили территорию степи как непригодную для широкомасштабной колонизации в силу несоответствия ее базовых природных характеристик потребностям развития крестьянского хозяйства. Исследователи призвали к созданию адаптивно-ландшафтной системы землепользования в регионе, сконструировав прогнозы экологических и демографических рисков несообразного климатическим условиям использования его земельных богатств.

Ключевые слова: колонизационная экспертиза, гидрологический анализ, историческая экология, Кулундинская степь.

Экологическая история как направление научных изысканий зародилась в России в 1990-х гг. и в настоящее время представлена преимущественно региональными научными школами. Ее медленное становление в нашей стране во многом объяснимо сложностями работы ученых-гуманитариев с источниками естественнонаучного «происхождения», отличающимися специфическим содержанием и методикой исследований, а также традиционной оценкой историками экологической проблематики как вспомогательной. Иначе дело обстоит в современном естествознании,

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

поскольку изучение функционирования системы «человек – природа» затруднено игнорированием исторического опыта природопользования, требует повышенного внимания ученых к изменению соотношения природного и антропогенного ландшафтов в ходе хозяйственного освоения. Частным примером этого утверждения выступают результаты исследований алтайскими учеными экологических проблем Кулундинской степи Алтая. Так, в целом ряде публикаций было сделано заключение о том, что основные эколого-экономические проблемы степного сельского хозяйства настоящего времени (деградация земель и экосистем, процессы водной и ветровой эрозии, засоление почв, опустынивание, климатические изменения и др.) неразрывно связаны с характером аграрного производства в регионе, получившим преимущественное развитие с начала прошлого века [1, с. 18–19; 2, с. 88–94; 3, с. 247–260]. Нельзя не отметить, что еще в конце XIX – начале XX в. свет увидел целый ряд научных работ, посвященных вопросам природопользования в степи, анализ содержания которых и составит объект внимания данной статьи.

На рубеже XIX–XX вв. Кулундинская степь как локальный регион в пределах Алтайского округа подверглась пристальному вниманию со стороны ученых-естественников различного профиля (почвоведов, ботаников, агрономов). Во многом это объяснялось конъюнктурой момента: практически полностью лишенная поверхностно-проточных вод и представляющая собой район недостаточного увлажнения, степь в начале XX в. активно осваивалась крестьянами, мигрировавшими на Алтай из Европейской части Российской империи в результате реализуемых правительством П.А. Столыпина переселенческих мероприятий. И потому активный интерес к Кулунде являл собой своеобразную реакцию научного сообщества на происходившие (или грядущие) глобальные демографические и хозяйствственные трансформации региона. Исследователи региона, работавшие на рубеже XIX–XX столетий, не только собрали богатый эмпирический материал о степи, но и вынесли собственные суждения о сельскохозяйственном потенциале степи и вероятных последствиях усиленной эксплуатации ее природных ресурсов.

Колонизационный контекст создания трудов, нередко инициированных административными структурами, обусловил особую концентрацию внимания ученых на проблеме обеспеченности территории степи водными проточными и подземными источниками. В частности, значительный вклад в изучение вопроса водоносности Кулундинской степи былнесен профессором С.И. Залесским, выводами которого в дальнейшем активно оперировали другие исследователи (И.П. Выдрин, З.И. Ростовский, И. Биль) [4, с. 22; 5, с. 247]. Осуществив анализ гидрографической ситуации, С.И. Залесский заключил, что большая часть степи (за исключением

юго-восточных районов) не должна плотно заселяться земледельцами по целому ряду причин: отсутствие постоянно восполняемых проточных источников воды, пересыхание (полное или частичное) летом степных рек, малочисленность пресных озер, солонцеватый характер подземных вод, недостаток леса и покосов. По мнению профессора, даже осуществление ирригационных работ не позволило бы решить здесь водную проблему, поскольку почва степи слишком пориста и водопроницаема, а реки берут начало в болотах и потому маловодны [6, с. 123–126]. Ученый выразил категорическое несогласие с широкомасштабной колонизацией локальной территории, настаивая на том, что «... не только преждевременно, но и прямо непонятно стремление к заселению и возделыванию земель, на которых сама природа наложила клеймо непригодности и необитаемости» [6, с. 134]. В целом эксплуатацию местным населением земельных ресурсов С.И. Залесский оценил, как «хищническую», отметив практику сжигания залежей, приводящую к степным и лесным пожарам, а также экстенсивный характер земледелия, не предусматривающий применения удобрений. Последнее обстоятельство автор объяснил суеверным представлением крестьян о том, что поджигание навоза предохранит от холеры и других заболеваний [6, с. 103–105]. Во время своей поездки ученый также зафиксировал многочисленные факты сваливания навоза вблизи водоемов, отмечал, что расположение хозяйственных построек (конюшни, хлева, скотные дворы) в непосредственной близости к источникам проточной воды решает задачу ликвидации отходов и приводит к засорению водных источников [6, с. 103–104, 107]. Автор особенно настаивал на осторожном подходе в выборе профиля хозяйственной специализации Кулунды, призывал и развивать в регионе сообразное естественным условиям, например, содовое производство [6, с. 134].

Вслед за профессором С.И. Залесским горный инженер И. Биль, проводивший буровые работы на степной территории Алтайского округа в 1897–1898 гг., утверждал высокую степень риска хозяйствования в регионе. Опираясь на полевые исследования с помощью анEROИда, И. Биль отметил, что все части степи (кроме прилегающих к Кулундинскому озеру) занимают высокое положение, препятствующее напору водоносных слоев, а наполнимость водой пресных и горькосоленых озер обеспечивается исключительно атмосферными осадками. Специалист констатировал наличие по всей территории степи почвенных вод, залегающих на незначительной глубине, но трудно достижимых в силу строения поверхности земных пород [5, с. 257]. В качестве единственного средства борьбы с маловодьем инженер назвал строительство запруд в естественных углублениях равнины. По его мнению, они могли бы «питать», вырытые поблизо-

сти колодцы, а также увеличивать уровень влажности в степи, задерживая дождевую или снеговую воду [5, с. 258].

Наряду с гидрологической экспертизой исследователи рубежа XIX–XX вв. представили собственные прогнозы перспектив развития зернового производства в Кулундинской степи. Так, почвоведы И.П. Выдрин и З.И. Ростовский предположили, что при отсутствии широкомасштабных культурных мероприятий на фоне усиленной эксплуатации, Кулунду ожидает печальное будущее из-за маломощности почв, бедности осадков, недостатка хорошей питьевой воды, отсутствия естественных покосов, а также занесения культурных земель песками. Определенный скепсис авторы выразили относительно каштановых почв степи, отметив высокое содержание в них песка, легкую распыляемость при распашке, бедность органическими веществами и цеолитной частью [4, с. V]. Ученые призывали к осторожному подходу в оценке успехов сельскохозяйственного производства в регионе, обуславливаемых свежестью преимущественно целинных земель. Специалисты утверждали необходимость четкого разделения понятий «тароватость» (кратковременная производительность) [7, с. 2] и «богатство» (долговременная производительность) почвы, полагая что именно первая характеристика применима к землям Кулунды. Одновременно они выдвинули гипотезу, согласно которой использование удобрений привело бы к более роскошному цветению и повышению кустистости растений, что задержало бы созревание, а при краткости вегетационного периода в регионе, обернулось бы их гибелю от рано наступающих холодов [7, с. 4]. В целом, по мнению ученых, уплотнение земледельческого населения, приводящее к сокращению сроков залежи при отсутствии иных способов восстановления плодородия вкупе с неблагоприятными климатическими условиями, неизбежно приведет к падению урожайности в Кулундинской степи [4, с. V].

В качестве отдельной проблемы развития локальной территории Алтайского округа В.В. Никольский назвал также острую нехватку сено-косных угодий. По его наблюдениям, погоня здесь крестьян за кормовой травой приводит к выкашиванию пустошей, предназначенных для распашки, что создает дополнительные риски производства, поскольку голая земля плохо задерживает снег и потому лишается необходимой продуктивной влаги весной [8, с. 13]. Специалист также обратил внимание на тот факт, что бедные гумусом почвы степи, лишены «способности» к длительному сохранению влаги. Вследствие этого продолжающееся уплотнение населения приведет к крайней эксплуатации земельных угодий в результате полного исчезновения залежей и введения пустошей в хозяйственный оборот [8, с. 152–153, 158]. Согласно предложенному экспертом делению всей территории Алтайского округа на экономико-географические районы Ку-

лундинская равнина была оценена как наименее «удобная для земледельческой культуры» [8, с. 37].

Критическую оценку алтайской степи с позиции перспектив развития аграрного производства содержали и работы полтавского агронома И.М. Морозова. Солонцеватые почвы с незначительным пахотным слоем, сильные и горячие летом ветра, значительные температурные амплитуды, плохое орошение, краткий вегетационный период и т.д. при неразвитости инфраструктуры – все эти факторы, по мнению автора, должны были привести к кризису крестьянских хозяйств. Агроном особо подчеркивал, что специфика ресурсной базы степи детерминируют развитие здесь преимущественно скотоводческого хозяйства. Поскольку лимитированность естественно-географических факторов земледельческого производства на фоне значительного земельного простора неизбежно обусловит тотальную распашку степи [9, с. 52–53].

Таким образом, трудами исследователей рубежа XIX–XX вв. был накоплен обширный массив фактических данных и аналитических материалов для становления региональной исторической экологии. Поставив на повестку дня вопрос о целесообразности «превращения» Кулундинской степи в исключительно земледельческий район, ученые призвали общественность и административные структуры к корректировке традиционного взгляда на значительные возможности колонизации равнины. Специалисты рубежа XIX–XX в. не только попытались развенчать миф об алтайском эльдорадо, нередко тиражируемый официальными рекламными изданиями и распространенный в крестьянских кругах, но и в научном плане сформулировали идею необходимости выработки адаптивно-ландшафтной системы землепользования, обосновали важность сообразности профиля хозяйствования с базовыми компонентами среды обитания.

Библиографический список

1. Ротанова И.Н. Ландшафтно-карографический анализ экологических проблем и ситуаций (на примере Алтайского края): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Барнаул, 1996. 22 с.
2. Харламова Н.Ф., Силантьева М.М. Зависимость урожайности зерновых культур в районах Кулунды от климатических факторов // Известия Алтайского государственного университета. Серия: биологические науки, химия, науки о земле. 2011. № 3. Т. 1. С. 88–94.
3. Силантьева М.М. Экологические последствия освоения Кулундинской степи (Алтайский край) в XX в. // Экономическая история Сибири XX–начала XXI в.: материалы III Всероссийской конференции. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. Т. 2. С. 247–260.
4. Выдрик И.П., Ростовский З.И. Материалы по исследованию почв Алтайского округа. Барнаул: Типо-лит. при Главном упр. Алтайского окр., 1899. 171 с.
5. Биль И. Исследование водоносности Алейско-Кулундинской степи в 1897–1898 гг. // Горный журнал. 1900. Т. 3. С. 236–302.
6. Залесский С.И. Исследование пригодности некоторых маловодных местностей Барнаульского и Каинского округа к заселению переселенцами из Европейской России. Томск: Томская губернская типография, 1893. 135 с.

7. Выдрин И.П., Ростовский З.И. Предварительный отчет по исследованию почв северной части Алтайского округа. Барнаул: Типо-литогр. Н.А. Румянцева, 1896. 67 с.
8. Никольский В.В. Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей. Отдел II. Сельское хозяйство в Алтайском округе. Пг.: Тип. М-ва пут. сообщ., 1916. 319 с.
9. Морозов И.М. Алтайский округ в сельскохозяйственном отношении и условия жизни переселенцев в нем. Харьков: Типография Б. Бенгис, 1908. 75 с.

УДК 630(571.150)

Е.А. Карпенко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**ПЕРЕПИСКА ЛЕСОВОДА К.П. ПЕРЕТОЛЧИНА
С БОТАНИКОМ И.П. БОРОДИНЫМ (НАЧАЛО XX в.)***

Статья посвящена переписке ученого лесовода К.П. Перетолчина с крупнейшим ботаником второй половины XIX – начала XX в. И.П. Бородиным. Письма лесовода рассматриваются с позиции источника, позволяющего дополнить и расширить его автобиографические воспоминания о лесном хозяйстве Алтайского округа и нравах местного чиновничества. В статье проводится сопоставление мемуарных записей и писем, относящихся к одному временному периоду. Данная переписка ранее не являлась объектом внимания исследователей. Цитаты из писем лесовода, насыщенные откровенными высказываниями, публикуются впервые.

Ключевые слова: Алтайский округ, личная переписка, лесовод, К.П. Перетолчин.

Письма – уникальный, ни на что не похожий вид исторического источника. Эпистолярные материалы при всей субъективности содержащихся в них оценок и мнений стоят в ряду наиболее достоверных источников. Один и тот же автор в своей переписке, не рассчитанной на опубликование, ведет себя гораздо откровеннее, чем в воспоминаниях, адресованных широкому кругу читателей. Письма позволяют представить, как воспринимались те или иные события людьми, которые сами наблюдали их.

Воспоминания ученого лесовода Константина Павловича Перетолчина неоднократно становились объектом внимания региональных исследователей при иллюстрации лесного хозяйства, культуры, быта и нравов барнаульцев начала XX в. [1; 2; 3; 4]. Факты из его биографии содержатся в справочниках, энциклопедиях и календарях, приуроченных к памятным датам [5; 6; 7; 8]. Однако до настоящего времени его личная переписка оставалась вне поля зрения и не публиковалась. Между тем именно

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Главного управления образования и науки Алтайского края (региональный научный конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном»), проект № 16-11-22005 «Западносибирское региональное чиновничество Кабинета Его Императорского Величества как воплощение ведомственной служебной корпорации (середина XVIII – начало XX в.)».

в письмах можно проследить динамику взглядов ученого на свои профессиональные функции в лесном хозяйстве и изменения, происходившие в политической обстановке Алтайского округа.

Фонд К.П. Перетолчина в Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ) за 1917–1950 гг. составляет около 70 единиц хранения. Наиболее информативными являются автобиографические воспоминания, сохранившиеся целиком в АГКМ в форме рукописи и ее машинописной копии [9; 10; 11]. В отличие от мемуаров, подлинники писем к ботанику Ивану Парфеньевичу Бородину хранятся в 125 фонде Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук [12, л. 1–7]. Все письма чистовые, без помарок и исправлений, написаны почерком К.П. Перетолчина. Их особенностью является современное словоупотребление и практически полное отсутствие в конце слов буквы «Ъ». В статье приводятся цитаты из писем, с сохранением авторского стиля и пунктуации.

Основу писем составляют ботанические вопросы, находившиеся в сфере профессиональных интересов двух ученых – К.П. Перетолчина, выпускника Санкт-Петербургского лесного института и его учителя – профессора И.П. Бородина. Питетное отношение ученика к своему наставнику переносится на описание рабочих моментов, связанных с научно-исследовательской деятельностью, к которой так стремился К.П. Перетолчин, однако поглощенность делами лесоустройства не оставляла для этого времени. По его признаниям, лесостроительная работа занимала все. «Работы так много, что свободного времени совершенно нет. Жизнь моя, несмотря на обилие работы, идет весьма однообразно, бесцельно и скучно. Временами я с лихорадочной поспешностью начинаю собираться работать, как было когда-то... Большое Вам спасибо, глубокоуважаемый Иван Парфеньевич, за все внимание, какое Вы оказали мне. С Вами и институтом у меня связаны лучшие мои воспоминания. Простите за откровенность, но я верю, что Вы не осудите за это. Вы поймете меня и поверите, как трудно человеку ломать себя и приоравливать к пустой и шаблонной жизни» [12, л. 1 об.–2].

И все же, тяжелая работа в полевых условиях, таксация и лесоустройство не тяготили К.П. Перетолчина так, как бюрократическая обстановка в ведомствах Алтайского округа. Характеристика чиновничего ми-ра и отношение к нему, выраженные в письмах, звучат в унисон с мемуарными записями ученого-лесовода: «Все лучшие мои стремления и порывы, под влиянием окружающих тормозов непонимающей их сферы, малопомалу приходят в пассивное состояние, не встречая нигде хотя бы слабого сочувственного отзыва. Все принимается в извращенном виде и лучшее мое мешается с грязью» [12, л. 2]. Безусловно, можно все списать

на максимализм молодого специалиста, стремящегося к созданию утопического образа идеального лесного хозяйства. Однако спустя десятилетие его службы в округе критическая оценка и негодование не исчезли, они скорее усугубились. По его признанию И.П. Бородину «десятилетняя служба в чисто чиновничьей атмосфере не могла не оставить своих следов и в достаточной мере высушить душу...» [12, л. 4]. Словно подтверждением этого является автобиографический эпизод. В 1913 г. по случаю десятилетнего трудового юбилея Перетолчина был устроен торжественный обед, который произвел на него «удручающее впечатление». На обеде присутствовал «заведующий лесоустройством с малоизвестными гостями... все важные, официальные лица и ни одного таксатора и ни одной переписчицы» [10, л. 173], всех тех, с кем в действительности проходили трудовые будни лесовода.

Эмоциональные высказывания К.П. Переточина об особенностях службы в Алтайском округе перемежаются с ностальгическими воспоминаниями о его учебе в Лесном институте. Это делает переписку с И.П. Бородиным насыщенной и откровенной. «Чем серее, однообразнее и бесцельнее» казалась ему жизнь и работа, тем светлее были его воспоминания об институте [12, л. 2].

Наиболее яркие высказывания, практически на грани отчаяния, содержатся в письме, датируемом 1917 г. Революционная обстановка в стране и округе не могла не отразиться и на служащих Лесной части. «Особенно трудно приходится людям чиновным вообще, а нам, бывшим служащим Кабинета и совсем плохо. Создаются невыносимые условия для дальнейшей службы в этом kraе. Вы не можете представить ту душевную тяжесть, какую приходится нести в настоящее время чиновникам бывшего Двора; добросовестно неся всю тяжесть ответственной службы, нам всюду приходится слушать незаслуженные упреки от нравственно-низких людей! Почти год я терпел – далее не могу...» [12, л. 6–7]. Эмоциональное состояние К.П. Переточина вполне объяснимо. Новая власть застала его в 42-летнем возрасте в «чине надворного советника со старшинством», честно исполнявшего лесостроительные обязанности в Алтайском округе с 1904 г. [10, л. 186]. Показателем уровня отчаяния лесовода можно считать его обращение к И.П. Бородину с просьбой о помощи в поиске нового места работы. К сожалению, ответ академика не известен, но из автобиографических воспоминаний Перетолчина следует, что он остался работать в округе в сфере лесного хозяйства и весьма преуспел на этом поприще в советское время. «Как в калейдоскопе менялись названия учреждений и моих назначений, но основными функциями моей службы были лесоустройство и лесное просвещение народа, дабы спасти леса от расхищения» [10, л. 187–187 об.]. Такая востребованность его новой властью характери-

зует К.П. Перетолчина как квалифицированного специалиста, опытного профессионала в лесном деле. О его высокой квалификации свидетельствует и тот факт, что еще студентом Лесного института он был удостоен Большой золотой медали за проведенную им научно-исследовательскую работу, результаты которой впоследствии были опубликованы в XI выпуске «Известий Лесного института» [13; 14, с. 58].

Ретроспективность переписки и хронологическая фиксация событий позволяют не только согласовать содержание писем с мемуарными записями соответствующего временного периода, но и расширить их. Так, если обратиться к воспоминаниям К.П. Перетолчина, относящимся к 1917 г., они слажены, «политкорректны» и соответствуют эпохе их написания: «Жуткое для нас наступило время, но вместе с тем и весьма интересное». [12, л. 186 об.]. Это скорее напоминает иллюстрацию лояльного отношения к новой власти, нежели соответствуют тем откровениям, которые позволил себе Перетолчин в личной переписке со своим учителем и наставником К.П. Бородиным.

Итак, обращение к личной переписке ученого лесовода К.П. Перетолчина с крупнейшим ботаником второй половины XIX – начала XX в. И.П. Бородиным дополняет и расширяет публиковавшиеся ранее фрагменты воспоминаний Перетолчина, предоставляя возможность взглянуть на внутренний мир алтайского чиновничества глазами квалифицированного специалиста, не сумевшего органично вписаться в бюрократическую реальность.

Библиографический список

1. Барнаул в воспоминаниях К.П. Перетолчина // Краеведческие записки: Вып. 9. Барнаул: Алтай, 2011. С. 83–122.
2. Гусельникова М.В. Барнаул начала XX в. в воспоминаниях К.П. Перетолчина // Словцовские чтения-2005: Материалы XVII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 22–24.
3. Из воспоминаний К.П. Перетолчина // Алтайский сборник. 1993. Вып. XVII. С. 138–152.
4. Карпенко Е.А. Лесное хозяйство Алтайского округа в начале XX в. по воспоминаниям К.П. Перетолчина // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2016. № 3 (42). С. 92–95.
5. Перетолчин Константин Павлович // Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX в. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. С. 159.
6. Колесников А.А. 90 лет начала деятельности на Алтае выдающегося лесовода и краеведа К.П. Перетолчина (1878–1957) // Страницы истории Алтая. 1994. Барнаул: РИО, 1993. С. 4–9.
7. Колесников А.А. 130 лет со дня рождения выдающегося лесовода и краеведа К.П. Перетолчина (1877–1957) // Алтайский край. 2007: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул: Азбука, 2006. С. 58–61.
8. Букина Т.Н. К 125-летию со дня рождения Константина Павловича Перетолчина (1877–1957) // Вестник культуры Алтайского края. 2003. № 5 (9). С. 46–48.
9. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 1.

10. АГКМ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2.
11. АГКМ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3.
12. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПб АРАН). Ф. 125. Оп. 1. Д. 310.
13. Перетолчин К.П. Изменение запасных веществ наших деревьев в период зимнего покоя. СПб: Типо-лит. М.П. Фроловой, 1904. 42 с.
14. 130 лет со дня рождения выдающегося лесовода и краеведа К.П. Переточина (1877–1957) // Календарь знаменательных и памятных дат. 2007. Барнаул: Азбука, 2006. С. 58.

УДК 94(571.1)

О.Г. Климова

*Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия)*

**ВКЛАД СИБИРСКОГО ИСТОРИКА И КРАЕВЕДА А.А. ЖИРОВА
В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ**

Статья посвящена известному сибирскому историку и краеведу А.А. Жирову, отражены основные вехи его жизненного пути и профессиональной деятельности. А.А. Жиров является автором более 250 опубликованных научных, научно-популярных работ. Работы А.А. Жирова посвящены истории предпринимательства в Сибири. В ходе историографического анализа были рассмотрены проблематика публикаций, методы исследования. Для научных исследований ученого характерны не только анализ фактического материала и многочисленных архивных источников, но и широкие теоретические обобщения. Его научные труды разнообразны по хронологии, теоретическим подходам, используемым источникам. А.А. Жиров как представитель новейшей сибирской историографии расширил и углубил проблематику исследований. Исследовательская деятельность А.А. Жирова является яркой страницей в новейшей отечественной историографии, а его труды значительно подняли научный и научно-популярный интерес к истории сибирского предпринимательства.

Ключевые слова: историография, персоналии, история предпринимательства, методология, Сибирь.

Сибирская историческая школа богата талантливыми учеными, исследовательскими традициями, тематикой научных направлений. За последние три десятилетия образовались научные центры, сформировались научные школы по данной проблематике, были проведены многочисленные конференции, изданы монографии, энциклопедии, серии сборников научных статей. Поэтому при изучении историографического освоения проблематики истории предпринимательства, весьма важным представляется обращение к персоналиям историков, внесших значительный вклад в развитие темы. Среди них особое место занимает сибирский историк и краевед, посвятивший свое творчество истории купечества и предпринимательства Сибири, Александр Александрович Жиров, ушедший из жизни 10 лет назад, 10 января 2007 г.

Жиров Александр Александрович – кандидат исторических наук, член корреспондент Русского генеалогического общества, краевед, подвижник, человек, одержимый страстью исследования и просто патриот своей малой родины.

А.А. Жиров родился в г. Таре Омской области 1 января 1955 г. И вся его дальнейшая жизнь связана с этим городом. Интерес к истории проявился еще в школьные годы и определил его дальнейшую судьбу. В 1972 г. он поступил на исторический факультет Омского государственного педагогического института им. М. Горького и после его окончания стал работать в родной школе № 2 учителем истории. После службы в Советской армии после 1977 г. он более 25 лет преподавал в Тарском педагогическом училище (позднее ставшим колледжем), где занимал различные должности (руководителя отделения учителей начальных классов, заместителя директора по внеклассной работе, преподавателя общественных дисциплин). С 1994 г. работу в училище стал совмещать с деятельностью в Тарском филиале Омского государственного педагогического университета на кафедре гуманитарных дисциплин и в Тарском филиале ГАОО археографом. А с 2003 г. А.А. Жиров руководил кафедрой истории, философии и права Тарского филиала Омского государственного аграрного университета.

Профессор В.П. Бойко писал, – «... вспоминается скромный работник Тарского архива А.А. Жиров, ушедший из жизни, ... который на основе детального изучения жизни и деятельности тарских купцов написал ряд замечательных статей, перешел на более широкие горизонты их изучения и обобщения, стал одним из заметных специалистов в этой области» [1, с. 26]. Научные интересы Александра Александровича были посвящены истории и генеологии купечества, истории родного города – Таре, краеведению.

В 1994–1995 гг. Жиров А.А. познакомился и в дальнейшем вел активное сотрудничество с известными сибирскими учеными П.П. Вибе, А.П. Толочко, А.В. Ремневым, В.П. Зиновьевым, О.Н. Разумовым, Д.Я. Резуном, Л.М. Горюшкиным, В.А. Скубневским, Ю.М. Gonчаровым и др., которые оказали влияние на научные взгляды историка. В 1998 г. он окончил аспирантуру при кафедре отечественной истории ОмГПУ, а в 2000 г. в Барнауле защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пропривинциальное купечество Сибири (на материалах тарского купечества второй половины XVIII – начала XX вв.)» под руководством доктора исторических наук, профессора В.Н. Худякова [2].

Диссертация стала комплексной работой, в которой удалось проанализировать и дать оценку отдельным наиболее значимым источникам в изучении истории провинциального купечества Сибири. Многие поло-

жения своей диссертации А.А. Жиров подтвердил данными, полученными из фондов архивов и музеев сибирских городов. Биография купца М.Ф. Немчинова, две редакции завещания Я.А. Немчинова, воспоминания внучки купца А.И. Егорьевой, приказчика А.А. Новокшонова и некоторые др. источники личного происхождения были введены в научный оборот автором впервые [3, с. 22].

А.А. Жиров писал о себе, – «Я никогда не относил себя к чисто ”кабинетным” исследователям и всегда, изучая документы, параллельно старался вести работу в ”полевых” условиях. Это позволяло накапливать эмоциональные впечатления, ощущать дух времени» [4, с. 15].

Ведя научные поиски в течение 18 лет, ученый многократно посещал архивы Тобольска, Тюмени, Омска, Красноярска, Екатеринбурга, Иркутска, Улан-Уде, Читы, дважды побывал в Кяхте. Он описывал свои научные командировки, – «Я желал на практике проверить ощущения тех, кто преодолевал огромные расстояния в поездах на Никольскую ярмарку в Ишиме и крупнейшую ярмарку в Ирбите» и «Уже в первый свой приезд в Кяхту я дважды прошелся путем, который когда-то ежедневно преодолевал Николай Лукич Молчанов, один из наиболее заметных и одиозных фигур периода расцвета и затухания Кяхты» [4, с. 15–16]. После таких поездок историк делал наброски статей, но, к сожалению, не все успел опубликовать.

Следует отметить, что эти историко-этнографические экспедиции позволили А.А. Жирову соприкоснуться с реальной жизнью людей, их оценками исторического процесса. А это дало историку колоссальный жизненный и исследовательский опыт, умение рассматривать факты многомерно. Следует отметить, что как исследователя А.А. Жирова отличает бережный подход к источникам, их глубокий анализ, оригинальная интерпретация и подача материала. Уже в первых работах ярко проявились характерные для исследовательского стиля Жирова такие черты, как обстоятельность, художественность, филигранность, придающие особую убедительность выводам. Его статьи могут заинтересовать как профессиональных историков, так и простых читателей, интересующихся историей сибирского предпринимательства.

Методологической основой работ ученого стали принципы историзма и комплексного (системного) подхода. При этом он не отказался от реального марксизма, изучающего историю индустриального общества. А.А. Жиров рассматривал все явления и события изучаемого периода конкретно, с позиций всестороннего анализа той эпохи, в которой они происходили. Взаимоотношения в купеческом сообществе Тары и других провинциальных городов им исследовались в исторической динамике, с выделением основных этапов, периодов и тенденций развития.

Первые публикации А.А. Жирова по истории тарского купечества появились в 1994 г., подготовленные к 400-летию г. Тары. Нельзя не отметить участие А.А. Жирова в подготовке и издании книги «Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.)» [5]. Как писали многие историки, что до 1994 г. не было ни одной работы, которая бы так полно освещала все периоды истории г. Тары.

Изучение малых городов Сибири в историографии актуально, так как они играют особую роль в экономической и общественной жизни. И в этом плане нельзя переоценить вклад А.А. Жирова в исследовании провинциальных городов Тары, Кяхты, поселков [6].

Самостоятельными темами исследования А.А. Жирова стали биографии купцов и меценатов Немчиновых [7], непростая судьба купца-библиофила Г.В. Юдина [8], купцов Щербаковых [9], купца и коммерции советника И.Ф. Нерпина и других «предприимчивых людей». Несколько статей посвящены «мастеровым людям» г. Тары. Например, братьям Андрею и Якову Полуниным, производившим кирпич [10], шляпникам Медовщиковым и др. Наиболее объемными из них стали «Мастера шляпного дела» [11] – о первой шляпной фабрике в Сибири тарского купца Медовщикова, «Бумага Алексея Щербакова» [12] – о единственной в Сибири конца XIX в. Писчебумажной фабрике в с. Заводоуспенском под Тюменью, созданной купцом Алексеем Щербаковым со своими компаниями и др.

Одной из тем для исследований стало изучение генеалогии русского купечества г. Тары XVIII – начала XX в. [13]. А.А. Жиров рассматривал генеологическую память как часть общенациональной российской культуры [14].

А.А. Жиров обратился в своих исследованиях к первоисточнику – воспоминаниям речника С.К. Матвеева, тем самым сделал попытку открыть новые имена и преодолеть обезличенность отечественной истории, а также становление и развитие судоходства и пароходства в Обь-Иртышском бассейне [15].

Серию статей историк написал о чаепривозе. Публикации затрагивали проблему кяхтинского чая, давались характеристики купцов и других участников чаепривоза [16]. Например, о торговле чаем и предпринимателях, заработавших свои капиталы на ней, посвящена большая статья «Чайный путь и сибирское купечество» [17].

Следует отметить, что хоть и немного, но А.А. Жировым затрагивается тема о судьбах предпринимателей и их потомков после событий 1917 г. (Новицких, Терентьевых, Кориковых, Немчиновых и др.). К сожалению, в отечественной историографии данная тематика практически

не исследована. И поэтому тем важнее представляются сведения, опубликованные автором в своих работах.

Историк принял активное участие в подготовке «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» [18], «Тобольского биографического словаря» [19], для которых написал несколько статей.

Несмотря на большое количество публикаций, а А.А. Жиров является автором более 250 статей, не вышло ни одной монографии или другого авторского издания. Поэтому книга, изданная в 2008 г. «Если бы стены могли говорить...» и посвященная памяти А.А. Жирова, имеет важное значение для изучения научного творчества ученого. В книгу вошли его научно-популярные работы с 1989 по 2006 г. [4].

Для научных исследований ученого характерны не только анализ фактического материала и многочисленных архивных источников, но и широкие теоретические обобщения. Его научные труды разнообразны по хронологии, теоретическим подходам, используемым источникам.

В 2002 г. А.А. Жиров стал одним из организаторов научно-практической конференции «Вагановские чтения», которая и сегодня играет важную роль в изучении истории Сибири.

А.А. Жиров популяризовал краеведческие знания и считал изучение местной истории самым важным делом, поэтому в его исследовательской деятельности на первом месте всегда была Тара. Им были сделаны пояснительные записки о владельцах купеческих домов, а опубликованные статьи и очерки используются для проведения экскурсий по г. Таре. Обнаруженные им архивные материалы краеведческие музеи Тары, Кяхты, п. Большеречья, п. Муромцево Омской области используют для создания экспозиций. Благодаря А.А. Жирову в Таре стали известны научно-обоснованные сведения о жизни и деятельности известных и малоизвестных предпринимателей. В 1991–1994 гг. он стал дипломантом Всероссийского конкурса работ в области архивоведения, документоведения и археографии, а в 2008 г. постановлением главы Администрации Тарского района Омской области центру краеведения «Наследие»tarский ученый был посмертно занесён в Книгу почёта Тарского района.

Таким образом, А.А. Жиров как представитель новейшей сибирской историографии расширил и углубил проблематику исследований. Исследовательская деятельность Александра Александровича Жирова – это яркая страница в новейшей отечественной историографии, а его труды значительно подняли как научный, так и научно-популярный интерес к истории сибирского предпринимательства.

Пожалуй, среди наиболее актуальных задач в исторической науке можно назвать дальнейшее изучение историографических сюжетов, теоре-

тико-методологических подходов современных исследований по истории предпринимательства Сибири в научных трудах сибирских историков.

Библиографический список

1. Бойко В.П. История изучения сибирского купечества на современном этапе // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы Всероссийской научной конференции. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2014. С. 21–26.
2. Жиров А.А. Провинциальное купечество Сибири (на материалах тарского купечества XVIII – начала XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. 320 с.
3. Жиров А.А. Провинциальное купечество Сибири (на материалах тарского купечества XVIII – начала XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 26 с.
4. Жиров А.А. Если бы стены могли говорить...: очерки и статьи. Омск: Полиграф, 2008. 284 с.
5. Жиров А.А. Тарские купцы XIX – начала XX в. // Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.). Омск: Ом. кн. изд-во, 1994. С. 124–142.
6. Жиров А.А. Тара как типичный для Сибири город // Социокультурные проблемы развития малых городов Западной Сибири: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Ишим: Изд-во ИГПИ, 2000. С. 46–47.
7. Жиров А.А. Благотворительность Немчиновых // Тарское Прииртышье и проблемы сохранения историко-культурного наследия малого исторического города России: материалы историко-краеведческой конференции. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2006. С. 54–58.
8. Жиров А.А. Возвращение Геннадия Юдина // Югра. Ханты-Мансийск. 2001. № 3. С. 68–73.
9. Жиров А.А. Писчебумажное производство в Сибири. Купеческие предприятия // Гуманистарное знание. Ежегодник ОмГПУ. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 344–369.
10. Жиров А.А. Кирпичники Полунины // Горожанин. Тара, 2006. 10 июля.
11. Жиров А.А. Мастера шляпного дела // Ленинский путь. Тара, 1994. № 89–91.
12. Жиров А.А. Бумага Алексея Щербакова // Тарское Прииртышье. Тара, 1994. 14, 17, 21, 24, 28 сентября; 1, 5, 8, 12, 15, 22 октября.
13. Жиров А.А. К вопросу об изучении генеалогии русского купечества г. Тары XVIII - начала XX в. // Русский вопрос: история и современность: материалы докладов Второй всероссийской научной конференции. Ч. I. Омск: б.и., 1994. С. 203–208.
14. Жиров А.А. Генеалогическая память как часть общенациональной культуры // Культура и интеллигенция России эпохи модернизаций (XVIII–XX вв.): материалы Всероссийской научной конференции. Т. 2. Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 56–58.
15. Жиров А.А. Записки речника Матвеева (К истории Обь-Иртышского пароходства) // Если бы стены могли говорить...: очерки и статьи / ред.-сост. С.А. Алферов. Омск: Полиграф, 2008. С. 240–264.
16. Жиров А.А. Чайный путь и Кяхта // Земля Иркутская. 2000. Вып. 12. С. 66–72.
17. Жиров А.А. Чайный путь и сибирское купечество // Югра. Ханты-Мансийск, 2001. № 6. С. 59–67, № 7. С. 72–82.
18. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4-х т. Кн. 1–10. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1994–1999. Т. 1: А–Е, Кн. 1. 171 с., Т. 1: А–Е, Кн. 2. 167 с., Т. 2: Ж–К, Кн. 1. 180 с., Т. 2: Ж–К, Кн. 2. 184 с., Т. 3: Л–М, Кн. 1. 184 с., Т. 3: Н–Р, Кн. 2. 138 с., Т. 3: Н–Р, Кн. 3. 122 с., Т. 4: С–Я, Кн. 1. 180 с., Т. 4: С–Я, Кн. 2. 129 с., Т. 4: С–Я, Кн. 3. 160 с.
19. Тобольский биографический словарь / сост. Сафонов В.Ю., Прибыльский Ю.П. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. 576 с.

И.Н. Никулина

*Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия)*

**ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА XIX в. НА АЛТАЕ
В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.**

В отечественной историографии имеется значительное количество работ, посвященных истории польской политической ссылки в Сибири, в том числе и на Алтае. Отдельные аспекты истории польской политической ссылки XIX в. на Алтае освещались в работах исследователей второй половины XX в. Н.М. Митиной, А.П. Бородавкина, Г.С. Сапаргалиева, В.А. Дьякова, О.С. Тальской, В.З. Галиева, Л.П. Рощевской. Исследования историков второй половины XX в. значительно дополнили имеющиеся сведения по вопросам численности, мест размещения, условий и подробностей проживания, деятельности польских политических ссылочных XIX в. на Алтае, создав тем самым основу для последующего изучения данной проблемы.

Ключевые слова: Алтай, польская политическая ссылка XIX в., исследования второй половины XX в.

В отечественной историографии имеется значительное количество работ, посвященных истории польской политической ссылки в Сибири, в том числе и на Алтае. Необходимо отметить, что под Алтаем в данный период подразумевается Алтайский (до 1834 г. – Колывано-Воскресенский) горный округ, включавший территорию современного Алтайского края, Республики Алтай, части Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей, восточной части Республики Казахстан. Отдельные аспекты истории польской политической ссылки XIX в. на Алтае освещались в работах российских и казахских исследователей второй половины XX в.

Столетию восстания польских ссылочных на Кругобайкальском тракте была посвящена монография Н.П. Митиной [1]. Изучая пребывание польских повстанцев 1863 г. в Сибири, она определила их численность, конкретные места отбытия наказания для каждой категории ссылочных и условия жизни. Не касаясь непосредственно поляков на Алтае, Н.П. Митина упоминала о Ю. Быстроновском (Быстшановском), отбывающем ссылку на Алтае и причастному к делу о пожарах в августе 1864 г. в Барнауле [1, с. 57]. Деятельность польских ссылочных в Казахстане рассматривалась Г.С. Сапаргалиевым и В.А. Дьяковым, указывались пункты сосредоточения поляков в Западной Сибири, в том числе в городах Алтайского горного округа, их численность в Бийске, Кузнецке и Усть-Каменогорске [2, с. 16, 17, 27]. Авторами отмечалась деятельность члена офицерской революционной организации в Польше В.А. Монастырского и последовавший затем его перевод в Барнаульский гарнизон [2, с. 191–193]. В рабо-

те приводились сведения о польских ссыльных 80-х гг. XIX в. А. Бяловеском, С. Гроссе, находившихся в Усть-Каменогорске, рассматривалась их деятельность в ссылке [2, с. 217, 218, 221, 222, 230].

Впервые попытка выявить ссыльных членов Общества военных друзей на Алтае была предпринята О.С. Тальской. В одной из своих статей, рассматривая пребывание членов тайного общества в Сибири, она отмечала находившихся на Алтае (в Усть-Каменогорске) К., Ф. Ордынских и И. Высоцкого [3].

Особую важность представляет монография А.П. Бородавкина, в которой был поднят вопрос о выяснении причин пожаров, связанных с пребыванием польских ссыльных на Алтае [4]. А.П. Бородавкин писал, что «для понимания причины пожаров следует отметить, что наиболее тяжелыми были условия освобождения мастеровых Барнаульского округа, которые не получили даже мизерного земельного надела и вышли на волю без средств существования. Поэтому недовольство реформой и ненависть к горному начальству среди них были особенно сильны» [4, с. 247]. Несомненно, это привело к усилению борьбы мастеровых, проявившейся в пожарах как форме протesta против реформы 1861 г. и проводивших ее в жизнь горных чиновников. Кроме того, подобные пожары вспыхнули в Павловске и Сузуне, где поляков вообще не находилось. Очевидно, причина пожаров заключалась не в действиях польских ссыльных, а в новом подъеме борьбы, вызванной грабительским характером реформы 1861 г.

Обобщающая работа по истории политической ссылки второй половины XIX в. в Казахстане была создана В.З. Галиевым, в которой автором рассматривалась жизнь и деятельность польского политического ссыльного С.С. Гросса [5, с. 131–132]. Сведения о ссыльном враче Ц.И. Тэраевиче, упоминание о враче Виторте содержатся в работах В.З. Галиева, посвященных медицинской деятельности ссыльных в Казахстане [6; 7, с. 37].

Значительный вклад в изучение политической ссылки Западной Сибири второй половины XIX в. внесла Л.П. Рощевская [8; 9]. Рассматривая пребывание участников восстания 1863–1864 гг. в западносибирской ссылке, автор стремится восполнить имеющиеся пробелы в данной теме, определяя численность сосланных из Царства Польского и западных губерний, их социально-сословную принадлежность, род занятий, места размещения, меры правительственные репрессий по отношению к ним. Л.П. Рощевская определила численность польских политических ссыльных в городах Западной Сибири, в том числе и Алтайского горного округа (Бийске, Кузнецке, Усть-Каменогорске), а также представила сведения о ссыльном Б.Ф. Калиновском находившемся в Бийске [8, с. 75, 80; 9, с. 43]. Вместе с тем, история польской политической ссылки на Алтай

не нашла отражения на страницах данных работ, поскольку, скорее всего, эта проблема не входила в число задач, достигаемых автором.

В целом, исследования историков второй половины XX в. значительно дополнили имеющиеся сведения по отдельным вопросам истории польской политической ссылки XIX в. на Алтае, создав тем самым основу для последующего изучения данной проблемы.

Библиографический список

1. Митина Н.М. Во глубине сибирских руд. М.: Наука, 1966. 143 с.
2. Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1971. 252 с.
3. Тальская О.С. Члены тайного общества военных друзей в Сибири // Советское славяноведение. 1971. № 4. С. 20–25.
4. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 284 с.
5. Галиев В.З. Ссыльные революционеры в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1978. 140 с.
6. Галиев В.З. Медики-революционеры в Казахстане // Советское здравоохранение. 1972. № 3. С. 70–71.
7. Галиев В.З. Медицинская деятельность ссыльных революционеров в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 160 с.
8. Рощевская Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень: Тюм. гос. ун-тет, 1976. 137 с.
9. Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л.: ЛГУ, 1983. 176 с.

СОХРАННОСТЬ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЯ

УДК 75(470)

К.В. Валькова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
НАРОДНИЧЕСКАЯ СЕРИЯ КАРТИН В.Е. МАКОВСКОГО*

Расцвет творчества В.Е. Маковского пришелся на эпоху высокого демократического подъема начала 1860-х гг., большое влияние на него оказала передовая русская литература и публицистика. Демократический подъем выразился во всплеске общественно-политического движения, где ключевую роль занимало народничество. В последней трети XIX в. русская живопись как никогда изобиловала великими талантами, большая часть из которых откликнулась в своих произведениях на тематику народничества. Авторами народнической серии картин были целая группа художников, среди которых и Маковский, посредством реализма заявивший о своей гражданской позиции, выразивший протест против окружающей действительности, создав серию картин, посвященных народничеству.

Ключевые слова: В.Е. Маковский, народничество, искусство, живопись.

В.Е. Маковский родился в 1846 г. в Москве в семье коллекционера русского искусства. Разработка революционной темы Маковским началась в середине 1870-х гг. В 1874 г. был написан эскиз «Ожидание (У острога)», а в следующем году и сама картина. Истоки написания мы находим в ситуации в стране, а именно в широком размахе арестов и судебных процессов над участниками «хождения в народ». В данном полотне нет изображения самого революционера, но вся обстановка показывает, что речь идет именно о нем, о представителе русской передовой интеллигенции, которая была наказана за свою революционную деятельность. Картиной Маковский выражает сочувствие пришедшим, давая понять, что для живописца заключенные являются жертвами социальных условий жизни [1, с. 87].

«Хождению в народ» предшествовали тайные кружки и сходки, состав которых включал, прежде всего, представителей молодого поколения. Параллельно с картиной «Ожидание у острога» Маковский делал попытку создания образов героев народнического движения. Трактовка эскиза «Вечеринка» характерна для своего времени. Интересно, что в качестве центральной фигуры Маковский представляет актуальный для того времени образ молодой женщины-курсистки. Именно к этому периоду относится

*Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

активное участие представительниц женского пола в общественной жизни, обсуждение вопросов, касающихся равноправия женщин, среди которых ключевое место занимал вопрос о правах на получение высшего образования. Еще в 1872 г. результатом долгого и упорного противостояния передовых кругов русского общества стало открытие первых в России Высших женских курсов профессора В.И. Герье в Москве. Именно ученицы этих курсов – курсистки активно включились в освободительное движение против царского правительства [2, с. 36].

Следующим шагом в разработке темы явился период революционной ситуации в России конца 1870-х гг. Главная цель картины этого периода «Осужденный» – показать осужденного как выходца из народа, крестьянина-бунтаря, который восстал против произвола ставленников царского правительства в деревне [3, с. 73]. Данная картина вызвала бурный общественный резонанс, однако Маковский не остановился на достигнутом и в 1880-е гг. продолжил разрабатывать в своем творчестве образ положительного героя-революционера. Именно это время совпало с эпохой зрелости художника.

В 1882 г. Маковский работает над двумя картинами «Оправданная» и «Узник», которые явились откликом на волну арестов неблагонадежных элементов по всей России, связанную с реакцией после 1 марта 1881 г. В «Оправданной» художник сосредотачивает внимание на морально-этической стороне дела, на анализе душевного состояния человека, невинно привлеченного к суду, много пережившего и в конечном итоге оправданного присяжными [1, с. 60]. Стоит отметить, что художник не дает в картине ясного представления о том, за что была судима молодая женщина, кто она, и что ее привело в тюрьму. Данный факт вызвал жаркие дискуссии современников, результатом чего стало написание карандашом второго варианта «Оправданной» в 1889 г. В новом замысле Маковский вводит образ студента рядом с осужденной [1, с. 62]. Эскиз не был перенесен на картину, что, по всей видимости, говорит, что данный вариант картины не устроил Маковского, так как в своих поздних вариантах художник вносил незначительные изменения деталей в первый вариант, которые при этом особо не влияли на существо картины. Более точно смысл передан во второй картине 1882 г. – «Узник». Политический заключенный – вот главный герой картины. В отличие от предыдущей картины Маковский отказывается от второстепенных персонажей и заостряет внимание именно на узнике, на его духовном облике [3, с. 49].

Через два года, в 1884 г. художник вновь затрагивает данную тему в наброске карандашом «Арест», где изображена молодая женщина, мужа которой арестовали жандармы. К этому же году относится картина «По этапу», на которой конвой ведет арестованных крестьян [4, с. 42].

Завершающим полотном данной серии стал возврат к созданию картины «Вечеринка», работа над которой была окончена в 1895 г. В ней находит отражения идейная борьба, в которую были включены широкие круги интеллигенции еще в годы общественного подъема. Суть «Вечеринки» напоминает «Сходку» Репина, только Маковский не стал так открыто отражать в названии смысл, а предпочел его завуалировать. Представители трех поколений русской интеллигенции собрались вместе для обсуждения важных вопросов. Особое значение Маковский придает девушке, которая активно вовлечена в дискуссию. В книге «Памятные встречи» А. Алтаев находит в образе девушки Софью Перовскую. Это связано с тем, что именно Перовская олицетворяла собой самоотверженного борца за общее дело спасения простого народа [5, с. 47]. Однако, скорее всего, Маковский создал собирательный образ передовой русской девушки-курсистки – своей современницы, смелой, решительной, готовой к самоотверженной борьбе. Большую роль в картине имеет студент, который стоит рядом с курсисткой, показывая тем самым, что студенты объединены общими идеалами, несмотря на спор. Таким образом, в этой картине Маковский, передал основные образы передовой учащейся молодежи предшествующего периода времени.

Что касается оценки революционной серии Маковского критиками, то она не была одинаковой. Первой картиной, которая вызвала широкое обсуждение в среде современников, стал «Осужденный» В.Е. Маковского. У многих возникал естественный вопрос: кого же Маковский вывел в образе осужденного? Большинство современников видели в нем преступника, но были и исключения, так А.А. Киселев, к примеру, высказывал мысль, что осужденный в картине Маковского отнюдь не является «закоренелым преступником», «неисправимым профессиональным негодяем», и что он «обыкновенный заблудившийся русский человек ... и для него еще возможно примирение с жизнью и людьми» [6, с. 30]. Н. Александров считал, что картина носила политический характер, и за это обрушился с критикой на Маковского. Это произведение, – писал он, – вне всякой идеи, это художественная запись, напоминающая фотографические рассказы Н. Успенского. То же самое мы должны сказать и о всех русских картинах, имевших характер общественный, политический [7, с. 94].

Картине «Осужденный» Стасов в целом давал положительную и высокую оценку, однако он не был удовлетворен трактовкой образа главного героя. Вот, что он писал: «Положим это трудная задача была – представить молодого человека. Переставшего быть крестьянином и наполовину ставшего жителем большого города, цивилизовавшегося в барской кухне, отведавшего хаоса страстей; но все же задача была богатая и благородная. Из нее почти ничего не вышло у Маковского. Его герой только что

угром и озирается как зверь на представших вдруг за дверью его глазам двух деревенских бедных старииков, от которых его отделяют теперь целые пропасти» [8, с. 18]. В статье «Двадцать пять лет русского искусства» Стасов пересмотрел оценку образа осужденного. Он говорит, что в картине перед нами человек «сильный, энергический, далеко шагнувший вперед, хотя бы и путем кривым». «Что ему теперь отец и мать! – воскликнул Стасов, – не то что теперь, в эту минуту, он уже давно прежде отрезан от них, от прежнего своего крестьянского быта и всех интересов делами, и мыслью, и чувством» [8, с. 460].

«Осужденный» не единственная картина художника, которая вызывала широкий общественный резонанс. Так, художник А.А. Киселев положительно высказывался об образе главной героине «Оправданной». «В лице оправданной, – писал он, – сквозь радостные слезы проглядывает истерическая искра, и она близка к тому, чтобы разрешиться страшным рыданием. ... Есть что–то нервное в положении ее бровей, в слишком поднятых веках ее глаз, переполненных еще не пролитыми слезами. Но прекраснее всего вылилась у художника эта счастливая мысль выразить в лице героини сочетание воскресающей радости и умирающего горя» [6, с. 29].

Картину «Оправданная» Стасов ставил ниже «Осужденного». Основное недовольство критика было вызвано тем, что в картине «теперь налицо было кроткое и милое чувство радости». Подобное мнение Стасова, который ценил, прежде всего, критическое начало в искусстве, можно назвать вполне закономерным. Он нашел в картине следы примирения с действительностью, заставляющие верить, что все в русском обществе обстоит благополучно, что правосудие и справедливость торжествуют. Скорее всего, именно оценка Стасова побудила Маковского вновь начать работать над темой «Оправданной», внеся существенные изменения в трактовку сюжета.

Маленькие картины Маковского, такие как «По этапу», «Арест нигилистов» и «Узник» высоко оценивали современники, особенно Крамской и Стасов. Критиков подкупало то, что полотна разносторонне по характеру и большинство из них отличает присущее художнику умение на двух фигурах сосредоточить суть рассказа, заключить повествование в сжатую форму. Также положительную оценку вызывала простота, с какой художник рассказывал о типичных явлениях повседневной жизни [1, с. 65].

Завершающая народническую серию картина «Вечеринка» вызвала отрицательную оценку В.В. Стасова. В статье о передвижной выставке он писал, что «Вечеринка» просто не удалась, потому что «сюжет был вне средств и характера Владимира Маковского». «Нельзя сказать, – продол-

жал Стасов, — чтобы эта была прямая карикатура на людей и проповедь молодежи 1860-х гг. Нет, карикатуры тут нет и есть даже некоторое истинное выражение в «проповедующей» молодой девушке. Но его еще мало, оно еще слишком слабо, а все окружающие личности — ровно ничего не стоят, и писана картина плохо — особенно огненное ее освещение. Лучше было бы, я думаю, Владимиру Маковскому этого всего вообще не трогать. Теперь уже не то время или, может быть, не то настроение у него, при котором создавался... его «Осужденный» [9, с. 87]. Нельзя не заметить, что Стасов, скорее всего, неверно трактовал содержание картины Маковского, который представил идеиные споры и кризис народничества, что было актуально для периода времени, когда было написано полотно, а не для 1860-х гг.

К «Вечеринке» реакционные критики отнеслись также весьма подозрительно. Одни видели в ней «сборище нигилистов» 60–70-х гг. XIX в., другие же, наоборот, связывали ее содержание с живой современностью. Так, журнал «Русский вестник» усмотрел в изображенной сцене не что иное, как «уголок российского затмения», а в действующих лицах — «кучку людей, отрицающих существующие порядки». Журнал пытался отмежевывать Маковского от героев его произведения, указывая, что художник представил их якобы в сатирическом плане. Особенно резко говорилось о девушке, выступающей с речью перед собравшимися, что «она имеет вид особы, пламенно декламирующей какое-нибудь трескучее и запретное социалистическое стихотворение» [5, с. 170–171]. Если отбросить озлобленный тон статьи, то можно согласиться, что на картине действительно изображены нигилисты.

Подводя итоги, можно говорить о том, что народническая серия картин Маковского — это форма протестных настроений против существующего строя. Сама жизнь давала идеи для создания этих картин, в которых были отражены основные этапы борьбы народников с правительством. Художнику не удалось создать единый образ народника, что во многом объяснялось эволюцией народничества, которую наблюдал Маковский. Картины вызывали бурную реакцию со стороны общества, что, безусловно, говорит об их злободневности.

Библиографический список

1. Журавлева Е.В. Владимир Егорович Маковский. 1846–1920. М.: Искусство, 1972. 159 с.
2. Моргунова-Рудницкая И.Д. Репин. Жизнь и творчество. М.: Искусство, 1965. 295 с.
3. Друженкова Г.А. Владимир Маковский. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1962. 135 с.
4. Горина Т. Владимир Егорович Маковский. М.: Искусство, 1961. 73 с.
5. Алтаев А. Памятные встречи. М.: Изд-во художественной литературы, 1957. 424 с.
6. Киселев А.А. Этюды по вопросам искусства // Артист. 1893. № 32. С. 30–33.

7. Александров Н. Талант Владимира Маковского // Художественный журнал. 1881. Т. 1. № 2. С. 94–96.
8. Стасов В.В. Избранные сочинения. М.: Искусство, 1952. Т. 2. 774 с.
9. Стасов В.В. Избранные сочинения. М.: Искусство, 1952. Т. 3. 678 с.

УДК 908

Д.С. Дегтярев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия).

ВЫЯВЛЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ИСТОРИИ БАРНАУЛА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

На территории Барнаула сохранилось несколько комплексов и отдельных строений, использовавшихся в производственных целях в конце XIX – начале XX в. В настоящий момент проблемой является не только сохранение давно выявленных и исследованных объектов, но, в немалой степени – обнаружение и изучение ранее неизвестных памятников. В результате двухлетней поисковой работы удалось установить, что в пределах Барнаула существует не менее 17 такого рода памятников, в том числе 7 выявлены и идентифицированы впервые. Также обнаружено еще 2 объекта, происхождение и функционал которых пока вызывает сомнения. В статье нашли отражение такие вопросы, как методика поиска и определения памятников промышленной истории, трудности, возникающие при их изучении и пути их преодоления. В ней также приведен список обнаруженных нами памятников производственной истории Барнаула конца XIX – начала XX в. и обозначены перспективы дальнейшей работы в этом направлении.

Ключевые слова: памятники истории, промышленность, Барнаул, заводские комплексы.

Социально-экономическое развитие Барнаула достаточно хорошо изучено [1; 2], то же самое можно сказать и об истории архитектуры нашего города [3; 4]. Тем не менее, остаются еще некоторые сюжеты, которые пока не нашли должного освещения в научной литературе. Например, до сих пор нет исчерпывающего списка зданий и сооружений на территории Барнаула, которые в конце XIX – начале XX в. использовались в производственных целях. Внимание исследователей в основном заострено на относительно крупных и известных промышленных комплексах той эпохи, которые признаны памятниками архитектуры [5]. В настоящее время большинство этих комплексов находится под угрозой уничтожения, что вызвало необходимость их более подробного изучения [6]. Однако география барнаульской промышленности досоветского периода вовсе не ограничивалась сереброплавильным, дрожжевым, кожевенным заводом, казенным винным складом и Главными железнодорожными мастерскими. В городе существовали десятки относительно крупных производств, размещавшиеся в сотнях зданий и сооружений. С осени 2015 г. я совместно с молодым коллегой Евгением Клепиковым занимаюсь изучением этого вопроса. В результате нам удалось составить список из 19 объектов (от-

дельных зданий и комплексов), существующих в Барнауле, которые мы условно назвали «памятниками промышленной истории». Под этим термином мы понимаем любое здание и сооружение, использовавшееся в процессе производства.

Чтобы составить этот реестр, необходимо было максимально полно выявить места расположения производств. Для этого мы подробно изучили сохранившиеся карты и планы города, накладывая их на современную топооснову. Кроме того, изучались и письменные источники – списки промышленных предприятий, заявления владельцев производств, постановления городской думы, материалы газеты «Жизнь Алтая». С их помощью удалось, во-первых, уточнить локализацию ряда объектов, во-вторых – идентифицировать некоторые из них. Большую роль сыграло изучение старых фотографий города. Важнейшей составляющей поиска стали многочисленные натурные обследования территории Барнаула, в ходе которых фиксировались все здания и сооружения, по внешнему виду напоминавшие дореволюционные постройки. В данной работе мы сделали акцент на каменных и полукаменных строениях, так как их можно точнее опознать как постройки досоветского времени. Впрочем, зачастую одних внешних признаков было недостаточно, окончательный ответ давало только сопоставление данных визуального осмотра со сведениями из письменных и графических источников. Бывали случаи, когда здание мы сначала «вычисляли» по карте, а затем находили на местности, но в сильно измененном виде.

Нельзя сказать, что данная работа проходила и проходит гладко. Основными проблемами, с которыми мы столкнулись, стали:

1. Сильно измененный внешний вид зданий, что затрудняет их идентификацию как дореволюционных. Достаточно сказать, что отделка здания сайдингом или сплошная штукатурка стен, скрывающая от глаз исследователя кирпичную кладку, делает визуальную идентификацию невозможной.

2. Плохая сохранность многих объектов, превращение их в руины, а также их быстрый снос. Так с 2015 г. снесено не менее 5 зданий, относящихся к памятникам промышленной истории.

3. Расположение абсолютного большинства таких объектов на частных охраняемых территориях, что затрудняет не только изучение, но даже доступ к ним. В настоящее время частные владельцы далеко не всегда идут навстречу научному сообществу, опасаясь каких-либо претензий со стороны надзорных органов в случае огласки результатов исследования.

4. Отсутствие информации о многих такого рода памятниках в научной или популярной краеведческой литературе, что вызвало необходимость поиска и изучения первоисточников.

Результатом работы стал перечень памятников промышленной истории конца XIX – начала XX в. на территории Барнаула. Ниже он представлен в виде таблицы. В ней **полужирным цветом** отмечены здания и комплексы, выявленные или идентифицированные впервые. *Курсивом* отмечены объекты, назначение которых пока точно не установлено.

Таблица 1. Перечень памятников промышленной истории Барнаула второй половины XIX – начала XX в., сохранившихся до настоящего времени

№	Название предприятия в начале XX в.	Время сооружения	Место нахождения; кол-во сохранившихся зданий и сооружений	Предприятия, размещавшиеся позднее или в настоящее время
1	Барнаульский сереброплавильный (позже – лесопильный) завод Кабинета ЕИВ	1780-е гг.– 1910-е гг.	Ул. Ползунова; 6 зданий, плотина и фрагмент ограды	Барнаульская спичечная фабрика: сейчас здания не используются
2	Городская электрическая станция	1914–1917 гг.; Восстановление в 1918–1923 гг.	Ул. Промышленная; 1 здание	Мелкие арендаторы
3	Пимокатная фабрика И.И. Полякова	Начало XX в.	Ул. Гоголя; 1 здание	Здание не используется
4	Пивоваренный завод Т/Д «Братья Ворсины»	Начало XX в.	Ул. Мамонтова; 1 здание	КамАЗ – Центр в Барнауле
5	Барнаульский дрожжевой завод	1914–1915 гг.	Ул. Мамонтова; 3 здания и заводская труба	Предприятие ликвидировано, здания пустуют ¹
6	Механический и чугунолитейный завод «Шпагат»	Около 1917 г.	Пер. Малый Прудской; 1 здание	Алтайский завод агрегатов
7	Шерсточесальный завод Т.П. Гончарова	1913 г.	Ул. Загородная; 1 здание	Барнаульская трикотажная фабрика
8	Пивоваренный завод И.П. Лукьянова	Начало XX в.	Пр-т Строителей; 1 здание	Мелкие арендаторы, часть здания разрушена
9	Маслобойный завод Т-ва «Рукавицын и Грохотов»²	1916–1917 гг.	Ул. Юрина; 4 здания	Комплекс находится в стадии сноса, из 4-х зданий полностью снесено 2

¹ В 2016 г. одно из четырех зданий и сооружений комплекса снесено.

² Возможно, первоначально в этих зданиях находилась паровая мельница Т-Д «А.Г. Морозов с сыновьями» [7].

10	Мясохладобойня Алтайской ж.д.	1916–1917 гг.	Ул. Матросова; 3 здания	Мелкие арендаторы
11	Локомотивное депо ст. Барнаул	1913–1915 гг.	Ул. Привокзальная; 3 здания и водонапорная башня	Локомотивное депо ст. Барнаул
12	Главные железнодорожные мастерские Алтайской ж.д.	1913–1917 гг.	Ул. Водопроводная; 7 кирпичных зданий, 2 деревянных склада и водонапорная башня.	Барнаульский вагоноремонтный завод
13	Механический и чугунолитейный завод Т/Д «Алейников и Аверин»¹	1915 г.	Ул. Цеховая; не менее 3-х зданий.	Барнаульская фабрика валяной обуви
14	Казенный монопольный винный склад № 2	1899–1902 гг.	Пр-т Комсомольский; 8 зданий	Барнаульский ликеро-водочный завод. Комплекс находится в стадии сноса ² .
15	Городская скотобойня	1914 г.	Ул. Фабричная; 1 здание	Барнаульская овчинно-меховая фабрика. Сейчас мелкие арендаторы
16	Кожевенный завод Алтайского Союза кооперативов (бывший – П.Д. Сухова)	1918–1919 гг.	Ул. Красноярская; не менее 2-х зданий	Комплекс представляет собой руины
17	Ремонтные мастерские Е.И. Мельниковой	Начало XX в.	Пос. Затон, ул. Лермонтова; не менее 2-х зданий	Барнаульский судоремонтный завод. Сейчас здания не используются
18	<i>Пимокатная фабрика А.И. Полякова</i>	<i>Не ранее 1885 г.</i>	<i>Пр-т Ленина; фрагменты стен</i>	<i>Сохранилась часть здания. Сейчас арендаторы</i>
19	<i>Кирпичный завод Алтайской ж.д.</i>	<i>1915 г.</i>	<i>Ул. Линейная.</i>	<i>Сохранилась нижняя часть заводской трубы</i>

Таким образом, в настоящий момент на территории Барнаула существует не менее 50 зданий и сооружений, являющихся памятниками промышленной истории конца XIX – начала XX в. Часть из них объединены в комплексы. Крупнейшим такого рода комплексом являются Главные

¹ Ошибочно считается, что завод сгорел в мае 1917 г. [8].

² К настоящему моменту полностью снесено 2 здания.

железнодорожные мастерские (БВРЗ), включающие 10 зданий и сооружений. Кстати, это одно из немногих мест, где дальнейшая судьба памятников не вызывает опасений, так как до сих пор успешно функционирует само предприятие. Во многих других случаях здания и сооружения либо уже разрушаются, либо неминуемо будут разрушены в ближайшее время. В частности, существует реальная угроза полной или частичной утраты таких комплексов, как Барнаульский сереброплавильный завод, казенный винный склад № 2, кожевенный завод Алтайского Союза кооперативов, дрожжевой завод Миролюбовского товарищества, маслобойный завод Рукавицына и Грохотова, а также отдельных памятников, таких как пивоваренный завод Лукьянова, городская электростанция, ремонтные мастерские Мельниковой. В результате позднейших перестроек и отделки современными материалами утратили свою идентичность здания пивоваренного завода Ворсиных, городской скотобойни, одно из зданий мясокомбината Алтайской железной дороги.

Сохранение и дальнейшее изучение памятников промышленной истории представляется нам важной научно-исследовательской задачей. Обнаружение новых объектов в будущем маловероятно. Гораздо важнее провести полноценные научные исследования истории создания и использования уже выявленных строений. Также значимой задачей представляется борьба за сохранение хотя бы уникальных памятников промышленной истории в том виде, в котором они могли бы точно представить свою эпоху.

Библиографический список

1. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: Азбука, 2007. 292 с.
2. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. 241 с.
3. Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотеева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. 160 с.
4. Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII–XX вв. Барнаул: АРТ, 2006. 300 с.
5. Башунов В.М., Шамина Л.М. Школа Диониса. Барнаул: АРТ-ОТЕЛЬ, 1999. 160 с.
6. Красная книга объектов культурного наследия Алтайского края, находящихся под угрозой исчезновения. Памятники промышленной архитектуры Алтая конца XIX – начала XX в. [Электронный ресурс] URL. Режим доступа: <http://library.altspu.ru/redbook/monuments/2/>. (Дата обращения: 02.10.2017).
7. Жизнь Алтая. 1915. 16 октября.
8. Барнаул: энциклопедия. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000.

Е.В. Почеревин

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Бийск, Россия)*

СТРОИТЕЛЬСТВО И СОДЕРЖАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ СЕЛЬСКИХ ЛЕЧЕБНИЦ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ ХХ в.

В рамках функционирования местного хозяйства значительное место занимала организация сельской врачебной сети. На строительство и содержание помещений для лечебниц затрачивались существенные ресурсы. Однако ряд факторов препятствовали повышению обеспеченность больниц собственными помещениями и поддержание их в надлежащем состоянии. Среди них трудности поиска подходящих зданий для покупки и переоборудования их под больничные нужды, значительные финансовые затраты на строительство, ограниченность земского бюджета. Кроме того, следует отметить дефицит кадров для составления сметной документации и осуществления технического контроля строительных работ, проблемы с наймом подрядчиков.

Ключевые слова: сельские лечебницы, местное хозяйство, Алтайский округ.

Развитие народного здравоохранения в Сибири освещалось в ряде обобщающих трудов и научных статей. В частности, следует отметить работы по истории здравоохранения Томской области и Алтая [1; 2]. Исследуемый исторический период был изучен А.И. Татарниковой [3; 4; 5] и Е.А. Панишевым [6], в основном на материале Тобольской губернии. Однако вопросу строительства и содержания помещений сельских лечебниц внимания не уделялось. Данная статья призвана восполнить этот пробел. Работа посвящена исследованию проблем, с которыми сталкивались органы местного управления при создании и содержании зданий сельских лечебниц.

Начало сети сельских врачебных заведений в Томской губернии было положено 10 мая 1888 г. [7, № 5189]. Закон вводил медицинские штаты, предусматривающие восемь участковых врачей, 50 фельдшеров и 30 повивальных бабок. При этом предполагалось создание 24 приемных покоев, при каждом враче и некоторых фельдшерах. В 1895 г. по ходатайству местной администрации восемь приемных покоев были заменены лечебницами с десятью кроватями в каждой [8, с. 43–44]. Однако настоящий размах сельская врачебная сеть получила по закону от 8 июня 1898 г. [9, № 15612]. В губернии учреждался 41 врачебный участок, в состав каждого входил врач, два фельдшера и фельшерица-акушерка. В 1900 г. Министерство Императорского двора изъявило согласие открыть и содержать до окончания землеустройства в Алтайском округе пять врачебных пунктов с лечебницами [10, № 18864]. В 1905 г. губернской властью было возбуждено ходатайство об увеличении количества участков [8, с. 43–44]. Просьба была удовлетворена в 1910 г., законодательно вводилось шесть

новых врачебных пунктов [11, с. 163–164]. По закону от 1 июля 1912 г. было образовано ещё двадцать участков [12, с. 172–173]. К 1913 г. в губернии насчитывалось 86 сельских и переселенческих врачебных участков [13, с. 178–189].

Для нормального функционирования врачебные участки должны были иметь соответствующие помещения для лечебниц. Одним из способов приобретения собственного помещения для нужд лечебницы была покупка готовой постройки. Эта процедура была сопряжена с рядом трудностей. Найти подходящее здание в сельской местности было непросто, поэтому не всегда приобретались постройки надлежащего вида и планировки. Как правило, кроме существенных затрат на покупку помещений, следовали расходы на «приспособление» их к нуждам лечебницы. В ряде случаев можно наблюдать некомпетентность чиновников уездного и губернского уровня в оценке состояния построек, что приводило к покупке не-пригодного помещения, которое быстро приходило в негодность. Так, здание для Улалинской сельской лечебницы было приобретено в октябре 1903 г. за 3000 руб. В октябре 1908 г. в губернское управление поступил рапорт участкового врача о необходимости скорейшего ремонта. В сентябре 1910 г. управление приняло решение об отпуске 500 руб. и предложило строительному отделению составить смету на капитальный ремонт помещения. В январе 1911 г. в проект земской сметы на 1912–1914 гг. была внесена сумма 6957 руб. на капитальный ремонт данной лечебницы [14, л. 146 об.]. Для Онгудайской больницы в 1904 г. было приобретено здание за 2500 руб. В 1906 г. и 1910 г. потребовалось затратить на его ремонт 750 руб. Тем не менее, ввиду «тесноты и неудобства» помещения был поднят вопрос о покупке здания бывшей Онгудайской таможни [14, л. 147]. Для Сорокинской лечебницы в 1902 г. приобретено здание за 5595 руб. В 1904 г. строительным отделением было исчислено на ремонт 5189 руб. [14, л. 147 об.]. В 1910 г. ремонт еще не был окончен, больница размещалась в арендованном помещении [15, л. 173–174].

Строительство собственных помещений признавалось губернским начальством наилучшим вариантом для размещения больниц. Практически сразу после утверждения новых «сельско-врачебных штатов» томский губернский архитектор С.В. Хомич составил смету строительства типовой лечебницы. На сооружение одной лечебницы требовалось затратить 13253,2 руб., на все тридцать три – 437353,6 руб. [16, л. 5–5 об.]. В трехлетие 1909–1911 гг. из земского бюджета губернии на приобретение готовых помещений и ремонт существующих выделялось по 30 000 руб. ежегодно, столько же на строительные работы [17, л. 638, 78]. Средства, затрачиваемые на строительство и поддержание в надлежащем состоянии помещений для лечебниц, составляли существенную часть земских расходов.

Запланированные губернским управлением мероприятия по сооружению больничных зданий не всегда утверждались столичными ведомствами. Так, проектом земской сметы на трехлетие 1909–1911 гг. было запланировано сооружение зданий Бобровской (Красноярской) и Белоглавозовской лечебниц Змеиногорского уезда на 11556 руб. и 18557 руб. соответственно. Но кредит не был одобрен и данные суммы были внесены в проект сметы на следующее трехлетие [14, л. 122–123]. Сооружение собственных зданий для больниц зачастую осложнялось массой проблем организационного характера. Как правило, значительное время уходило на составление технических смет губернским строительным управлением. Уездные распорядительные комитеты сталкивались с невозможностью сдать с торгов подряд на строительство или ремонт построек. Из-за этого откладывалось начало работ, иной раз на довольно существенные сроки. Так, в 1904 г. был поднят вопрос о необходимости построить сельскую лечебницу в с. Курино Змеиногорского уезда. Однако губернское управление только в январе 1911 г. постановило внести в проект земской сметы на 1912–1914 гг. строительство данной лечебницы [14, л. 123]. Известно, что в 1912 г. лечебница ещё не была построена [17, л. 102]. В 1902 г. рассматривался вопрос о постройке Нижне-Чарышской лечебницы, смета была составлена только в 1905 г., но торги в этом году не состоялись. В 1909 г. торги также не состоялись, поскольку не оказалось желающих строить здание за предложенные 18080 руб. В августе 1910 г. строительное отделение пересмотрело смету, повысив цену до 22964 руб. [14, л. 122]. В сентябре 1911 г. постройка была начата [17, л. 24].

Ремонт зданий также был сопряжен со сложностями организационного характера. В ноябре 1897 г. здание Шемонаевской сельской лечебницы было осмотрено губернским архитектором, было принято решение о необходимости его ремонта. В марте 1901 г. в рапорте врача указывалось на бездеятельность уездного распорядительного комитета. В июне 1902 г. больных перевели в д. Зоркальцево, где для больницы снималось помещение за 300 руб. в год. Строительным отделением была исчислена смета на ремонт в сумме 7708 руб., которая и была внесена в проект земской сметы на трехлетие 1903–1905 гг. После утверждения сметы и проведения торгов, в апреле 1904 г. подряд был сдан за 7500 руб. В 1905 г. работы приняты строительным отделением, но в августе 1907 г. уездный распорядительный комитет составил акт о невыполненных работах на 775 руб. В декабре 1907 г. строительному отделению было поручено осмотреть ремонтируемое здание. В июне 1908 г. в проект земской сметы на трехлетие 1909–1911 гг. внесено 2000 руб. на продолжение ремонта. После более тщательных подсчетов, выяснилось, что требуется 4406 руб. Однако и за

этую цену не нашлось желающих исполнить данные работы. В итоге, в сентябре 1910 г. подряд был сдан за 4845 руб. [14, л. 146].

Задержки в организации и проведении работ попадали в поле зрения даже самых высокопоставленных лиц Российской империи. Так, в 1910 г. П.А. Столыпин, совершая поездку по Сибири, отметил «исключительную медлительность в ремонте» Крутыхинской больницы Барнаульского уезда [18, л. 1]. Это инициировало письмо министра томскому губернатору Е.Е. Извекову, в котором требовалось обратить внимание на «строительные нужды сельско-врачебной части» в губернии. В ответном послании чиновник указал на главную причину «медлительности лиц и учреждений» – перегруженность работой отделений губернского управления и местных крестьянских начальников. В совокупности с бездорожьем, огромностью территории и большим количеством населения, это приводило к невозможности должного осуществления контрольных функций с их стороны [18, л. 15–15 об.].

В связи с вышеуказанными трудностями, а также вследствие крайней ограниченности земского бюджета, подавляющее большинство сельских больниц размещались в арендованных помещениях. В 1911 г. в губернии насчитывалось 52 сельских лечебниц, однако только 18 из них располагались в собственных зданиях [19, л. 12–13]. В 1914 г. из 72 больниц собственными помещениями располагали 22 лечебницы.

Таким образом, обеспеченность сельских лечебниц собственными помещениями находилась на низком уровне. В начале XX в. это состояние характерно как для Томской губернии в целом, так и для Алтайского округа в частности.

Библиографический список

1. Бова П.А., Олейниченко В.Ф. Очерки по истории здравоохранения Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. 146 с.
2. Сыщенко А.Г., Сыщенко В.А., Миллер Г.А. Очерки истории здравоохранения Алтая. Барнаул: ARTIKA, 2011. 561 с.
3. Татарникова А.И. Сельское здравоохранение и сеть медицинских учреждений в Западной Сибири под воздействием модернизационных процессов (конец XIX – первая четверть XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 137–140
4. Татарникова А.И. Медицинская сеть и санитарная обстановка в сельских поселениях западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Тобольск научный – 2011: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск: Полиграфист, 2011. С. 232–234.
5. Татарникова А.И. Сельское здравоохранение в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX в. // Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Вып. 4: Исторические науки: сборник научных трудов. Тобольск: ТКНС УрО РАН, 2014. С. 174–183.

6. Панишев Е.А. Медицинское обслуживание и охрана здоровья населения Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 161–164.
7. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. III. Т. VIII. 1888. СПб., 1890.
8. Памятная книжка Томской губернии на 1908 г. Томск: Том. губ. типография, 1908. 210 с.
9. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XVIII. Отд. 1. 1898. СПб., 1901.
10. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XX. Отд. 1. 1900. СПб., 1902.
11. Памятная книжка Томской губернии на 1911 г. Томск: Типография губ. управления, 1911. 240 с.
12. Памятная книжка Томской губернии на 1912 г. Томск: Том. губ. типография, 1912. 199 с.
13. Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск: Том. губ. типография, 1912. 199 с.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 573. Оп. 2. Д. 4034.
15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 23. Д. 43.
16. ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 666.
17. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1623.
18. РГИА. Ф. 1288. Оп. 13. 1-е делопроизводство. 1910 г. Д. 62.
19. РГИА. Ф. 1288. Оп. 13. 1-е делопроизводство. 1911 г. Д. 29.

УДК 94(571.150).083

К.А. Тишкина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМ ОТ ПОЖАРА В 1917 Г. БАРНАУЛЬЦАМ

Пожар в Барнауле, прошедший 2 мая 1917 г., поразил общественность своим разрушительным масштабом. Жители многих городов страны оказывали поддержку пострадавшим барнаульцам. В Барнауле действовал Комитет помощи погорельцам.

Ключевые слова: Барнаул, пожар, благотворительность, Комитет помощи погорельцам.

Крупный пожар в Барнауле случился 2 мая 1917 г. В огне пострадало значительное количество жилых и административных построек, было уничтожено 60 кварталов. Без крова осталось около 20000 барнаульцев. Общий убыток составил около 30 млн. руб. [1, с. 226].

Информация о разрушительной силе пожара в Барнауле вскоре начала появляться в сибирской периодической печати. В бийской газете «Алтай» от 5 мая 1917 г. были приведены свидетельства очевидца: «Сгорела лучшая часть города, в огне погибло все, что могло гореть и портиться огнем, масса человеческих жертв: на одной только Сузунской улице утром подобрано было двадцать восемь трупов мужчин, женщин и детей. Многие погибли в реке». По городам Сибири начали распространяться слухи о пожарах и поджогах. Исполнительный комитет городского народного собрания Совета рабочих и военных депутатов Новониколаевска опубликовал обращение к гражданам уезда, в котором говорилось, что

«а) лица, распространяющие лживые слухи с целью вызвать среди населения панику и б) виноватые в непринятии мер в предупреждении пожаров, а равно и те, кто не примет мер по указанию народных властей к тушению возникших пожаров» будут преданы народному суду [2, с. 1].

Администрация сибирских городов и общественность незамедлительно отреагировали на ситуацию в Барнауле. Жители Бийска одними из первых пришли на помощь. В Барнаул с поездом были направлены две пожарные машины и бочки с водой. Однако, из-за смены локомотива на станции Алтайской, поезд пришел только 3 мая, когда город догорал. Из Томска в Барнаул был направлен санитарный отряд в составе 68 человек.

Бийский Исполнительный комитет взял на себя организацию помощи погорельцам. В городе была создана специальная Комиссия во главе с Н.Л. Круликовским, которой поручалась производить мероприятия по изъятию у торговцев необходимых для пострадавших барнаульцев вещей. Сотрудники Комитета принимали добровольные пожертвования граждан в помещении Народного дома. По поручению Бийского Исполнительного комитета члены Бийского учительского союза организовали 4 мая 1917 г. благотворительный сбор денег, вещей и продуктов питания. Вскоре по железной дороге в Барнаул был направлен первый транспорт в составе вагона муки, 1000 палаток, 2 ящиков различных предметов одежды и т.д. Второй транспорт состоял из 3 мешков с одеждой, кульков с сухарями, 10 бочек с мясом, 400 пудов печёного хлеба и т.д. Оставшиеся вещи решено было направить пострадавшим от пожара в Усть-Чарышской Пристани [3, с. 4].

В Омске при городской думе была создана Комиссия по организации помощи погорельцам Барнаул, в которую поступали средства от проведения благотворительных акций и пожертвований различных учреждений. В Новониколаевске прием пожертвований осуществлялся в помещении городской управы Исполнительный комитет городского народного собрания Совета рабочих и военных депутатов. При нем действовала специальная комиссия. К 4 мая 1917 г. сумма собранных средств составила 2623 руб. 31 коп. Кроме этого поступили 28 пар обуви, 112 детских костюмов, 42 женского платья, 10 мешков с сухарями, пуд соленого мяса, 21 пуд 35 фунтов пшеничной муки, различная посуда и т.д. [4, с. 4].

Для скорейшей транспортировки вещей и продуктов питания, сотрудники Железнодорожного Комитета общественного порядка и безопасности Новониколаевска стали производить прием пожертвований в вагоне питательного пункта на станции Новониколаевск, а затем передавали их на пассажирских поездах в Барнаул.

Благотворительные сборы прошли во многих городах Сибири. Так, в Новониколаевске местный военно-промышленный комитет организовал 5 и 6 мая 1917 г. кружечный сбор. На 7 мая 1917 г. был назначен прием вещей, продуктов питания и одежды для пострадавших при пожаре. При приходском совете Никольской церкви Томска был организован комитет по сбору пожертвований в пользу погорельцев. За короткое время среди прихожан было собрано 200 руб., которые уже 4 мая 1917 г. были направлены председателю Барнаульского комитета общественного порядка А.М. Окорокову.

В Томске по инициативе Совета солдатских, рабочих и офицерских депутатов была создана Военная комиссия по оказанию помощи гражданам Барнаула, ее сотрудники ежедневно в Доме Свободы принимала деньги, продукты, одежду, предметы первой необходимости и т.д. Одно из значительных пожертвований поступило от офицеров 32 пехотного полка, перечисливших свое ежедневное жалование (более 1500 руб.). Партийная организация «Бунд» 15 мая 1917 г. устроила благотворительный концерт-митинг, который привлек большое количество публики. Входные билеты стоили от 60 коп. до 4 руб. 50 коп., 10 % от вырученных средств были направлены в пользу погорельцев Барнаула [5, с. 1].

Устройством сборов добровольных пожертвований занимались и члены благотворительных организаций. Так, в Красноярске 25 мая 1917 г. Дамский комитет местного отделения Всероссийского союза городов провел кружечный сбор. В рамках мероприятия прошли просмотры фильма «Пытка молчания» в кинотеатре «Арс» [6, с. 1].

К приему пожертвований для погорельцев Барнаула подключилась редакция газеты «Сибирская жизнь». К 19 мая 1917 г. сюда поступило 6667 руб. 65 коп. В начале лета 1917 г. в Томске общество любителей художеств в помещении музыкального училища устроило выставку картин, прибыль с которой составила 101 руб. 95 коп. Вырученные средства были переданы редактору газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианову. Объявила о сборе средств для пострадавших барнаульцев и красноярская газета «Свободная Сибирь». Купец П.И. Гадалов одним из первых внес пожертвование в 300 руб. Денежные переводы поступали на адрес редакции барнаульской газеты «Жизнь Алтая» также принимала денежные переводы. Средства поступали и из действующей армии. От комитета команды связи 44 Сибирского стрелкового полка было переведено 167 руб. 10 коп. [7, л. 14].

Отдельным видом помощи стала поддержка барнаульцев по профессиональному принципу. В Красноярске 17 июня 1917 г. по инициативе профессионального союза торгово-промышленных и городских служащих в пользу обездоленных служащих Барнаула прошло большое гуляние

в городском саду с показом театральных представлений, устройством лотереи и т.д. Цена входного билета составила 35 коп., солдаты и учащиеся платили по 20 коп.

Финансовая помощь оказывали жители других регионов страны. Так, например, Одесский комитет помощи пострадавшему от пожаров населению Сибири перевел 4000 руб. [8, с. 4].

По решению Временного правительства России на восстановление города Министерством внутренних дел было ассигновано 200 000 руб. В Министерстве земледелия обсуждался вопрос об обеспечении домовладельцев Барнаула лесным материалом из запасов хозяйственных заготовок Управления Алтайского округа. До 1 сентября 1917 г. Министерством путей сообщения был разрешен бесплатный проезд по железной дороге для пострадавших барнаульцев [9, с. 4].

Жители Барнаула принимали активное участие в организации помощи погорельцам. Так, члены оркестра Барнаульского добровольного пожарного общества предприняли поездку в Бийск для проведения благотворительных концертов. Местная типография безвозмездно напечатала билеты и программы. Концерты прошли на пароходах, в городском саду и Народном доме. Цена входного билета в Народный дом составляла от 30 коп. до 2 руб. 50 коп. Всего Барнаульскому добровольному пожарному обществу удалось собрать 586 руб. 30 коп. [10, с. 2].

По инициативе Городского народного собрания был сформирован Комитет помощи погорельцам в составе представителей пострадавших, членов Народного собрания Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем организации стал Г.Н. Малетин [11, с. 33]. Комитет помощи погорельцам занимался приемом заявлений от пострадавших, сбором пожертвований, предоставлением временного жилья, распределением поступавших денег, вещей, продуктов и т.д. При Комитете помощи погорельцам также действовали склад для хранения вещей и продуктов, прачечная, питательные пункты, столовая. Работала швейная мастерская, в которой за период с 7 мая по 20 июня 1917 г. было изготовлено 3083 вещи [12, л. 2].

В июне 1917 г. прошло общее собрание погорельцев Барнаула, на котором были приняты решения о закрытии питательных пунктов (их действовало 9) и распределении денег лишь среди бедных пострадавших. Поступавшие пожертвования продуктами постановили продавать, а все вырученные средства распределять между наиболее нуждающимися погорельцами.

Масштаб бедствия и трудности, возникавшие при распределении продуктов и вещей, требовали повышенного внимания со стороны сотрудников Комитета помощи погорельцам. Пострадавшие выражали недоволь-

ство по поводу их работы. Так, в сентябре 1917 г. на собрании при обсуждении вопроса о выдаче вещей, некто В.А. Шишкин заявил, что «товары получались много раз, но члены Комитета все товары украдли». Оскорбленные сотрудники организации потребовали привлечения В.А. Шишкина к ответственности за клевету [13, л. 10].

В конце лета 1917 г. Комитет помощи погорельцам принял решение о передаче столовой, располагавшейся в помещении Алтайского союза кооператоров, в ведение Барнаульского городского самоуправления. Это было связано с тем, что поток обслуживаемых погорельцев снизился, но невысокие цены столовой привлекали горожан (до 120 человек в день). Комитет желал сохранить данное учреждение для барнаульцев. В октябре 1917 г. на собрании погорельцев было принято решение о распределении вещей путем лотереи. В случае отказа от вещи, погорелец-участник лотереи получал деньги в соответствии с ее стоимостью.

В начале 1918 г. приступила к работе Ликвидационная комиссия Комитета помощи погорельцам. Было принято решение о продаже оставшихся вещей с аукционных торгов или устройство лотерей. Одна из лотерей прошла 7 июля 1918 г. в сквере на Демидовской площади. Было подготовлено 1800 выигрышных билетов. Стоимость билета составляла 1 руб. Среди разыгрываемых вещей были рубашки, валенки, сапоги, полотенца, швейные машинки, одеяла и т.д. [14, л. 5]. Всего было выручено около 22 000 руб.

Пожар в Барнауле привлек внимание общественности своим разрушительным масштабом. Информация о случившемся быстро распространялась по сибирским городам, что позволило в скором времени организовать сборы продуктов, одежды, вещей. Работа Комитета помощи погорельцам была направлена на улучшение положения пострадавших барнаульцев. Из-за политических изменений в стране процесс восстановления Барнаула от последствия пожара растянулся на долгие годы и был завершен только в советское время.

Библиографический список

- Гришаев В.Ф. Пожар // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. С. 226–227.
- Ново-Николаевск. Городское Народное Собрание. К населению // Голос Сибири. 1917. № 95. С. 1.
- Помощь погорельцам // Алтай. 1917. № 97. С. 4.
- В пользу погорельцев г. Барнаула // Голос Сибири. 1917. № 96. С. 4.
- В понедельник, 15 мая в Общественном Собрании // Гражданин Офицер. 1917. № 7. С. 1.
- Призыв с пепелища Барнаула // Свободная Сибирь. 1917. № 39. С. 1.
- Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 51. Оп. 2. Д. 400.
- На помощь погорельцам // Жизнь Алтая. 1917. № 187. С. 4.
- Помощь погорельцам // Жизнь Алтая. 1917. № 189. С. 4.

10. Поездка оркестра // Жизнь Алтая. 1917. № 103. С. 2.
11. Полякова Д.А. 100 лет со времени крупнейшего пожара в Барнауле // Барнаульский хронограф. 2017 г.; календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул: Алт. дом печати, 2016. С. 31–35.
12. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 402.
13. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 382.
14. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 398.

УДК 069.5:94(571.150)

Л.С. Супонина

Алтайский государственный краеведческий музей (Барнаул, Россия)

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война отразилась на жизни всех слоев населения страны и внесла изменения во все сферы жизни. Алтайский округ вносил посильный вклад в поддержку действующей армии. Изучение жизни тыла Алтайского округа времен Первой мировой войны ранее велось в первую очередь по архивным источникам. Однако предметы из фондового собрания музеев также отражают жизнь страны в эти тяжелые годы и могут дополнить источниковедческую базу по данному вопросу. В фотодокументальном фонде Алтайском государственном краеведческом музее имеются материалы, касающиеся экономического развития Алтайского округа в годы войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Алтайский округ, социально-экономическое развитие Алтая, музей.

Первая мировая война, начавшаяся в июле 1914 г., отрицательно отразилась на экономике страны. Социально-экономическое развитие Алтая имело определенную специфику по сравнению с Европейской Россией: район глубокого тыла, поступательное развитие отдельных отраслей сельского хозяйства и промышленности. Продовольственный вопрос стоял здесь все же менее остро, чем в промышленных регионах страны. Население Томска, Новониколаевска и Барнаула, в довоенные годы обеспеченное продуктами с избытком, начало испытывать трудности в снабжении даже продуктами первой необходимости.

Производство масла в Сибири и на Алтае начало резко снижаться в годы Первой мировой войны. Негативную роль сыграло сокращение поголовья молочного скота, призыв на военную службу многих мастеров-маслоделов. Многие маслодельные заводы становятся нерентабельными и были закрыты. Более выгодным становится производство сыра.

С объявлением войны производство сыра в западных губерниях Европейской России прекратилось, так как поголовье молочного скота было сокращено до минимума. Данное обстоятельство привело к росту спроса на данный продукт. Стали поступать многочисленные запросы, начались переговоры с некоторыми маслодельными артелями Алтая о сдаче молока

за твердую цену. В течение 1915–1916 гг. к Алтайскому союзу кооперативов поступило много подобных запросов, но так как в 1916 г. в Бийском уезде работало всего 10 сыроваренных заводов, правление союза настоятельно рекомендовало населению при первой же возможности устраивать артельные сыроваренные заводы [1, с. 3]. Особых успехов в развитии не только маслодельной, но и производительной, сельскохозяйственной, кредитной и потребительской кооперации добилось Старо-Бардинское потребительское общество.

Столь же динамично в годы Первой мировой войны развивалось и мукомольное производство. Алтай был центром мукомолья не только в Томской губернии, но и во всей Западной Сибири. Барнаульский район ежегодно производил 2,5 млн. пуд муки, Бийский – 1 млн. пуд [2, с. 226].

Потребность в теплой одежде и обуви положила прочное начало в г. Барнауле и его восточных районах овчинно-шубному и пимокатному производствам. К осени 1915 г. Барнаул являлся центром шубного-пимокатного производства в регионе, и поставлял в армию до 1,5 тыс. полушубков в неделю и 1080 пар сапог в месяц [2, с. 229].

В Алтайском государственном краеведческом музее хранится серия фотографий по предприятиям, которые работали в Алтайском округе в годы Первой мировой войны. Самая большая коллекция фотографий связана с деятельностью Старо-Бардинской маслодельной артели [3]. В фонды музея снимки поступили от учителей средней школы с. Красногорское в результате экспедиции сотрудников музея летом 1994 г. Всего комплекс начитывает 18 сюжетных фотографий. Его основу составляют снимки зданий отделений Старо-Бардинской артели: общий вид села Старая Барда, черно-белая открытка с изображением артельной лавки в Старой Барде в Бийском уезде, фотографии Каянчинского отделения, вечерний снос молока на завод. На одном из снимков – пруд и скотный двор фермы «Сибирь», которая была открыта в 1910 г. Ферма снабжала крестьянство породистыми приплодом свиньи Йокширской английской породы. Председателем правления кооперативов в с. Старая Барда был Аггей Ефимович Антонов. Погрудный портрет А.Е. Антонова, сделанный в 1914–1918 гг. хранится в фондах музея.

Для работы привлекались мастера-сыроделы из регионов с богатой традицией производства сыра. Об этом свидетельствует фото. На почтовой открытке запечатлено правление Старо-Бардинской артели. В центре во фраке стоит А.Е. Антонов, рядом с ним бухгалтер этой артели Федор Иванович Петров, Карл Иванович Берзин – мастер-сыродел, приглашенный из Прибалтийских губерний, Христофор Карлович Грюмберг – мастер-сыродел. Прибывший из Латвии, Александр Матвеевич Титов – брат второй жены А.Е. Антонова, владелец кожевенного завода.

В 1914 г., несмотря на начало Первой мировой войны, в Старой Барде был открыт Народный дом. Это крупное событие не только в жизни села, но и в культурной жизни Алтая также отражено на снимке из комплекса. Кооперативы уделяли немалое внимание вопросам образования, культуры, выписывали периодику.

В мукомольной отрасли начала XX в. были хорошо известны купцы Федуловы. Они владели одной из крупных мельниц Алтая в с. Повалиха. В фондах АГКМ хранится комплекс фотографий Федуловых [4]. Семейный фотоархив насчитывает 35 фотографий, запечатлевших членов семьи, мельницу и дачу в с. Повалиха. В фонды музея он поступил от потомков семьи Федуловых Г.А. Лойчиковой и И.Г. Ереминой. Особое значение имеет фотоснимок «Мельница» с надписью на обороте карандашом: «Мельница моего отца в имении Повалиха». На нем запечатлен комплекс хозяйственных построек с четырехэтажным бревенчатым зданием мельницы в центре.

На промышленность Алтая, особенно Барнаула, Бийска, Славгорода влияло строительство новых железных дорог. Работы по сооружению Алтайской железной дороги начались 1 июля 1913 г. В торжественной обстановке в конце апреля 1914 г. было заложено здание вокзала в г. Барнауле. Первая мировая война не задержала строительство Алтайской железной дороги, однако было издано предписание по сокращению расходов на строительство линии. К лету 1915 г. строительство дороги было окончено, а торжественное открытие состоялось 21 октября 1915 г. В коллекции по теме «Алтайская железная дорога» семь снимков относятся к военному периоду. На одном из них – здание железнодорожного вокзала, у которого построены стены, обозначены окна и двери. На остальных запечатлен момент строительства железной дороги: пересечение веток железнодорожных линий у станции депо «Барнаул» и площадка самой станции, укладка первого километра рельсов [5; 6; 7; 8].

На протяжении всего военного времени в городе проводились благотворительные спектакли, концерты, базары. Благотворительная деятельность охватила практически все слои горожан. Не оставались в стороне и известные барнаульцы. Фотограф С.И. Борисов был одним из организаторов благотворительных спектаклей в пользу попечительства о семьях запасных нижних чинов, ушедших на войну. В барнаульском клубе были поставлены такие спектакли, как «Каширская старина», «Дамское войско», «Лакомый кусочек», «На узелки». Афиши спектаклей печатались в газете «Жизнь Алтая». В фондах музея хранится три афиши спектаклей на шелке, поставленных С.И. Борисовым [9]. В газете «Жизнь Алтая» от 4–5 февраля 1917 г. напечатаны благодарности С.И. Борисову от Благотворительного

и Пожарного общества за щедрое пожертвование с одного из спектаклей в сумме 267 руб. 91 коп.

Организатором благотворительных базаров был местный отдел Красного Креста. На базарах выставлялись картины местных художников, например Г. Гуркина, А. Никулина, а также дамские изделия из бархата, атласа, кожи и металла. Здесь можно было приобрести различные подарки на рождественские праздники, а в выходные дни послушать музыкальный оркестр [10].

По теме «Благотворительность в годы Первой мировой войны» в фондах музея хранятся предметы, принадлежавшие К.В. Ивановой, супруге Г.И. Иванова – председателя местного отдела Красного Креста. Среди них квитанция о сдаче денег в общество Красного Креста и жетоны-марки в пользу раненых и военнопленных, выпускаемые в 1914–1917 гг. [11].

Для помощи раненым и больным воинам, семьям лиц, призванных на войну и лицам, пострадавшим от военных действий, проводились благотворительные лотереи. Билеты стоимостью в 1 и 5 руб. продавались во всех учреждениях Государственного банка и казначействах, в государственных сберегательных кассах, в почтовых телеграфных отделениях, в частных коммерческих банках [12].

Среди периодических изданий, выпускавшихся в годы Первой мировой войны, в музее хранятся подшивки номеров газет «Алтайские известия», «Голос труда», «Вестник комиссариата». В газете «Голос труда» встречаются небольшие статьи, посвященные деятельности Союза Сибирских маслодельных артелей. В частности, в газете «Голос труда» № 48 от 15 марта 1918 г. написано о вопросах, поднятых на собрании уполномоченных артелей: рассмотрение сметы прихода и расхода за 1917 г., обсуждение расхода союза по культурно-просветительным делам, рассмотрение и принятие проекта Устава союза [13]. А в выпуске № 49 от 20 марта 1918 г. раскрывается содержание вечернего заседания уполномоченных Союза Сибирских маслодельных артелей Барнаульского района, на котором заслушивались доклады о реквизированных у Союза мануфактурных товаров на разных железнодорожных станциях [14].

В нескольких номерах «Голоса труда» (№ 65 от 6 апреля 1918 г., № 67 от 9 апреля 1918 г., № 68 от 10 апреля 1918 г.) напечатано объявление об общем собрании больных иувечных воинов, вдов и сирот жертв войны, на котором будут рассмотрены вопросы о выдаче пособия беднейшим, об отправке больных на курорты, об открытии бесплатной столовой, дома инвалидов, будут проведены выборы членов комитета [15].

Вопрос правил регулирования торговли хлебо-фуражными продуктами в Алтайской губернии поднят в газете «Алтайские губернские известия» № 10 от 4 сентября 1918 г. и № 12 от 11 сентября 1918 г. [16].

Война отразилась на жизни всех слоев населения Алтая и внесла изменения во все сферы жизни. Алтайский округ вносил посильный вклад в поддержку действующей армии. В фондах музея хранится и вещественный ряд, касающийся экономического развития Алтайского округа в годы войны. Он отражает положение предприятий, работавших на нужды армии.

Библиографический список

1. Сто лет алтайскому сыроделию. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2002. 120 с.
2. Еремин И.А., Кижава Т.А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 225–237.
3. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). ОФ. 16643.
4. АГКМ. ОФ. 17816.
5. АГКМ. ОФ. 1610/7.
6. АГКМ. ОФ. 15976/1.
7. АГКМ. НВФ. 6435/5.
8. АГКМ. ОФ. 13473.
9. АГКМ. ОФ. 13473/6.
10. Жизнь Алтая. 1915. 3 декабря.
11. АГКМ. ОФ. 11715.
12. Жизнь Алтая. 1915. 18 марта.
13. АГКМ. ОФ. 9326/27.
14. АГКМ. ОФ. 9326/28.
15. АГКМ. ОФ. 9326/37-39.
16. АГКМ. ОФ. 14036/10.12.

УДК 069.5:779:94(571.150)«1917–1922»

Е.Р. Юсупова

Алтайский государственный краеведческий музей (Барнаул, Россия)
**ФОТОКОЛЛЕКЦИЯ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА АЛТАЕ 1917–1922 гг.**

Всестороннее изучение таких масштабных исторических событий как Великая русская революция и Гражданская война на Алтае 1917–1922 гг. становится возможным после обращения исследователей к наглядному историческому источнику – сохранившимся фотографиям, запечатлевшим самые важные события, сюжеты, непосредственных участников революции и гражданской войны.

Ключевые слова: Алтай, Великая русская революция, Гражданская война, музей, фотоисточники.

В собрании Алтайского государственного краеведческого музея хранится коллекция фотографий по истории Великой русской революции и Гражданской войне на Алтае (1917–1922 гг.), которая насчитывает более 120 единиц хранения. Формирование коллекции началось в середине 1940-х гг. Большая часть была скомплектована в 1957 г. – к 40-летию Октябрьской революции. В последующие десятилетия коллекция продолжала пополняться. Многие снимки поступали в музей в начале 1980-х – 1990-е гг. Последние поступления относятся к 2008 г.

В основном, фотографии участников Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и Гражданской войны попадали в фонды музея при формировании коллекции о деятелях революционного движения, участниках Гражданской войны на Алтае (1917–1922 гг.): Н.В. Ерушева, А.Л. Копань, Ф.С. Гуляева-Сусанина, Е.М. Мамонтова, М.И. Ворожцова, П.Ф. Сухова, И.Ф. Чеканова, И.В. Присягина, М.К. Цаплина и других. Так, С.Г. Салосин, участник Первой мировой и Гражданской войн лично передал в фонды более 30 фотографий. Фотоснимки передавали, как участники революционных событий, фамилии и имена которых неизвестны, так и конкретные лица. Например, Б.И. Малышкин, Н.В. Ерушев, партизаны О.Н. Дрокин, Ф.Д. Зенченко, П.П. Городов, И.В. Шитов, С.П. Кочкин, А.Г. Митрофанов, И.Н. Кудрявцев и участница большевистского подполья Е.К. Суркова. Отдельные фотографии поступили от родственников участников революции и Гражданской войны. Среди них есть фотокопии, выполненные в 1950–1970-е гг., так как подлинники были возвращены владельцам.

Большую часть коллекции составляют портретные и групповые снимки. На них запечатлены сами участники двух революций и Гражданской войны: красногвардейцы, барнаульские революционные деятели, руководители партизанского движения на Алтае. Частично фотографии не датированы.

Сюжетные снимки того периода не многочисленны, но уникальны и редки.

Например, во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. на фронтах стали появляться «Красные уголки» – палатки, где военнослужащие собирались небольшими группами и читали газеты с последними известиями из России, этот факт, несомненно, говорит о произошедшей смене общественно-политической жизни страны после Февральской революции 1917 г. Так, в музее хранится фотография, выполненная на фронте летом–осенью 1917 г. На снимке запечатлена походная армейская палатка, где военнослужащие читают газеты. В группе портретируемых – житель Барнаула, военный фельдшер Г.И. Чусов, лично передавший в музей этот снимок в 1961 г. [1].

В комплексе поручика С.С. Рубана (1885–1933), уроженца в с. Прыганка (ныне Крутихинский район) хранится несколько сюжетных снимков, которые он прислал родным с фронта. Одна из фотографий выполнена 17 июня 1917 г. в урочище Липник (ныне Республика Беларусь). На нем фотограф запечатлев молебен в одной из воинских частей перед наступлением Керенского-Брусицова [2].

Первая мировая война обострила внутренние противоречия в странах – участницах. Начались революционные брожения, как в России, так и в Германии. На одном из редких снимков, который был сделан в д. Маркополь (ныне Республика Украина) 10 декабря 1917 г., запечатлен момент братания на фронте. В группе солдат изображен поручик С.С. Рубан. Обе фотографии передала в музей в 1987 г. родственница С.С. Рубан – Ю.Ф. Емельянова (Рубан) [3].

Большой интерес представляют пять сюжетных фотографий, выполненных барнаульским землемером Н.Е. Власовым в 1917 г. во время первомайского праздничного митинга на Соборной и Демидовской площадях Барнаула. Барнаульцы вышли на митинг с лозунгами: «Зааем Свободы – спасение Отечества», «Презрение мародерам, попрятавшим деньги и не давшим их на освобождение Родины», «Кто верит в революцию, не откажет в кредите», «Жизнь жертвуют одни, деньги дать должны другие», «Колокола, ценности церквей и монастырей – на алтарь Отечества принудительно», «Заём за счет капиталиста, а мы отдадим все» [4; 5; 6; 7; 8]. На одной из фотографий запечатлены служащие Алтайского округа, готовящиеся к митингу, с транспарантом: «Зааем свободы – спасение Отечества». Данные снимки передал в музей в декабре 1988 г. житель Новосибирска В.Н. Власов, сын Н.Е. Власова (1878–1962).

2 мая 1917 г. в Барнауле произошел самый крупный и опустошительный пожар за всю историю города. В музее хранятся несколько видовых снимков, сделанных фотографами после пожара. На одном из них [9], датированном 15 мая 1917 г. – вид на пассаж И.Ф. Смирнова с угла Московского проспекта и улицы Пушкинской. Второй снимок – выполнен в районе Мостового переулка (ныне ул. М. Горького в районе стадиона «Динамо») [10]. Барнаульским Советом рабочих и военных депутатов 3 мая 1917 г. был выпущен Приказ № 1 «об оказании помощи пострадавшим от пожара», фотокопия которого хранится в музее. В этом приказе содержался призыв «всем гражданам Барнаула соблюдать спокойствие и порядок». Совет рабочих и военных депутатов брал на себя «организацию столовых, хлебопекарен, доставку продуктов из сел и городов, а также распределение продуктов между пострадавшим населением». Ожидали «поезд с продуктами из Ново-Николаевска», был организован «санитарный поезд и лазарет на 300 коек для больных и раненых при бедствии».

в г. Ново-Николаевске. В Приказе № 1 подчеркивалось, что «всякие слухи о том, что горят и другие города ложны и распространяются врагами революции». Предлагалось также «всех нарушителей порядка предавать в распоряжение военных патрулей и милиции» и «за всеми справками обращаться в Исполнительный Комитет Совета рабочих и военных депутатов», который размещался в здании бывшего реального училища на Демидовской площади [11].

На фотоснимке 1920 г. запечатлено вручение наград партизанам на Красной площади г. Барнаула, которая до революции носила название Соляной или Хлебной (ныне площадь застроена) [12, с. 377–379]. На переднем плане один из партизанских командиров прикрепляет награду на грудь партизану, на заднем ряде партизан стоят по стойке «смирно» в форменной одежде – гимнастерках, брюках-галифе, сапогах, фуражках. Вдали за фигурной оградой за награждением партизан наблюдают горожане [13].

К сюжетным снимкам, относящимся к 1922 г., следует отметить фотографию траурной процессии во время похорон М.И. Ворожцова (Анатолия), одного из руководителей партизанского движения на Алтае, командира 1-й Чумышской партизанской дивизии [14]. Возвращаясь с IX Всероссийского съезда Советов, М.И. Ворожцов заболел тифом и умер. Траурная процессия прошла в Барнауле 14 февраля 1922 г. по улице Павловской, где он жил, в доме под номером 125.

Организационную роль в установлении власти Советов на Алтае сыграл II Алтайский губернский съезд советов крестьянских депутатов, состоявшийся 27 января – 3 февраля 1918 г. в Барнауле в здании Народного дома. Съезд провозгласил переход власти к Советам во всей губернии. Был создан объединенный губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В музейной коллекции хранится групповая фотография делегатов II-го Алтайского губернского съезда Советов крестьянских депутатов [15]. Снимок в 1950 г. передал один из делегатов от Барнаульского уезда – Н.В. Ерушев, который являлся делегатом II Всероссийского съезда Советов. В марте 1918 г. он участвовал в качестве делегата от Алтайской губернии в работе IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, ратифицировавшего мирный договор с Германией. В конце мая – июне 1918 г. во время белочешского мятежа он защищал Барнаул.

В начале 1920-х гг. в подавлении басмаческого движения в Центральной Азии участвовал пулеметчик С.Ф. Аникин, житель Барнаула. На групповом снимке он запечатлен среди бойцов отряда Красной Армии участвовавших в подавлении басмаческого движения [16]. С.Ф. Аникин работал пимокатом, вступил в ряды красногвардейцев в 1918 г. В период правления А.В. Колчака подвергался репрессиям и скрывался.

Из групповых снимков, относящихся к 1921 г., следует отметить фотографию делегатов X съезда РКП(б) – участников подавления Кронштадтского мятежа [17]. В группе портретируемых изображены В.И. Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР и К.Е. Ворошилов, член Реввоенсовета. Десятый съезд РКП(б), состоялся в Москве 8–16 марта 1921 г., в то время как в стране подавляли Кронштадтский мятеж (1–18 марта 1921 г.). Примечательно, что среди делегатов этого съезда был барнаулец Е.А. Тараканов, уполномоченный 239-го полка, награжденный орденом Красного Знамени за участие в подавлении Кронштадтского мятежа 1921 г., активный участник революционных событий на Алтае. Фотографию в 1958 г. передал в музей С.Г. Салосин, очевидец революционных событий на Алтае.

Среди портретных снимков фотоколлекции следует отметить самых известных участников революции Барнаула, большевиков. Например, Н.Д. Малюков, который в 1914–1918 гг. был прaporщиком 24-го Сибирского запасного полка, являлся членом партии большевиков с 1917 г., членом Барнаульского военно-революционного комитета и Алтайского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Убит белогвардейцами в 1918 г. [18]. Сохранился фотопортрет М.К. Казакова, члена Барнаульского военно-революционного комитета, заместителя председателя Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов [19].

До нас дошли два фотопортрета П.Ф.Сухова (1884–1918), командира объединенного красногвардейского отряда. Снимки, вероятно, были выполнены в с. Кольчугино Томской губернии, где на тот момент он занимал должность секретаря Кольчугинского Совета депутатов трудящихся и начальника штаба Красной гвардии [20; 21]. В фондах музея хранятся подлинные и копийные фотопортреты самых известных организаторов большевистского подполья и партизанского движения на Алтае, датированных 1919 – началом 1920-х гг. Это фотопортреты: М.И. Ворожцова (1889–1922), одного из руководителей партизанского движения на Алтае, командира 1-й Чумышской партизанской дивизии [22]; Г.П. Вахрушева (1880–1940), одного из организаторов подполья и партизанского движения в Правобережье Оби [23]; Е.М. Мамонтова (1889–1922), который с сентября 1919 г. был избран главнокомандующим партизанской Красной Армией Алтайской губернии [24].

Фотоснимки участников Белого движения единичны. В комплексе подпоручика 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка П.И. Попова хранится групповой снимок выпускников 3-го взвода 1-й роты 1-й Омской школы прaporщиков и поясной портрет, выполненный в Барнауле 20 августа 1917 г. [25; 26].

Большим достоинством сформированной фотоколлекции является то, что она включает уникальные фотографии участников революционных событий 1917 г. и Гражданской войны на Алтае (1918–1922 гг.). В связи с новыми подходами историков при рассмотрении событий 1917–1922 гг. в стране, материалы данной фотоколлекции являются актуальными. Актуальны они и в ходе создания выставок, мультимедийных презентаций, так как в музейной среде данная тема относится к наиболее проблемным, острым, требующим нестандартного подхода и видения.

Библиографический список

1. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). ОФ. 10574/3.
2. АГКМ. ОФ. 14870/6.
3. АГКМ. ОФ. 14870/7.
4. АГКМ. ОФ. 15080/35.
5. АГКМ. ОФ. 15080/38.
6. АГКМ. ОФ. 15080/39.
7. АГКМ. ОФ. 15080/40.
8. АГКМ. ОФ. 15080/41.
9. АГКМ. ОФ. 429.
10. АГКМ. ОФ. 432.
11. АГКМ. ОФ. 6238.
12. Название улиц города Барнаула: Историко-лингвистическое описание. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 377–379.
13. АГКМ. ОФ. 8787.
14. АГКМ. ОФ. 9264/3.
15. АГКМ. ОФ. 1748.
16. АГКМ. ОФ. 8543.
17. АГКМ. ОФ. 8816.
18. АКГМ. ОФ. 8774.
19. АГКМ. ОФ. 8800.
20. АГКМ. ОФ. 8737.
21. АГКМ. ОФ. 8791.
22. АГКМ. ОФ. 943.
23. АГКМ. ОФ. 8538.
24. АГКМ. ОФ. 9713.
25. АГКМ. ОФ. 17196/118.
26. АГКМ. ОФ. 17196/119.

УДК 94(571.150)

Т.Г. Гребенникова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
**НОВОГОДНИЕ И РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОТКРЫТКИ В СОБРАНИИ
АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Алтайский государственный краеведческий музей – хранит обширную коллекцию открыток (порядка 5 тыс. экземпляров). Все поздравительные открытки, хранящиеся в АГКМ, относятся к XX столетию, начиная с 1910-х гг. и до 1990-х включительно. Из них более 160 – это новогодние и рождественские открытки. В коллекции имеются работы таких

известных оформителей как В. Зарубин (в том числе почтовые карточки 1970–1980-х гг.), Л. Кузнецов, Е. Гундобин, Б. Пармeeв, А. Исаков, В. Лебедев, К. Андриянов и многие другие.

Ключевые слова: новогодние открытки, музей, коллекция.

Один из старейших музеев Сибири – Алтайский государственный краеведческий музей – хранит обширную коллекцию открыток (порядка 5 тыс. экземпляров), которые систематизированы в фонде изобразительных источников и графики и документальном фонде. Здесь представлены и авторские, и видовые открытки, открытки-репродукции, а также поздравительные открытки и карточки на сказочные сюжеты.

Все поздравительные открытки, хранящиеся в АГКМ, относятся к XX столетию, начиная с 1910-х гг. и до 1990-х включительно. Из них более 160 – это новогодние и рождественские открытки, в том числе десять рождественских, относящихся к дореволюционному времени, 16 открыток 1950-х гг., 67 – 1960-х гг., 22 штуки – 1970-х гг., 27 открыток – 1980-х гг., остальные экземпляры начала 1990-х гг. В большинстве своем – это так называемые открытые письма [1, с. 109; 2].

Среди рассматриваемой серии имеются интересные дореволюционные рождественские открытки. Самой ранней из них является открытка 1904 г. (дата определена по почтовому штемпелю на обороте «22.12.04»). Открытка имеет, скорее всего, германское происхождение, на обороте на нескольких языках, в том числе и на русском, написано «Открытое письмо», имеется чернильная надпись для адресата.

В анализируемой серии открыток представлены работы таких известных художников-оформителей своего времени как В. Зарубин (в том числе почтовые карточки 1960-х - начала 1980-х гг.), Л. Кузнецов, Е. Гундобин, Б. Пармeeв, А. Исаков, В. Лебедев, К. Андриянов и многие другие. Наряду с традиционными персонажами открыток (Дед Мороз, Снегурочка, животные, герои сказок, дети, елка) в целом ряде работ 1960-х гг. пропагандируется освоение космоса или спортивная тематика.

Анализируя коллекции открыток в собрании Алтайского государственного музея, можно указать, что некоторые художники представлены значительным числом своих работ. Отметим авторов, рисунки которых чаще всего встречаются в анализируемом собрании. Стоит назвать открытки Евгения Гундобина 1950-х – начала 1960-х гг. Имеются в коллекции АГКМ и классические новогодние открытки Владимира Зарубина, на которых изображены животные, ходящие на задних лапках и празднующие новый год совсем как люди (белка украшает елку, медведь приносит новогоднюю почту, еж получает подарки) [3].

Стоит отметить особенность манеры Константина Андриянова, его открытки представляют собой сюжеты, выполненные в стиле палехских росписей (вытянутые изящные фигуры людей, цветовая гамма, мотив рус-

ской тройки, морозная и сказочная русская зима), что совершенно не случайно.

В целом, почтовая открытка обладает не только историко-художественной, но и своеобразной этнографической ценностью, отражает особенности и идеологию своего времени, а записи на обороте могут стать источников для изучения быта различных эпох.

Библиографический список

1. Ларина А.Н. Почтовая открытка в руках историка // Историк и художник. 2004. № 2. С. 109–121.
2. От расцвета до запрета. История рождественских открыток в России [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: http://www.aif.ru/ny/nyentertainment/ot_rascveta_do_zapreta_istoriya_rozhdestvenskih_otkrytok_v_rossii (дата обращения: 14.10.2017).
3. Обухов Е. Гномы, ежики и миллиард улыбок // Филателия. 1992. № 8. С. 4–6.

УДК 908

С.В. Меньков

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)*

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ СИСТЕМЫ НА АЛТАЕ В 1920–1930-е гг.

Статья посвящена организации и проведению советских государственных праздников на Алтае в 1920–1930-е гг. На основании архивных документов и материалов периодической печати анализируются особенности формирования советского праздничного уклада. Исследуются отчеты о проведении праздничных мероприятий на Алтае. Отмечается, что в 1930-е гг. происходит постепенная унификация советской праздничной системы. Идеологическое содержание государственных праздников изображало ударные темпы трудовых достижений, показывало различие социально-экономических показателей между СССР и капиталистическими странами. Автор приходит к выводу, что в 1930-е гг. функционирование аналогичных схем превратили организацию государственных праздников в рутину.

Ключевые слова: Алтай, праздник, торжественное мероприятие, демонстрация.

В период становления советской власти праздничная культура оценивалась как важное средство идеологического влияния. Создание и утверждение новых государственных праздников рассматривалось как дело государственной важности [1, с. 14].

Советский праздничный календарь формировался в высших эшелонах власти, постепенно спускаясь до уровня масс. Неудивительно, что процесс формирования и становления новой культуры был далеко не простой и к тому же длительный. Новая праздничная обрядность, так энергично внедряемая в первые годы существования Советского государства, не смогла сразу пустить глубокие корни, привиться и органически войти

в жизнь населения. В 1920-е гг. старые обычаи и новые культурные веяния сталкивались в повседневной жизни особенно ярко, сочетая в себе причудливые формы старых традиций и революционных новшеств [2, с. 280].

В «Правилах об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР» (1920 г.) указываются шесть праздничных дней, в которые не должна производиться работа (за исключением предприятий, деятельность которых является непрерывной): 1 января – Новый год; 22 января – день памяти погибших 9 января 1905 г.; 12 марта – низвержение самодержавия; 18 марта – день Парижской коммуны; 1 мая – день Интернационала; 7 ноября – день Пролетарской революции [3]. Введенный в действие «Кодекс законов о труде РСФСР», изданный в 1922 г., также запрещал работу в вышеперечисленные праздники.

Организацией праздников занимались специально создаваемые комиссии. В их состав чаще всего входили административные, партийные, комсомольские и профсоюзные работники. Комиссии формировались на разных уровнях (центральная всероссийская, губернская, областная, городская, районная, сельская, на предприятиях, учреждениях). При комиссиях создавали подкомиссии (хозяйственная, агитационная, клубно-художественная, спортивно-организационная) [4, л. 28].

Подготовка к праздникам на Алтае в первой половине 1920-х гг. начиналась минимум за неделю. Так, 28 апреля 1921 г. в газете «Красный Алтай» указывалось на необходимость незамедлительной подготовки населения к первомайскому празднику [5].

Основными формами празднования на Алтае были парады с участием вооруженных сил, демонстрации или шествия, которые собирали людей в одном общественном центре. Маршруты подробным образом описывались в периодической печати [6].

По окончании праздничных мероприятий в обязательном порядке уездные партийные организации составляли отчеты, в которых указывали на достоинства и недостатки работы. В отчетах подчеркивалось, что важной задачей праздников является «...смычка рабочих и крестьян с Красной армией, экскурсии рабочих и крестьян подшефных деревень в казармы». Работники культуры организовывали художественное обслуживание не только в городских клубах, но и подшефных колхозах. Предприятия брали на себя обязательства по оказанию помощи какой-либо деревне, присыпая материальные средства и культурно-просветительские бригады. Крестьяне посещали рабочие и красноармейские клубы, знакомились с производством, затем присутствовали на митингах [7, л. 3].

Непосредственно в сельской местности праздники проходили менее торжественно, чем в городе. Формируя в деревне советскую праздничную

культуру, власть навязывала формы праздничных мероприятий, что были характерны для города (митинги, демонстрации, заседания). Но в обращениях к власти крестьян в большей степени интересовали не вопросы революционной тематики, а насущные для них проблемы – голод, налоги. В отчетах Алтгубкома о проведении октябрьских торжеств в 1920 г., отмечалось, что организация годовщины Октября в целом находилась на высоком уровне. Но, несмотря на это, главным для сельского населения оставался продовольственный вопрос. В архивных документах зафиксировано, что жители жаловались присутствовавшим на праздничных мероприятиях инструкторам-агитаторам Алтгубкома на нехватку хлеба, который был съеден кобылкой [8].

Отметим, что в начале 1920-х гг. советские государственные праздники были явлением новым, еще не нашедшим своего места в сельском праздничном календаре и поэтому нуждались в регулярном анонсировании властями. Без подобного указания свыше о празднике могли просто забыть [9, с. 22–23]. В силу этого, некоторые торжества в сельской местности в начале 1920-х гг. не проводились совсем. Так, в газете «Звезда Алтая» отмечалось, что в с. Березово Сибирячихинской волости до октябрьских торжеств была создана комиссия, которая подготовила порядок празднования и назначила руководителя. 7 ноября «члены ячейки собрались на площади, решив устроить манифестацию. Но, как выяснилось, руководитель на площадь не явился. Было предложено разойтись по домам. Праздник так и не состоялся» [10].

Важным общественно-политическим событием в рассматриваемый период стала смерть В.И. Ленина 21 января 1924 г. В соответствии с постановлением Президиума ЦИК от 19 сентября 1924 г. «О днях, посвященных памяти В.И. Ленина», 22 января было объявлено нерабочим днем. В постановлении отмечалось, что «день кончины В.И. Ульянова-Ленина (21 января), объявленный II Съездом Советов Союза ССР днем траура, – является рабочим днем. Нерабочий день 22 января, посвященный памяти 9 января 1905 г., одновременно посвящается памяти В.И. Ульянова-Ленина» [11]. Во второй половине 1920-х гг. складывается комплекс мероприятий, посвященных Дню памяти Ленина, который включал в себя: заседания горсоветов, лекции и беседы о жизнедеятельности Ленина.

В 1927 г. Президиум ЦИК издал постановление «О праздничных днях, посвященных годовщине Октябрьской революции, и об особых днях отдыха». В нем отмечалось, что «учитывая потребность трудящихся Союза ССР в наиболее полном ознаменовании дней годовщины Октябрьской революции», законодательно была увеличена продолжительность октябрьских торжеств с одного до двух дней – 7 и 8 ноября [12]. Эти праздничные дни объявлялись выходными на всей территории СССР (за исключением

предприятий и учреждений, в которых работа должна производиться беспрерывно). В 1928 г. была увеличена продолжительность первомайского праздника. В соответствии с постановлением ЦИК «О праздничных днях, посвященных дню Интернационала, и об особых днях отдыха», ежегодно, начиная с 1928 г., этот праздник отмечался в течение двух дней – 1 и 2 мая.

С конца 1920-х и на протяжении 1930-х гг. начинается качественно новый этап развития советской праздничной системы. На основе опыта предыдущего десятилетия происходит постепенная ее унификация и стандартизация. Механизм организации праздников обретает четкие формы, его работа была достаточна организована.

Основываясь на опыте предыдущего десятилетия, организация государственных праздников в 1930-е гг. начиналась с создания специальных комиссий по подготовке и проведению конкретного торжества. Сеть планирующих инстанций обеспечивала подготовку официальных празднований и доводила директивы центра до микроструктуры, занимавшейся их организацией. Местные планы к середине 1930-х гг. постепенно унифицируются и из-за однотипности проведения праздничных мероприятий не описываются подробно.

В 1930-е гг. коллективизация и индустриализация обусловили тот факт, что в проведении государственных праздников нашла широкое отражение пропаганда труда. Основными «подарками» предприятий государству к праздникам являлись рост соцсоревнования, большие производственные показатели.

Перед государственными праздниками подводились итоги социально-экономического развития страны, в которых отмечалось, что с каждым годом жизнь советского человека улучшается, растет мощь государства, и происходят изменения во всех сферах жизни общества. Примером является публикация в газете «Звезда Алтая» «Старый и новый город Бийск», в которой сравнивается развитие г. Бийска накануне 19-й годовщины Октября с дореволюционным периодом [13].

В предпраздничных газетах публиковались статьи детей, проникнутые идеологией, вряд ли присущей им в детском возрасте. Так, в газете «Звезда Алтая» приводятся слова девочки Аси, посещающей старшую группу образцового детского сада: «Мы в саду готовимся к 1 мая. Разучиваем песни, рисуем, пляшем. Дома к празднику я уберу свой уголок, а мама мне подарит портрет Ленина. Я его украшу и повешу в свой уголок. Я очень жду 1 мая. Скорее бы проходило время. Я считаю, сколько еще осталось дней до пролетарского праздника 1 мая» [14].

Государство стремилось создать соответствующие условия для отправления праздников, в частности обеспечить население продуктами питания и промышленными товарами. Накануне торжеств выходили распо-

ряжения властей по организации торговли для обеспечения населения всем необходимым для празднования [15].

5 декабря 1936 г. Чрезвычайный VIII Съезд Советов СССР принял новую Конституцию. В результате день принятия Конституции стал государственным праздником [16]. За первые годы сложилась общая схема празднования этого события: с 1 по 5 декабря проводились беседы и лекции о Конституции СССР, о правах и обязанностях граждан; в парткабинетах, библиотеках, открывались выставки, фотовитрины, посвященные празднику [17]. 5 декабря в городах и районах проводились торжественные сессии городских и районных Советов депутатов трудящихся.

Таким образом, советский календарь к концу 1930-х г. включал в себя такие государственные праздники, как: День памяти В.И. Ленина и 9 января 1905 г. (22 января), День Интернационала (1 и 2 мая), День Октябрьской революции (7 и 8 ноября), День Конституции СССР (5 декабря), имевшие статус выходного дня и День Красной армии, Международный женский день являвшиеся рабочими днями.

Таким образом, в рассматриваемый период монополия большевиков на власть в стране определяла, в том числе, и монополию на праздничную культуру. Формировалось необходимое идеологизированное пространство, воздействовавшее на широкие массы населения в нужном для правящей власти русле. Кроме того, решалась задача подготовки профессиональных кадров, выстраивавших регламент новых торжеств.

При организации праздников большевики стремились к активному вовлечению населения, как на этапе подготовки, так и во время их проведения. Это проявлялось в создании специальных комиссий по организации праздников, в активном освещении в периодической печати процесса подготовки торжеств и массовом характере праздничных мероприятий.

В 1930-е гг., несмотря на многочисленную сеть праздничных инстанций, они разрабатывали практически идентичные планы, так как опирались на одни и те же инструкции. Таким образом, эта сеть была призвана не создать оригинальные планы праздников, а обеспечить унифицированное, стандартное проведение торжеств. Функционирование одной и той же или аналогичной схемы превратили организацию государственных праздников в рутину.

Библиографический список

1. Мордасова М.А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 26 с.
2. Бондаренко С.И. Организация «нового» досуга в повседневной жизни западносибирской деревни в 1920-е гг. // История Алтайского края, XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 279–292.

3. Общее положение о тарифе. Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР: декрет от 17 июня 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4013> (дата обращения: 14.10.2017).
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 164.
5. Приготовьтесь к 1 мая // Красный Алтай. 1921. 28 апреля.
6. Масюк М. 1 Мая в с. Троицком // Степная правда. 1926. 9 мая.
7. ГААК. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 334.
8. ГААК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 233.
9. Деканова М. К. Формирование советской праздничной культуры в деревне в 1920-е гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 1(60). С. 21–27.
10. Праздник сорвали // Звезда Алтая. 1923. 23 ноября.
11. Постановление «О днях, посвященных памяти В.И. Ленина» от 19 сентября 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2171.htm (дата обращения: 14.10. 2017).
12. Постановление «О праздничных днях, посвященных годовщине Октябрьской революции, и об особых днях отдыха» от 26 октября 1927 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=26474&req=doc> (дата обращения: 14.10.2017).
13. Старый и новый город Бийск // Звезда Алтая. 1936. 7 ноября.
14. Жду 1 мая // Звезда Алтая. 1936. 28 апреля.
15. Праздничные колхозные ярмарки // Звезда Алтая. 1935. 6 октября.
16. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1936. 6 декабря.
17. Пропаганда великого закона // Алтайская правда. 1938. 5 декабря.

УДК 94(571.150)[021+908]

Е.Н. Беневаленская

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)*

**БИБЛИОТЕЧНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ АЛТАЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х гг.**

В статье на основе анализа подготовленных библиотекарями Алтая указателей литературы о крае различных типов и неопубликованных архивных материалов о работе библиотек региона во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. рассмотрены ключевые направления и формы, содержание информационно-библиографического обслуживания и пропаганда библиотечно-библиографических знаний по местной истории. Установлено, что аккумулирование и популяризация краеведческой литературы, организация просветительных мероприятий о локальном прошлом библиотеками Алтая имели познавательное значение и способствовали формированию культурной среды регионального сообщества. На данном этапе преобладало идеально-политическое направление работы учреждений, связанное с пропагандой социалистических ценностей.

Ключевые слова: библиотечное краеведение, местная история, Алтай, социокультурный ландшафт.

В современном дискурсе отмечается роль историко-краеведческой работы библиотек как коммуникативных площадок локальных сообществ по местной истории, обеспечивающих формирование коллективной памяти и региональной идентичности [1; 2; 3]. В историографии к настоящему времени исследованы проблемы государственного управления в библиотечном деле и общероссийские тенденции развития краеведческой работы библиотек страны на отдельных этапах советского периода [4; 5; 6]. Авторами рассмотрены специфика развития библиотечной сети, история создания библиографии Западной Сибири и края в 1950–1980-е гг. [7; 8; 9; 10]. Но в этих работах не ставилась цель провести анализ эволюции библиотечного краеведения и его роли в культурных процессах на региональном уровне во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.

Задачи провинциальных библиотек в 1965–1985 гг. предопределялись противоречивым характером государственной культурной политики, обусловленным постепенно нараставшими кризисными явлениями развития советской системы [11, с. 57, 65]. Библиотеки приобрели статус научно-информационных учреждений, первостепенное значение придавалось образовательной и рекреационной функциям их работы в связи с повышением уровня знаний и увеличением потребностей в разнообразных формах проведения досуга населения [12; 13; 14]. При этом за учреждениями закреплялась роль опорных баз партийных и советских инстанций по идеологической пропаганде.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. библиотеки Алтайского края накапливают опыт создания краеведческих библиографических пособий различных типов. В 1968 г. выпущен подготовленный сотрудниками Алтайской краевой библиотеки М.Г. Ворышевой, Е.Г. Глаз, Л.В. Доброхотовой, Р.М. Жильцовой, Л.С. Панкратовой и В.М. Посашковой ретроспективный научно-вспомогательный указатель о крае [15]. Он продолжал издание указателей краеведческой литературы, начатое библиотекой в 1957 г.

В пособие включены материалы об Алтае по актуальным тогда в официальной исторической науке проблемам. Новым в его структуре был раздел, посвященный значению ленинского наследия для региона, который в последующем становится постоянным в научно-вспомогательных и рекомендательных пособиях о крае. В этот период освещение ленинского наследия являлось составной частью советской ритуальности, достигшей при Л.И. Брежневе огромных масштабов [16, с. 184]. В указатель вошла преимущественно научно-популярная литература по советскому периоду [15, с. 17–39]. Однако составители включили в него академические издания по археологии С.В. Киселева, М.П. Грязнова и С.И. Руденко, труды по колонизации Сибири В.И. Шункова

и М.М. Громыко. Научную ценность для местных исследователей представляла впервые включенная в указатель брошюра известного краеведа 1920-х гг. Г.Д. Няшина по истории Барнаула [17].

В 1971 г. выпущен календарь знаменательных дат «Страницы из истории Алтая» [18], совместно подготовленный работниками Алтайской краевой библиотеки М.Л. Борцовой, М.Г. Вохрышевой, Е.Г. Глаз и Л.В. Доброхотовой; Алтайского краевого краеведческого музея Н.А. Камбаловым и Т.А. Полухиным; Государственного и партийного архивов края П.А. Бородкиным, Р.С. Скворцовой и И.П. Саблиным и др. В пособии представлены исторические справки, списки литературы и документальных источников о событиях и персоналиях, юбилеи которых отмечались в 1970–1971 гг.

Так как в 1965–1985 гг. в содержании работы библиотек страны первостепенное внимание уделялось пропаганде литературы общественно-политической тематики, о выдающихся партийных деятелях и Ленине [19, с. 36], в начале указателя даны идеино-политическая литература и отдельные исторические справки о героях социалистического строительства: значения личности В.И. Ленина в развитии края и пребывании М.И. Калинина на Алтае, местных борцах за советскую власть И.В. Присягине и М.А. Фомине, об основателе движения за высокие урожаи М.Е. Ефремове.

Составители включили в пособие представлявшие научный интерес для местных исследователей исторические и библиографические сведения о первом краеведческом обществе на Алтае и Алтайском отделе Географического общества СССР [18, с. 47–49]. В указателе даны биобиблиографические справки, списки библиографических и документальных материалов Государственного архива Алтайского края об исследователях Алтая XVIII–XIX вв. Н.М. Ядринцеве, П.Н. Крылове, В.В. Сапожникове и В.И. Верещагине, путешественнике П.И. Шангине, собирателе фольклора С.И. Гуляеве и их отдельные труды. В пособии помещены работы известных краеведов М.Ф. Розена, Н.А. Камбалова, А.Д. Сергеева [18, с. 32–34, 50–68].

К первой половине 1970-х гг. зональным объединением библиотек Западной Сибири по краеведческой библиографии, в которое входила и Алтайская краевая библиотека, были подготовлены сводные каталоги периодической печати Западной Сибири с 1789 по 1959 г. [20; 21]. Включение в каталог журналов «Алтайский сборник», «Алтайский крестьянин», «Алтайский кооператор» и отчетов Совета Общества любителей исследования Алтая за 1891–1904 гг. [20, с. 1–11] обеспечивало доступность изданий, ранее практически неизвестных для массового читателя из-за репрессий в краеведении в 1930-е гг. Сводные каталоги способствовали существ-

венной разработке проблем источниковедения Сибири и Алтая конца XVIII – середины XX вв., обеспечивали формирование краеведческих фондов библиотек и их популяризацию.

Активизации работы по выявлению новой литературы о крае и ее пропаганде способствовало открытие библиотечного факультета в Алтайском государственном институте культуры и издание Алтайской краевой библиотекой научно-вспомогательного указателя «Литература об Алтайском kraе» типографским способом с 1975 г. [8, с. 178]. Возрастает значение работы городских и районных библиотек в сохранении наследия региона: проводятся циклы выставок краеведческой литературы и лекций, готовятся комплексные программы мероприятий по местной истории [22, л. 5, 18; 23, л. 14–15; 24, л. 35]. Анализ тематики культурно-просветительной деятельности библиотек Алтая показывает, что на данном этапе преобладало идеино-политическое направление работы учреждений, связанное с пропагандой социалистических ценностей.

В 1975 г. Алтайской краевой библиотекой имени В.Я. Шишкова совместно с Октябрьским районным комитетом ВЛКСМ проводились циклы лекций и выставок о коллективизации, успехах в сельском хозяйстве и культурном развитии региона, об участии местного населения в Великой Отечественной войне и истории краевой партийной организации для молодежи. Совместно с Алтайским краевым отделением Союза писателей в этом же году проводилась литературная среда, посвященная творчеству современных писателей Алтая [24, л. 31–35].

В середине 1970-х – середине 1980-х гг. сотрудники Волчихинской, Краснощековской, Родинской и Рубцовской районных библиотек Алтайского края, филиалов Централизованной библиотечной системы Барнаула проводили встречи читателей с лучшими работниками сельского хозяйства и культуры, целинниками, ветеранами Великой Отечественной войны [23, л. 15, 23, 32, 50]. Новой формой культурно-просветительной работы был единый день краеведческой библиографии в библиотеках Алтая [25, л. 15, 16, 34, 51].

Библиографический список

1. Соколов А.В. Российская идентичность и библиотечная идентичность // Библиотековедение. 2015. № 3. С. 31–35.
2. Юдина И.Г. Обзор краеведческих ресурсов на сайтах отечественных библиотек (на примере календарей знаменательных дат) // Библиосфера. 2015. № 4. С. 34–40.
3. Арасланова С.С. Процессы глобализации и их воздействие на деятельность библиотек // Библиосфера. 2015. № 3. С. 46–48.
4. Щерба Н.Н. Библиотечное и библиографическое краеведение: сборник последних статей. М.: Книжная палата, 1995. 192 с.
5. Балацкая Н.М. Библиотечное краеведение // Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 198–199.
6. Краеведение и библиотека. СПб.: Профессия, 2010. 368 с.

7. Ткаченко Н.Г. Алтайский край. Библиотечное дело // Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 28–29.
8. Ковалева А.М., Колбунова В.П. 50 лет со времени подготовки первого указателя «Литература об Алтайском крае» Алтайской краевой универсальной научной библиотеки имени В.Я. Шишкова // Алтайский край. 2009 г.: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул: Принтэспресс, 2008. С. 178–180.
9. Ковалева А.М. Явление весьма отрадное... // Алтай библиотечный. Барнаул: РИО АКУНБ, 2005. С. 94–97.
10. Артемьевна Е.Б. Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII–XX вв.). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. 422 с.
11. Ваников Д.А. Эпоха застоя. М.: Мир книги, 2008. 240 с.
12. Приказ Министерства культуры РСФСР «О мерах по улучшению деятельности областных, краевых, республиканских (АССР) библиотек РСФСР» от 28 июля 1965 г. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6275.htm (дата обращения: 07.10.2017).
13. Постановление ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» от 8 мая 1974 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в революциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). М.: Госполитиздат, 1986. Т. 12. С. 418–424.
14. Приказ Министерства культуры РСФСР «О типовом уставе и примерной структуре государственной республиканской (АССР), краевой, областной универсальной научной библиотеки» от 4 февраля 1983 г. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11451.htm (дата обращения: 07.10.2017).
15. Литература об Алтайском крае: библиографический указатель. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1968. 220 с.
16. Денинингхаус В., Савин А.И. Леонид Брежнев: публичность против сакральной власти // Российская история. 2012. № 4. С. 179–194.
17. Няшин Г.Д. Некоторые моменты истории Барнаула. Барнаул: Гос. тип. Красный Алтай, 1929. 24 с.
18. Страницы из истории Алтая: библиографический указатель. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1971. 77 с.
19. Бредихина Н.А. Исторический обзор: 1929–2009 гг. // Страницы истории. Областной научной библиотеке – 80 лет. Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2009. С. 12–50.
20. Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789–1959). Новосибирск: б.и., 1972. Ч. 1: Журналы. Продолжающиеся издания. 284 с.
21. Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789–1959) Новосибирск: б.и., 1974. Ч. 2: Газеты (1857–1959). Вып. 1. 252 с.
22. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 370.
23. ГААК. Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 813.
24. ГААК. Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 1065.
25. ГААК. Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 2058.

УДК 791.43

М.С. Петренко

*Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета (Новосибирск, Россия)*
**ОБРАЗ АЛТАЙСКОЙ ДЕРЕВНИ НАЧАЛА 1970-х ГГ.
В ФИЛЬМЕ В.М. ШУКШИНА «ПЕЧКИ-ЛАВОЧКИ»
И В СОЗНАНИИ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ**

Статья посвящена анализу несоответствия схем восприятия алтайской деревни местными жителями и тем образом, который сложился в сознании В.М. Шукшина. На примере фильма «Печки-лавочки», съемки которого проходили на Алтае, показан разрыв в оценках

фильма и раскрыт источник их несовпадения. Различия в способах конструирования образа алтайского села во многом базировались на разном отношении к деревне как таковой у самих селян и Шукшина. Если первые утратили к ней интерес и мечтали жить либо в городе, либо, как в городе, то Шукшин тосковал по уходящей деревенской натуре и видел в алтайской деревне преимущественно патриархальные черты.

Ключевые слова: Шукшин, Алтай, кинематограф, деревенские жители, деревенское сознание.

Одним из источников изучения недавнего прошлого являются художественные фильмы. Видение режиссером снимаемых сцен, натура для съемок, передаваемые в художественной форме характеры героев содержат важную информацию, без обращения к которой понимание прошлого может оказаться проблематичным. Одним из таких фильмов является картина В.М. Шукшина «Печки-лавочки». Достаточно вспомнить снятые оператором А.Д. Заболоцким кадры привокзальной площади и самого вокзала г. Бийска 1972 г., а также проводы главного героя фильма, где заняты родственники и односельчане Шукшина. На них отчетливо видно, какие тогда были люди, как одевались, как выглядели.

Однако это только один взгляд – взгляд писателя и режиссера. Жители Алтая и сами участники съемок смотрели на происходящее совсем другими глазами. Это ставит проблему изучения алтайской деревни в тесную связь с вопросом конструирования ее образа в сознании различных социальных групп.

В.М. Шукшин в сознании жителей Алтая является значимой культовой фигурой во многом потому, что воспел родной край в своем творчестве, навечно закрепив созданные образы в литературе и кинематографе. Однако Шукшин принадлежал к той категории лиц, которые покинули свою деревню, но сохранили привязанность к местам своего детства и ранней юности, что предопределило формирование специфического взгляда на Алтай, существенно контрастирующего с восприятием его местными жителями. Это особенно заметно при анализе оценок фильма Шукшина «Печки-лавочки» его земляками. Сложился своеобразный парадокс. Культовый общепризнанный на Алтае маститый художник нарисовал алтайскую деревню и ее жителей так, что сами жители не узнали себя в шукшинском изображении и выразили массовое недовольство из-за искажения их образа. Точнее они узнали себя в шукшинских героях, но им не понравилось то, какими увидел их писатель со стороны.

По сути, мы имеем дело с различными способами конструирования реальности, за которыми стоят разные схемы восприятия. Шукшин до конца своих дней оставался человеком, горячо любившим свою малую родину. Получив после выхода фильма «Печки-лавочки» поток гневных писем от местных жителей, Шукшин пытался оправдываться. Обвинения

в адрес режиссера в искажении образа сельского труженика были для Шукшина полной неожиданностью, поскольку, как признавался сам Шукшин, в фильм было вложено не только много труда, но и любовь к родине, к Алтаю, какая живет в его сердце [1, с. 103].

Раскрывая свое отношение к малой родине, Шукшин признается в глубокой любви к Алтаю, в том, что живет им, что он придает ему силы. Родная речь, родной воздух, песня, знакомая с детства, для Шукшина выступали источником той силы духа и жизнестойкости, которая питала его творчество. Отсюда романтизация алтайской деревни, где писатель родился и вырос. В повседневных буднях тружеников Шукшин видел не мелкие хлопоты и проблемы селян, а песнь родного края, которую он хотел спеть и как художник выразить в своих произведениях. Если жители Алтая в начале 1970-х гг. гордились тем, что деревня ушла далеко вперед по сравнению с недавним прошлым, то Шукшина интересовало совсем другое. В трудах и заботах людей он видел в первую очередь сибирский дух алтайской деревни, обращался к его корням, истокам. Прошлое не пугало его, а наоборот, питало. «И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови», – писал Шукшин [1, с. 111].

Идеализм был присущ не только тем, кто уехал из деревни в большие города, но и тем, кто остался. Однако характер этого идеализма был совершенно иной. Жители деревни воспринимали происшедшие за последние годы перемены как качественное преображение их жизни. Удручающая Шукшина трансформация алтайской деревни для самих ее жителей казалась делом прогрессивным. Всем хотелось порвать с традиционной отсталостью деревни от города, и появление элементов городского стиля в сельском укладе воспринималось не как отрыв от корней, не как утрата основополагающих принципов организации крестьянской жизни, а как рывок вперед, которым гордились и дорожили.

Если Шукшин ценил остатки деревенской патриархальности, то сами жители деревни ей тяготились. Критика Шукшина в этом отношении во многом перекликалась с настроениями его односельчан: «Хорошо зная наших сельских жителей, можно смело сказать: не такие уж они «деревенские» сейчас, какими их показал Шукшин» [2, с. 3].

Алтайской деревни претило, что Шукшин выставлял своих земляков отсталыми не вполне городскими жителями. Но Шукшин наоборот видел в них соль земли русской, обнаруживал в их душах искренность и неподдельность, которую противопоставлял той фальши городской жизни мелкого обывателя, которого презирал и ненавидел. Ведь главный враг Шукшина – маскирующийся под культурного человека обыватель, псев-

доинтеллигент. Не случайно свое время он называл эпохой великого наступления мещан [3, с. 41].

Источник духовно-нравственного становления человека у Шукшина в неразрывной связи с родиной. Именно отрыв от своих корней, усвоение прагматики городской цивилизации порождает искусственность отношений, заставляющих человека ломать себя [4, с. 84].

Вторжение в жизнь потребительских ценностей, расползающаяся психология мещанства, по мнению Шукшина, сближала простых бесхитростных деревенских жителей с интеллигенцией, антимещанской по своей природе. В заявке на картину «Печки-лавочки» Шукшин писал, что хочет показать несоответствие между «истинным значением и наносной сложностью и важностью, какую люди пустые с удовольствием усваивают...», т. е. еще раз напомнить людям, что все-таки сложность, умность, значимость – в простоте и ясности нашей, в неподдельности» [3, с. 70].

Фильм «Печки-лавочки», по сути, отразил размышления Шукшина о судьбе русской деревни и жизни в целом. Василий Макарович не мог принять утверждающихся повсюду ценностей рынка и потребительства, искажающих и уничтожающих естественное благородство и неподдельность бытия. В городе заправляет рубль, сокрушая главный герой фильма, теперь он начинает заправлять и в деревне.

Шукшин сильно переживал по поводу того, что деревня теряет свое лицо, а деревенская жизнь перестает быть самоценной, что только та деревня привлекательна, которая больше похожа на город. Поэтому Шукшин и всматривался в алтайское село, еще сохранявшее в то время многие патриархальные мотивы, вытаскивал на поверхность то, что уже отмирало, и с нежным трепетом вырисовывал столь близкие его сердцу черты уходящей деревенской натуры. Именно это и вызывало негодование: «Какой-то патриархальностью вдруг начинает веять с экрана, а Шукшин не замечает этого, как бы даже отстаивая мнимую чистоту и обаяние якобы кондовой деревенской морали» [2, с. 3].

Ностальгия Шукшина по уходящей деревенской жизни, какой он ее помнил из детства и какую хотел сохранить, была глубоко чужда его односельчанам, которым хотелось если не уехать в город, то хотя бы жить на городской манер. Если Шукшин, попавший во многом в чужой для него мир столичной богемы, видел в крестьянском говоре, песне кусочки той прошлой жизни, за которую он цеплялся, то самим сельским жителям Алтая было глубоко оскорбительно, что в них усматривали неотесанных мужланов. Сам Шукшин, попав в Москву, долго тяготился своим крестьянским происхождением, обижался, когда в нем видели «деревенщину». Однако не замечал, что сам причинял боль своим односельчанам, подменяя деревенский колорит и акцентируя на нем свое внимание. Как говорил

один шофер: «Ну что Шукшин? Описал, какие мы дураки – теперь весь мир потешается» [6].

Шукшина ругали за карикатурный образ сельского жителя, простого и наивного. Ольга Бокова из села Шульгин Лог, где проходили съемки фильма «Печки-лавочки», рассказывала: «Бабушка говорила, Фетинья Егоровна, мы посмотрели фильм, нам так неудобно стало. Чё мы пляшем и поём? В работе бы показать» [7].

Отношение к Шукшину и его творчеству на родине было неоднозначным. При жизни Шукшина ни разу не издали на Алтае, если не считать рассказ «Дядя Ермолай» в газете «Алтайская правда» 1971 г., что не помешало руководству и жителям края в дальнейшем сделать его культовой фигурой.

Многие считали Шукшина зазнавшимся, оторвавшимся от родной земли барином, опозорившим своих земляков. «Ну, расскажи, Василий, и как это ты из лаптя в сапог превратился?» – норовили его спросить односельчане [8]. Многим казалось, что писать легко, Шукшин же пишет. В Сростках появилось сразу несколько «писателей», которые таили обиду на односельчанина, за то, что их рассказы никто не печатает. Ходили слухи о несметных богатствах Шукшина, поэтому земляки постоянно просили у него денег. Оператор Заболоцкий был свидетелем такого разговора среди селян: «Разве у помещика могло быть столько техники и людей в служении, а Шукшин держит. Говорят, колхозу отвалил четыреста пятьдесят тысяч на детсад» [5].

Все эти пересуды стали одной из причин той неловкости и обиды, которые Шукшин испытывал, встречаясь с земляками. Не случайно мать Шукшина Мария Сергеевна не хотела сниматься у сына: «И так деревенские проходу не дают, сам снимаешься – и ладно, а то и меня срамить взымутся» [5]. Последняя фраза наглядно свидетельствует о том, что матери Шукшина неоднократно приходилось выслушивать от односельчан нелестные для ее сына слова, тем более что Василий Макарович не только срисовывал образы своих героев с реальных людей, но и использовал в своих сочинениях их подлинные фамилии.

Таким образом, вопрос о реконструкции образа алтайского села начала 1970-х гг. упирается в проблему удвоения реальности. Системы координат Шукшина и односельчан, которых он снимал, оказались совершенно разными. Все это требует переосмыслиния самих подходов к изучению сибирской деревни, и ставит перед необходимостью обращения к сознанию сельских жителей и формам его выражения, включая художественное творчество.

Библиографический список

1. Шукшин В.М. Слово о «малой родине» // Шукшин В. Нравственность есть правда. М.: Советская Россия, 1979. С. 103–111.
2. Явинский В. А времена меняются... // Алтайская правда. 1973. 15 апреля.
3. Варламов А.Н. Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015.
4. Савельева Е.Н. Кино в Сибири и кино о Сибири: проблема тематической специфики регионального кинематографа // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 81–85.
5. Заболоцкий А. Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора. «Печки-лавочки» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.host2k.ru/library/shukshin-v-kadre-i-za-kadrom-zapiski-kinooperaora3.html> (дата обращения: 24.09.2017).
6. Заболоцкий А. Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора. О подменах воспоминающих [Электронный ресурс]. URL: <http://www.host2k.ru/library/shukshin-v-kadre-i-za-kadrom-zapiski-kinooperaora6.html> (дата обращения: 24.09.2017).
7. «Печки-лавочки»: как проходили съёмы на Алтае и почему фильм не понравился местным жителям? [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti22.tv/video/pechki-lavochki-kak-prohodili-syomki-na-altae-i-pochemu-film-ne-ponravilsya-mestnym-zhitelyam> (дата обращения: 24.09.2017).
8. Шелгунова О. Творческий путь В.М. Шукшина [Электронный ресурс]. URL: <http://syrik.narod.ru/shukshin.htm> (дата обращения: 24.09.2017).

УДК 94 (470)

О.В. Степанова

*Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия)*

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ САНИТАРНОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, БЛАГОУСТРОЙСТВА И ВОДОСНАБЖЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (К 95-ЛЕТИЮ САНИТАРНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ)

Санитарно-эпидемиологическая служба Советского государства выстраивается как система с сентября 1922 г. На региональном уровне в Алтайском крае система санитарно-гигиенического надзора активизирует свою работу в военный период. Высокий уровень заболеваемости населения Алтайского края, особенно эпидемиологическими инфекциями, связывался, в том числе, с недостатками водоснабжения, несоблюдением санитарно-гигиенических норм в хозяйстве и быту, с условиями труда и быта, с недостатками санитарной очистки, благоустройства населённых мест, с ситуацией загрязнённости окружающей среды в связи с усиливающейся промышленной нагрузкой на окружающую среду. Упорядочение этих вопросов, напрямую влияющих на состояние здоровья населения и на демографические процессы, стало важной задачей региональный органов власти и санитарно-эпидемиологической службы в послевоенный период.

Ключевые слова: история здравоохранения, Алтайский край, санитарно-эпидемиологическая служба.

В XX в. санитарно-эпидемиологическая служба Алтайского края достигла определенных успехов не только в борьбе с инфекционными за-

болеваниями, а также в реализации мер, направленных на снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха, воды, почвы, на контроль за водоснабжением и благоустройством, условиями труда работающего населения.

В 1922 г. на Алтае появились первые санитарные врачи. В 1933 г. организована Государственная санитарная инспекция, а с апреля 1941 г. создана Барнаульская городская санэпидстанция. В 1948 г. в Барнауле появилась краевая санитарно-эпидемиологическая станция, которая стала руководить всей профилактической и противоэпидемической работой, а также организацией текущего санитарного надзора.

В первые послевоенные годы многие аспекты комплексной системы санитарно-эпидемиологического надзора не работали. К постоянным вспышкам инфекционных заболеваний приводили нарушения профилактических мероприятий и плохое санитарное состояние населённых пунктов. Особенно неблагополучными по заболеваемости желудочно-кишечными инфекциями были города, что указывало на явные нарушения в их санитарно-гигиеническом состоянии. Передислокация на Алтай ряда промышленных предприятий создала повышенную техногенную нагрузку на окружающую среду. Общий недостаток и ухудшение санитарных характеристик жилищного фонда, скученность в общежитиях, гостиницах, оборачивались антисанитарией. Регулярная санитарная обработка населения, являющаяся одним из важнейших мероприятий в деле профилактики инфекционных заболеваний, не производилась в полной мере по причине неразвитостибанно-прачечного хозяйства в крае и недостатка моющих средств. Сложная эпидемиологическая ситуация сложилась в крае по причине антисанитарного состояния населённых мест, особенно крупных городов (Барнаул, Бийск, Рубцовск, Горно-Алтайск). В постоянном антисанитарном и неблагополучном эпидемиологическом состоянии из года в год находился ряд рабочих окраин Барнаула (посёлки Западный, Восточный, Барабинский) [1, л. 22].

Неготовой к резкому увеличению населения городов края оказалась водопроводно-канализационная сеть региона. Обеспечение населения водопроводной водой стояло на низком уровне, не соответствовало потребностям. Всего к 1950 г. в Алтайском крае имелось 3 коммунальных водопровода, 173 артезианских скважин, 11965 колодцев общественного пользования, 20 водопроводов промышленных предприятий [2, л. 10]. В связи со сложным техническим состоянием городских водопроводных сетей, а также большого процента нецентрализованного водоснабжения, практически не подпадающего под контроль санитарных служб, на очень низком уровне находилось качество питьевой воды. Технические и сточные воды промышленных предприятий и канализаций не обеззараживались и спус-

кались в реки, часто даже в черте городов. Очистные установки на водопроводах были редким явлением, хлорирование проводилось нерегулярно, вода чаще всего поступала в сеть без предварительной очистки и обеззараживания. Это увеличивало опасность возникновения желудочно-кишечных и других заболеваний.

Следует отметить, что санитарные органы предпринимали определённые меры с целью исправления подобного тяжёлого положения. С начала 1950-х гг. по мере укрепления правовых основ санитарного надзора в стране усиливался контроль над водными источниками и санитарно-техническим состоянием водопроводной сети края. Началась работа по установлению зон санитарной охраны центральных, стали производиться ограждения источников водоснабжения и водопроводных сооружений, ликвидация их загрязнённости, улучшение снабжения органов коммунального хозяйства хлором и хлорной известью для обеззараживания воды. С 1949 г. в краевой СЭС осуществляется проведение коммунальных и пищевых санитарно-химических лабораторных исследований. К 1954 г. был наложен ежедневный бактериологический контроль водопроводной воды [3, л. 23]. В начале 1950-х гг. санитарные службы активизировали мероприятия по «паспортизации» колодцев и артезианских скважин.

Не менее важным в работе органов здравоохранения, санитарно-эпидемиологических служб после войны в деле достижения эпидемического благополучия городов становился промышленный надзор, тем более что в крае появилось много новых промышленных объектов. Промышленная санитария в первые послевоенные годы представляла собой печальное зрелище. Типичной картиной для алтайский промышленных предприятий были нарушения санитарно-гигиенических норм на производстве и грязные выбросы в окружающую среду, тем более что очень много объектов на Алтае было развернуто в экстренном порядке в ходе эвакуации промышленных предприятий с Запада в военный период. Строительство новых цехов осуществлялось без учёта необходимости душевых, прачечных, бытовых помещений и гигиенических комнат. Одним из примеров грубейших нарушений условий труда был Акташский ртутный рудник в Горном Алтае. Несмотря на то, что здесь было очень вредное для здоровья, не механизированное производство, у рабочих совершенно не было никакой защиты от паров ртути. В 1945 г. на этом руднике было зарегистрировано 52 случая хронической интоксикации ртутью. Администрация рудника не реагировала на замечания ГСИ и не выполняла её рекомендации [4, л. 165]. Примеры такого пренебрежения правил встречались и на ряде других предприятий края. Становилось ясным, что без решения вопросов санитарного благоустройства населённых пунктов и оздоровления условий труда и быта нельзя было переломить ситуацию с неблагополучным эпи-

демиологическим положением. Государство было заинтересовано в поддержании высоких темпов промышленного производства, поэтому потребовало от органов здравоохранения принятия действенных мер к охране здоровья рабочего класса. Уделяя большое внимание санитарно-гигиенической работе, имеющей народнохозяйственное значение, правительство приняло ряд постановлений, направленных на улучшение санитарного благополучия промышленных и сельскохозяйственных предприятий. В ряде решений краевых властей конца 1940-х – начала 1950-х гг. вопросы снижения желудочно-кишечных заболеваний прямо увязывались с мерами по улучшению санитарного состояния населённых мест [2, л. 22; 4, л. 52].

Но многие правильные решения в области налаживания санитарного порядка в первые послевоенные годы во многом оставались нереализованными, и это осознавалось краевыми властями как одна из самых сложных проблем в деле борьбы с высоким уровнем инфекционной заболеваемости. Во второй половине 1950-х гг. менялась социальная политика государства, менялся и подход к проблеме обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия территории страны. Перед санитарно-эпидемиологическими органами не только были поставлены масштабные задачи в области санитарного надзора, но они поддерживались на государственном уровне всеми службами и структурами исполнительной власти, советско-партийными органами, общественными организациями. Конечно, не все проблемы в аспекте санитарно-эпидемиологического благополучия Алтайского края удалось решить в эти годы, но был сделан большой задел (проектирование и закладка канализационных и водопроводных сетей, благоустройство населённых мест, ликвидация ряда инфекционных заболеваний и др.), положительное влияние которого население Алтайского края ощущает и сегодня. 24 мая 1960 г. вышло совместное постановление бюро Алтайского крайкома КПСС и Алтайского крайисполкома № 484 «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения края» [5, л. 67]. В области охраны окружающей среды предусматривалось осуществление мероприятий по ликвидации и предупреждению загрязнения рек Оби, Алея, Бии и других водоёмов, почвы и атмосферного воздуха вредными промышленными выбросами и хозяйственно-бытовыми отходами, улучшению водоснабжения, канализирования, по санитарной очистке населённых мест. Предусматривались меры по улучшению условий труда на промышленных предприятиях, санитарно-гигиенических условий в школах, санитарно-просветительской работы, привлечению населения к проведению санитарно-оздоровительных мероприятий. На рубеже 1950–1960-х гг. в 9 городах и 6 рабочих посёлках,

35 районах края были начаты работы по улучшению состояния водоснабжения и строительству водоисточников [6, л. 77].

Всё большее значение для санитарно-гигиенического благополучия населения приобретали аспекты охраны окружающей среды от техногенных загрязнений. Ускоренная урбанизация требовала большего внимания к состоянию хозяйствственно-бытовой канализации. Промышленное развитие обострило проблему строительства очистных сооружений. Но в крае проблема строительства очистных сооружений промышленных предприятий и городских канализаций не разрешалась очень долго. Вопрос о строительстве канализаций, очистных сооружений начал обсуждаться краевыми властями только в начале 1950-х гг. Именно в этот период санитарно-эпидемиологические службы расширяют санитарно-гигиенические исследования и всё активнее выходят с предложениями к органам исполнительной власти о мерах ликвидации загрязнений атмосферы и водоёмов и улучшения состояния канализаций городов и районов. Например, в 1959 г. в черте г. Барнаула коммунальный отдел краевой СЭС провёл изучение влияния сточных вод предприятий на санитарный режим реки Оби и представил результаты краевым властям. В результате, решениями крайисполкома и распоряжениями Совнархоза были утверждены конкретные оздоровительные мероприятия по охране водоёмов от загрязнения сточными водами [6, л. 76]. В дальнейшем, соответствующие решения и постановления на государственном, региональном и местных уровнях принимались практически ежегодно. Но, несмотря на эту регулярность, можно говорить лишь о том, что работа по налаживанию системы охраны окружающей среды в интересах здоровья населения только начиналась. Алтайский край выглядел не лучшим образом в этом аспекте, даже по сравнению с другими регионами Сибири. Санитарная служба, накапливая результаты многолетних лабораторных наблюдений за атмосферой и водными ресурсами, наблюдала тревожные тенденции. В 1960-е гг. промышленные предприятия края наращивали производственные мощности, что соответственно увеличивало техногенную нагрузку на окружающую среду. Темпы канализационного и водопроводного строительства не успевали за темпами урбанизации.

Направленность в деятельности санитарно-эпидемиологической службы в послевоенные годы непосредственно сочеталась с проблемами развития страны на данном этапе: народнохозяйственным ростом, жилищным, коммунальным и культурно-бытовым строительством; и задачами, стоящими перед системой здравоохранения: снижением инфекционной заболеваемости и оздоровлением условий труда и быта населения. Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия и проведение всех санитарно-гигиенических и оздоровительных мероприятий не являлось

функцией только санитарно-эпидемиологической службы. В этой важной общегосударственной работе активное участие принимала вся сеть лечебно-профилактических учреждений, другие ведомства (коммунальные службы, хозяйствственные структуры), государственно-партийные структуры и общественные организации.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 152.
2. ГААК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 222.
3. ГААК. Ф. Р-726. Оп. 5. Д. 132.
4. ГААК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 214а.
5. ГААК. Ф. Р-726. Оп. 5. Д. 6.
6. ГААК. Ф. Р-726. Оп. 5. Д. 31.

УДК 069.02(571.150)

Т.В. Тишкина, О.В. Какоткина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

МУЗЕЙ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА БАРНАУЛА

Музей истории развития образования города Барнаула действует с 2008 г. Оформлены экспозиции «Зарождение и развитие образования в Барнауле (1753–1917 гг.)», «Состояние образования в советский период (1917–1991 гг.)», «Образование в Барнауле в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», «Учительская слава Барнаула». В музее реализуются временные выставочные проекты. Сотрудники учреждения оказывают методическую помощь преподавателям курса «Барнауловедение», руководителям школьных музеев, способствуют развитию научно-исследовательской деятельности педагогов и учащихся.

Ключевые слова: музей, история образования, экспозиция, Барнаул.

Динамичное развитие образования в Барнауле, характеризующееся гуманизацией учебной и внеурочной работы, созданием школ нового типа, появлением различных новаций в учебном процессе и воспитательной работе, обусловило потребность в обобщении и осмыслиении педагогического наследия и оптимизации использования накопленного опыта посредством создания «Музея истории развития образования города Барнаула».

Музей был призван стать уникальным по профилю деятельности учреждением, сочетающим работу по созданию музейного собрания, его экспонированию и популяризации; активному участию в современном образовательном и воспитательном процессе с целью формирования уважения к труду учителя, чувства гордости за историю и современное состояние деятельности педагогических коллективов Барнаула; увековечиванию памяти талантливых педагогов.

Для создания музея было предоставлено помещение на первом этаже здания по адресу: ул. Союза Республик, 44. Открытие Музея истории развития образования города Барнаула состоялось 24 января 2008 г. и было приурочено к 255-летию начала работы школы словесности при Барнаульском сереброплавильном заводе [1, с. 3]. Учредителем музея стал городской комитет по образованию администрации г. Барнаула. Музей возглавила Ольга Васильевна Какоткина, сотрудником стала Елена Анатольевна Воронкина – одна из лучших преподавателей краеведения и барнауловедения, победитель конкурса педагогов «Признание-2007» [2, с. 14].

Направления деятельности музея заключаются в научно-документированном воссоздании истории развития образования в Барнауле в XVIII–XXI вв.; обобщении и распространении накопленного педагогического опыта; предоставлении методической помощи руководителям школьных музеев; выполнении функций консультационного центра, обеспечивающего продвижение инновационных идей в педагогике и способствующего развитию научно-исследовательской деятельности преподавателей и учащихся.

Быстрый рост музейного фонда способствовал формированию нескольких экспозиций. В одной из них – «Зарождение и развитие образования в Барнауле (1753–1917 гг.)» – воссоздана часть интерьера горнозаводской школы: икона, полка, лавка и стол для учеников. Включение в экспозицию торбы для школьных принадлежностей, свечи, лотка с мокрым песком для упражнений в письме, гусиного пера и листа бумаги, произведенной в XVIII в., способствует появлению у посетителей ощущения сопричастности к процессу обучения. Они могут заглянуть в раскрытый Псалтырь XIX в. и попытаться прочесть его строки. В экспозиции так же представлены копии архивных документов и различные материалы о деятельности Барнаульского горного училища (с 1785 г.), учебных заведений XIX – начала XX в. (смешанного одноклассного училища, мужской и женской казенных гимназий, частной гимназии М.Ф. Будкевич). Уделено внимание демонстрации роли благотворителей и членов Общества попечения о начальном образовании в Барнауле (1884–1919 гг.) в распространении просвещения. Раритетами экспозиции являются билет 1915 г. ученицы женской гимназии Сусанны Колмаковой, включающий правила поведения барышни [3, с. 25]; коллективные фотографии начала XX в. воспитанников различных учебных заведений Барнаула, учебные издания.

Другим важным этапом в развитии образования стал советский. О процессах обучения и воспитания этого времени повествуют экспозиции «Состояние образования в советский период (1917–1991 гг.)» и «Образование в Барнауле в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», в которых демонстрируются разнообразные документальные, фотографи-

ческие и вещественные материалы. Интерес посетителей вызывают письма с фронта В. Драчева учительнице русского языка и литературы барнаульской школы №25 Г.В. Пантишиной; парты с откидными крышками; образцы школьных форм и портфелей; перьевые ручки, чернильницы-непроливайки, чернильный порошок; ученические тетради и учебники разных лет изданий; коллекция диафильмов; выпуски газеты «Пионерская правда»; октябрятская и пионерская атрибутика (значки, знамена, барабаны, горны, галстуки) и др. [4, с. 4]. Особое внимание уделяется судьбам школьных работников, репрессированных в 1930-е гг., а также обучению в годы Великой Отечественной войны и лучшим достижениям советской системы образования. При сборе информации сотрудниками музея установлен тесный контакт с педагогами-ветеранами и жителями города, так как в послевоенные годы некоторые школы были закрыты или переформированы, а их архивы со временем оказались утрачены. В музее оформлена экспозиция «Учительская слава Барнаула», посвященная деятельности лучших педагогов города.

Посетителям предлагаются обзорная и 16 тематических экскурсий, среди которых «Барнаульского завода школа», «Городская реформа 1870 г. и система образования», «История Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина», «Дошкольное образование», «Технические средства обучения, школьные принадлежности, учебная и методическая литература», «Учителя-фронтовики», «Лучшие педагоги города» и др. Для слушателей Алтайского краевого института повышения квалификации работников образования реализуется виртуальная экскурсия «История барнаульской школы». Ежегодно музей принимает около 7 000 посетителей.

Логичным дополнением работы по усовершенствованию устройства экспозиций является разработка выставочных проектов. В отличие от стационарных экспозиций, как правило, действующих довольно долго, выставки являются более динамичной формой работы, предполагающей демонстрацию разнообразного экспонируемого материала. Благодаря активной выставочной работе, сотрудникам музея удается поддерживать постоянный интерес посетителей к учреждению. В музее имеется выставочный зал, в котором педагоги учебных заведений города и их воспитанники имеют возможность выставлять свои работы, проводить мастер-классы, творческие отчеты. Следует упомянуть, что общая экспозиционная площадь музея достигает 120 кв. м.

С 2010 г. успешно реализуется долговременный выставочный проект совместно с Краевым государственным казенным учреждением «Государственный архив Алтайского края», Алтайским государственным краеведческим музеем, Государственным музеем истории литературы, искусства и культуры Алтая, частным музеем С.В. Корепанова «Мир времени».

В результате данного проекта были подготовлены следующие выставки: «Он не имел вины перед Родиной», посвященная репрессированным педагогам; «Народное образование в Барнауле в 1753–1917 гг.»; «Народное образование в Барнауле в 20-е гг. XX в.»; «Степан Павлович Титов – педагог-просветитель».

В зале Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова сотрудники музея организовали выставку «История народного образования города Барнаула». Выставка «Учительская слава города Барнаула» демонстрировалась в музее истории народного образования АлтГПУ. В Музее истории развития образования г. Барнаула сформирован опыт участия в культурной акции «Ночь музеев».

Музей действует и как информационно-ресурсный центр, на базе которого работают два методических кабинета по курсам «Барнауловедение» и «Музееведение». Основными направлениями их деятельности являются: систематизация методических и информационных материалов; консультирование и оказание методической помощи преподавателям в проведении открытых уроков, семинаров, конференций; выявление, обобщение передового педагогического опыта и внедрение инновационных технологий в учебный процесс образовательных учреждений; организация совместно с педагогами учебных заведений города, представителями органов муниципального управления научно-практических, научно-методических конференций и т.д. Ежегодно проводится более десяти семинаров по краеведению и музееведению, среди которых «Музейная педагогика в образовательном пространстве города Барнаула. Проблемы. Решения. Пути развития», «Использование ИКТ в преподавании курса “Барнауловедение”», «Опыт преподавания курса “Барнауловедение” в начальной школе», «Формы сотрудничества со школьными музеями» (для руководителей школьных музеев), «УМК по курсу “Краеведение” в начальной школе» (для учителей начальных классов по курсу «Барнауловедение»).

Результатом многолетней научно-исследовательской деятельности сотрудников Музея истории развития образования города Барнаула является издание сборника разработок уроков и внеклассных мероприятий по курсу «Барнауловедение» – «Город мой – мой Барнаул». Значительная работа была проделана по дополнению и подготовке к публикации материалов, собранных писателем-краеведом В.Ф. Гришаевым и ведущим археографом Государственного архива Алтайского края А.А. Колесниковым [5, с. 2]. В 2010 г. книга «Барнаульские педагоги – жертвы политических репрессий» увидела свет.

Сотрудники Музея истории развития образования города Барнаула стали инициаторами проведения ежегодного Открытого городского конкурса-смотра музеев образовательных организаций «Музейный фести-

валь», в рамках которого проходят соревнования юных экскурсоводов по заранее утвержденной теме и конкурс «Сокровища школьного музея». Так, например, в 2014 г. в трех секциях конкурса юных экскурсоводов «Историко-культурное наследие Алтайского края: Объекты, люди, события» учащиеся 2–11 классов из 17 школ и гимназий города продемонстрировали 33 проекта разнообразной тематики: «Школьная реликвия»; «Барнаульские тропинки А.С. Пушкина»; «Искусство, прошедшее сквозь годы»; «Экскурсия-исследование состояния памятников Троицкого района» и др. В 2015 г. в рамках конкурса юных экскурсоводов были представлены 32 экскурсии. В 2016 г. – 35 экскурсионных проектов, среди которых «Великие сыны Алтая: Герман Титов – покоритель космоса», «Глеб Бельшев – барнаульский художник», «Я поведу тебя в музей истории школы “Дружба”» и др. В стенах музея проходят и городские историко-краеведческие конференции школьников.

В своей работе сотрудники Музея истории развития образования города Барнаула активно используют как традиционные, так и инновационные формы культурно-образовательной деятельности. Базовой формой работы с посетителями являются экскурсии по экспозиционным залам. Сформирован опыт реализации разнообразных мероприятий (праздников, лекций, мастер-классов), посвященных различным аспектам истории и практики народного образования. Музей работает с поливозрастной аудиторией, проводя массовые мероприятия, приуроченные к знаменательным датам. Подобная организация деятельности дает определенные эффекты – популяризирует историко-культурное наследие и привлекает внимание посетителей. Музей истории развития образования города Барнаула позиционируется как учреждение, способствующее глубокому освоению знаний, формированию у посетителей уважения к традициям прошлого.

Библиографический список

1. Доценко Е. В Барнауле появился Музей знаний // Вечерний Барнаул. 2008. 26 января. С. 1, 3.
2. Тепанян К. Воспитать важнее, чем научить // Вечерний Барнаул. 2009. 5 сентября. С. 14.
3. Кочетыгова Т. Билет для гимназистки // Свободный курс. 2013. 7 июня. С. 25.
4. Малышкина И. Уроки прошлых лет // Алтайская правда. 2013. 6 марта. С. 4.
5. Щиголева Е. «Осужден... без права переписки» // Вечерний Барнаул. 2010. 3 ноября. С. 2.

УДК 069:004.738.5(571.150)

М.В. Рыгалова

Алтайский государственный институт культуры (г. Барнаул, Россия)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ИЗУЧЕНИИ МУЗЕЕВ РЕГИОНА

Сеть Интернет сегодня рассматривается в качестве мощного и, пожалуй, одного из самых эффективных каналов связи между музеями и их потенциальной аудиторией, позво-

ляет установить заочный контакт с посетителями. Однако отсутствие собственных web-страниц у большинства муниципальных, школьных и отраслевых музеев или их слабая техническая оснащенность, ставит потенциального посетителя перед необходимостью поиска новых источников информации о конкретном музее, в частности, обращение к общегосударственным ресурсам. В статье приводится анализ крупнейших государственных информационных порталов, на которых размещена информация о музеях России с целью выявления степени полноты и актуальности информации о региональных музеях Алтайского края. Рассматривается структура информационных порталов, представленные данные, а также имеющиеся инструменты поиска.

Ключевые слова: музей, Алтайский край, информационные ресурсы.

Музеи являются проводниками истории, хранят подлинный смысл происходящих событий, имеющих важное значение для связи поколений. Кроме образовательного значения, музейные экспозиции несут в себе эмоциональное воздействие на посетителя и способствуют побуждению интереса к изучению отдельных исторических периодов или направлений развития, являясь, таким образом, механизмом воздействия на духовное развитие человека, культурную составляющую жизни общества.

Музейные предметы являются документальным источником, свидетельствующим об исторических фактах или событиях. Несмотря на расширение каналов получения информации, многие музеи остаются не охваченные вниманием как исследователей, так и посетителей. Чаще всего это школьные и муниципальные музеи, не имеющие выхода на большую аудиторию. Сегодня главным источником получения информации о музее являются их сайты и общедоступные государственные информационные ресурсы, отражающие информацию о музейном мире.

Государственные и наиболее крупные муниципальные музеи имеют web-сайты, на которых представлены общие сведения об учреждении. Школьные музеи, как правило, имеют свой раздел на сайте школы, реже – самостоятельный web-ресурс.

Степень наполненности сайта информацией у разных музеев значительно отличается. Например, на сайте Алтайского государственного краеведческого музея кроме общих сведений, информации о коллекциях, представлены виртуальные выставки, отражена издательская деятельность музея [1]. Подробное представление о коллекциях дает сайт Художественного музея Алтайского края. Здесь также представлены фотографии наиболее известных произведений [2]. Подробные описания фондов, выставок и музейных мероприятий представлены и на сайте Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая [3]. На сайте мемориального музея Г.С. Титова в разделе «музейный фонд» дается описание экспонатов, подкрепленное фотографиями [4]. Среди муниципальных музеев Алтайского края лишь немногие имеют свои собственные сайты. Чаще всего общая информация о таких музеях дается на сайте органа мест-

ного самоуправления (администрации района). По данным официальной статистики Управления Алтайского края по культуре и архивному делу, в крае насчитывается 66 муниципальных музеев и музеев при учреждениях муниципальной формы собственности (при библиотеках, домах культуры и проч.) Из них свои сайты имеют 15 музеев (в том числе крупные музеи Бийска, Рубцовска, Новоалтайска, Змеиногорска, Славгорода) [5]. Угловский и Залесовский краеведческие музеи имеют свои web-сайты с минимумом информации (историческая справка), не позволяющим составить представление о музеях [6; 7]. Можно отметить ряд очевидных проблем, связанных с качественным аспектом присутствия муниципальных музеев в сети Интернет: несоответствие web-контента сайтов (страниц) учреждений элементарным требованиям актуальности, полноты, динамики, достоверности, а также низкий класс их технического совершенства. Эти же проблемы актуальны и для школьных музеев. Около 35% школьных музеев представлены в сети Интернет, при этом преимущественно информация о школьных музеях размещена на сайте школы.

Информация о музеях различного профиля, уровня подчинения и ведомственной принадлежности в масштабах страны представлена на нескольких крупных информационных ресурсах. Так, портал «Музеи России» является универсальным ресурсом по музейному миру и содержит информацию по регионам, с краткой характеристикой истории создания музеев и формирования их собраний. Поисковая база сайта предлагает множество параметров поиска: по названию, по городу, типу музея, коллекции илициальному предмету. Также пользователю сайта доступен полный алфавитный список музеев, представленных на сайте и список 100 лучших музеев, по мнению пользователей сети Интернет [8]. По запросу поиска музеев в Барнауле, система выдает 6 результатов, в том числе Алтайский государственный краеведческий музей, Художественный музей Алтайского края, Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая, Мир времени и его выставочный зал, музей Город. Основными направлениями содержательной статьи о музее являются контактные данные, местоположение на карте, памятные даты и ежегодные мероприятия, историческая справка, характеристика собрания музея. Последняя включает в себя информацию о количестве единиц хранения, имеющихся коллекциях, наиболее ценных и уникальных экспонатах. Кроме того, приводится информация о тематических экскурсиях и других мероприятиях, которые проводит музей.

По запросу «Алтайский край» база данных портала «Музеи России» находит 60 музеев, среди которых государственные, муниципальные и один частный. Описательная информация о муниципальных музеях неоднородна. Описание некоторых музеев представлено достаточно полно

с подробным описанием коллекций (Алтайский районный краеведческий музей). Характеристика других музеев (Ключевский, Волчинский, Усть-Пристанский и др.) представлена небольшим количеством информации, которая дает лишь самые общие представления о музее.

Портал «Госкatalog» является официальным информационным ресурсом, на котором размещаются данные о музеях и их коллекциях. Музеи здесь представлены с возможностью их пространственной локализации на карте. С помощью инструментов поиска можно уточнить запрос, выбрав регион, профиль, статус или название музея [9]. Информация, представленная на данном сайте, включает описание 32 музеев Алтайского края, среди которых государственные и наиболее крупные муниципальные музеи. На сайте представлены музейные предметы, уже внесенные в информационную систему «Госкatalog» с их описанием. Согласно информации Министерства культуры РФ, в срок до 31.12.2025 г. музеи должны передать информацию о фондах, включенных в государственный музейный фонд для внесения в информационную базу «Госкatalog». Таким образом, ожидается, что к этому времени портал пополнится информацией о музейной сети края.

Портал культурного наследия, традиций России «Культура.рф», курируемый силами Министерства культуры Российской Федерации, специализируется на предоставлении лаконичной информации об истории и актуальном состоянии отдельных (крупных) музеев страны. Поисковые возможности сайта предусматривают учёт отдельных критериев искомого учреждения (регион расположения, тип, название и др.) Здесь также представлены наиболее крупные музеи с краткой исторической справкой, подкрепленной фотографиями наиболее ценных экспонатов. 50 государственных и муниципальных музеев Алтайского края представлены на этом портале [10].

Упомянутые web-порталы относятся к сегменту ресурсов гуманитарно-просветительского назначения, ориентированы на охват и популяризацию информации, которая связана преимущественно, с деятельностью крупных музейных структур России и не могут служить полезными источниками информации о работе малых музейных структур Алтайского края.

Согласно Приказу Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 21.02.2017 № 31 «Об утверждении реестра музеев Алтайского края» в крае официально насчитывается 95 музеев, 57 из которых государственные и муниципальные, 18 входят в состав учреждений, находящихся в муниципальной форме собственности, 12 – ведомственных, 8 – частных [11]. По данным Алтайского краевого центра детского отдыха, туризма и краеведения «Алтай», который ведет учет и курирует школьные

музеи края, учреждений, имеющих статус «музей образовательного учреждения» по данным на 2015 г. насчитывается в крае 255 [12].

Таким образом, комплекс общегосударственных информационных ресурсов сети Интернет, на которых представлены музеи регионов страны, а также сайты музеев, не содержат исчерпывающей информации о музейной сети Алтайского края, как для потенциальных посетителей музеев, так для музейных сотрудников и исследователей.

В этой связи возникает необходимость накопления информации о музеях Алтайского края в едином ресурсе, представленном в сети Интернет. Музейная сеть Алтайского края представлена учреждениями разного профиля, формы собственности, ведомственной принадлежности. Комплексная информация о музеях позволит использовать ее не только в направлении удовлетворения информационных запросов пользователей (потенциальных посетителей музеев), но и расширить направления исследования музейной сети края (разработка и включение музеев в туристические маршруты, оценка источниковедческого потенциала музейных коллекций и музейных предметов в качестве основных или вспомогательных источников в исторических исследованиях). В связи с возрастающим вниманием со стороны государственной власти и формированием государственных программ, направленных на изучение, сохранение и популяризацию историко-культурного наследия, а также в условиях информационного общества, необходимо дополнение информационных ресурсов, освещающих музейную сеть региона, представленных на просторах Интернета, а также их актуализация и систематизация.

Библиографический список

1. Алтайский государственный краеведческий музей [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://agkm.ru/> (дата обращения: 06.10.2017).
2. Государственный художественный музей Алтайского края [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://ghmak.ru/> (дата обращения: 06.10.2017).
3. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://gmilika22.ru/> (дата обращения: 06.10.2017).
4. Алтайский государственный мемориальный музей Г.С. Титова [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://www.muzeytitova.ru/> (дата обращения: 06.10.2017).
5. Управление Алтайского края по культуре и архивному делу. Реестр музеев Алтайского края [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://www.culture22.ru/institutions/museums/reestr-muzeev-altayskogo-kraya-2017.html> (дата обращения: 06.10.2017).
6. Угловский краеведческий музей [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://museum.ucoz.ru/> (дата обращения: 06.10.2017).
7. Залесовский районный краеведческий музей [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://putevodnik.ru/39814> (дата обращения: 06.10.2017).
8. Музеи России [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://www.museum.ru/> (дата обращения: 06.10.2017).

9. Государственный каталог музеиного фонда Российской Федерации «Госкatalog.РФ» [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://goskatalog.ru/portal/#/> (дата обращения 06.10.2017).
10. Культура.рф: портал культурного наследия, традиций народов России. Раздел «Музеи» [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: <http://www.culture.ru/museum/> (дата обращения: 06.10.2017).
11. Приказ Управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 21.02.2017 № 31 «Об утверждении реестра музеев Алтайского края». [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа:
<http://www.culture22.ru/upload/files/Реестр%20музеев%20Алтайского%20края%202017.pdf> (дата обращения: 06.10.2017).
12. КГБУ ДПО «Алтайский краевой центр детского отдыха, туризма и краеведения “Алтай”» [Электронный ресурс]. URL. Режим доступа: http://doocaltai.ru/FZ/osnov_sved.html (дата обращения: 06.10.2017).

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

УДК 94(571.150).08

S. Sibirjakowa, W. Chorobrowa

Die Altaier Staatsuniversität (Barnaul, Russland)

DIE DEUTSCHEN IN DER BEVÖLKERUNGSGESCHICHTE DER ALTAIREGION (XIX–XX JH.)

Ab XIX. Jahrhundert emigrieren die Völker der deutschen Nationalität aus dem europäischen Teil des Russischen Reichs in die Altairegion. Oft war die Auswanderung mit der Politik der Staatsoberhäupter dieser Zeitperiode verbunden. Deutsche, die an der großen Anzahl der freien Erde und am offenen Absatzmarkt der Handwerkswaren Interesse hatten, beginnen schnell zu akkulturieren und sich aktiv nicht nur in der wirtschaftlichen und kulturellen, sondern auch in der politischen Tätigkeit zu entwickeln. Schon zu Beginn des XX Jahrhunderts haben Deutsche ihre politischen Anschauungen auf die Lösung der Probleme jener Zeit. Trotz aller Schwierigkeiten hat es den Deutschen gelungen, ihre Kultur und ihre Traditionen zu bewahren.

Schlüsselwörter: Auswanderung, Deutsche, Sibirien, Altairegion.

In unserer Zeit ist die Russische Föderation ein multinationales Land. Die Altairegion steht an der Vielfalt der Völker den anderen Regionen unseres Landes nicht nach. In der Altairegion leben mehr als 100 verschiedener Nationalitäten. Die Deutschen rangieren bei der Bevölkerungszahl nach den Russen auf Platz zwei (2,1%), weiter sind Ukrainer (1,33%) und andere Völker: Kasachen, Armenier, Tataren, Aserbaidschaner, Weißrussen. Grund dafür, dass es so viele Deutsche auf Altai gab wurde das Manifest von Katharina II. vom 22. Juli 1763, in dem sie die deutschen Umsiedler eingeladen hat, Neuland im Süden Russlands und an der Wolga zu erschließen. In ihrem Manifest über die Einwanderung deutscher Kolonisten wurden große Privilegien für sie vorgesehen, z.B., sie brauchten einige Zeit keine Steuern zu zahlen, sie bekamen große Bodenanteile und zinslose Kredite. Dem Manifest waren bis 1767 rund 27000 Deutsche gefolgt. Die Neuankömmlinge kamen größtenteils aus Bayern und Baden-Württemberg. Die deutschen Umsiedler beschäftigten sich vor allem mit Landwirtschaft.

Aber die ersten Deutschen in der Altairegion wurden nicht Kolonisten aus Deutschland, Österreich, Holland und Frankreich der Katharinenepoche, sondern Bergbauarbeiter, die von Peter I. Anfang des XVIII. Jahrhundert eingeladen wurden. Im Manifest von Katharina II. wurde den Ankömmlingen die Möglichkeit versprochen, ihre Kultur und Religion zu bewahren. So konnten die Deutschen ihre kulturelle Eigenständigkeit nicht verlieren und ihre Sitten und Bräuche tradieren. Dank den Ankömmlingen aus Europa, darunter auch den Deutschen, brachte Sibirien Ausbildung, Kultur und Wissenschaft auf einen

höheren europäischen Stand. Ende XIX. Jahrhundert war Altai für viele in Deutschland Geborenen berühmt. Sehr bekannt war der Arzt und Forscher Friedrich August von Hebler (1782–1850). 1823 wurde von ihm die Gründung des ersten Museums in Barnaul initiiert. Heute ist das Altaier Heimatkundemuseum.

Zur nächsten Auswanderungswelle der Völker nach Sibirien gehört das Ende des XIX. Anfang des XX. Jahrhundert. Die Kolonisten zogen Westsibirien vor, nach dem Bau der Transsibirischen Eisenbahn (1891–1903) wanderten sie auch nach Ostsibirien. Nach Angaben der allrussischen Volkszählung von 1897 lebten in Sibirien 8870 Deutsche [1].

Die Kolonisten fanden in Russland eine neue Heimat. Dank ihrer Sparsamkeit, Ausdauer und ihrem Fleiße wie auch ihren verhältnismäßig großen technischen Kenntnissen wurden die deutschen Kolonisten gegen Ende des XIX. Jahrhunderts zu der wohlhabendsten Volksschicht des russischen Bauerntums [2].

Seit 1906 wanderten die Deutschen in die freien Territorien in den Barnauler Ujesd Tomsker Gouvernements aus. Die Auswanderung der Deutschen nach Sibirien bestand aus zwei Strömen: den Mennoniten und den so genannten Kolonisten. Die Letzten sind die Deutschen der lutherischen und katholischen Konfessionen. 1915 lebten 36 000 Leute im Tomsker Gouvernement, aus denen 26 000 Menschen im Barnauler Ujesd. Die freiwillige Auswanderung der Deutschen nach Sibirien hörte mit dem Kriegsanfang auf.

Deutsche Auswanderer gewöhnten sich ziemlich schnell in sibirische Klimabedingungen ein. Die Wirtschaft der Auswanderer hatte vorwiegend einen Warencharakter. Einige Großgrundbesitzer in Sibirien beschäftigten sich mit der Vieh- und Getreidezüchtung.

Die meisten Deutschen bekannten den Protestantismus und gehörten zu den evangelisch-lutherischen und mennonitischen Kirchen. Kurz vor dem Ersten Weltkrieg existierten in Westsibirien drei Kirchengemeinden, die dem Moskauer lutherischen Konsistorium untergeordnet waren. Im Barnauler Ujesd wohnten zum Jahr 1917 ungefähr 3 500 deutsche Katholiken. Die Hauptprobleme der lutherischen und katholischen Kirchengemeinden entstanden nicht nur darin, dass Sibirien sich sehr weit vom Zentrum befand und dass es große Strecken zwischen den Gemeinden gab, sondern auch darin, dass es wenig Priester gab. Als Ergebnis wuchs die Anzahl der außerkirchlichen Eheschließungen, die Gottesdienste fanden oft in den einfachen Wohnhäusern statt, die Verbindung der Pfarrkinder mit der Kirchengemeinde wurde schwach, die Deutschen konvertierten in den Baptismus.

Trotzkonfessioneller Uneinigkeit, verschiedener kultureller Traditionen und Dialekte verstanden die Deutschen, dass sie zu einer ethnischen Gruppe gehören. Während des Ersten Weltkriegs wurde die antideutsche Politik der

zaristischen Regierung zu einem mächtigen Faktor der nationalen Konsolidierung der sibirischen Deutschen im Rahmen der Bewegung für die Bildung der kulturell-nationalen Autonomie 1917–1918. Das Ergebnis der Bewegung war die Bildung der Komitees, die folgende Ziele hatten: der Schutz der Bürger der deutschen Nationalität ohne Unterschied der Konfession, die Kontrolle der Tätigkeit der untenstehenden Komitees, Aufklärungstätigkeit, sowie die Verbreitung unter der deutschen Bevölkerung der politischen, wirtschaftlichen und sozialen Information auf den Prinzipien der kulturell-nationalen Autonomie.

Die Ereignisse, die im Wendepunkt in der Geschichte von Russland geschahen (der Erste Weltkrieg, die Revolution und der Bürgerkrieg), wurden zum Hindernis für die weitere wirtschaftliche und kulturelle Entwicklung der Deutschen. Aber 1919 erlebte das Niveau der Wirtschaftsentwicklung seine Blütezeit. Die Deutschen nahmen an der Wirtschaft der Region aktiv teil.

Zusammenfassend kann man sagen, trotz verschiedener Staatspolitik den deutschen Völkern gegenüber, gelang es den Deutschen innerhalb vieler Jahre ihre Eigenständigkeit nicht zu verlieren und ihre Moralprinzipien zu bewahren. Die sprachliche und religiöse Umgebung gewährleistete die Erhaltung der kulturellen, nationalen und sozial-ökonomischen Eigenart des deutschen Dorfes. Die Altairegion gehört zu den entwickelten Regionen Russlands des weiteren dank den wissenschaftlichen Arbeiten vieler deutschen Wissenschaftler, die in der Altairegion gelebt und gewirkt haben.

Literaturverzeichnis

1. Solov'eva E.I. Chislennost' i struktura russkoy krest'yanskoy sem'i Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [Die Anzahl und die Struktur der russischen bäuerlichen Familie Sibiriens in der zweiten Hälfte des XIX. Jahrhunderts] // Biblioteka sibirskogo kraevedeniya [Bibliothek der sibirischen Heimatforschung]: URL: <http://bsk.nios.ru/content/chislennost-i-struktura-russkoy-krestyanskoy-semi-sibiri-vo-vtoroy-polovine-xix-v>
2. Strobl W. Kurze Geschichte der Kolonialisierung der kleinen Völker des Nordens Rußlands // Gesellschaft für bedrohte Völker: URL: <http://www.gfbv.it/3dossier/siberia/sibiri-de.html>

УДК379.85(571.150)

O. Kazakova, A. Ermizina

Altai State University (Barnaul, Russia)

PROSPECTS OF DEVELOPING INTERNATIONAL TOURISM IN THE ALTAI REGION

Tourism is a source of profit and a factor that has a significant impact on the socio-economic development of the country, as well as importance in the eyes of international community. The Altai Region actively develops therapeutic, health-improving, rural, scientific-cognitive, extreme, eventful, and business types of tourism. It creates various mass events of interregional and international levels, thus contributing to a significant increase in the region's recognition.

There is growing interest to the process of doing tourist business in the market economy of Russia in general and the Altai Region in particular, to its role in the organizational and economic development of national and regional economy, as well as the problems in the sphere.

Key words: Tourism, tourist Altai, regional economy, children and youth tourism, ecotourism, image of the Altai Region.

The role of tourism in the modern world is enormous; it affects all areas of modern life, including economy, culture, and social life. Tourist business stimulates the development of other sectors of the economy: trade, agriculture, production of consumer goods, transport, communications, etc. Over the past twenty years tourism has been regarded as one of the most profitable and intensively developing sectors of the world economy. To date, the world of tourism business is the most profitable and promising area of investment. And unlike any other industry, tourism aimed at receiving foreign tourists (inbound tourism) maintains its pace of development even during the energy, currency and economic crises.

The Altai Region is an ideal place for tourism development, because different types of tourism are possible here. For example, medical tourism. In the territory of the Altai Region almost all types of mineral medicinal waters for external and internal healing and medicinal muds are found. Under the influence of radon baths, the processes of healing and resorption in nerve fibers, muscle bone tissue are accelerated. The Belokurikha resort, famous all over Russia, is growing and developing. The main therapeutic factor in the Belokurikha resort is the water of hot springs belonging to the group of nitric-siliceous radon-containing thermal waters with an increased content of fluorine and a wide range of microelements.

The tendency of constant increase in the number of tourists is characteristic of the Altai Region. The following data can be used as a confirmation of this fact: in 1991 the tourist flow was about 40 thousand people and in 2003 – already 413 thousand people. The number of organized tourists in 2003 amounted to 130–140 thousand people, including foreign tourists – more than 4.5 thousand people [1, c. 66]. Starting from 2009 the situation looks as follows:

Year	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
The Altai Region	404,7	420,6	459,9	514,6	487,8	469,0	497,0

Tax revenues from the tourism sector in 2003 compared to 2002 increased more than twice and amounted to 16.6 million rubles (in 2002 – 7.7 million rubles) [2, c. 45].

Another prospective way of tourism development is children's and youth tourism. According to the concept of youth tourism in the Altai Region, this

type of tourism is aimed at understanding the surrounding world through the tourist local lore, sightseeing, and museum activities of students in the system of continuing education. The main goal of children's and youth tourism in the Altai Region is to develop children's motivation for learning and creativity, to promote personal and professional self-determination of students, their adaptation to life in a dynamic society, and introduction of a healthy lifestyle. Children's recreation abroad is gaining in popularity (as well as in other regions of Russia) although it is not available to all schoolchildren [1, c. 31].

Children's and youth tourism intensively develop such qualities as responsibility, independence, respect for human rights, a sense of attachment to the native land, its history, nature, and people.

By its organization, tourism and local lore activities refers to mass, maximally broad forms of pedagogically organized activities, the most flexible and diverse in terms of their use [3, c. 139].

There has also been a tendency to increase the number of orders for non-standard tours. For example, according to the wishes of customers, integrated and horse-climbing routes have been developed, while in the last two years the demand for water tours has increased by almost 300%. This trend testifies to the ever growing interest of various tourists to extreme types of tourism in the Altai Region.

The next trend, characteristic of tourism dynamics in the Altai Region, is development of tourist non-governmental organizations. In 1996 the Altai Regional Tourism Association (ARTA) was created, which includes 23 tourist organizations today. It actively cooperates with the authorities, taking part in the formation of the industry development strategy. Today, ARTA is the only public organization that represents the interests of the tourist business in the market [2, c. 9].

The conducted research on Altai tourism shows low development level of ecological tourism. However, the growing interest in ecotourism is becoming a factor that determines its great prospects. The goal of ecological tourism is not only to satisfy spiritual and emotional needs of tourists, but also to give them ecological education. Tourism should benefit both nature and local population of the tourist routes. In order to develop ecotourism in the territory of the Altai Region, it is necessary to create the following conditions:

- provision of transport accessibility to eco-tourism facilities;
- conducting a reasonable price policy;
- comfortable organization of tourist trips and active routes;
- information security.

Ecotourism is a promising type of tourism, but its development depends on such factors as:

1. legal regulation (without a clear definition it is difficult to talk about its organization and promotion);
2. a unified certification system of ecological tourism;
3. financing (development of ecotourism requires financial support from both the state and sponsors) [4].

But, having a significant potential, the tourism industry can't unlock it fully. Giving an objective assessment of the tourist resources of Altai, it should be noted that many of them, though unique or exotic, lose to foreign and some Russian analogues in terms of accessibility, level of service, safety, environmental parameters and price.

The main problems of foreign tourism development in the Altai Region are:

- absence of all-Russian normative legal acts system, standards, regulations, etc., corresponding to international ones;
- lack of professionally trained personnel in tourist firms;
- lack of overall strategy for the tourist industry development in the Altai Region;
- disunity in the actions of the Region's management bodies in dealing with issues related to the tourist regulation;
- lack of a well-developed infrastructure for tourist reception that corresponds to the world level of service: hotel complexes, vehicles, service personnel, entertainment industry (casinos, variety shows, restaurants, water parks);
- high prices for services.

In addition, the recreational development of the territory is uneven. Tourist and recreational load for some territories becomes excessive, while others are developing slowly. One of the main reasons is insufficient infrastructure development: road and municipal facilities, energy, communications. There are also problems with the bus fleet renovation. There is a problem of planning programmed tourism in the Altai Region. As for foreign tourists, one can meet them in the Altai Region infrequently, so it is necessary to create conditions for attracting foreign tourists. The Altai Region needs to build world standard hotels with high-quality services, create the most interesting routes, provide high security, etc.

To successfully overcome all the negative aspects in the tourist industry of the Altai Region, significant financial costs are required with the attraction of investments. The tourist industry of the region needs external sources of investment. They include:

- allocations from federal, regional and local budgets, various business support funds, provided free of charge;
- foreign investments provided in the form of financial or other material and non-material participation in the authorized capital of joint ventures;

- various forms of borrowed funds, including loans provided by the state and business support funds on a return basis, bank loans and other institutional investors (investment funds and companies, insurance companies, pension funds) [5, c. 9].

These types of investment would help to solve the following problems:

- construction and reconstruction of accommodation facilities, public catering establishments, leisure and entertainment facilities, sports facilities;
- financing the development of general economic infrastructure and public services (roads, airports, communications, museums, theaters, etc.).

The funds invested in these facilities contribute to the development not only of the tourism industry, but also generally improve the infrastructure of the receiving region. It is also necessary to simultaneously address the task of training personnel (managers, administrators and other service personnel) at a level that meets international standards. All this will contribute to the support and development of tourism and ecological types of recreation. It will also help to create the better image of the Altai Region and promote it at all-Russia and international levels. That's why a large variety of tourist resources in the Altai Region can make it the leader of Russian tourist market. In this way, the problem of raising the Altai Region investment attractiveness including the tourism sector is very topical.

Resources

1. Malysheva A.N. Imedjevaya politika Altaya izmenitsya // Tourism: praktika, problemy, perspektivy. 2004. № 11.
2. Smirnov A.B. Tendentsii i perspektiviy razvitiya turisma v Altaiskom regione // Konsul'tant I Praktik. 2003. № 8.
3. Prokopova G.A., Russkova G.I. O deyatel'nosti turistskikh firm Altaiskogo kraya za 2002 g.: statisticheskii byulleten' // Altaiskii kraevoi komitet gosudarstvennoi statistiki. Barnaul, 2003.
4. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Altaiskogo kraya na period do 2025 g. URL: [html:// www.chem-astu.ru](http://www.chem-astu.ru).
5. Tourism v Altaiskom krae // Otdykh v Rossii. 2004. № 4.

УДК379.85(571.150)

E. Vorontsova, V. Argunova

Altai State University (Barnaul, Russia)

TRANSBORDER TOURIST ROUTE “ALTAI – THE GOLDEN MOUNTAINS” IN THE CONTEXT OF REGION CULTURAL AND SOCIAL DEVELOPMENT

The tourist cluster in the economy of the Altai Territory began to play a prominent role. This is clearly seen in the example of the transborder route “Altai – Golden Mountains”. Fast development here allows us to talk about the prospects for further successful regionalization. At the same

time, the geostrategic and geographic features of the location of the region cause environmentalists and researchers to be concerned about preservation of great cultural heritage.

Key words: tourism, "Altai – The Golden Mountains", "Our Common Home – Altai", World Heritage property, development tourist route.

Nowadays Russian governmental and regional authorities provide a policy of tourist resources development. Tourism is going to be a key that not only opens the doors for foreigners, but also can be a key for getting more profits. This tendency is based on the idea of soft power. Thus the number of people who sympathize with the image of country grows gradually. Since tourism became more affordable for people, they are interested in finding new unknown routes and visiting new places. One of them is "Altai – The Golden Mountains". In this article, we will investigate advantages and disadvantages of Altai regionalization by analyzing the social-cultural influence of the tourist route "Altai-the Golden mountains".

The Development of this project started about ten years ago. Tourist route is related to two Russian regions and some parts of Mongolia, Kazakhstan and China. That is why it is called the Transbordrer route. The name "Golden mountains" is a translation from the Turkish language and means Altai. Such journey the mountains is being developed within the framework of the International Coordination Council "Our Common Home – Altai". It has been a permanent association of representatives of regional and legislative authorities, civil society and scientists of the border areas of Greater Altai since 2003. Its main function is to get all parts cross-border project together.

At first, we need to understand the scheme of route. It begins in the capital of the Altai Territory – Barnaul. The route "Altai – Golden Mountains" passes through the territory of the Kosikhinsky districts, through Biysk and Belokurikha. Tourists can visit the special economic zone of the tourist-recreational type "Turquoise Katun". Further, tourists traveling along the route in the Altai Republic visit the Manzherok village, the Arzhan-Suusource, cross the Seminsky and Chike-Taman passes. On the banks of the Chuya River they get acquainted with unique petroglyphs, the oldest of which date back to the Neolithic age [1].

Then the route goes along the Kuray and Chui steppes and goes to Mongolia. Tourists visit the highest point of Mongolian Altai – Tavan-Bogdo-Ula. The route passes through Bayan-Ulgiy, Khovd Aimak, where you can see rivers, lakes, rock paintings and other interesting tourist sites. On the territory of China, the route covers the sights of the capital of XUAR – Urumqi, Altai district, where the most attractive place for tourists is Lake Kanas. In Kazakhstan, tourists visit Zaisan; Markakol is one of the most amazing natural sites in Kazakhstan. The route includes the Austrian road connecting the northern

and southern regions of Kazakhstan, as well as the Bukhtarma reservoir and the city of Ust-Kamenogorsk [2].

As we see the project has some prospects. However, there are some obstacles that may impact badly. The route connects four countries and the foreign policy of every country is different. The project was approved long time ago in 2007 and there is still a complex of problems in the project implementation. According to the most of the tourism operators, the first reason that makes the process longer is bureaucratic difficulties and problems of interstate relations in the region. Altai is a zone of intersection of geopolitical, geo-economic interests of Russia, China, Kazakhstan, Mongolia. Now this region contributes to the integration of the whole inner Asia.

On the one hand, our government understands geostrategic importance of investments in Altai. Increased financing helps to develop region tourist policy. Thus, in August 2011, the Government approved the federal target program “Development of Domestic and Incoming Tourism in the Russian Federation (2011–2018)”, a total funding for Altai was about 2925149.3 thousand rubles [3]. Regional authorities started to build road, infrastructural objects. Analyzing the static data, we can suppose that the range of social-economic advantages will include next points:

- it will help to create a basis for long-term strategic development of the republic;
- increase the volume of goods carried through the republic, open long-distance and international flights;
- attract additional cash flows to the region;
- redistribute tourist flows in time for the winter and off-season to reduce the influence of the seasonality factor of tourism;
- attract due to the preferential tax, investment regime of Russian and foreign investments and new technologies;
- expand and strengthen foreign economic relations of the Altai territory and other regions of Greater Altai;
- create conditions for cardinal improvement of the tourist and recreational infrastructure of the republic;
- increase the efficiency of the use of transport potential and labor resources of the Altai territory;
- expand the taxable base by creating new economic facilities, increase the volume of foreign exchange and ruble receipts to the federal, and local budgets.

There is also a tendency of a constant increase in the number of tourists. According to the statistics for the past four years, tourism remains the most dynamic branch of the region in terms of the development rates 145–200% per

year (not including spa treatment). The increase in the number of tourists increases annually by 20–25%, due to the visitors from other regions of Russia (in the structure of the flow only half are the inhabitants of the region). In 2004, the percentage of foreign visitors was 13%.

Tax revenues from tourism in 2003, compared with 2002, more than doubled and amounted to 16.6 million rubles (in 2002 – 7.7 million rubles) [4].

On the other hand, environmentalists come up with the idea of the “Altai Convention”. With the support of the United Nations Development Program, the Global Environment Facility, the Wildlife Fund in Altai, several natural-conservation projects are implemented, the purpose of which is to preserve nature.

Now “Altai – the Golden Mountains” is the object of the UNESCO. According to the official documents, protection and management of the World Heritage properties must provide safety of its outstanding universal value and integrity. Legislative and regulation measures should provide protection of the property from changes and economic activity, which can negatively affect the environment. The area of the property should be sufficient for conservation of its outstanding universal value, and adjoining areas (as buffer zones) could be included into the property in order to provide effective protection of the value from direct and indirect human pressure.

For this purpose it is necessary to be sure that these types of activity do not cause any damage to the outstanding universal value. One of the most widely-spread types of such activities is sustainable tourism, which provides a balance between conservation of natural and cultural environment and social-economic development. That is the main issue for developing of the tourist route. The topical task here is the decision about the building of a gas pipeline and high-speed highway from Kosh-Agach through Ukok to China [5]. The environmentalists are against transforming cultural heritage to economically developed zone. We can find the solution of this dilemma in improved management of regional authorities. As we know disassociated and separated management is one of the main problems, reducing efficiency of work. The next issue is the activities of those protected areas that do not have any borders and are not coordinated (several component parts: Altaiskiy Reserve and Lake Teletskoe and Katunskiy Reserve and Mount Belukha). In this situation creation of the coordinating management body for all areas becomes very topical.

The other important problem is the low level of qualification and skills of protected area staff, which is particularly typical for the nature park. The best thing to solve the problem is to create a special school, that can train well qualified staff.

We consider, the modern condition and prospects of further integration require some amendments in the regulatory framework. We should make sure

that economic interests do not dominate over rational ideas about saving national heritage.

Resources

1. Tourists are Preparing a Cross-Border Route “Altai – Golden Mountains” for 4 countries URL: <http://club-rf.ru/22/news/14676>
2. Shishin M.Yu. Prerequisites for the Formation of a Circular Route in a Transboundary Region in Altai // Problems of Tourism Development in the Altai Territory: Proceedings of the Scientific and Practical Conference. 2007, p. 282–284.
3. Decision on the Development of the Route “Altai – Golden Mountains” URL: <http://geum.ru/next/art-338548.php>
4. In the Region and in Neighboring Countries, the Transboundary Route “Altai – Golden Mountains” is Being Improved URL: http://m1.altairegion22.ru/region_news/v-regione-i-v-prigranichnyh-gosudarstvah-rabotayut-nad-razvitiem-trasngranichnogo-marshruta-altai-zolotyegory_586435.html
5. Barabanov O. “Great Altai”: Project of Transboundary Regional Cooperationon the Post Central Asia and Siberia. URL: http://ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-05/08.barrus.shtml

Научное издание

Актуальные вопросы истории Алтая

Сборник научных статей

Научные редакторы:
В.А. Скубневский, Е.В. Демчик

Подготовка оригинал макета, дизайн обложки
Л.М. Купиева

Издательство «Пять Плюс». Подписано в печать 17.11.2017 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Усл. п. л. 16,5. Тираж 100 экз. Заказ 251

Издательство «Пять Плюс»
656055, г. Барнаул, ул. Крупской, 97

Отпечатано в типографии «Арт-Бюро»
ИП Купиева Л.М.

656055, г. Барнаул, ул. Папанинцев, 105, оф. 706
тел.: 8 960 955 54 62
E-mail: art_buro@mail.ru